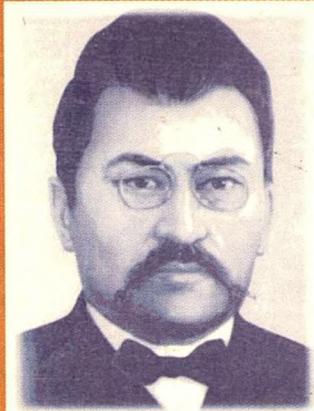
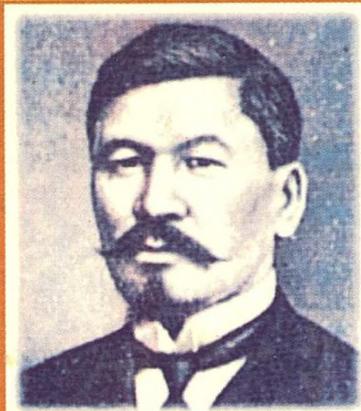


Мурат СУЛТАНБЕКОВ



СИНИЙ МЕРИДИАН
АЛАШОРДА
АТТИЛА



Мурат Султанбеков



Семей, 2013 год

Мурат Султанбеков



Семей, 2013 год

84 Каз7
С89

Мұрат СҰЛТАНБЕКОВ

СИНИЙ МЕРИДИАН АЛАШОРДА АТТИЛА

Қазақ және орыс тілдерінде
На казахском и русском языках

Матросская повесть, статьи, поэзия и пьеса

М.З.

Семей, 2013

УДК821 (574)
ББК 84(5 Каз-Рус)-7
С89

Султанбеков М.
«Синий меридиан Алашорда Аттила» 325 стр. Семей,
ПК«Семей Печать», 2013 г.

Рецензенты:

Ырысхан МУСАУЛЫ, член Союза писателей Казахстана, Заслуженный деятель Республики Казахстан, кавалер ордена «Курмет».

Людмила САВЧЕНКО, заместитель главного редактора ТОО Областной газеты «Вести Семей», член Союза журналистов Казахстана.

Айгуль КЕМЕЛБАЕВА, член Союза писателей Казахстана, лауреат литературной премии «Дарын».

Бұл кітаптің құрылымы үш бөлімді қамтиды. Бірінші бөліміне «Синий меридиан» - «Көк меридиан» атты матрос повесті енген. Осы повестің алғашқы беттерін автор Мұрат Сұлтанбеков 1964 жылы Тынық мұхит флотының аға матростық қызметін атқара жүріп, ай-шықты ой-сезімнің әсерімен ешбір суымған ізі бойынша жаза бастаған екен.

Қазақстан Республикасының тәуелсіздік және егемендік мәртебесін алғаннан соң жергілікті және республикалық БАҚ-тың тапсырмалары бойынша филология ғылымдарының кандидаты Мұрат Рахимжанұлы Сұлтанбеков бөлек арнайы топтама болған бірқатар мақалалар жазып, жариялаған еді.

Сөздердің көпшілігі «Қайта оралған есімдер» деген жалпы атпен «Алашорда» деген екінші бөлімінің негізі болды. Қазақ әдебиетінің тарихында тіпті ХХІ ғасырдың басына дейін ғұндардың атақты қолбасшысы Аттила туралы Шәкәрім Құдайбердиев (1858-1931) ғана қалам тартқан екен.

Аттила Мұңжықұлын бейімдеген тарихи пьеса және ол туралы мақалалар үшінші бөлімнің енішінде.

Сонғы «Өмір жалғасады» деген бөлімшеде Қазақстан жазушылар Одағының және журналистер Одағының мүшесі М.Р. Сұлтанбековтың кейінгі жылдардағы кейбір туындылары жинақталған.

Жанры мен тақырыбының әр түрлілігіне қарай бұл кітап мектеп оқушыларына, студенттерге, магистранттарға және көпшілік оқырманға ұсынылады.

Данная книга состоит из трёх частей. Первую часть составляет матросская повесть «Синий меридиан», первые страницы которой автор Мұрат Сұлтанбеков начал писать в 1964 году по свежим впечатлениям, будучи старшим матросом Тихоокеанского флота.

После обретения Казахстаном статуса независимой и суверенной Республики по заявкам местных и республиканских СМИ кандидат филологических наук Мұрат Рахимжанұлы Сұлтанбеков написал ряд статей, составивших отдельную серию под общим названием «Возвращённые имена», что составило основу второй части книги, названной «Алашорда».

Буквально до начала ХХІ века в истории казахстанской литературы только Шакарим Құдайбердиев (1858-1931) написал о знаменитом предводителе гуннов Аттиле Мундзукулы, историческая пьеса и статьи о котором вошли в третью часть этой книги.

В подразделе «Жизнь продолжается» - «Өмір жалғасады» собраны некоторые произведения последних лет члена Союза писателей и Союза журналистов Казахстана М.Р. Сұлтанбекова.

По разнообразию жанров и тематики книга Мурата Сұлтанбекова может послужить учебным пособием для школьников, студентов, магистрантов и широкого круга читателей.

ISBN 978-601-7195-63-2

УДК821 (574)
ББК 84(5 Каз-Рус)-7

© Султанбеков М.

50334

Предисловие.

У каждого писателя бывает такой промежуток времени, когда он сам себе задаёт вопрос «А что я сделал для родной литературы?». При таких случаях мне, непременно, вспоминается единственное крупное произведение в прозе, пока моя единственная повесть о службе на Тихоокеанском флоте «Синий меридиан». Помнится, первые страницы её написал, будучи старшим матросом во второй половине службы и даже прочитал командиру дивизиона связи, подполковнику Бочарову, который отозвался одобрительно. Так после демобилизации в конце 1964 года, как говорится, по горячим следам закончил эту повесть и предоставил республиканскому издательству «Жазушы», которое восприняло положительно, перенося в темплане из года в год, принуждая меня дорабатывать и доводить до кондиции, но света, к сожалению, она так и не увидела...

Мне повезло с наставниками на литературной и журналистской стезе. Таковыми ныне смело могу назвать Каюма Мухамедханова, Азильхана Нуршаихова и Ырысхана Мусина, который постоянно помогал, направлял и был рецензентом моих книг «Поэтическое вдохновение: Абай, Шакарим и Мухтар», «Шакарим. Казах в зеркальном отражении. Стихи и поэмы» и «Чайки Прииртышья. Избранное.» (Семей, 2011).

Эта книга также зародилась не сразу. Её приходилось долго обдумывать, обсуждать и приводить в соответствующую кондицию. Прежде всего мой главный рецензент Ырысхан Мусаулы сразу поддержал идею о том, что её надо издать на двух языках: казахском и русском. Далее в раздел «Алашорда» мы должны были включить самых крупных писателей - классиков, репрессированных в тридцатые годы, таких, как Ахмет Байтурсынов, Жусупбек Аймаутов, Магжан Жумабаев, Миржакуп Дулатов и др.

Поскольку раздел назван «Алашорда», никак не мог обойтись без основателя и лидера этой партии и движения Алихана Букейханова, поэтому преднамеренно он начинается с эссе «Звезда Алихана Букейханова», написанного в своё время по совету Ырысхана Мусаулы и опубликованного в журнале «Абай».

Будучи сотрудником редакции Республиканского журнала «Абай» (1994-2008), мне нередко приходилось советоваться и согласовывать свои творческие идеи и планы с его главным редактором, потом директором незабвенным Ырысхан-ага. Это он с самого зарождения

всячески поддерживал и помогал в реализации моего совершенно неожиданного замысла – написать историческую пьесу «Аттила»

Впервые о далёком нашем предке, гуннском хане и полководце Аттиле Мундзукулы мне довелось услышать от своего учителя, незабываемого наставника Каюма (Габдулкаюма) Мухамедханова (1916-2004).

Со школьных лет меня интересовала история родного казахского народа, которая тогда преподносилась скудно и вкратце. Не все мои современники, к сожалению, достаточно понимают, что нам предоставлена великая радость и счастье жить в независимой суверенной Республике Казахстан.

Такие высокие человеческие достоинства и черты, как патриотизм, любовь к отчужденному краю и народу, стремление к глубокому познанию родного языка, даже трёх языков (плюс русского и английского) идут от далёких наших предков: гуннов и тюрков.

Как-то по-особому наитию мы сблизились с писателем – фронтовиком, земляком, Народным писателем Казахстана, лауреатом Государственной премии имени Абая, Международной премии имени А.А. Фадеева, почетным профессором Азильханом Нуршаиховым. С юношеских лет глубоко врезались в мою память и остались навсегда в сердце его романы «Годы радости и любви» и «Истина и легенда» о легендарном полководце и Халык қаһарманы Бауыржане Момышулы. Позднее к ним присоединился его последний роман о замечательной супруге Халиме-апай «Мәңгілік махаббат жыры» - «Песнь вечной любви». Во всем этом всегда я подразумевал и предвидел связь времён и поколений...

Поньше благодарен своему первому наставнику, почётному профессору Каюму Мухамедханову и тогдашнему замдекана филологического факультета СемПИ Воиновой Наталье Михайловне, которые настояли на том, чтобы студент из экспериментальной группы, готовящей учителей широкого профиля (казахский язык и литература и русский язык и литература) вернулся и там продолжил учёбу...

После соответствующего обсуждения и художественной доработки историческая пьеса «Аттила» на русском языке была опубликована в двух номерах журнала «Абай» №2,3 за 2000 год. Резонанс среди читающей публики был заметным. Примерно через два года Ырысхан-ага выразил пожелание о публикации пьесы «Аттила» на казахском языке. Мне было лестно слышать такую рекомендацию и за несколько месяцев перевёл сам её на казахский язык с большим энтузиазмом. Ныне с особым удовлетворением отмечаю, что редактировала тогдашняя наша сотрудница и коллега, ныне известный мастер пера, лауреат литературной премии

«Дарын» Айгуль Кемелбаева, о которой положительно отозвался признанный автор учебников, известный академик Серик Кирабаев на XIV съезде писателей Казахстана (2012г.).

В журнале «Абай» №1,2 за 2003 год пьеса «Аттила» на казахском языке была опубликована. По случайному совпадению в том же году летом на базе университета «Кайнар» и института «Седимес» университета Патеон Ассос (Париж) в Алматы была проведена международная конференция, посвященная 1600-летию Аттилы. На ней довелось выступить с докладом «Об Аттиле в контексте мировой литературы». Тогда же был награжден медалью Аттилы с формулировкой «за историческую пьесу «Аттила» в двух частях и пяти актах».

Историческая пьеса «Аттила» на двух языках вошла в третий раздел книги с соответствующими статьями.

Надо сказать, что Алашорда и алашордынцы были реабилитированы дважды постановлением ВЦИКа от 4 апреля 1919 года и на пленумах Верховного суда СССР в конце прошлого столетия. Но когда закрутилось колесо репрессий в тридцатые годы XX века, почти все бывшие члены Алашорды были арестованы и расстреляны, хотя занимали довольно высокие должности и добросовестно трудились при советской власти. Здесь нечему удивляться, если даже такой активный участник борьбы за советскую власть и самый молодой председатель Совета народных комиссаров, как Сакен Сейфуллин, попал под колесо репрессий.

Хотелось бы уточнить, что бывшим алашордынцам обычно приклеивали такие ярлыки: националист, панисламист и пантюркист. Здесь ещё надо бы сказать о транскрипции термина «Алашорда». На казахском языке он всегда пишется вместе, слитно, не разделяя на два слова. Но вот на русском языке, как и сохранилось во всех старых газетах, книгах и в архивных документах, писалось: «Алаш-Орда» или «Алаш Орда». Поскольку так сложилось правописание, наверно, правомерно каждое использование.

Вместе с тем статьи на казахском языке, включенные в эту книгу, дополняют её тематику и в разное время были опубликованы в газетах «Қазақ әдебиеті», «Семей таңы» и журналах. Выполняя добрую волю автора, эта книга должна оправдать свою миссию, став необходимым учебным пособием для школьников, студентов и широкого круга читателей.

Часть I

СИНИЙ МЕРИДИАН

Матросская повесть

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Осенний призыв

Он давно готовился к поступлению в целевую аспирантуру, мечтал о продолжении учебы в Москве, привык к этой мысли и совсем забыл, что от призыва на армейскую службу всего – навсего имеет только отсрочку. В нем все бунтовало. Он объезжал все инстанции, начиная с заведующего района и кончая кабинетом первого секретаря Октябрьского горрайкома, где только год с небольшим назад главный кабинет занимал его папа. Были надежды, просветления. Но результат один – отправка в армию. Здесь были два веских и законных довода: в послевоенное десятилетие рождаемость по стране несколько снизилась, второй – напряженность международной обстановки, и никаких отсрочек призывникам. Тогда в 1962 году разразился Кубинский кризис и мир был на грани ядерной войны.

И вот Салим, угрюмый, тихий, как прирученный беркут, сидит у кабинета военкома. Медкомиссия уже позади, о которой он не думал ни «до», ни «после», потому что здоров, как бык. Налитые мускулы и крепкая, стройная фигура спортсмена вызвали уважение даже у врачей и молоденьких медсестер.

Дверь кабинета военкома отворилась и вышел юноша с модной каштановой шевелюрой с завитками на затылке. Его синие с отливом глаза запомнились редкой выразительностью, черные густые брови сливались у переносья, напоминая распростертые крылья орла. В руках он держал повестку об отправке. Прочитал, ухмыльнулся, подняв левую бровь, отчего, казалось, орел сделал крен вправо. Потом негромко сказал:

- Агзамов – к военкому.

За длинным столом, накрытым красным плюшем, сидели военком – подполковник, какой-то офицер в морской форме и один прошлогодний выпускник – казах с крупным носом, с большими глазами и прической «ёжик», он был с физмата, и Салим его знал просто в лицо, знал еще, что он работает в аппарате обкома комсомола и бывает членом разных комиссий. На остальных Салим не обратил внимания. Ему не было дела до незнакомых людей. Посыпались вопросы.

- Член ВЛКСМ?

- Член

- Спортсмен?

- Был.

- Разряд имеете?

- Да.

- Какой?

- Кандидат в мастера.

У Салима не было желания ни говорить, ни спрашивать. Отвечал односложно. Ему хотелось поскорее уйти отсюда, оставить обстановку вынужденной церемонии где-то как-то встряхнуть себя, чем-то развлечься, забыть. Все его существо не соглашалось с такой резкой переменой образа жизни, с крушением всех планов и задумок на будущее. Он все хмурился, глаза наливались досадой и сожалением, голос частенько стал срываться.

- У вас высшее образование. Вы, наверное, будете на службе неплохим агитатором, - осторожно и тихо вставил капитан третьего ранга. У него на груди справа, чуть пониже лацкана флотского кителя сиял аккуратно начищенный значок педагогического института.

- Такой значок взять с собой? – спросил Салим, кивнув на ромбик капитана.

- Конечно, возьмите. К матросской форме он очень идет.

Взгляд Салима неожиданно встретился с одобряющим взглядом однокашника – коллеги из комиссии. Салима снова обжигающе охватила притаившаяся досада, обида, и внезапно вылетело у него:

- А в аспирантуру все равно поступлю.

Военком встал и начал, нервно шевеля пальцами и шелестя отпечатанными типографским способом листками, рыться в солидной пачке бумаг.

- Перед вами вышел отсюда аспирант. Тоже призываем, - нетерпеливо и зло процедил сквозь зубы военком с заметным

казахским акцентом - ... Вот еще какой-то Еркинбаев Инабат, потерялся Инабат. – При последнем имени Салим чуть вздрогнул и удивленно протянул:

- Разве он тоже призван?

- Знаете его? С вашего района. Почему во время не прибыл в военкомат?

- Не знаю.

- Судить будем. Вот вам две повестки, ваша и Еркинбаева. Найдите его и вручите. Пусть немедленно явится сюда. Ваша команда 525-ая.

Салим сунул повестки в карман и вышел. После длительного времени пустоты и равнодушия Салима вдруг охватило волнуемое смятение чувств и мыслей, как после удачного приемного экзамена. За какие-то минуты произошло столько встреч и впечатлений, которые вызывали в нем противоречивые и хаотичные импульсы, мелькавшие в его ноющей душе, как светляки в крошечной темноте.

Зависть и горькая досада охватывали и угнетали Салима при виде преуспевающего выпускника пединститута, восседавшего важно за столом, перед которым он стоял как провинившийся мальчишка. А ведь в институте Салим пользовался куда большей популярностью и авторитетом, чем он.

Еркинбаев Инабат прошел медицинскую комиссию!.. Одна жертва шального поступка Салима с папиной «Волгой» вернулась полностью в строй. Но незабвенный сердобольный отец не знает и не узнает больше об этом...

Как был зол военком! Наверное, он знает о непростительных проделках Салима... Добродушный, доброжелательный и красивый флотский офицер... Поможет ли Салиму переломить в себе себя, переплавить характер и закалить его в морских штормах и соленых волнах? Или, может, насильно будет переплавлять этот салимовский тяжелый характер? И это насилие привлекало Салима своим таинственным, незнакомым и неизведанным мужеством, флотским мужеством, о котором поют песни еще со времен легендарного «Варяга»...

Мысли Салима остановили свое карусельное движение на призывнике – аспиранте, сообщение о котором вызвало в нем любопытство и интерес. Его взгляд, прищуренный из-за солнечных окон, искал парня с орлиным взлетом бровей.

На стенах висели военные картины, изображавшие героев и их подвиги, доска воинов – отличников, статьи уставов. На них глазели призывники. Это было их будущее. Солнце, скрытое сентябрьскими тучами, словно по сигналу вахтенного, выплыло из-за них на узкий голубой просвет и направило ослепительные лучи на эти картины и стенды.

У плаката «Подвиг моряка – тихоокеанца Вилкова» стоял тот самый аспирант – призывник, рассматривал фотографии, читал надписи, накручивая на палец ремень фотоаппарата «Звезда». Салим подошел к нему.

- Извини, ты в 525-ую попал?

Между собой призывники обращались запросто, сразу на «ты». Салим не стал изменять этому неписаному правилу. В других случаях жизни не было бы сей простоты и непринужденности в знакомстве двух в какой-то мере близких по интересам молодых людей. Сохранивший столичный лоск и привлекательные манеры юноша повернул голову и, хмуря внимательно голубые глаза, ответил утвердительно: да. Его облик покрывала воздушная вуаль вездесущей мечты, вызывающей восхищение и робость собеседника. Салим осекся и замолчал в нерешительности, как перед вспышкой фотоаппарата.

- Вместе, значит, - заключил аспирант, не отрываясь от картины.

- Выходит так. Давай познакомимся, - выпалил Салим, осмелев и решительно сбрасывая с себя пелену оцепенения, и назвал свое имя. Аспирант пожал протянутую руку и, повернувшись всем корпусом, согласно улыбнулся:

- Мирон.

Они сошлись быстро, как обычно сходятся люди одной судьбы, да и в подобной сутолоке человеческого бытия. Мирон как будто давно искал себе достойного собеседника, которому можно было бы, не опасаясь уровня его миропонимания и не ущемляя собственной чести, выложить часть накопившегося в груди, которое уже давно давило на горло. Начали разговор о всякой всячине. Болтали о разных пустяках, о погоде, о фотоаппаратах, о гитаре, о ботинках.

- Ты куда? – спросил вдруг Мирон, заметив как товарищ нетерпеливо перебирает ногами.

- Да никуда. Все равно.

- Поехали ко мне в гостиницу. Я побренчу на гитаре. Что –нибудь выпьем. А то настроение какое-то паршивое.

Салим, который вот уже год находился под толстым стеганным одеялом равнодушия, был, наконец, потревожен неожиданной стихией восторга. Это – удачный случай поговорить об аспирантуре, о Москве, о московской жизни.

В такси разговор не клеился. Каждый смотрел на гусиный ряд домов-особняков, протянувшихся вдоль обрывистого берега Иртыша, на узорные фермы огромных мостов, на современные архитектурные ансамбли в центре города.

- Хорошо строят, красиво, - заметил Мирон, указывая на девятиэтажные дома, на площадь с фонтанами и цветниками.

- Только жалко старых купеческих домов. Каменные капитальные здания были, - возразил Салим. – Еще дореволюционные. В старом архитектурном стиле... Они имели свой особый колорит. Это был мой город детства.

- Ничего. В музейных фотографиях сохранится.

- И это верно, - согласился Салим. – Некоторые старинные дома все же сохранили. Вот, кстати, дом губернатора... В нем сейчас находится краеведческий музей... В нашем городе снимали фильм «Ботагоз» по одноименному роману Сабита Муканова. На фасаде этого дома была надпись «Аптека» через «ять». Туда бегала за лекарством Ботагоз. А дальше уже съемка шла в студии.

Интересный город. Старинный, культурный, - резюмировал рассказ товарища Мирон, провожая взглядом раскрасневшихся от первого легкого морозца сверстниц, беззаботно бегающих ребятишек и за узорной железной оградой белоснежный треугольник с гербом города: «овечья шкура» на фронтоне.

У гастронома Мирон дал шоферу знак остановиться. Снял с плеча фотоаппарат, и, щелкнув дверцей «Волги», побежал в магазин. Через 2/3 минуты вернулся с бутылкой «Столичной», поехали дальше. У центральной гостиницы «Алтай» остановились, расплатились и направились к пятиэтажному зданию.

Комната для двух человек. Здесь очень уютно. Белые наволочки, белые простыни, белая скатерть, белые шторы. Беленький напиток, разлитый в две рюмки. Кругом – ослепительная белизна. Даже на наболевшей душе Салима стало как-то светлее. Он, улыбаясь, озирался по сторонам. Обозревал временный приют своего новоявленного друга.

- Между прочим, здесь обстановка напоминает мою комнату в Москве: ничего лишнего. Только книг не хватает, - вставил комментарий Мирон, заметив любопытство Салима.

- Да, мирово! Я хотел попасть в Москву. Теперь служба.

- Успеешь. Москва никуда не денется. Наоборот, станет краше и лучше. Я жалею о другом. Думал заняться семиотикой. Есть такое новое направление в кибернетике. Теорию относительности Эйнштейна знаешь?

- Да. Слышал.

Мирон открыл кожаный чемодан с экзотическими наклейками джунглей и женщин типа «модерн» и стал рыться в куче толстенных тетрадей. Одну бросил на стол Салиму. Салим не знал теорию Эйнштейна. Ему просто не хотелось выглядеть профаном перед эрудированным столичным человеком.

- Сам знаешь, сейчас миропонимание основывается на математике, - продолжал Мирон. - А семиотика изучает любые какие есть системы знаков, которые используются человеком. Вот случай. - Мирон поспешно достал записную книжку и стал читать: «Одна из важнейших задач знака - квантование опыта или, иными словами, внешних воздействии». Семиотика ищет «общее математическое выражение для прекрасного в человеческих произведениях и в природе. При этом произведение искусства рассматривается как текст, состоящий из символов, в которой каждый представляет собственное содержание». Словом, это значит, что когда-то машина сможет заменить мозг и руки человека. Вот смотри. Машина вычисляет. Машина переводит. Машина пишет. Ты слышал такое определение «алгебра - это одухотворенное перо поэта»?

Салим слушал, раскрыв рот. Он сидел, как каменный. На вопрос Мирона отрицательно покачал головой. Мирон был в своей стихии. Как человек, истосковавшийся по любимому предмету, он говорил и говорил.

- Вот именно. Такого определения человечество еще не знает. Но оно будет. Поверь мне. Станет аксиомой. А сколько еще областей в природе и деятельности человека, куда можно применить алгебру. Океан!

Салим сидел зачарованный. Его уверенность после армии стать аспирантом постепенно таяла, теряла под собой почву. Он робко осведомился:

«Наверное, трудно поступать в аспирантуру?»

- Чепуха. Знай отлично свой предмет. Изучи один иностранный. И ты – аспирант. Думаешь, все там – с головой. Есть дубы. Десять лет сидят над одной диссертацией и не могут защитить. Есть и такие, кому кто-то за что-то пишет диссертации. Да, есть еще мерзости в нашем обществе. Но как бороться? Пробовал только просто презирать и шею себе сломал.

Мирон говорил с запалом, с полной самоотдачей своим мыслям и чувствам. Видимо, много накопело в нем и долго молчал. Выражение его лица постоянно менялось. Брови то взлетали, то опускались. Вдруг они приняли свое нормальное, устойчивое положение. Мирон замер:

- Ба! Где фотоаппарат?

Салим сразу сообразил и сказал так, как будто об этом знал раньше:

- Оставили в такси. Ты номер запомнил?

- Кто запоминал?

Салим замерзал на зачехленном стуле, нахмурился, как будто он был виноват в потере. Мирон это заметил и поспешил успокоить своего гостя.

- Пустяк! Он мне больше не нужен. Я снимал им редкие материалы, рукописи, архивные документы. В армии уж этим не придется заниматься. Снимать людей и самому фотографироваться – это не по мне.

Мирон действительно меньше всего думал об утерянном фотоаппарате. Салим внушал впечатление мыслящего человека. К тому же был его спутником армейских дорог. И это – самое главное. А Салим перелистывал тетрадь, заполненную до последней страницы разными цифрами, буквами, уравнениями, схемами, и ничего там не понимал. Даже школьные знания по точным наукам и те выветрились из головы. Он почувствовал большой пробел в своем образовании и прямо заявил об этом.

- Да, в наш век нельзя быть специалистом сугубо гуманитарных дисциплин: филологом, психологом, лингвистом, историком. Отстанешь от жизни.

- Абсолютно! Ты прав, дорогой! – подхватил Мирон. – А это мой «ДЖ» - дневник жизни. В армии, говорят, не разрешают вести дневник. Сожгу.

Мирон бросил еще одну толстую тетрадь на стол. Засуетился. Взял гитару.

- Напиток-то наш остыл. Ну, за службу.

Чокнулись. Выпили. Мирон провел пальцами по струнам. Его лицо приняло мечтательное выражение. Вдохнул глубоко. Начал привычными движениями вступление песни. Комнату залили мерные, задушевные ноты. И он запел медленно, негромко.

Я понимаю, что смешно

В глазах искать ответ.

В глазах, которым все равно-

Я рядом или нет...

Салим читал отрывки из дневника. Состояние Мирона перешло и в него. У обоих было невеселое минорное настроение. Из дневника предстало запутанное и интересное прошлое Мирона: его размышления, поиски, стремления, достижения, осечки, поражения, дружба, любовь. Сердце по-дикому ныло. В памяти Салима всплывали свои ошибки, неудачи. Хотелось вывернуть себя наизнанку, вывести темные пятна и все начать сначала. Но как забыть смерть отца, самого дорогого человека и первого друга! При мысли об отце сердце непростительно и больно заныло... Отдельные абзацы дневника Салим перечитывал и даже запоминал, как настоящие стихи в прозе. Правда, заучить наизусть не мог, но смысл задерживался в растревоженной и больной памяти.

«... Ура! Победа. Я водрузил знамя на подступах к своему будущему. Прошел конкурс. Зачислен. Я – аспирант. Теперь начну штурм. Не отступлю ни на шаг, чего бы это мне ни стоило. Драться до последнего дыхания!».

«Я эту девушку встретил на лестнице третьего дня в общежитии. Я прошел мимо. Она оглянулась, что-то сказала подругам, засмеялась».

«Ее зовут Надя. Она – с нашей кафедры. Заседание кончилось поздно. Домой шли гурьбой. Надя не проронила ни слова. Один раз взглянула на меня».

«Вчера был праздничный бал. Два раза танцевал с Надей. Три раза встретились наши взгляды. У нее под правым глазом родинка. Это – необыкновенная родинка. Видел во сне. Пел что-то вроде «На щечке родинка». Пошло!».

«... Жизнь – чудесная штука. Люди рождаются, подрастают на разных точках. Потом встречаются. Надя – человек колоссального интеллекта. Разбомбила известного типа. Логика мышления,

грамматические казусы, Ломоносовские «штили», боже мой, дебри, над которыми я раньше не задумывался».

«... Сила притяжения Надюши катастрофически растет. Около нее вечно – научный руководитель. Он пишет книгу. Она – его критик. Я нажимаю на немецкий. Скоро сдача».

«... Что за молодежь пошла. При девушках матерятся. Девушки смеются. Кошмар! Или это единственный случай, попавшийся мне на Серпуховке».

«... Я пригласил Надю на концерт Райкина. Шли, взявшись за руки, как дети. Билетов не было. Стояли в надежде на возврат с касс метро. Подошел высокий, широкоплечий мужчина с восточным профилем и сказал улыбаясь:

- Алекс ла Гума, заказ. Два билета!

Я остолбенел. Легендарный изгнанник из ЮАР! Лауреат литературной премии «Лотос». Надо же столько просидеть в тюрьме, находится в изгнании и сохранить бодрость, свежессть и жизнелюбие! Надя сказала, что я немного похож на него. Наверное, кудрявой шевелюрой»...

«Были с Надей на французской выставке в Сокольниках. Абстракционизм – дикость. А Пикассо – талант. Дает пищу уму и сердцу. Когда шли по парку, в голове забила мысль: «Жениться на Наде». Раньше этого никогда не было. Неужели 23 года - этот тот критический возраст, когда одному на свете скучно. Надя говорит, что ее научный руководитель недоволен нашей дружбой. Какой вздор! Мы от души посмеялись. Я назвал его «лысым фантазером».

«Сегодня меня обсуждали на комсомольском бюро. Здорово досталось за «лысого фантазера». Надя каким-то образом проболталась. Приписали грубость, нетактичность, невоспитанность и прочие пороки. Досталось за пропуски кафедральных заседаний. Мне там муторно. Не терплю подхалимство, ложь, притворство, притворное восхищение! Меня, кажется, тоже не терпят.

Надя свела родинку в институте высшей косметики. Ее лицо стало белее».

«... Посетили в доме ученых выставку Рокуэлла Кента. Какая гамма красок! Эскимосы – мужественные люди.

Надя говорит: «Много красок, мало содержания». Мы долго спорили...»

«... Сегодня видел во сне Надю. В Сокольниках, у входа в парк, как будто мы играем в кошки – мышки. Она убегает. Я гоняюсь за

ней. Дьявольская скованность движений. Не догнал... Проснулся в 4.00. До утра не смог уснуть. Наконец решился: взял паспорт, прифрантился и, никому не сказав ни слова, потопал на третий этаж. Надя попалась навстречу. Она бежала на какую-то деловую встречу с поэтом. Я вызвался проводить. Побежал за пальто. Она обещала подождать, но исчезла. Ни в комнате, ни на улице ее не было. Я в отчаянии бежал до Курского. Кругом – масса народу, а Нади нет. Говорят, ревность – тоже порок».

...«Сдали иностранный. Последний экзамен минимума. На душе праздник. Гуртом пошли в кино. Смотрели «Вечера на хуторе близ Диканьки». Смеялись без удержу. Помянули добрым словом Гоголя. Пригласил Надю во дворец спорта на эстраду. Отказалась. У нее опять какие-то деловые встречи. Вечером сел за статью «Поэзия молодых». Молчать – нет сил. Пошли какие-то ноющие стихотворения...»

...«Мой шеф на меня – ноль внимания. Бьюсь один. Составил план диссертации...»

«... Выяснилось, что наш шеф ухаживает за Надей. Ревнует ее ко мне. Какой парадокс! Я делаю вид, что ничего не знаю...»

Салим читал и читал. Для него записи Мирона были чем-то вроде редкого романа с «черного рынка». Его черные глаза блестели, как горячие угли. Тетрадь заменил ту беседу с москвичом, в предвкушении которой Салим с радостью встретил его приглашение. А Мирон перебирал пальцами струны гитары: мастерски выкидывал на грифе разные трюки, брал фантастические аккорды. Пальцы мелькали. Грустные мелодии сменялись веселыми, жизнерадостными. Вдруг прихлопнул ладонью струны. Установилась тишина. Мирон обратился к Салиму:

- Ты брось эти талмуды. Давай лучше выпьем.

Разлил водку. Выпили. Мирон от нахлынувших воспоминаний и тихой уединенной обстановки расстроился и признание вырвалось само собой.

- Я, милый мой, сильно пострадал из-за своего характера. Я вообразил себя вундеркиндом.

Горячая струя разлилась по организму. Тянуло к откровению, к интимному разговору. Салим встал и подошел к окну. Тучи рассеивались. В просветах проглядывало светло – синими заплатами небо. Солнце еще полностью не вырвалось на расчищенные участки небесного купола. Окно сквозь облачную вуаль бросало матовый

свет, подобный свечению неоновый лампы. Впереди – четырехэтажное здание института. В нем - огромный зал с колоннами, где проходят студенческие вечера. Сколько их было за четыре года. Ни один не врезался в память так, чтоб всколыхнуть жгучее воспоминание перед расставанием. Конечно, он дружил, пел песни, остроумно шутил, бегал за девушками. Бегал в поисках развлечений, движимый не влечением сердца, а скорее инстинктом, подобно тому, как воробей – самец, чирикавая, летает за самкой. Правда, встретил Айсулу, эту безвинную аульную козочку... Теперь все рассеялось, как пыль, поднятая на степной дороге безудержно летящим всадником. Этап пройден, а вспомнить, рассказать почти нечего. Он во всем завидовал Мирону.

- Слушай, Мирон, а где сейчас Надя?

- Не знаю.

- То есть? Вы не поженились?

Салим никак не ожидал такого ответа. Оторвав взгляд от окна, он подошел к столу. Мирон сидел верхом на стуле, развернув его на сто восемьдесят градусов. Его голова лежала на скрещенных руках, расположенных на спинке стула. Он бросил сквозь зубы:

- Поругались.

- Не помирились потом?

- Что ты? Она даже помогла мне лишиться комсомольского билета. Финал трагический.

Подняв голову, Мирон посмотрел на уставившиеся на него глаза – шарики, черные, готовые вылететь из орбит, и, приставив указательный палец к губам прошипел: «Только – ша! Никому – ни-ни, ни слова. Уговор?

- Честное слово.

- Вот так. Ты парень, видать, умный. Мне нравишься.

- Но все-таки, как же это тебя так? – не унимался Салим.

- История печальная, - продолжал Мирон, прикурив папиросу и два раза глубоко затянувшись.

- Ее голову, очевидно, вскружил успех. Лысый шеф. Известный поэт. Звезды более яркие, чем безвестный аспирантишка. Этот поэт разошелся с женой и пропал у нас, в общежитии. Он чуть ли не жил в комнате Нади. Я захандрил, запил. Однажды со стипендии зашел в магазин – автомат. Заправился как лошадь: вино там само льется, только брось двугривенник. Прихватил с собой пару бутылок и пришел к Наде. Устроил в ее комнате всеобщее пиршество. И здесь я

громогласно изрек: «Надя, я люблю тебя». Она просто ответила: «об этом при всех не говорят». Поэт торжествовал. Когда прощались, я вызвал Надю в коридор. Да, я любил ее. Не удержался. Поцеловал. Она дала пощечину. Я – две. Со зла, конечно, спьяна брякнул: «В мире давно существует патриархат и женщине не положено бить мужчину». Тут же в коридоре, каким-то образом торчал секретарь комсомола. Вызвали на комитет. Собрали все грехи: рукоприкладство, грубость, хулиганство, пьянство, пережитки прошлого и т.д. и т.п. Вопрос стоял об исключении.

- Ну, а как же Надя?

- Вот слушай. Передо мной стояло дилемма: любит она или не любит. Ведь по сути дела решалась моя судьба.

- Ну и как же?

- Надя молчала. Говорила ее подружка по комнате. Наплела со всякой всячины, гору пороков. А она, кажется, обожала меня. Даже завидовала Наде. Я ее считал пустой, слабовольной девчонкой. Наговорила черт знает что, а сама, понимаешь, посуду воровала.

- Как воровала?

- Навалит в столовой на стол ложек, вилок, ножей. А потом незаметно смахнет в этукую модную сумочку с иностранными надписями и пляжными видами.

- Ты бы об этом и сказал, - нетерпеливо, не вовремя советовал Салим, дымя папиросой и не находя себе места в комнате.

- К чему мне это? Меня не она, а Надя интересовала. Я до последней минуты, пока не захлопнулась за мной дверь, ждал. Думал, сейчас Надя соскочит с места, скажет свое решающее слово. И я узнаю, наконец, что она меня любит или любила, по крайней мере, на худой конец, как говорят. Это был мой высший принцип. Но, увы! Значит, она не любила меня никогда. В какое-то время ей нужен был аспирант с солидным карманом для веселого времяпровождения по культурным центрам и точкам. Потом я забился в свою комнату, как побитый пес в конуру, и скулил, первый раз с тех пор, как получил паспорт, плакал. Потерял всякий интерес к жизни. Смотрю ли кино, телевизор: «Комсомольцы строят, комсомольцы решили, комсомольская бригада». Как телега, выбитая из колеи, пришлось оставить аспирантуру с правом восстановления через год, с положительной характеристикой. Решил уехать куда –нибудь подальше. И вот я здесь и ты первый человек, кому рассказываю всю правду. Единственное просветление – это моя статья в московском

журнале подбодрила. Ушел в работу в школе. Немного рассеялся. Теперь моя мечта – вот, кибернетика.

Миرون устало замолк, глубоко и бесшумно вздохнул и гостеприимно подвинул благодарному собеседнику копченую колбасу, мелко нарезанную прямо на газете.

Эти два молодых человека, уже сполна испытавшие превратности жизни и судьбы, внутренним необыкновенным чутьем угадывали друг в друге единоподушие, единомыслие. Оба росли способными незаурядными мальчишками, подростками, юношами. Окружающие люди удивлялись, цокали языками, качали головой, расхваливали за глаза, а больше в глаза, не стесняясь в подборе эпитетов и высокопарных слов: «удивительный мальчик», «способнейший ученик», «превосходный студент», «феномен», «вундеркинд», «гений». Все, даже близкие и далекие родственники, пророчили им великое будущее, восхищались, льстили и завидовали. Но когда они, расхваленные и достаточно неподготовленные, соприкоснулись вплотную с жизнью и получили первые ощутимые удары ее, низвергнувшие их с искусственно воздвигнутого пьедестала на обжитую грешную землю, где беспокойно суетились тысячи им подобных, побежали круги на реке жизни. По этим кругам разбежались, кто раньше, кто позже, недавние восторженные «доброжелатели». Они попрятались в кусты, как перепуганные зайцы, прятали глаза под трепетными ресницами, модными косынками и черными очками, скрывались за частоколом ловко придуманных, неискренних слов...

- А как ты попал в наш город? – дожевывая не первой свежести колбасу и внимательно оглядывая гостиничный номер, допытывался Салим.. – Я понял, что ты не из этих мест.

- Верно ты подметил, старик. Я с Алтая. Бухтарма, бурлящая по камням. Рыба хариус. Кедровые сосны на скалах. Вот мои детские забавы. Красотища. И лучшие воспоминания.

- А родители переехали?

- Насовсем. На тот свет. Так сказать, круглый сирота... У меня здесь сестра живет, в Бескарагайском районе. Вот я и решил забраться в глухомань, в незнакомое село. Приехал к ней. А у нее своих детей куча. Муж – тракторист. Тоже забота – стирать и мыть..

Теперь уже в душе Салим не сомневался в том, что Миرون когда –нибудь станет большим ученым. Просто он еще раз узнал, что в жизни и любви не все так просто, как кажется. Он пригласил Мирона

к себе домой. Допили остаток «столичной» и двинулись на выход в надежде «поймать» такси.

Когда Салим, наклонившись, звенел ключом в замочной скважине, захмелевший приятель зло пробурчал:

- Оказывается, в жизни так просто сломать себе шею. Даже если ты не достоин этого, совсем не заслужил...

- Это точно, – подтвердил Салим. – Благо, когда самому достается. А ведь из-за меня, неблагодарного сволоча, отец мой скончался.

- Ну, это уже мне непонятно, – недоверчиво протянул Мирон и дружелюбно взял спутника под мышку. Около буфета расстроенный Салим не выдержал и потянул Мирона за руку:

- Пойдем, пропустим по сотке...

Но Мирон решительно запротестовал:

- Хорошего помаленьку... Еще попадем туда, куда не следует.

- Ничего, мы же – будущие моряки – здоровяки. А как еще там будет, один аллах знает... Поедем на остров, искупнемся. Свеженькими будем. Я покажу тебе наши джунгли. Я наберусь духом и расскажу тебе все, как было. Всю сущую правду...

Но и без рассказа – исповеди побывавший больше в перепетиях жизни Мирон исподволь осознал неосмысленную и тяжкую долю товарища, попавшего в непоправимую беду...

... Осенний традиционный вечер посвящения в студенты был в разгаре. Перед длинным строем первокурсников проректор по учебной части, держа в правой руке микрофон, необычно громким и приподнятым голосом рассказывал «первачам» о достижениях института, об успехах студентов в учебе, стройотряде и на производственной практике. Затем не менее торжественно он вручил старосте первого курса огромную символическую зачетную книжку.

Потом был большой, чрезмерно насыщенный разными жанрами студенческий концерт. На сцене старшекурсники старались вовсю: пели соло и капеллой, плясали и танцевали, читали стихи и басни, показывали инсценировки, импровизации скетчи. Венцом концерта, как всегда, был выступление вокально – инструментального ансамбля «Армандастар». Стоял невообразимый шум, треск, оглушительный грохот барабанов. Прорываясь через всю эту разразившуюся музыкальную грозу, звенели голоса молодых самодеятельных певцов и певиц... Студенты всегда с нетерпением ждали выхода на сцену своего ансамбля «Армандастар». Его номера обычно вызывали у них

сильный восторг и радость, можно сказать, до умиления... Участники ансамбля были одеты в яркие национальные костюмы, в синих тюбетейках, украшенных казахским орнаментом. На этом вечере Салим Агзамов был одним из конферансье. Правда, он не разыгрывал публику, не шутил, не произносил юмора, а просто для заполнения одной паузы прочитал небольшое стихотворение перед закрытым занавесом и только четким голосом объявлял очередные номера, в основном, серьезные... И вот в какой-то момент глаза Салима остановились на незнакомой девушке в третьем ряду с покрасневшимся круглым лицом и свободно распущенными на спину волосами. Сердце его как будто на мгновение тоже остановилось, ощутило прилив теплой приятной струи, как ощущение ее дыхания.

Концерт затянулся, и времени для танцев оставалось совсем мало. Салим лихорадочно искал и, наконец, около стенда: «Они защищали Родину» нашел и увидел это кроткое создание с милым светом чистых глаз и нежными – пренежными губами. Сердце третьекурсника Салима Агзамова неожиданно и непривычно заколотилось. Скоро конец вечера... К концу танцев обычно играл ансамбль «Армандастар». Когда он загремел в очередной раз, Салим решительно зашагал к незнакомой первокурснице.

- Я плохо танцую, - пролепетала одними губами девушка и опять покраснела. Все – таки пошла на танец, благо, что нынче все танцы танцуют примерно одинаково, ритмично, под музыку двигая и шевеля руками и ногами, кружа вокруг себя партнера. Ее тонкая и стройная стать была чарующе привлекательна, что Салим потерял привычное равновесие и самообладание. И девушка заметила это, и она, шелестя тонким, невесомым платьем, молча, беззвучно звала и влекла так, как обворожительно тянет неумное сердце яблони со зрелыми плодами и куст черешни с красными ягодами в чужом саду...

Обычное знакомство, провожания, встречи. Айсулу была из Чингистауского аула и жила у родственников в частном доме, по улице Ауэзова. Родичи оказались образованными, культурными людьми, Салим им понравился, что называется с первого взгляда: аккуратно подстриженный, опрятно одетый, по – особенному симпатичный, с интеллигентными манерами. Они ему объявили свободный доступ в свой дом, но по вечерам Айсулу не выпускали за порог, кроме субботы и воскресенья. А в эти дни Айсулу или уезжала

домой в аул, или к ней приезжал брат, с которым они играли, резвились и были всегда неразлучными, как вместе рожденные ягнята. При брате Айсулу присутствия Салима до крайности стеснялась: что-то невнятно лепетала, невпопад двигалась, краснела. Все это злило и расстраивало Салима. Но делать нечего. Приходилось мириться, искать ее на перекрестках, встречаться в институте, довольствоваться тем, что есть...

В долгие зимние вечера по просьбе Айсулу они занимались грамматикой русского языка. Ох и сложна это грамматика! В ту зиму для Салима были долгожданные дорогие вечера. Между дел они рассказывали друг другу о себе, делились впечатлениями о прочитанных книгах, новостями дня.

Айсулу легко усвоила и запомнила, что в некоторых русских словах произносятся одни звуки, а пишутся другие. Как, например, в словах: корова, собака, дорога в первых слогах произносится «а», а пишется «о», но никак не могла она понять и представить себе, что в каких-то словах пишутся звуки, которые вовсе не произносятся, что в словах: солнце, здравствуй, сердце, как и во многих других, согласные звуки «л», «в», «д» только пишутся, но не слышатся.

...В единственном окне комнаты, отведенной Айсулу, был виден кусочек окраины зимнего города. Оголенные деревья не скрывали, как летом, окна с покрашенными ставнями дедовских домов под острыми крышами, на которых покоился толстым слоем северный снег. За белыми крышами, как на искусной декорации возвышался зеленый минарет действующей мечети. Из труб домов валил кудрявым густым клубом сизый дым, рассеиваясь и украшая тонкими мазками свежее зимнее небо. По улице бегали соседские дети, таская за собой санки и хватая вертлявых дворняжек. Изредка проезжали легковые машины и грузовики, лавируя между сугробами и завалами вывезенного со дворов обильного снега. То и дело проплывали запряженные холеными лошадьми сани, на которых ловко сидели в шубах и стеганках и в высоких тымаках, лисьих шапках, старики, как в давние годы. Общей умиротворенности и уюту в комнате Айсулу способствовала левитановская картина «Март», которая висела напротив окна. Да, не за горами весенний месяц март. Скоро радостно зачирикают воробьи, ловя первые солнечные капли с косых крыш. Скоро пойдет пар с крыш, с бугорков и на солнцепеке: зашевелиятся, наконец, застывшие томные деревья. За окном со снежным скрипом закрылись ставни и зазвякало железо задвижки.

Айсулу зажгла свет и задвинула легкие шторы. Подготовка к семинару была давно закончена, но Салим сидел и не хотел уходить.

- А теперь чем будем заниматься? – тихо и чисто прозвенела Айсулу голосом – колокольчиком.

- Просто так посидим, - ответил Салим, не сообразив ничего.

Айсулу улыбнулась и села наискосок за письменный стол. Угнетаемая тишиной она, щелкнув кнопкой, зажгла настольную лампу и снова выключила. Потом взяла руку Салима и притянула к себе.

- Знаешь что? Я сейчас выведу твою наколку.

- Только одна буква, - оправдываясь проговорил Салим. – ошибка детства.

- Я хочу, чтобы ты был совершенно чистым. Будешь терпеть?

Салим утвердительно кивнул головой. Девушка, взяв его руку, стала легонько ковырять лиловую букву «С». Она увлеклась и так склонилась над столом, что пальцы Салима ощутили прикосновение ее округлой, круглой – круглой, как хоккейный мяч, груди. Необыкновенное чудо произошло в эти минуты с юношей. Веселая волна поднималась по телу, щекоча и радуя, прерывая дыхание. Салим боялся дышать, чтобы не спугнуть волшебную птичку, сидевшую на его пальцах. О, таинства мира! Вот что значит любимая девушка, любимый человек! Чего там греха таить. Сколько раз на сельхозработках Салим хватал, держал и мял девичьи груди. А девчата били по рукам, отскакивали, отбрыкивались. Но в уединении когда кругом не было ни души, притворялись уставшими от работы. А такого чуда, как в этот тихий зимний вечер, в уединенной уютной комнатке Айсулу, не было никогда...

Наступил долгожданный март. И апрель... Прилетели перелетные птицы из далеких южных стран. На бурой и влажной земле после оттаявшего снега зазеленела трава. На деревьях набухали почки, выпуская зеленые клювы листьев.

И все-таки однажды, в один из весенних солнечных дней, Салим уговорил Айсулу поехать с ним на дачу. Договорился с другом – сокурсником, выпросил отцовскую «Волгу», сам сел за руль/благо, еще в школе получил права шофера – любителя/ и покатил на улицу Ауэзова. По пути Салим с товарищем забежали в гостиничный буфет и выпили по стакану вина. Запах зажевали пахнущим, ароматным сен – сеном и смело отправились дальше...

Когда за Айсулу захлопнулась дверца машины, откуда не возьмись заметалась посередине улицы зловещая фигура какого-то паренька. У Салима был разработан свой обширный многообещающий план. Родители его должны были предварительно поехать на дачу, подготовить встречу, соответствующую трапезу, чтобы представить им свою невесту и организовать, если удастся, что-то вроде помолвки или родительского благословения. Отец и мать Салима были только рады его такому обдуманному решению.

И вот неожиданное препятствие. Айсулу поначалу пританлась, предполагая, видимо, как и Салим, бесшумно и быстро проехать. Но паренек не уступал дорогу и метеором носился поперек улицы. И жениха взяла такая досада, что он решил тоже проявить свою виртуозность, мастерски вырулить и умчаться. Но движения его были слишком резки. В последний раз так подал назад, что машина ударилась об столб. Подстегнутой сильным ударом и испуганным криком Айсулу Салим нажал на газ и рванул машину мимо паренька и сшиб, скосил его. Но никакая скорость не могла уже удержать Айсулу в кабине. Яростно с отчаянным криком: «Инабат! Инабат! Мой брат! Негодяй!» она беспрестанно стучала кулаками по стеклам, по Салиму. Свернули за угол, проехали несколько кварталов, но истерика Айсулу все усиливалась. Стоило машине остановиться, как девушка вылетела ветром и с криком «Инабат! Инабат!» помчалась домой...

Так в один день оборвалась нить благовидной и благополучной жизни Салима и всей семьи...

Много сил и здоровья положил Темирбек Агзамович Агзамов, первый секретарь Октябрьского райкома партии, чтобы спасти единственного сына от скамьи подсудимых. Починил столб, восстановил машину, помогал лечению Инабата и пил постоянно валидол. К тому сказались последствия тяжелого инсульта, перенесенного им три года назад. Когда все злосчастные дела сына были улажены, встретила на улице Темирбеку Агзамовичу какая-то старуха, обиженная судьбой дальняя родственница, и при людях стала честить и позорить, упрекая в несправедливости. Она припомнила всевозможные обиды, нанесенные за долгую жизнь ей и ее родственникам, заслуженные и незаслуженные высокосо поставленным родичем Темирбеком Агзамовым. Выживающая из ума старушка, напичканная всевозможными слухами, разразилась целой обвинительной речью:

- Думаешь, никто ничего не знает. Все знаем. Как ты берешь взятки, как выгораживаешь преступления своей близкой родни, как ей без очереди достаешь квартиры, даже телефоны устанавливаешь. А тебе на балкон затаскивают целые туши быков и лошадей. Горло у тебя с огромной дырой. Глотаешь и не хмуришься. А сын твой Салим сделал калекой бедного аульного мальчика. Опять же ты выгородил своего щенка от возмездия и правосудия.

Но так долго не будет продолжаться. На небе есть аллах. Он все видит и возвратит все твои злодеяния и черные намерения справедливой карой!

Когда мой покойный муж жив был, ты все время крутился возле наших окон, выманивал с него денег, уводил тайком на пиво в ресторан «Алтай». А как он помер, совсем забыл своих бедных родственников, большим начальником стал. Ты совсем забыл, что его два сына – воронята совсем без куска хлеба остались. А при встрече со мной вообще отворачивался, как будто не заметил и вообще не знаешь меня... Но бог справедлив! Слава аллаху, два сына завели два своих очага. А тебя бог покарает!

Знаю, у тебя есть опора, крепкая рука. Твой зять сидит в Доме Советов в Алма-Ате. Но и это не вечно...

У окна автобуса Темирбек сидел, ссутулившись, ничем внешне не реагируя на злобные слова престарелой женщины.

Но внутренне сильно переживал, и тупая боль сковала все сознание. Он неотрывно смотрел в окно и чувствовал спиной, что пассажиры повернулись к нему и неприязненно уставились на него. Агзамов смутно вспоминал, из-за чего вышла из строя его «Волга» и почему он едет в автобусе, где бы найти толкового шофера. Но голос взбесившейся старушки то и дело прерывал его размышления и неприятно отзывался в душе:

- Ты мне ничего не сделаешь? А правду тебе никто не скажет, кроме меня, выжившей из ума старухи. А я не боюсь, потому что сама хочу умереть. А на том свете еще расскажу твоему дяде, каков ты, каким ты стал...-

Это была последняя капля, переполнившая чашу терпения Темирбека, последним толчком, которому суждено было оборвать нить жизни. Это было последним ударом. Темирбек Агзамович только смог дойти до своего кабинета, вошел и рухнул замертво...

... В переплетях огромного пирамидального моста долго стояли два задумчивых, оживленно беседующих молодых человека. Это-

будущие матросы. Салим уже показал другу тенистые аллеи, заросли и пляжи живописного острова, образованного довольно длинным иртышским рукавом, который протекает как раз под ними.

- Вот уже год как я перестал смеяться, - грустно признается Салим.

- Это, брат, нехорошо. Есть такая пословица: «Смех – родной брат силы. Улыбка – сестра радости». Мертвых не поднимаешь, а живым надо жить.

Ребята побродили по тихой роще, хорошо искупались и почувствовали себя освеженными. Слова Мирона были как никогда кстати, потому что именно сегодня начала оттаивать его обледеневшая душа. Как хорошо, что Инабат совсем выздоровел и прошел медицинскую комиссию даже на флот. Его крепкое здоровье выдержало и тяжелую травму, и сильное лечение...

Вспомнив Инабата Еркинбаева, Салим вытащил из кармана его повестку и сказал:

- Мирон, не в службу, а в дружбу. Доставь эту повестку ты. Здесь есть и городской его адрес. Он работал в районе чабаном в молодежно – овцеводческой бригаде. Потом этот случай, больница... Видимо, потом перебрался в город.

- И ты больше не встречал Айсулу? – спросил сочувственно Мирон.

- Да я сам всячески избегал встреч: сворачивал на другую улицу, отворачивался, уходил. Мне было стыдно и больно за Инабата... Разве она, дитя природы, простит! Они-то ли погодки, то ли близнецы. Они росли вместе, играли вместе. Сильно привязаны друг к другу что ли...

- Близнецами обычно называют детей одного пола, а разного пола двойней. А если больше двух, то всех называют близнецами. Это, так сказать, лингвистическая тонкость.

- Да, да, - пробормотал Салим, думая уже о другом, о своем отце. – Бедный мой папа, дорогой мой. Что он видел? Много и ничего. В тридцать лет женился, когда работал первым секретарем обкома комсомола. Потом московская ВПШ. Потом я родился. Все время был на партийной работе. Во мне души не чаял. Когда был поменьше, водил по гостям, чтобы учился разным манерам. Постарше стал, заставлял ухаживать за гостями. К его радости учился я всегда хорошо.

После его смерти я чуть с ума не сошел. В его смерти я обвинял только себя. Но, оказывается, так и не совсем так. За три года до этого он перенес инсульт. Полгода болел. Лежал в правительственной больнице в Алма-Ате, которая за оперным театром. Затем был в санатории на окраине города. И всегда хотел видеть меня... Вот это санатории, я понимаю! Кругом чистота и блеск. Отточенные камни, гранит и туковое дерево, во всех коридорах, в семейных номерах... постоянное наблюдение врачей, которые и поставили папу на ноги. Выйдешь на балкон – кругом зелень и цветы, фруктовые и цитрусовые деревья. Вдали синеют горы, чистейший воздух, родниковая вода... Не хуже ничуть Сочи и Ялты.

- Ты и там бывал? – с интересом и легкой завистью спросил Мирон.

- Благодаря отцу.

- Понятно дело. Теперь-то не здорово разъедешься.

- Как не стало его, сразу из ханов в плебей скатились. Прежние друзья даже сторонятся нас. Вот к чему он меня не подготовил. Наверно, думал, что еще рано. Не хотел лишать радости детства и юности. А ведь он был честным, справедливым человеком и дома, и на работе.

- Сколько ему было лет? – по интересовался Мирон.

- 52 года. Внешне он выглядел неплохо. А внутри уже все было изношено. Никто не думал, что он может умереть. Мне все сулили аспирантуру. Посоветовали курсовую работу по литературе переделать на вступительный реферат. А как он умер – ни звука, как будто забыли про меня...

- Жизнь – борьба..., - многозначительно протянул Салим. – Говорят еще, служба – не мед. Вот пройдешь флотскую службу, закалишь свой характер, окрепнешь физически и морально, и айда пробивать себе дорогу. Все еще впереди. Только вот на службе надо не ударить лицом в грязь. Надо сильно стараться.

- Да уж стараться придется... Но уже предчувствую, что буду сильно скучать по этому острову, по этому мосту, по этой реке...

- Есть о чем скучать, - тут же, кивнув головой, согласился Мирон.

...Вырвавшись из-за рассеянных и разлохмаченных туч, светило сентябрьское солнце на серо – голубом небе. Легкий ветер наклонял и шевелил вершины берез, карагачей, ясеней и тополей – патриархов. В недрах этой зеленой, подернутой уже осенней позолотой, массы

скрываются черемуха, шиповник, красные бусинки собачьей ягоды, богатое разнотравье и полевые цветы. Все это уже с детства знакомо Салиму. С этим островом связаны его первые впечатления непосредственного знакомства с миром растений и птиц. В школьные годы учителя приводили сюда на экскурсии на целый день. А восторженные дети собирали подорожник, грибы, составляли гербарии, ловили пестрых бабочек и прозрачных стрекоз. Свежий ветер тех далеких беззаветных дней обдувал возмужавшее лицо Салима, расправляя его нахмуренные брови.

Обмелел Холодный Бродок, где шумно ныряли взрослые и брызгались дети. Он сейчас едва течет мелкой речушкой, которую можно перепрыгнуть по камням.

Под мостом рукав Иртыша разветвлению протекает тремя прозрачными струящимися полосами. На островках, покрытыми высокими зарослями тала и ивняка, притулились на огромных бугорках одинокие рыбаки с длинными удилищами. Вода в реке настолько чиста и прозрачна что отчетливо видны каждая галька и камень в отдельности. В такой ясности и определенности, пожалуй, нелегко обмануть и подсечь рыбу. Но если сидят по берегам рыбаки – завсегда так, то, наверное, есть свои приемы и подход.

С острова плавно въезжало на мост свободное такси, отвозившее пассажиров в дом отдыха. Приятели, не сговариваясь, повернули голову в его сторону и направились к берегу...

Дома у Салима трудолюбивая и добрая по своей натуре мать хлопотала на кухне. Салим представил ей попутчика и будущего сослуживца, осведомился о сестренке и пригласил Мирона в свою комнату.

Здесь уже сидели его последние сотоварищи и друзья шаловливой юности. Разодеты они пестро, аляповато с претензиями на заграничную моду. Один из них, он сидел в глубине комнаты, лохматый, с локонами до плеч и с бакенбардами, увидев вошедших, заревел пропитым басом:

- Хе – лоу, Смит! А мы здесь заждались:

Девушка с сонными, бессмысленными глазами, в коротком платье, далеко выше колен, встала навстречу и, протягивая тонкую руку с нанизанными на пальцы дешевыми перстнями, пропищала:

- Здравствуй, пижон. Ты не забыл еще свою Джени. Меня они подняли прямо с постели. О, какой пассаж! Ты уезжаешь в армию, мой дорогой Смит!

Третий, дергаясь, как парализованный инвалид, рот до ушей, подошел к радиоле. Парень с бакенбардами, заметив его, заорал: «Маэстро, музыку!»

Салиму стало неловко, и он, выбрав момент, извинительным тоном прошептал Мируну:

- Ты не обращай внимания. Это местные «битые». Кто подумает что это девушка росла в ауле? И тот с бакенбардами.

Мирон в ответ пробубнил:

- Знаю. Известно. Все это просочилось с Бродвея.

Парень с бакенбардами, уловив конец фразы, моментально включился в разговор:

- Бродвей? О, это – экстра! У нас тоже есть свой Бродвей. Вечером прошвырнемся.

- О, шик, модерн! Еще прихватим Мими, Зузи и Натэлу, - с готовностью и нескрываемой радостью поддержала девушка.

Мируну в сущности было безразлично, на каком уровне компания: ему нужно было как-то не особенно скучно провести оставшиеся до отправки долгие пасмурные осенние дни...

Моросил нудный осенний дождь. Небо наглухо оделось серым, влажным покрывалом. Нет сомнения, что скоро этот дождь неожиданно перейдет в снег. Ударят первые морозы. Салиму было все равно. Если бы сейчас, на глазах, трижды изменились времена года то и это, наверное, не произвело бы на него никакого интеллектуального или чувственного эффекта. От мороза он бы укрылся в помещении, от жары просто ушел бы в тень. Впрочем по команде! Салим уже чувствовал над собой незримую, властную руку, которая поставила его в строй и никуда не пускала без разрешения вон тех людей в военной форме.

- Наша рота – вторая. Сейчас мы разобьем вас на два взвода: первый, второй. Командиром первого взвода назначен старшина второй статьи Долишняк, командиром второго взвода – старшина второй статьи Красильников, - четко, почти на каждом слове ставя ударения, произносил кряжистый, крепко сложенный мужчина в морской форме. – Командиром роты буду я, капитан – лейтенант Забродин.

Моряки ступали твердо своими крепкими, натренированными ногами, вели себя, как полноправные посланники флота, были

подтянуты, стройны, как статуи спортсменов. От них пахло, как от картин Айвазовского, морем. В их одежде все: начиная от штиблет, до блеска начищенных, и кончая бляхой с якорем и звездой на черной подогнанной по фигуре шинели, говорило о дисциплине и флотских привычках. Где-то находится море. Там снуют по волнам крейсера и подводные лодки. Там эти люди, как дома. Несут вахту, бьются со штормами, водят корабли. Что им мелкота. Эта морось, которую, как назло, зарядила погода глубокого континента.

Забродин отрывисто произнес:

- Старшина второй статьи Долишняк!

- Я.

- Приступайте.

- Есть.

Закоренелый, задубелый моряк, отдав приказание, повернулся и твердой поступью, как шагающий экскаватор, пошел к группе командиров. Те стояли полукругом. Это было совещание, как говорили здесь, перед решающим броском. Сегодня в 5.00 – отправка.

Долишняк прошел вдоль строя оглядывая своих подчиненных, сделал несколько шагов назад, и, как вокалист перед трудной музыкальной фразой, глубоко вздохнул, набрав в легкие воздуха, и с особым подъемом гаркнул:

- Рота, равняйся!

Но в рядах новобранцев подъема не чувствовалось. Кто повернул голову вправо, кто влево. Кто успевал и туда, и сюда и выбирал ту сторону, куда смотрело больше голов. Долишняк не замедлил дать пояснение:

- По команде «равняйся» все поворачивают голову направо и чтобы каждый видел грудь четвертого человека.

- А я вижу всю половину строя, - не меня положение головы, проговорил парень с веснушками на лице. Хитровая улыбка покрыла его лицо без остатка: смеялись глаза, нос, губы и даже подбородок. Долишняк сделал вид, что не услышал.

- Смирно. На «первый», «второй» - рассчитайся!

Счет шел то громко, то тихо, то теряясь, то снова всплывая. Наконец, на парне с веснушками совсем заглох, остановился, как забуксованная машина. Неожиданно он крикнул: «третий». На этот раз улыбались и смеялись провожающие мамы, которые стояли толпой и, вытараща увлажненные глаза, следили за своими детьми, незаметно выплывающих из – под их крыла. Долишняк, как опытный

заправский службист, не смутился. Сделал еще два шага назад и повторил команду. Расчет закончился. Половину он увел сам. Половину оставил Красильникову. Салим и Мирон оказались во втором взводе. Это их радовало. Они нарочно встали через одного, чтобы попасть в одно подразделение. Ни тот, ни другой не знал, что их будут не раз распределять, что будут еще комиссии, переброски на все рода войск, включая сухопутные, что эта укомплектовка условная, не отвечает никаким нормам воинских уставов. Об этом, они узнали после, в дороге, в поезде. Красильников подровнял свой взвод. Спросил, кто имеет среднее и высшее образование. Надо было назначить агитатора взвода. Его выбор пал на Салима. Красильников казался более спокойным и терпимым, чем Долишняк. Он разъяснил задачи, которые стоят перед взводом в связи с поездкой на место назначения, и подал команду: «Взвод, разойдись».

Дождь перестал. Пепельно – серое небо, как капризный ребенок, насупившись, смотрело на землю. Смотрело на разношерстный народ, галдевший на все лады у длинного, как двенадцатиперстная кишка, состава. Время – 4.30. Призывники только что прибыли на автобусах. Здесь действительно было невообразимое зрелище. Сплошной шум, гвалт. Кто-то звал милицию...

- Салим, идем сюда. Выпей горячего чаю. Мясо есть. Подкрепись. Дорога длинная.

Это мать Нурзия скороговоркой звала и тянула Салима. Она нашла где-то за штабелями укромный уголок, чтобы накормить сына на дорогу. Салим вдруг среди множества лиц заметил Еркимбаеву. Крикнул:

«Айсулу, Айсулу!» Где там: не слышно самому собственного голоса. В таком бедламе скорее потеряешь все и всех, чем найдешь. Наконец, выбрались из невообразимого хаоса. Только теперь мать могла обернуться к своему сыну:

- Вот здесь. С моего родного района. Сына провожает.

Салим увидел и понял о ком шла речь. Женщина в белом платке, повязанном под подбородком. На ней камзол старого покроя. Тот уплетает кусок баранины.

- Вот мой сын, - представила Салима мать своим новым знакомым.

- Жеребенок мой, душа моя, светик мой, и ты, Нурзия, скажи, – запричитала мать новобранца. – Сынок, ты муршид¹, ты умный человек. Посмотри за ним. Он – колхозный пастух, он – мой единственный. Он может под поровоз попасть. – Салима пронзила догадка: «это – Инабат, это, брат – Айсулу». Но где же Айсулу! Салим ел бессознательно. Беспрестанно оглядывался. Глотал мясо кусками. Тараторил одно и то же: «Хорошо, хорошо, апа. Все будет хорошо!» мозг сверлила мысль: «Где же Айсулу?» Сердце колотилось, как после марафонского бега. Салим не выдержал, подпрыгнул. Море голов. Последние минуты. В такой момент скромность неуместна. Как бы спросить? Салима выручил Инабат. Спокойно закончив свою трапезу сытым голосом осведомился:

- А где Айка?

- Сейчас придет. За сладкой водой побежала.

Салим не успокоился. Взглянул на часы: без пятнадцати пять. Неужели Айсулу не успеет. Здесь подоспели родственники Салима. Тетя, родная сестра матери, низенькая, большеглазая, как мать, суетилась больше всех. Как-то неуклюже совала в карман Салима бутылку водки. Салим соорудил недовольную гримасу. И так горело все нутро от этой гадости. Организм отказывал. Надо кончать. Обижать тетю тоже нельзя. Пускай. Охотники найдутся.

- Призывник Агзамов.

- Здесь я.

- В строй. Вагон 12.

Пассажирский состав. Чистенький пассажирский вагон. В армию обычно увозили на пульманах и «телятниках». Это было что-то новое.

В вагоне, кто-то швырнув свою торбу на среднюю полку, категорически заявил.

- Флотский порядок.

Это был тот балагур, парень с веснушками. Салим расположился внизу. Выскочил на проход. Он искал глазами Мирона. Он про него совсем забыл. Голова Мирона в клетчатой кепке показалась среди колыхающихся голов у дверей тамбура: протискивался в вагон. Салим забрался на плацкарт и заорал: Мирон! Протянул руку, Мирон – свою. Суета захватила Салима. Спокойный,

¹ Муршид (араб.) – руководитель, воспитатель

равнодушный обычно, он сегодня разошелся. Кричал, шутил. Вытащил новоявленного друга из затора и поволок в свое купе.

- Вот наша каюта. Здесь – я. Располагайся напротив. Там успел примоститься какой –то призывник. Салим оторопел. Как же не догадался бросить что –нибудь из своих вещей.

- Друг, здесь занято.

- Не базлай. Это мое место, - отрубил непрошенный сосед –увален, прищуриив один глаз, и с ногами забрался на полку. Салим не отступал. Досада на свою оплошность донимала его. Сгоряча нажал на старое «понял».

- Здесь я занял два места, понял ? Я пошел позвать друга, понял?

Здоровяк слез с полки и выпрямился во весь свой рост.

- Ты на кого баллон катишь? Ты меня на «понял» не бери. Салим махнул рукой. Оглянулся по сторонам.

- Мирон, занимай у окна. Все равно в одной кают – компании. Бегу прощаться.

Народ на проходе рассосался. Салим летел в тамбур, на выход.

Тут ему дорогу преградил Долишняк:

- Куда? Из вагона не выходить!

- Но я не простился еще с матерью.

- Никому. Ни одной душе. Уже отправление.

Салим надеялся уговорить его. Он не простался не только с матерью. Он должен уговорить Айсулу. Смешались все мысли и чувства. Заколело в висках. Салим схватил Долишняка, затряс:

- Я погиб. Она здесь. Девушка. Я еще не встретился.

Долишняк заколебался было. В это время впрыгнул на подножку вагона капитан – лейтенант Забродин. Правой рукой придерживая кобуру на бедре, краснея от натуги, вдруг взревел:

- Назад! Всем – в вагон!

Новобранцы хлынули в вагон, к окнам. Салим остался у окна, напротив служебного купе. Подбежали мать, тетя, сестренка. Мать держалась молодцом. Шамкая беззубым ртом, она сама успокаивала сестренку Салима. Та плакала со всхлипом, хлопая большими, черными глазами. Салим кричал:

- Перестаньте! Мама, не скучай и не плачь. А то совсем ослепнешь. Я вернусь скоро...

Мать, твердя: не буду, не буду, - без конца целовала вытянутую руку Салима.

Салим губами не доставал до нее. Рядом, буквально в двух – трех шагах, он увидел Айсулу.

- Мама, мама - позови вот эту девушку. Айсулу! Айсулу! -Шум. Ничего не слышно. Но Айсулу оглянулась. От неожиданности пришла в какой-то испуг. Залилась краской. Подбежала.

- Салим, Салим Темирбекович!

Салим почувствовал прилив счастья от того, что умница Айсулу произнесла имя его отца, отчество.

Он так и не приступил к работе учителем в школе. Комитет комсомола института, членом которого бессменно был Салим в течение последних трех курсов, ходатайствовал и добился того, чтобы ректорат и ученый совет направили в целевую аспирантуру в Москву. Все вступительные экзамены, кроме специальности, надо было сдавать в Алма – Ате экзаменационным комиссиям института. Салим этот первый этап на пути в аспирантуру успешно прошел и по возвращении в свой город попал в неожиданный цейтнот: всесильный военкомат был неумолим, не снимал с учета, запретил призывнику выезжать куда – либо и, наконец, добился своего... И вот Салим, высунув бритую голову в вагонную форточку, жадными глазами ловит каждое движение любимой девушки, которая назвала его по имени и отчеству... Салим Темирбекович. Так впервые и непривычно называли его пионеры во время летней практики в лагере и ученики в период практики в школе. Какая умница Айсулу! Она незаметно, исподволь напомнила Салиму, что он уже немаленький, не мальчик, что у него есть солидный диплом, что на все отныне надо смотреть по – взрослому и что в долгие армейские будни есть ему о чем вспоминать и дорожить. Он замахал рукой, закричал матери:

- Мама, это моя...

Хотел сказать «невеста» и осекся. Мать закивала головой: знаю, знаю. Салим закачал головой: нет, нет. Но мать все равно поняла. Она любовно посмотрела на девочку. Она поняла чутьем, сердцем. Салим протянул руку. Айсулу – свою, трепетную, нежную, хрупкую, пролепетала:

- До свидания, до свидания!

- До свидания, Айсулу. Пиши!

- Пишите.

Ракетой взвился свиток кондуктора. Поезд плавно поплыл на север, в сторону соснового бора. Айсулу выдернула руку и побежала к окну брата. Салим в отчаянии пытался высунуться из окна еще

больше. Айсулу смотрела на него, Салим подозвал мать и проговорил:

- Мама я скоро приеду. Я заслужу отпуск.

Поезд тронулся. Поплыли назад дома, люди, мать, заплаканная сестренка, тетя с платочком, Айсулу. Опустив руки, Айсулу стояла совсем как взрослая. Ее завитушки трепыхались на ветру. В глазах светились бусинки недетских слез. Вот она замахала рукой. Пошла вслед за поездом. Вот она стоит рядом с матерью Салима. Салим машет им рукой, по пояс высунувшись из окна. Уходит назад город детства, город надежд и будней. Впереди – служба. Салим расстроился вконец. Последние минуты взбредили его сознание. Рука сама собой потянулась за бутылкой в карман. Пришел в свое купе, растолкал Мирона, парня с веснушками, здоровяка – шофера. Готовилось замаскированное от глаз командиров, как говорят в таких случаях, культурное мероприятие с тостами. Откупоривая белую серебристую бутылку с изображением на наклейке гостиницы «Москва», Салим как бы между прочим, прерывисто дыша, медленно произнес:

- Если бы жив был отец, меня провожала бы добрая половина Октябрьского района...

Дорожные дни текли одинаково, похоже, как близнецы. Ни на малых, ни на больших остановках из вагона не выходили. Строгость была максимальная. Назначены за пищей в вагон – кухню и за папиросами и лимонадом на больших станциях. Назначены агитаторы и командиры отделений. Каждое купе – отделение. Командиром в «салимовской каюте» назначен тот парень – здоровяк. Он стал общительней, вежливей. Каждое утро доставал из правого кармана широких, засаленных штанов вчетверо сложенную тетрадь, спокойно разворачивал и с важным видом гудел: «Сегодня дневальный в нашем отделении призывник такой-то». К обеду обычно говорил: «Ну, хлопцы, надо малость провести политическое чтение. Агитатор, бери газеты, шуруй». Но с той же важной миной он иногда говорил Салиму: «Ты – парень образованный. Тебе в армии будет легче». У Салима было другое чувство: «В армии все одинаковые. Придется поднатужиться, чтобы служба пошла нормально».

В небольшом квадратном динамике, висевшем над центральным проходом, слышались шипенье и монотонное щелканье. Потом прозвучали слова: «Призывнику Агзамову явиться в штабной вагон». Все взгляды как бы сошлись в одном фокусе: новобранцы не без любопытства устремили глаза на Салима. Сидевший рядом Мирон подтолкнул: «Иди, тебя вызывают к командиру». Салим был польщен, как это случается с любым человеком, когда его выделяют среди других, когда на него обращает внимание начальство. Но внешне он не выдал этого чувства. А, наоборот, огрызнулся: «Какого дьявола им еще надо!». Нахлобучив на голову шапку – ушанку военного или послевоенного образца, которую мать нашла на дне полуразвалившегося сундука в сарае, и остановился в нерешительности. Салим случайно бросил взгляд на «здоровяка». Тот сидел действительно, как надутый баллон: губы крепко сжаты, щеки вспухли, глаза даже покраснели от недовольства и злости. Ни Салим, ни временный командир отделения не проронили ни слова. Но каждый понял, что они сейчас могут столкнуться лбами, как два барана на узком мостике. Салим посмотрел на Мирона. Мирон кивнул головой: иди!

В тамбурах стояли дневальные из числа призывников. Они отлично проинструментированы: ни одной душе прохода ни туда, ни обратно. Салима никто не задерживал. Видно, каждый слышал объявление по радио. К тому же вид у Салима был решительный, взгляд полон ярости. Теперь он вправду не хотел идти в штабной вагон, не хотел, чтоб его фамилию называли по радио, чтоб его выделяли среди других. Но идти надо. Это приказ начальника эшелона. Мысль о встрече с начальником эшелона тоже раздражала Салима. Как-то прокралась неприязнь и к нему. Высокий, стройный, красивый, с аскетическим выражением лица, он не раз проходил по вагону. Старшины устанавливали в вагоне мертвую тишину, порядок и вытягивались перед ним. Это не нравилось Салиму. Капитан первого ранга Шкагаль блеском металла на ослепительной форме и красивым лицом вызывал впечатление полубога.

- Ваша фамилия Агзамов?

- Да.

Старшина первой статьи с широким, приятным, выразительным русским лицом показал на пятую дверь.

- Заходите сюда.

Салим постучался и вошел. Это – была радиорубка. Здесь сидели капитан первого ранга Шкагаль, замполит капитан третьего ранга Иванов – Смоленский и еще какой-то незнакомый капитан – лейтенант, которые, как бы подчеркивая свое внимание, поздоровались с Салимом за руку.

- Такое дело, - начал замполит. – некоторые призывники курят, как это опиум...

- Анашу, - дополнил капитан – лейтенант.

Из разговоров выяснилось, что он является врачом эшелона.

- Вот этот текст надо перевести на казахский язык и прочитать по радио, - закончил мысль Иванов – Смоленский.

- Дайте ему карандаш, бумагу... Не торопитесь, - дружески проявлял заботу о Салиме Шкагаль. Он сидел у окна по ходу поезда. Разговаривал запросто, смеялся. Было удивительно, как быстро человек может расположить к себе.

- Я не думал, что есть люди, которые до сих пор пристрастны к этому яству. – Шкагаль говорил по – русски громко, почти без акцента. Только слишком четко выговаривал каждое слово. – У нас в Латвии понятия не имеют об этом дурмане. Правда, там есть другие гадости, как кока – колла, разные таблетки и прочее. Запад снабжает. Люди есть люди. Не все одинаковые. – Шкагаль энергично выбросил вперед пять пальцев. – Пальцы на руке неодинаковые. Так и люди.

Салим быстро перевел текст. О стиле не заботился. Чем проще, тем лучше. Главное, чтоб было понятно всем, кто плохо знает русский язык: парням из далеких аулов и переселенцам из Китая. Командиры вышли в коридор послушать радио. Салим любил подражать Левитану. Его густой баритон подходил для этого. Прочитал старательно, с воодушевлением. Офицеры, слушавшие передачу в соседних купе по репродуктору, вошли шумно, всполошившись. Читка на них произвела эффект. Отныне все важные, экстренные сообщения и приказы передавал первый диктор эшелона Салим Агзамов. Его голос особенно торжественно, с накалом звучал конце передачи, когда сообщались имена авторов приказа: «Начальник эшелона ЭН капитан первого ранга Шкагаль, заместитель по политической части эшелона ЭН капитан третьего ранга Иванов - Смоленский». Конечно это зависело от внутреннего состояния ттеца. Салим читал с таким чувством, как будто передавал из Москвы приказ Министра Обороны.

Шкагаль забросил ногу на ногу, и, скрестив на них пальцы рук, внимательно слушал рассказ Салима о родном городе. В последние дни Салим чувствовал неизбежную потребность говорить о нем, вспоминать его.

- Его бы к нам в школу, товарищ капитан первого ранга, - спокойно сказал Иванов – Смоленский.

- Я б с удовольствием. Но ему у нас будет не интересно. 525-я команда сформирована для подводных кораблей. Там служить романтично. А у нас снова надо садиться за книжки.

- Закончит нашу школу, получит специальность и потом сможет пойти на корабль. Наслужится на море... Со специальностью на корабле легче будет. А, может быть, за год передумает и пойдет на локатор или на привод... - основательно развивал свои доводы Иванов – Смоленский, видя хорошего помощника в Салиме по агитработе. – В морской авиации будет на целый год служить меньше.

Эта новость не тронула Салима. Точнее, не привела в восторг. Только его черные глаза перестали бегать. В них появились спокойствие и мысль. Салиму не хотелось расставаться со Шкагалем, с Ивановым – Смоленским и в то же время не очень хотелось и в армии сидеть над книгами и зубрить основы радиотехники и приобретать навыки ненужной ему специальности в ШМАСе /школе механиков и авиаспециалистов /.

- Ну, как наши старшины? – осведомился командир с плохо скрытой гордостью.

- Хорошие ребята.

- Все- с учебного отряда. Наши, - поочередно рапортовали офицеры.

Салим не знал, что такое « учебный отряд», чем он отличается от полка или дивизии. Эти понятия были для него совершенно неизвестные или поверхностно знакомые. Переспрашивать не стал. Постучался и вошел старшина первой статьи, тот самый провожатый Салима. Пружинисто выпрямился, приставив ладонь к бескозырке и щелкнул каблуками:

- Товарищ капитан первого ранга, разрешите обратиться к капитану третьего ранга.

Шкагаль вежливо кивнул головой. Старшина продолжал по инстанции:

- Капитан третьего ранга, разрешите обратиться.

- Да.

- К вам пришли участники художественной самодеятельности...

Когда за Ивановым- Смоленским и старшиной закрылась дверь купе, Салиму стало неловко. Ему казалось, что он слишком развязно ведет себя с начальником эшелона. Поежился и по- полувоенному проговорил:

- Товарищ капитан первого ранга, если разрешите, я выйду.

Шкагаль смотрел мимо Салима в левый верхний угол. Словно отвечая своим неотложным мыслям, он начал:

- Ты, дорогой мой, запомни одно: не кичись образованием. Он, например, моложе тебя и образование среднее имеет, а то и того нет. Ты старше по возрасту и образование высшее имеешь. Но он служит больше тебя и отлично служит. Он-твой младший командир. Допустим, у тебя сгоряча вылетело: «Сопляк!» И этот «сопляк» тебе всю службу может испортить. Твой диплом только по цвету синий... А бывалый моряк носит синий цвет в душе, цвет моря. Синий меридиан проходит по его сердцу...

Шкагаль вопрошающе уставился на капитан- лейтенанта. Военный врач поддакнул и посмотрел на Салима. Салиму было приятно от того, что «кап – один», как называли Шкагалья старшины, беседовал с ним просто, по – дружески, что он, Салим, завоевал его расположение.

В коридоре Иванов – Смоленский разговаривал с группой новобранцев. Они пришли с гармошкой, с гитарой. Это – участники импровизированного концерта. Иванов – Смоленский обратился к Салиму:

- Вы будете объявлять номера. После обеда дадим концерт по радио...

Поезд двигался по самому краю обрыва: с трех сторон – сопки и скалы, слева Байкал. На вершине сопки гребешком стоят таежные деревья: пихта, ель, сосна. Над поверхностью озера пелена молочного тумана. Горизонт закрыт, поэтому нельзя узнать: видно отсюда противоположный берег или нет. Берет озноб. Суровый край. Ребята прильнули к окнам и шумно делились впечатлениями. Прибайкалье. Толкались: не хватало мест. Мирон и Салим сидели одни в купе. Мирон все эти дни погружался в воспоминания. Но от них одно расстройство, то у него нервно дергались руки, то вдруг зло

сплевывал. О будущем думать не решался. Там полная неизвестность. Приедем – видно будет. Не думать тоже нельзя: как-то надо коротать время. Вот и сейчас он сидит, откинув голову, закрыв глаза и насупив густые брови.

Салим размышляет над словами Шкагала. Он был полностью согласен с ним. Салим заметил, как сосед – здоровяк, командир отделения, оттолкнул от окна какого-то призывника – карапета и сам стал обозревать Байкал.

- Эгоист, - вырвалось у Салима. Он толкнул Мирона. – Слушай, какая по-твоему у человека самая низменная черта? Мирон не сразу ответил. Открыл глаза, посмотрел на Салима и неторопливо начал:

- Я не знаю, как это назвать одним словом. Но, знаешь, вот откроешь человеку в дружеском задушевном разговоре душу, а он это потом использует против тебя же. Да еще добавит от себя, приврет.

Салим не понял. Такая человеческая черта ему было незнакома. Он думал о своем и выпалил:

- А по-моему, эгоизм. Я долго думал на этот счет и пришел к выводу: в каждом человеке живет эгоист, который все тянет к себе. Если человек победит в себе эгоиста то он станет хорошим человеком. В нем победит благородство.

- Почему ты думаешь: в каждом человеке есть эгоизм?

- По себе сужу. В школе я нормально учился. Если кто из отвечающих учеников запинаясь, мне так хотелось, чтоб он не ответил.

- Ты отлично знал урок. Тебя спросят – и ты получаешь «пятерку»- продолжил развернутое объяснение товарища Мирон.

- Да. Разве это не эгоизм?

- Эгоизм. Или по-научному червяк. Вот откуда пришел к такому выводу - Салима интересовала реакция Мирона на его слова, и он смотрел на него наклонив голову. Логично.

Ребята по-одному возвращались на свои места. Пришел и Инабат. Салим не искал встречи с ним. Перед ним ему было неловко. Первым не начинал разговора. Его сковывало что-то вроде робости, хотя Инабат был моложе его. А Инабат всю дорогу сидел у окна, смотрел на незнакомый сибирский пейзаж, на глухую тайгу и тянул грустные, степные песни.

- Байкал, говорят, самое глубокое озеро в мире,- прервал тишину первым Инабат. Он смотрел на Салима.

- Да, только не помню в мире или в Союзе,- признался Салим. Он вспомнил слова Айсулу о том, что Инабат готовился поступать в вуз. Говорят, первое впечатление о человеке бывает часто обманчивым. Салим знал это распространенное определение. Инабат, видно, вовсе не молчаливый и совсем не злопамятный паренек, а, наоборот, отходчивый, смысленый, разговорчивый. В это время, как всегда, неожиданно вклинился в разговор Шконда. Это- уже известный всем балагур, парень с веснушками. Со свойственной ему скороговоркой он протараторил:

- Кончай, разговоры. Обед! Вот это я понимаю. Флотский борщ.

Призывник посыльный входил в купе с ведром первого, от которого исходил душистый пар.

Хотя прогулок по свежему воздуху не совершали и почти не двигались, если не считать вагонных пятнадцати – двадцати метров, помноженных на 4-5 раза в день, аппетит у всех был на зависть. Быстро справились с первым и вторым. Достали из мешков и реставрированных родителями чемоданов свои продукты.

- Это вместо третьего, - пропищал Шконда /после сытной еды голос сипел и срывался/ и отхватил коренными зубами солидный кусок местной копченой колбасы.

Салим сегодня – очередной дневальный. Мытье посуды, уборка в купе – это его обязанности №1. Он понял, что сним придется заниматься три года. Надо приучаться. Стараться изо всех сил. Получалось не хуже, чем у других. Но в быстроте уступал. Никто его не упрекнул: торопиться некуда, лишь бы к ужину была готова посуда и в купе поддерживалась чистота. Для мытья посуды горячей воды нет, а холодной жир не отмывается. Единственный способ, которым пользовались в вагоне – это мыть чашки с мылом. Салим так и делал. Занятый своей работой, он не заметил, как подошел к нему агитатор другого взвода.

- Агзамов, вот ваши газеты. Надо читку провести... Обращения Советского правительства...

- Слушай, Ишантураев, - Салим, не оборачиваясь кивнул на полку, куда Марат положил кипу центральных газет, и спросил:

- Читку сегодня обязательно проводить?

- Обязательно. Распоряжение начальника эшелона. – С претензией на военную речь, четко выговаривая каждое слово, ответил Ишантураев. Салим в свою очередь заявил о согласии на

узбекском языке, использовав одну из тех немногих слов, которые заучил будучи студентом на сборе хлопка в Южном Казахстане:

- Хоп – майли!

Марат Ишантураев – юноша из Узбекистана. Имеет среднее образование. Поступал в институт. Провалился. Плохо у него с русской грамматикой. В диктантах допускает ошибок от десяти до бесконечности. Но удивительно, что разговаривает он без запинки, легко и грамотно, почти без акцента. После неудачного «дебюта» по совету отца Марат решил получить необходимый трудовой стаж. Поступил на стройку. Сперва был разнорабочим, потом – каменщиком. Закалка оставила след на его телосложении. Он не худой, но длинный, точнее с фигурой легкоатлета или баскетболиста. На нем поношенный спортивный костюм. В беретке. Лицо его скорее европейского типа, чем азиатского. Если бы не едва заметная смуглость кожи и небольшой припухлый нос, его можно было бы принять совершенно за русского. Правда, черты его лица еще не определенные или, как говорят, детские, не установившиеся. Сам начальник эшелона капитан первого ранга Шкагаль имеет к нему особое расположение. В нем кроется довольно памятная и оправданная причина, связанная со встречей с его родителями...

Первоначально эшелон Шкагаля формировался в Ташкенте. По пути вливались новые команды. И вот он от Новосибирска прямым ходом идет на Тихий океан.

В те дни в Ташкенте погода стояла не осенняя, теплая, солнечная, по – настоящему южная. Сутолока при отправке была обычная. Есть здесь свои особенности. Город большой. Народ пестрый. Тут и солдаты, и моряки, и призывники. Тут и пассажиры, сутками стоящие в очереди за компостировкой билетов и просто за билетами. Тут и узбеки, и русские, и армяне, и казахи, и цыгане. Цыгане расположились гуртом, табором со всем своим движимым и недвижимым имуществом. Последние из цыган – кочевников.

Даже в такой разноязыкой, разнородной толпе Шкагаль выделялся своей редкой в этих краях флотской формой и внешностью. Так что не стояло особого труда полковнику в отставке Ишантураеву быстро отыскать полковника, как он называл Шкагаля.

Ишантураев добивался у Шкагаля не опеки над его сыном Маратом, не ходатайства об определении его в лучшую часть. Корень вопроса – глубже. На днях два эшелона направили на Черное море. Ишантураев требовал для сына Черного моря. Он считал, что имеет

на это право. Он, полковник Ишантураев, не только влиятельный, авторитетный человек, он – знаменитый человек. В годы войны – начальник политотдела Национальной дивизии. Заслуг хоть отбавляй. Он, в черной дойне² с белым нусха – орнаментом, в серо-стального цвета кителе с отложным воротником, в сапогах, не потерял выправки. Полнота, нажитая годами, не мешала. Подвижный, как юноша. Правая половина груди полна орденов: многие – по два – три, только орден Отечественной войны один. Не доставало Звезды Героя. Во всяком случае для него свободного места не было. В честь отправки сына в армию бывший полковник Ишантураев прицепил все награды и немного выпил. Схватив Марата за руку, он шел сквозь толпу без задержки. Расчищал себе дорогу, как бульдозер.

В голове состава оживленно разговаривал с группой офицеров, милиционеров и штатскими Шкагаль. Ишантураеву никого не надо, кроме Шкагалья. Он начал сходу, с налета, без вступления:

- Полковник, ты понимаешь, вот мой сын... худой, больной. Ему Черное море...

Марат не выдержал. Вырвал свою руку. Отец не унимался. Он продолжал еще громче. Побагровел. Давал волю темпераменту и нервам, теперь уже жестикулируя обеими руками.

- Два эшелона отправили на Черное море. Ты забрал сына. Я говорил – Черное море, Черное море. Ты – Тихий океан, Тихий океан. Ты – полковник, я – полковник. Нет общего языка. Какой позор!

Шкагаль встречался с Ишантураевым на сборном пункте. Знал его заслуги. Но, как каждый человек, любящий свое дело, привык ревниво и с чувством ответственности относиться к своим обязанностям. Тем более чувствовал за собой правоту. Он связал свою жизнь с Тихоокеанским флотом и любил его. До сих пор Ишантураеву не говорил об этом. Тут не выдержал.

- Да вы видели Тихий океан? Да вы знаете, что такое Тихоокеанский флот? Это – настоящий, могучий флот. А вы Черное море... Ваше Черное море – лужа по сравнению с Тихим океаном.

Шкагаль говорил, все более и более распаляясь. Даже желваки, как два шарика, нервно забегали. Он говорил так только тогда, когда задевали что – нибудь его самое заветное, оскорбляли его идеал.

² Дойна – узбекская любетейка

-Тихий океан – раздолье для моряков. Мускулы! Настоящая закалка! А вы жили в Приморье? Знаете какой там климат? Природа? Какой край!-

Ишантураев с недоверием посмотрел на офицеров. Они всецело поддержали своего командира. Природа наделяет людей вспыльчивостью, горячим характером и, как противоядие к этому, прибавляет быструю перемену чувств. Ишантураев после столь убедительных слов капитана первого ранга сдался:

- Даешь Тихий океан! Марат держись полковника. Он- мой друг.

Офицеры весело переглянулись. Посторонние с улыбкой стали расходиться. Марат покраснел и сунул руки в карманы, чтобы не казаться зеленым мальчишкой. «Полковники»ударили по рукам. Но разговор на этом не закончился.

- Полковник, слушай. Ты- наш гость. До отправки много времени. Поедем ко мне. Национальное блюдо покушаешь. Плов. Водку не будешь пить. Один коньяк. Поедем.

В ответ Шкагаль дружелюбно спросил:

- Простите, как ваша фамилия?

- Ишантураев.

- Как ?

- Ай, зачем фамилия? Зови просто Абдурахман.

- Ну, вот Абдурахман. Ты был военным. Ты знаешь сколько забот!

Ничего я не должен упустить из поля зрения. – Шкагаль тоже перешел на « ты ».Он хотел расположить к себе Ишантураева и добиться его согласия с ним скорее. Ему надо было съездить в город. Он искал электрическую бритву марки «Харьков». Но уже поздно. Спор решило другое обстоятельство. Ишантураев, вспомнив о заседании в Академии наук, сокрушенно проговорил:

- Совсем забыл. Жены дома нет. В Академии заседает. Она- доктор наук. Плохо, когда – жена большой человек. В гости друзей звать плохо.

Шкагаль облегченно вздохнул. Посмотрел на облитое синей краской небо. А потом проводил глазами «Волгу» со стремительным оленем впереди, на капоте. «Волга» бесшумно подъехала и стала в ряд с другими легковыми машинами. Из нее вышла женщина, высокая, представительная, с благородной внешностью.

«Современная узбечка» определил Шкагаль. Ишантураев засуетился от радости:

- Вот и она. Жена моя – Фарида!

Фарида подошла и с достоинством поздоровалась. Тяжелые косы аккуратно уложены на затылке. На левой руке – плащ. В правой – сумка. В серо – стальном платке. В пиджаке. Слева – значок депутата. В ней чувствовалось усталость, какая бывает после утомительной работы. Но в глазах блестели беспокойные огоньки. В Шкагале при виде ее зародилось странное чувство, похожее на то, какое бывает у провинившегося в чем-то человека.

Ишантураев не преминул воспользоваться случаем. Он рассчитывал на помощь жены.

- Фарида, пригласи полковника в ближайшую чайхану. Он меня не слушается. Ему надо пообедать.

В чайхане былолюдно. Абдурахмана Ишантураева встретили как всеми уважаемого и почетного человека. Пообедали. Супруги Ишантураевы все – таки уговорили Шкагалья выпить сто граммов коньяку. Посетители улыбались и приветливо здоровались с большим начальником в морской форме.

Когда вошли в купе, на столике появились огромный арбуз и небольшой сверток. В свертке – бутылка коньяку и бритва марки «Харьков». Их принес незнакомый человек, родственник Ишантураевых. Шкагаль догадался, в чем дело, и предъявил ультиматум:

- Я заплачу за все или уносите.

Его друзья переглянулись. Они поняли, что Шкагаль – человек, впервые посещающий Среднюю Азию. Отказ прозвучал категорически, наотрез. Ишантураев согласился:

- Хорошо. За бритву плати. А за это денег не возьму. Как хочешь. Ты – друг, гость, пожалуйста, уважай наши обычаи.

Шкагалья тронуло внимание и гостеприимство незнакомых людей. Он увез лучшие впечатления о Средней Азии...

- В общем, Агзамов, иду, - Марат сдвинул беретку на затылок, обнажив бритый лоб. Двинулся дальше по вагону, перебирая газеты с шапкой на первой странице «Руки прочь...

Байкал остался позади. В Чите была проведена прогулка. Серые колонны, а вернее толпы молодого народа, шутя и кривляясь, как клоуны, шли и вздыхали во всю емкость легких свежий воздух. Команда «по вагонам» и снова: дорога, стук колес, песни, наряды.

В последнее время часто доставалось от старшин: « Объявляю наряд, объявляю два наряда». Порядок и наряды росли в обратной пропорциональности. Конечно, относительно. В пределах возможного и необходимого в среде новобранцев.

- Призывник Еркинбаев, за курение в неподобающем месте объявляю наряд вне очереди.

Салим метнулся в проход, услышав знакомую фамилию. Инабат спокойно сидел, зажав в кулак папиросу, и смотрел в окно. Дым просачивался сквозь пальцы и жидким, сизыми струйками тянулся к столику. Красильников отчитывал нарушителя:

- Встаньте, когда к вам обращаются. Ваше счастье, что двое уже отхватили наряды. Аврал забит. Идемте со мной.

Инабат, нехотя встал и пошел за старшиной II статьи Красильниковым. Он ясно затосковал. Заскучал по родным местам: по отарам овец, которых он гонял с восхода солнца до заката и по ковыльной степи. Красильников поставил его в коридоре:

- Никуда ни шагу. Первая работа – и вы обеспечены. -Инабата ничего не волновало. Он смотрел в окно. Там – забайкальские степи. Его чуть раскосые глаза, подернутые пеленой грусти, заметно просветлели. В вагоне поднялся шум. Красильников обернулся и увидел на проходе множество рук. Они хватали и не пускали проводницу. Девушка растерянно и зло отбрасывала их, но они снова тянулись к ней, как конечности гигантского осьминога. Красильников побежал на помощь.

- Прекратите безобразие!

Окрик оказалось недостаточно. Старшина силой вытянул девушку и пропустил перед собой.

Еркинбаев совсем отвернулся от прохода. Смотрел в окно, думал, думал. Видел забайкальские степи, представлял казахские. Видел горы – представлял родные, Чингисские. Дорога надоела. Угнетало безделье. Прошел час, другой... Ни Красильникова, ни работы не было. Стемнело. За окном вагона-чернота. Мелькают огни на полустанках. Инабат услышал возню. Обернулся. Никого нет. В отверстие на двери служебного купе заметил две ноги, по колена оголенные. Платье медленно поползло вверх.

- Укладывается спать. - подумал Инабат! Но жуткая догадка пронзила мозг. В отверстии вместо двух ног показалось четыре. Прибавилось две ноги в черных штанах со стрелками.

- Как бараны! – Инабат выругался, махнул рукой и покинул место наказания. Никому не сказав ни слова, забрался на свою третью полку, бросил под голову пустой мешок, лег и закрыл глаза.

Долишняк сидел внизу и рассказывал ребятам о флотской службе, о матросском житье – бытье. Любопытство распирало новобранцев. Вопросы задавали наперебой:

- Когда переоденут?
- Все ли попадем во флот?
- Оставят ли взвод так или распределят по – новому?
- Какие формы существуют у матросов?
- Трудно ли заслужить отпуск?

Долишняк был строг, но словоохотливый. На вопросы отвечал с готовностью.

Утро следующего, последнего дня не отличалось особо от предыдущих. Вместо суеты, сборов, обычно предшествующих конечной остановке, прибавилась задумчивость. Собирать, собственно, было нечего. Мешки и чемоданы опустели. Их выкидывали на каждой остановке. И на каждой остановке под окнами образовывалась куча утильсырья.

- Инабат, займи мне очередь.

Салим взял бритвенный прибор, полотенце и, покачиваясь в такт движения поезда, пошел к туалету. Зашли вместе. Салим заговорил первым.

- Хорошо, что ты вчера спасся от аврала. Долго стоял?

Инабат ответил по- казахски:

- Я ушел.

- Почему?

Инабат многозначительно посмотрел на Салима, подумал, но потом медленно отвернулся и уставился в стекло вагонного окна.

Мерно и привычно стучали колеса состава, легко и ритмично подпрыгивая на стыках рельсов. Бездна Уссурийской тайги все проглатывала и проглатывала основательное длинное туловище поезда. И чем дальше оставались степные просторы, тем больше давило неокрепшее юное сердце Инабата чувство безнадежности и отрешенности. Его успокаивала лишь одна мысль, что все мальчишки в концов едут на службу и здоровыми и невредимыми, окрепшими возвращаются домой. К тому же еще был рядом знакомый человек, бывший друг сестры - Салим. Правда, между ними существовал непроницаемый барьер, подкрепленный непоправимыми бедами, в

совершении которых каждый из них участвовал по-детски глупо и без злого умысла. Время излечивает раны, хотя оставляет болевые следы для поры зрелости и старости... Но как вернуть Салиму отца! Несмотря на юность, Инабат осознал свою причастность, вину перед этим непоправимым горем. Салим повернул к зеркалу левую щеку, приловчился и отхватил безопасной бритвой косой висок. Порезался. Вытер ладонью кровь, поморщился и зло, сквозь зубы, выделяя ударение в каждом слове, продекламировал щепетильные стихи одного поэта- эмигранта:

Что верно, то верно: нельзя же силком

Девчонку тащить на кровать.

Ей надо сначала стихи почитать,

Потом угостить вином.

Инабата не тронули эти глубоко интимные стихи. Его маленькие с широким длинным разрезом красивые глаза в вспухших орбитах беспокойно забегали, как маятники часов.

- Я бы их сек камчой. Как бараны, которым так легко и просто перескочить с одной овцы на другую... Камчой бы таких,...- заключил Инабат свое раздражение перед нравственным падением иных молодых людей.

Нет. Тут лекарством не поможешь.

- Чем же? Где это лекарство?

Салим нахмурился еще сильнее. Ему не нравился тон Инабата. Да и само содержание вопроса, столь неуместного именно с этим собеседником. И он чистосердечно признался:

- Не знаю. — И чтобы перевести тему разговора, как бы оправдываясь, пояснил:

- Это стихи русского поэта, эмигрировавшего из нашей страны после революции. Фамилию забыл. А стихотворение, кажется, называется «Парижские окна»- И указывая большим пальцем назад, на хвост поезда, добавил:- Наверное, это все с Запада, оттуда...

- А только ли с Запада?- увлеченно и доверительно продолжал Инабат разряжающий как- то натянутость отношений разговор.

- Значит и с Запада, и с Востока. Были же в Азии полигамные семьи: у одного мужчины несколько жен с детьми, которые обычно враждовали.

- А сейчас все делается просто, как бы по- дружески. Понять и разобраться в этом моего ума не хватает. Противно и только. Ведь я и тогда, увидев Айсулу в вашей «Волге», вспомнил про этих двуногих

баранов. Знаю, ты не можешь меня понять. Многие не понимают, как я привязан к своей сестренке Айсулу. Мы еще до рожденья были связаны одной пуповиной. Всего тридцать минут разницы в нашем возрасте. Рассказывают, что мы только начали ходить и уже стали заботиться друг о друге. Если один из нас на улице отставал, то другой возвращался и подталкивал в спину. Если одного родители ругали, то другой заступался. Правда, бывали перетяги из-за игрушек. Поэтому нам всегда покупали все одинаковое... Всегда росли и учились вместе. В институт я не прошел по конкурсу.

- Не беда, - успокаивающе произнес Салим, закрывая за собой дверь туалета. В армии еще подучишься и поступишь. Там, смотришь, и льготы будут.

Из вагона неслась струя кисловатого и терпкого запаха, к которому нужно постепенно привыкать. Форточки все открыты, но и народу в вагоне набито битком. В ближнем купе сидел Забродин. В руках у Мирона красовался тяжелый, черный пистолет. Мирон прикидывал вес, ощупывал, рассматривал со всех сторон. Пистолет разряжен. Забродин смеялся, спорил, рассказывал. Он сам сегодня, как разряженный пистолет. Строгость как рукой сняло. Расхваливал Владивосток:

- О, замечательный город! Ваш-ни в какое сравнение не идёт. Его с американским Сан – Франциско сравнивают, весь на сопках.

Мирона уже здесь окрестили «Миронычем». Увидев пистолет Шконда слетел со среднего плацкарта, будто его морским ветром сдуло, бесшумно подсел к товарищам и лукаво спросил:

- Мироныч, скажи, сколькизарядный?

Мирон с видом компетентного человека осмотрел оружие и сказал:

- Пяти.

- Семи,- поправил Забродин и, увидев подошедших после утреннего туалета ребят, сообщил:

- Агзамов, вам - к замполиту.

- Хорошо, товарищ капитан- лейтенант.

Завернув бритву в полотенце, Салим сунул сверток в карман телогрейки. Нахлобучив шапку на подстриженную голову, направился в штабной вагон. Красильников до самого Владивостока почти не показывался. Недаром говорят: земля слухом полнится. О его ночном непристойном поступке каким- то образом узнали все.

Ошалевшие от безделья и долгой дороги призывники озорно шутили, не слушались его. Вагоном командовали Долишняк и Забродин.

- Океан, - закричал Шконда, первым увидевший огромную массу воды. Справа показался водный бассейн. Вода без конца, как бескрайняя степь. Равнина пенистая, грозная. Волны накатываются на степь торопливо. Они, как сказочное морское чудовище, бегут мечутся, раскрыв зев, белый, слизистый. Где противоположный берег? Где граница бассейна? Или это действительно океан? На разном отделении – катера. Они на волнах, как спичечные коробки, качаются, танцуют. Вот – вот перевернутся. Или это просто кажется на фоне безбрежного, волнованного простора. Все это в целом – большой икс. Но здесь прежде всего пользуются тем учебником, основой которого есть не формула Ньютона, а формула Суворова: «Трудно в учении, легко в бою».

Салим прижался щекой к оконному стеклу. На улице еще светло, а в помещении – признаки ночи. Увидел впереди каскад огней. На скале – ряд стандартных новых многоэтажных домов. В окнах – точки электрических лампочек. В Салиме пробудилось веселое чувство от обнодеживающего сознания человеческого бытия: везде живут люди. Дома были светло-желтые: приятный глазу цвет. Люди везде создают уют, красоту. Замполит Иванов – Смоленский многозначительно сказал: «Вы, Агзамов, будете выступать на митинге». В выступление введите слово «форпост». «Что-то вроде: На форпостах стоять верным стражем Родины».

Обязательно скажу, решил Салим, согласно кивнул головой.

По вагону ходил комвзвода Забродин и зычным голосом комментировал, как громкоговоритель:

- Товарищи, Владивосток! А это – бухта, называется «Золотой рог». Так называли его наши предки. Потому что тянется в форме рога. И во – вторых, «Золотой» потому, что здесь порядочная глубина и не бывает бурь. Кораблям – безопасное место.

Шконда вертелся возле Инабата. Он старался навести на аульного парнишку страх.

- Вот так, друг. Прощай, ух, аул. Прощай, мама. Три года. Кругом – вода, шторм, качка. Палуба скользкая. Зазевался – волной тебя /Шконда присвистнул/ за борт.

Глаза Инабата оживились, бегали, напоминая беспокойство ласточек, когда они сидят на проводе.

- А плавать научат?

- Должны.
- А как научат?
- Очень просто. Обвяжут тебя веревкой и в воду. Барахтайся, пока не научишься.

- А если не научишься?
Еще раз бросят. Еще и еще... Им не надоест. Ничего. Три года побарахтаешься- научишься.

Инабат прикрыл глаза. Имитировал в уме движения, представляя как плавали городские ребята на Иртыше. Думал: нужна упругость Забирался же на самую высокую и трудную скалу в Чингисе. Неужели не научусь? Научусь.

- Научусь,- со всей решительностью заявил Инабат.

Шконда удивленно посмотрел на него и понял, что дальше «заводить» нет смысла.

На берегу, где выстроились новобранцы, невообразимый шум. Стоит гул, как на большой стройке. Это шумел вечерний прибой на Амурском заливе. Команда «направо», и колонны опухших, заспанных лиц побрели по незнакомым улицам незнакомого города. Под ногами- желтая жижа. Грязь ребята месили смело, а лужи старались перепрыгнуть, хотя обувь у всех далеко не модная и не первой свежести.

- Товарищ капитан-лейтенант, и вы этот город расхваливали,- не унимался Шконда.- Сзади – вода, над головой вода, под ногами- вода и грязь. Запросто ревматизм заработаешь. Хоть солнышко родненькое бывает здесь?

Призывники насторожились. Многие уже начали сомневаться том, что это светило,- неизбывный источник тепла и света-проникает сюда.

- А к вам откуда приходит солнце?- тем же шутливым тоном спросил Забродин.- Если вы не забыли географию, с Востока. Верно?

- Ну,- недовольно буркнул Шконда.

- А теперь сделайте вывод.

Шконда оглянулся на Салима и Мирона, которые шли рядом и подмигнул: жить можно. Салим молчал. Мирон тоже. Салим обдумывал выступление. А Мирон лишний раз не проронит ни слова: это его естественное состояние, или вернее, искусственное. Он приучал себя к этому. Успехи- налицо. А выступление у Салима в голове почти готово...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Служба как служба

- Призывник Агзамов.

- Я.

Старшина среднего роста с небольшими карими глазами читал список призывников. Его густые с рыжеватым отливом усы были настолько пышными, что закрывали губы совсем, когда он смотрел вниз, на лист бумаги.

- Следующий. Призывник Силаев.

Голубоглазый юноша спокойно повернулся к старшине, и, дружелюбно кивнув головой, сугубо по – штатски отозвался:

– Силаев.

Помещение мандатной комиссии, распределяющей призывников по воинским частям, состояло из двух комнат. В первой столы были заставлены буквой «Г», во второй приплюснутой буквой «П». Офицеры сидели лицом к входу, а призывники – спиной. В первой комнате свободных мест уже нет, и вошедшим пришлось пройти дальше. Взгляд Салима встретился с большими серыми глазами круглолицего офицера, на погонах которого были два просвета и одна большая звезда. Тот мизерный запас воинских знаний, который успел Салим приобрести в дороге, помогли ему точно определить звание незнакомого человека. Он – майор, а не «кап – 3», потому, что погоны темные, а не светлые.

Постепенно выяснилось, что команда эшелона была сборной: младшие командиры были направлены с экипажа, а офицеры – с учебного отряда. Иванов – смоленский и Забродин когда-то начинали службу на надводных кораблях, отдали морю многие годы. Несколько лет назад капитан первого ранга Шкагаль как опытный воспитатель и заслуженный командир был назначен начальником ШМАСа, которую вскоре вывел в число лучших по флоту. Выпускники школы служили потом на приводных станциях и пеленгаторах и на суше и на надводных кораблях – авианосцах или, как кратко называли, по ЗОС /земному обеспечению самолетов /. Служба ответственная: самолеты реактивные, сверхзвуковые, мощные и чувствительные, требуют от пилотов и всей наземной службы полных и крепких знаний и филигранной отточенности и находчивости в их применении.

Салим собрался было доложить майору, но его толкнул локтем в бок его друг:

- Смотри, Шконда химичит.

Да, это действительно был Шконда. Он вертелся около аппарата на ключе, с видом знатока совал нос то справа, то слева, то сверху. Внимание всех присутствующих обращено на него. Усатый старшина дал ему задание: передай три буквы «А», «К», «Т».

Комнату заполнили тонкие, пронизательные, телеграфные звуки. Шконда заработал на ключе, быстро – быстро двигая кистью правой руки, но сразу же сбился, смутился и, махнув рукой, встал:

- Забыл все. Я с пацанами часто играл в морзянку. Долбил – будь спок.

Старшина добродушно взял его за плечи и повернул к себе лицом. Как мать поучает ребенка, так и он, махая указательным пальцем, заговорил:

- Заруби себе на носу. Не лезь туда, о чем понятия не имеешь, мой дорогой.

Шконда, ухмыляясь, зачесал в затылке. но в душе почувствовал, что в словах старшины есть что-то более глубокое, затаенное. Салим недобровительно отвел глаза от Шконды.

- Товарищ майор, призывник Агзамов.

- Хорошо, садитесь.

- Овальное лицо майора выглядело не по – мужски милым. Прямой нос маленького размера не соответствовал большим глазам и широкому лицу. Потому он казался искусственным. Ослепительная белая кожа лица с плюшевым отблеском скрадывала этот недостаток и даже превращала его в необходимую особенность. Салим перед этим симпатичным лицом забыл о тревогах за будущее, забыл о первом осеннем морозе, который стукнул сегодня с утра и наказывал тех, кто для потехи разрезал и разорвал свою одежду в клочья, забыв о длительном отсутствии солнца. Агзамов вообще был на виду у командиров. Его выступление на митинге произвело впечатление, и ему предложили остаться здесь в экипаже, на политмассовой работе. Но Салим держал сие в резерве.

Разговор в гостинице с Мироном о премудростях кибернетики глубоко засел в сердце, и он решил как-то приобщится к технике. Майор будто читал его мысли:

- Вас возьмем в учебный отряд. Учитель. Получайте специальность радиомеханика. Дальше служба в боевых частях ВВС.

Салим понимал, что это, чего ему надо. В то же время чуть подсказывало, что больше такого разговора на равных не будет, и Салим, пока есть возможность, хотел добиться одной уступки. Какой? В чем? – он не знал. Может быть, просто хотел поставить в известность будущего командира о том, что он, Агзамов, имеет выбор в армии, что с его мнением считаются главные командиры, что его хотят оставить здесь, в экипаже, но, что он, Салим Темирбекович, хочет шагать в ногу с веком и получить радиотехнические знания. Салим потер лоб и приступил излагать свои мысли.

- Я мечтаю поступить в аспирантуру. Я обучал и воспитывал детей в школе и в пионерском лагере. Делал нужное дело. Знаю, служба – долг каждого гражданина... Приложу все силы, чтоб служить хорошо. И скажу, что моя задача – скорее отдать свой долг и вернуться в школу.

- Вам предлагали остаться в экипаже?

- Да.

- Что вы им сказали?

- То же, что и вам.

- Хорошо. Можете идти.

Майорово лицо дрогнуло в улыбке. Глаза остались неподвижными. Салим встал. Его лицо было полно решимости установить контакт с майором. Из небольшого жизненного опыта Салим знал, что, если человеку симпатизируешь, то он обязательно ответит тем же. Бессмысленно озираясь, он посмотрел в окно на серое небо, на веселую толпу новобранцев и широко улыбнулся. Опустив руки по швам, круто повернулся кругом и пошел на выход.

В дверях появились Мирон и старшина Хотимцев. Покусывая левый ус, старшина, который занимал должность начальника кабинета радиотехнических средств в военной школе, слушал Мирона, понимающе кивал головой и, нетерпеливо теребя список, сказал:

- Еще поговорим, Силаев.

К Мирону подскочил растревоженный Салим. В черных глазах его блестели веселые искорки.

- Куда?

- В учебный отряд.

- Отлично.

Друзья стукнули по рукам и Салим с напускным шиком извлек пословицу из забытого арсенала:

- Хочешь жить – умей вертеться. Клянусь, я с этим майором буду «вась – вась».

Мирон недовольно поднял брови и молча посмотрел на Агзамова. Салим не придавал значения его взгляду и пригласил в казарму, но Мирон спокойно отказался. Он неотрывно смотрел вслед уходящему Салиму и понял, что в нем происходит какое-то брожение... Лодка плывет, послушная взмахам весел... Бороздит реку против течения пароход. Поднимаются волны и лодка сбивается с курса. Сильные руки ставят ее на правильный курс, но может она и перевернуться... эта картина, знакомая с детства, со всей ясностью предстала перед глазами Мирона.

- Силаев, вы говорите: кибернетика, кибернетика. А ведь без человеческого мозга она – ничто. Ерунда на постном масле.

Улучив свободную минуту, старшина подошел к Мирону. Ему как – будто хотелось опровергнуть преклонение Мирона перед научными книгами. Хотимцев был практиком до мозга костей. Он знал наизусть все радиоустановки, которые изучали курсанты. Мечтал о большем. О вычислительных машинах. Знаний не доставало. Силаев напомнил ему об этом, безотчетно заговорив о перспективах семиотики. Идти на попятную было поздно, и Мирон решил поддержать старшину по – своему.

- Совершенно верно. Теория без практики – бесполезный груз на бумаге и в голове. Все начинается с практики. И наука... Практика – основа основ.

Такое объяснение общей точки зрения утвердило в старшине уважение к Мирону. Закручивая левый ус, Хотимцев устремил свои карие глаза, полные удовлетворения, доверия и поддержки, на молодого образованного собеседника.

Салим в это время вышел на крыльцо. Натянул шапку наперекосья: уши торчали в разные стороны на одной линии по диагонали. На левой полусогнутой руке висел мешок с несъедобным содержимым, съедобное давно определено по назначению. Правую заложил на спину. Пнул камешек, лежавший перед ним, и заковылял, как старик – нищий или путник, перенесший бедствия дальней, трудной дороги. Салимом овладело ребячество. Ему хотелось дурачиться, кого-то разозлить, кого-то рассмешить, идти напропалую. Перед белым двухэтажным зданием сгрудились сотни таких же, как и он. Они тоже дурачились: шумели, кричали, толкались, рвали на себе одежду. Всех перещеголять не так-то легко. Никто и внимания не обратил на

Салима. Он не расстраивался, лишь бы не заскучать. Три года – как – нибудь...

Дверь в казарму была заперта изнутри. Там шла уборка. Наиболее чувствительные к морозу с посиневшими лицами толпились у входа Салим дернул дверь. Никого. Дернул энергичнее и крючок отлетел. В дверь высунулся старший матрос и простуженным голосом прохрипел:

- Чего тебе надо?
- Пусти. Постели подправлять буду.
- То палкой не загонишь. То сами лезут. Холодно? Да? Ну, иди.

Покровительственный тон старослужащего слегка задел Салима. Он стряхнул с двух одеял мусор, криво улыбнулся и, бросив под голову мешок, забрался на средние нары поглубже, чтоб никто не видел. Мысли, как бесчисленное множество электронов, беспорядочно летели в голове. Потом потянулись вереницей в определенном порядке. Первая мысль была о родной матери. Добрая, заметно постаревшая за год мать. Не знающая покоя. Салим вспомнил руки матери: заскорузлые, с потресканной кожей и разбитыми ногтями. Раньше он не задумывался почему у матери такие руки. Она работает дома и на даче, а он веселится, гуляет, читает книги, слушает музыку, ходит в кино и рестораны. А если мать скажет: полей цветы, вынеси мусор, подотри полы, ответ всегда готов: «я занимаюсь. Завтра – зачет, завтра – семинар». И мать отступала перед столь магическими словами:

- Пусть занимается: для необразованного и ночью темно, и днем темно.

Чувство стыда пронзило беззаботное сердце Салима. В глазах от мысли о матери неожиданно навернулись слезы: «Я всегда думал только о себе. Значит, я – первый эгоист. Я хуже парня – здоровяка. Может быть, он помогал матери, а я – нет». Салим сильнее прижался к матрасовке, набитой сеном, и мысленно ощущал теплоту, ту единственную, материнскую. В своих глазах он становился тем, чего больше всего боялся, беспомощным ребенком и, как ребенок, хныкал. Вот так, прижавшись к матери, он бегал за ней целыми днями. Она не покидала ни на шаг маленького Салима: взяв за ручку, водила в магазин, на базар, в гости к родным. Когда у мамы бывали руки заняты, Салим держался за широкий подол. Салим это помнит, хотя ему тогда было всего 5-6 лет, а может быть, меньше. Мальчишки начали дразнить: «любимчик, маменькин сынок, залезь под подол

мамки». И с годами отношения переменялись. Стал избегать ласки, равнодушно воспринимать материнские заботы. Теперь он даже не помнит: целовал ли хоть раз маму. Но хорошо помнит, что уезжая в армию, не поцеловал. Она - чуткая, добрая, мама. Она нравится Айсулу. Айсулу тоже понравится матери. Если Айсулу не забудет Салима, дождется, то у них будет своя маленькая, счастливая семья: Салим, мама и Айсулу.

При мысли об Айсулу Салим ощутил прилив радости, как – будто сердце встрепенулось, как что-то живое при звуках любимой мелодии. Словно приласканный тигренок, Салим лежал тихо, безмятежно и фантазировал...

Вот он едет домой. Ему невмоготу от нетерпения перед встречей с любимыми людьми. Ему не сидится на месте. За окнами вагона – дома родного города. Над домами – рыжая каланча с надписью: о пожаре сообщи – ОI и остроконечные главы мечетей с желтой луной на шпилях. Салим выбежал в тамбур. Высунулся в дверь, держась за перила. На ветру развиваются его ленты бескозырки. На перроне нового красивого вокзала мать и Айсулу. Мать от радости засуетилась и бежит мелкими шажками. Айсулу одной рукой ведет мать, другой машет моряку из первого вагона. «Алма – кыз, Алмажан». Соседи – татары самую любимую старшую сестру зовут: алма – апай, т.е. тетя – яблоко. Салим назвал девушку «алма - кыз» / девушка – яблоко/. Облик Айсулу точно, как яблоко. Овал лица, румянец на щеках и бархатная нежность кожи. Жизнь! Как она разнообразна. Какие дебри имеются в ней. Веселые друзья – разнузданные «битые». Инабат и единственная Айсулу. Шумные пионеры и ученики. Шкагаль и Смоленский. Красильников со своей кондукторшей. Симпатичный майор Котов и усатый старшина Хотимцев. Мирон с таинственной Надей. Все – таки замечательный парень этот Мирон!... Разные картины и лица толпятся перед мысленным взором Салима. Они возникают на экране памяти, постепенно сливаются и незаметно уплывают в темноту. Салим незаметно уснул.

... Дул пронизывающий приморский ветер. Приударил морозец. В кузове громыхающего по рытвинам и камням «ЗИЛа» - группа новобранцев и сопровождающий младший сержант. Лед на рытвинах под тяжестью машины не ломался, но трещал. И на нем оставались крупным узором отпечатки шин. Ветер – на встречу, жгучий, резкий, морозный. Младший сержант по – старшинству сидел впереди. Весь

посинел и от холода втянул шею в воротник бушлата. Ленты бескозырки трепетно развевались, шурша, как голубиные крылья. Но от этой красоты на морозном ветру ушам не было легче... Младший сержант только ежился и водил шеей. Крепился, чтоб не скомпроментировать перед «молодыми» марку «флотского парня», «старика».

- Товарищ младший сержант, разрешите я сяду вперед. Все – таки я в пальто, - предложил Мирон, и, нахмутив брови, глубже укутался в пальто. Сел на место командира.

Из нескольких слов, которыми перебросились перед отъездом новобранцы, знали кое-что о младшем сержанте. Он был комсоргом роты. Его фамилия – Саенко. Служит по третьему году. К концу второго года ездил в отпуск на Украину. Саенко интересовался талантами: певцами, музыкантами, плясунами. Но таковых не оказалось. Один вез свой баян, однако будучи любителем – самоучкой, играл посредственно. Салим о себе промолчал: внезапно заболел меланхолией и предпочитал покой и отчужденность. Саенко, ехавший в экипаж с радужными надеждами на кадры самодеятельности, окончательно разочаровался и всю дорогу молчал.

«ЗИЛ» вырулил на ровное шоссе. Тряска кончилось, мороз, казалось, прибавился, потому что и нос требовал теплого укрытия. Ехали на возвышении. Город, как на ладони, если можно так выразиться о приморском городе, который весь расположен на сопках. Дома одноэтажные и многоэтажные, малые и большие, лесенкой расположились вплоть до вершины.

Телевизионная вышка стоит на самой высокой сопке. Сама природа создала такое удобство для работников телестудии и телезрителям. Вдоль шоссе густо тянутся деревья: тополя, березы, осины, сосны и дубы. Дубы стоят со сморщенными, кофейного цвета листьями, которые держатся всю зиму. Однотипные голубые дома с красивой верандой, выходящие на шоссе, и белые курортные здания говорят о том, что летом здесь можно проводить отпуск не хуже, чем в Крыму. Мирон не выдержал и нарушил молчание:

- Здорово похоже на Подмосковье!

Саенко тоже оживился, оглядел своих подопечных и предупредил:

- Приготовсь. Подъезжаем.

Территория части – на загляденья. Светлый фасад здания. Заасфальтированный плац, на котором нет ни соринки. Аккуратно постриженные деревья. «Смотреть приятно, а как будет для службы».

Пожалуй, каждый думал об этом, впервые въезжая в железные ворота с тяжелыми якорями.

Служба началась с обеда, с приема пищи. Приехали как раз во время, в час двадцать. Привели новобранцев прямо в столовую. Заломив шапки, призывники озирались по сторонам, как крестьяне в кино, прибывшие в городское учреждение с прошением. В столовой тоже чистота и блеск. Два ряда длинных столов, накрытых клеенкой. На стенах – «Девятый вал» Айвазовского, чей-то натюрморт, и Перова «Охотники на привале». Салим ухмыльнулся. Обстановка удивила его. Он представлял, что в армии, где одни мужчины, процветают грязь, сквернословие и безвкусица. Прибыл строй матросов. Тоже бритые, молчаливы. Но они – в форме. Новобранцы, переодетые в матросскую робу и вновь только прибывшие прошли за длинный стол и встали. Прозвучала команда:

- Взвод сесть! Приступить!

Первое впечатление у Салима и его спутников было очень противоречивое. С одной стороны – уют и порядок, с другой – потеря самостоятельности. Салим бросил тревожный взгляд на Мирона, который сосредоточенно ел, как будто думал только над тем, как бы лучше справиться с борщом и гречневой кашей. Кроме него из общих знакомых тут – Шконда и Ишантураев. С остальными армейские пути – дороги разошлись. Салим жалел только об Инабате: как-никак – земляк, с одного района, и самое главное – брат Айсулу.

Второе занятие которое предписывалось тоже по долгу уже начавшейся службы, оказалось столь же нетрудным. Это – мытье в бане. Ребята с удовольствием скинули с себя тряпье, которое за дорогу окончательно просолилось и отяжелело. Мылись без шума и суеты. Переодевались весело. Смешно и непривычно было смотреть друг на друга в одинаковой форме. Непригнанная и необношенная роба уродовала фигуру. У Мирона Силаева появился второй живот, поэтому он выглядел неповоротливым толстяком. А Шконду хоть сейчас бери и выставляй на арену цирка: плечи обвисли, непомерно длинные штаны валялись на полу. Он смешно болтал рукавами. Шконда входил в свое амплуа! Смешно заговорил:

- Дорогие друзья, добрый вечер! Перед вами дважды лауреатный, трижды фестивальный... Фестиваль – шестиваль...

Старшина Харитонов, недовольный шуткой, по давней привычке командирским тоном одернул Шконду:

- Товарищ матрос, прекратите баловство.

Строгий голос и еще непривычное, новое обращение «матрос» оказали магическое действие на всех.

Воцарилась тишина и до самой казармы шли молча. И вдруг по дороге за поворотом встретилась ватага мальчишек. Один из них, попустуе, крикнул, давясь от удовольствия:

- Смотрите, салаг ведут. Салаги, салаги...

Салим не выдержал и показал кулак непрошенному забияке и зло пробурчал:

- Кыш отсюда, цыпленок.

Трудности начались в казарме или, как называли ее здесь, в кубрике. Инструктором взвода был голубоглазый сержант Троеглазов с русыми волнистыми волосами, которые ближе к темени заметно поредели. Плотно сбитый, со строгим, не терпящим возражения взглядом, он на первых порах относился к новичкам вполнеоляльно, как бы сочувствующие. Сержант указывал каждому свою койку, показал способы матросской заправки постели и обмундирования на ночь, помог подшить робу, пригнать по себе. После ужина распустил взвод, дал время на письма и просмотр телевизионных передач. Матросы повалили в Ленинскую комнату. Обстановка там действительно располагала к хорошему проведению тех немногих минут, которые назывались «личным временем». На стенах — любовно, аккуратно и с эстетическим вкусом оформленные стенды, плакаты, тексты присяги и морального кодекса строителя коммунизма, портреты Карла Маркса, В.И. Ленина, министра оборона, полководцев разных времен и эпох...

На длинном столе, накрытом красным сукном лежат шашки, шахматы, подшивки газет и журналов. В глубине комнаты сверкал мелькающим черно — белым экраном телевизор. Антенна на нем была раздвинута под острым углом и торчала, как усы необычного насекомого. Но сейчас не до телевизора. Ребята спешили выполнить наказ родных и друзей и принялись за письма. Содержание у всех разное. Начало и конец почти одинаковые. «Привет с Дальнего Востока» и «С матросским приветом...» Шконда приударил на романтику и художественный домysel. Он подмигнул соседу и начал: «Привет с Тихого океана». Рядом с ним сидел матрос Галиборода. Юноша живой, общительный, постоянно смеялся и острил. Разговаривал со всеми так, как будто они давние друзья. Только вместо имени при обращении пользовался уникальным

словом «матрос». Слоняясь без дела, он искал себе соперника для шашечной битвы. Все отказывались. И вот он подошел к Шконде:

- Матрос, хочешь пронесу в шашки.

- Да некогда. Надо написать письмо.

- Девушке?

- Ну да. Гале.

- Вообще-то я тоже накаваю кому – нибудь. Пусть знают, что мы здесь скучаем по ним, - сказал с хитровой улыбкой Галиборода.

И они сели строчить послания дамам своего сердца. Шконда сравнивал Галины глаза с цветом морских волн. Писал, что волны здесь большие и страшные, но что он всю жизнь мечтал стать моряком и ему штормы не страшны... В заключение вокруг нее вывел слова: «Писал молодой моряк твой Толик». И довольный собой, он откинулся на спинку стула. Галиборода удивленно спросил:

- Ты уже?

- А что мне клопа давить. Сам знаешь, матросское сердце-не камень... Фестиваль – шестиваль...

- Матрос, дай я прочту.

Галиборода был в восторге от такого романтического текста. Он смеялся и дружески похлопывал Шконду по спине.

- Слушай, матрос, мою девушку тоже Галей звать. Только у нее не голубые глаза. Но сойдет. Дай перепишу. У тебя здорово получилось!

Польщенный Шконда великодушным жестом положил письмо перед Галибородой.

- Валий. Переписывай. Пусть девушки не забывают флот.

Сосед его скомкал свою писанину и тщательно скопировал Шкондов «шедевр». А в конце вместо «твой Толик» поставил «твой Петрусь». И новые друзья, обнявшись, вышли из Ленкомнаты чтобы опустить в ящик два одинаковых письма в разные концы огромной страны.

Агзамов не находил себе места. Давно запечатал в конверт небольшое письмо матери, а для Айсулу не стал писать. Решил немного привыкнуть к новой жизни, собраться с мыслями, потом с большим тактом и осторожностью известить о своем здравии и благополучии.

Матросы смотрели телевизор. Салим пересел поближе к экрану: передавали эстрадный концерт. Рашит Бейбутов спел «Песню первой любви» Бабаджаняна и «Песню о Баку» Кулиева. Выступил Аркадий Райкин... Гнетущее состояние, как рукой сняло. Салим даже забыл на

мгновение, что он в армии. Конферансье объявило: «Композитор Бекен Жамакаев «Вальс любви», исполняет танцевальная группа казахского молодежного ансамбля «Гульдер». Вот это здорово! Бекена – агу Салим знал и видел, когда бегал босоногим мальчишкой. Звуки знакомой мелодии приковали все внимание Салима. На сердце становилось легко, как будто он шагал по цветущим аллеям весеннего парка в родном городе. Навстречу плывет музыка Жамакаева. Кругом – улыбки счастливых людей и белые ветви яблонь... В это время открылась дверь Ленкомнаты и дежурный по роте скомандовал: «Рота, строиться на вечернюю проверку!». Выключили свет. Матросы повскакивали с мест, задвигали стульями и нехотя направились к выходу. Салим тоже встал, но трудно было оторваться от экрана, и он продолжал слушать музыку. Его блаженное состояния оборвал резкий окрик старшины:

- Товарищ матрос, вы не слышали команду?

Ничего не оставалось делать, как идти в строй. Салим заторопился на выход, но его остановил старшина:

- Выньте руку из кармана. Почему опоздали?

Выражение лица у Салима было обиженным. Он решил подействовать на эстетическое чувство старшины и взмолился:

- Товарищ старшина, любимая мелодия.

Эти слова разозлили старшину Харитонову окончательно. Его глаза забегали, измеряя Агзамова и в ширину, и в высоту.

- Я покажу тебе мелодию, мать твою так... Ты что? Приехал слушать мелодии или служить?

Салим Темирбекович, как некогда звали его пионеры, стоял перед ним, опустив руки, в синей, шуршащей робе. Голландка оттопырилась вперед трехгранной призмой. Вместо красивой, модной прически, которую Салим берег, холил и любил поправлять обеими руками враз, -чуть пробившиеся волосы. Щемящее чувство досады и отчаяния охватило его и засело камнем где-то там, в груди. Он, Салим, который воспитывал пионеров и разговаривал с их родителями, как взрослый со взрослыми, теперь стоит и сам перед старшиной, как шалун, недисциплинированный человек. Внутренний голос твердил: «Не кичись образованием». Салим промолчал. Старшина смягчил свой гнев:

- Идите в строй.

Телевизор выключили. Музыка заглохла.

Началась вечерняя проверка. Ответственный младший сержант Саенко чистым, сочным голосом, как будто пил сырые яйца, подал команду: «Рота, равняйся! Смирно!» Строй замер. О настоящем воинском строе не могло быть и речи. Но молодые матросы стояли без шума и движения.

Саенко резко вскинул руку к бескозырке и, чеканя каждый шаг, направился к Харитонову:

- Товарищ старшина, рота для вечерней проверки построена. Младший сержант Саенко.

- Проводите.

- Есть!

Саенко взял из рук дежурного старшего матроса раскрытый толстый журнал и начал:

- Сержант Троеглазов.

- Я.

- Матрос...

А матросов не десять и не сто, а больше...

... По тенистой аллее иртышского острова, безмятежно радуясь необыкновенному летнему пейзажу, взявшись за руку и идут Салим, Айсулу и Мирон. Два до блеска опрятных моряка и с ослепительной улыбкой девушка в белом платье. Кругом сказочное благолепие. Растительность на острове совершенно переменялась: высятся разлапистые, темно – серые кедры, стоят аккуратными рядами ели, как у Кремлевской стены, на цветниках источают ароматный запах красные канны, огромные гладиолусы и крупные дальневосточные розы.

Айсулу испуганно озирается по сторонам. Кругом богатый, невиданный животный мир. В прибрежном тальнике сверкнул белыми клыками хрюкающий кабан и, не обращая на никого внимания, ушел восвояси, бесшумно скрылся. Вдруг через холм перелетел, величаво распластав ветвистые рога, пятнистый марал. За ним вприпрыжку гнался огромный уссурийский тигр.

Нежная, тоненькая и гибкая, как тал, Айсулу со страху все сильнее прижимается к Салиму. Черные ленты с золотистыми якорями матросской бескозырки шелестят на ветру, обвивая лицо любимой девушки. Сладкая истома охватила тело Салима, реально ощутившего близость долгожданной невесты. А Мирон улыбается, четко отбивая на цементных плитах моста блестящими штиблетами матросский танец «Яблочко».

- Не бойся, Айсулу, - успокаивает Салим девушку, глядя ее мягкие волосы. - Эти звери не страшны. Они находятся в заповеднике. Они отгорожены железными решетками. Послушай. Вон поют райские птицы.

На кронах тальника, разросшегося по разветвлениям реки, сидят, красуясь, редкой окраски щеглы: черный, красный, белый, оранжевый цвета переливаются. Щеглы заливаются, приветствуя посланцев Тихоокеанского флота, и тонко выводят приятные звуки, высокие, превысокие ноты птичьей мелодии. Деревья широкие, пышные, перевитые лианами! Только не видно обезьян. Вот это настоящие джунгли, светящиеся изумрудными листьями под щедрым высоким солнцем. Наклонишься с моста и посмотришь на прозрачные воды реки, то ясно видно, как между пятнистыми гальками проплывает самая разнообразная рыба: тупорылые налимы, пескари и чебаки, стремительные хариусы, морская корюшка...

С острова послышались крики, вой и неистовые вопли. Туча людей, размахивая винтовками и какими-то книжками, бежала за открытой машиной. Милое лицо Айсулу исказилось в сильном ужасе обезобразилось. В замешательстве Мирон толкнул друзей вперед:

- Бегите. Я их задержу.

Обезумевшие люди совсем близко: уже различаются их закрытые глаза и разинутые пасти. Все они одинаково одеты в стеганные телогрейки и шапки - ушанки. Но их лицам обильно струится вода: то ли пот, то ли слезы. Они нахлынули и поглотили матроса в черных отглаженных брюках и белых фланельке и бескозырке. Какой ужас! Мирон погиб! Но он, отшвырнув от себя лавину людишек, налетевших, как стая прожорливой саранчи, вскочил на перила моста, что-то выкрикнул спасительное, подняв бескозырку вверх и, мастерски вытянув руки вперед, полетел вниз и нырнул в реку.

Машина уже мчалась впереди, фыркая и выпуская из-под задних колес клубы дыма. Обессилевшая Айсулу спотыкалась и падала. Салим изо всех сил тянул ее за руку за собой. Толпа уже совсем близко. Некоторые озверелые преследователи уже достигли их, достают рукой. Салим отталкивает и отбрасывает их. А машина не останавливается как назло. Ба! Ой - хой! В кузове мечется в форме офицера флота Темирбек Агзамов и в отчаянии кричит:

- Салим, Айсулу! Салимжан, бегите. Они поглотят вас! - Чувство радости и страха перемешались в Салиме, уже еле двигавшем ноги.

Движения совсем стали вялыми. Вот – вот догонят их захватчики, и он неистово кричит:

- Папа, папа. Останови машину!

- Не могу, не могу, - слышится в ответ. – Это – не моя машина.

Уже передний из толпы схватил Салима и зажал за горло. Папа бросил Салиму белый сверток. Айсулу побежала вперед одна, оглядываясь и плача.

- Беги, беги, Айка, - настаивал Салим, едва дотянувшись до свертка. В нем оказался черный семизарядный пистолет. Но он еще не умеет стрелять. Снова охватило матроса отчаяние. Ему уже так сдавили горло, что он еле дышал и хрипел. Но здесь помогла сообразительность Салима: он вспомнил привычное движение из фильмов при выстрелах и нажал на курок. Прозвучал страшный выстрел, и Салим получил полное освобождение... Он проснулся с радостным облегчением, усталым и с бисеринками пота на лбу...

Состояние Салима было крайне удручающим. Он настолько чувствовал себя расстроенным и разбитым, что не было никаких сил как – то отвлечь себя и несколько взбодриться. Что за толпа преследовала его во сне? Если люди размахивали книжками – цитатниками, то значит, это были китайцы. Салим припомнил давнюю народную сказку, рассказанную ему еще в детстве покойной бабушкой. Содержание ее он успел уже позабыть. Но, как помнится, конец ее был оптимистическим...

«... Калипа пришел в тюркскую землю и сделался там ханом», - это Чингис – хан, сын солнца, он живет теперь на облаках. Брат его по средней дороге пришел в Китай стал там царствовать, это - Ижен – хан. Левая дорога вела в царство белого царя. Белый царь умер – народ поставил две свечи и сказал: «Если кто придет такой, что при его появлении свечи загорятся сами собой, мы сделаем его своим царем». Пришла девушка. Свечи загорелись. Народ сделал ее своим царем, - это Ак – хан – Катерина, сестра Ижен – хана. Теперь в России и в Китае действуют и царствуют их дети, оттого у России с Китаем и дружба, и войны нет между ними»¹

- Значит, наши народы испокон веков стремились к дружбе, миру и согласию, - заключил про себя молодой матрос. – Но если, как во сне, нахлынут разъяренные захватчики, то Отан² бросит нам «белый сверток с черным пистолетом».

¹ Из сказок, записанных в 1914 году Алексеем Белослюдовым.

² Отан (каз.) - Отечество.

Вот так само собой пришла и разгадка неожиданно тревожного сна Агзамова...

На службе Салим старался не думать об отце, чтобы не удручать себя, и без того расстроенного в нелегких армейских буднях. Но все равно папа приснился. Значит, где-то подспудно теплилось сознание и о нем. Удивительно, что отец наставляет сына таким неправдоподобным образом. А сон был во многом поучительным, но о нем Салим не стал никому рассказывать, чтобы не выглядеть суеверным и чтобы не попасть на языки неугомонных остряков. И это был, пожалуй, последний сон, приснившийся Салиму в учебном отряде. Потому что в дальнейшем он так изматывался за день, что, казалось, только закрыл глаза и провалился под одеяло, как снова зажегся свет и звучала команда: «Подъем!»

... Над ломаной линией сопки небо заливается нежным румянцем. Это – дневное светило предвещает о своем восходе. По гребням сопки гребешками тянутся вечнозеленые колонны елей, кедров, пихты. За окном на чистой территории школы стоят попеременно березы с пятнами – мазками на белых стволах и зеленые ели-дочки, приседающие в приветствии. Во сне Салима фантастически переплелась природа Прииртышья и Приморья. «Так, действительно, бывает только во сне», – подумал Салим и как-то виновато улыбнулся. Сегодня – воскресенье, поэтому подъем будет дан на целый час позже. Салим проснулся после тяжелого сна и лежал, закинув правую руку за голову. Троеглазов уже – на ногах. По форме одетый, он нетерпеливо расхаживает по кубрику. «Черт бы его побрал... Когда только высыпается», – раздраженно думал о сержанте Салим. А сам засыпать боится. Скоро подъем. Вдруг проспит. А это может случиться, потому что совершенно очевидно, что не высыпается: тело гудит, усталость невероятная, ноги – не свои. Воскресенье воскресеньем, а по команде «Рота, подъем!» надо вскочить, одеться и встать в строй в течение одной минуты. И самое страшное, что и в мыслях не допускает Салим – это, чтоб кто-то дергал его за одеяло и говорил: «Ты что, не слышал подъема!». Все эти дни были заняты тренировкой в быстроте, четкой уставов и бесконечными построениями. Только взялся матрос за подшивку газет или занялся туалетом, слышит команду: «Первый взвод, строиться», «Второй взвод, строиться». По такой команде надо бросать все личные дела и бежать в строй. Если кто-то отлучился и вовремя не оказался в строю, то взвод стоит до тех пор, пока

дежурные не разыщут отсутствующего и не приведут к месту построения. Таков воинский порядок. Таковы требования командиров. Салим старается изо всех сил, чтобы не иметь замечаний. Ему, как бывшему воспитателю, особенно неприятно, чтоб его учили и воспитывали. Это он почувствовал сразу же, в первый день.

Там не менее нелегко привыкать к новым порядкам: к форме обращения к командирам, утреннему осмотру, к вечерней прогулке. Сержант без конца твердит одну и ту же фразу: «Главное в армии – научиться подчиняться». Салима это раздражает. Троеглазов на год моложе его, имеет среднее образование, а командует им как хочет, наставляет, учит. Салим помнит слова Шкагала и молчит. Молчит с тайной злобой, с ожесточенным упрямством. Пропал тот огонек, который зажегся в нем впервые в пионерском лагере. Учитель Салим Темирбекович проявляет упорное нежелание стать матросом Агзамовым.

Воспользовавшись таким замешательством, поднимает в нем голову пижон Смит: то мурлычет чужеземную песенку: «Сасэба», то подолгу беседует с Ишантураевым о ресторанах и девочках. И все же курс молодого матроса идет и берет свое...

... Раннее утро. Салим снова ждет подъема. С Амурского залива тянет солоноватым ветром, напоминая матросам, что они находятся далеко – далеко от родимых краев, что они на службе отдают свой гражданский долг. Салим примерился на спинку кровати и подтянул одеяло. Бросок – и оно должно оказаться на спинке аккуратно, во всю ширину, накрытое белой простыней. Пока идет физзарядка, постель проветривается. До подъема осталось пять минут, три минуты... две... одна.

- Рота, подъем!

Дежурный по роте старший матрос с красной повязкой на рукаве подает следующую команду:

- Форма – брюки и тельник.

В мгновение спинки двухъярусных коек побелели от простыней на синем одеяло. Матросы повыскакивали, срывают со сложенного конвертом обмундирования брюки и тельняшки. Самые расторопные уже бегут на выход. Салим замешкался с носками. Через койку от него еще темнеет одеяло, под которым калачиком свернулся Галиборода. Разгоряченный сержант подбежал и одним движением сорвал с него одеяло:

- Матрос Галиборода, подъем!

Галиборода вскочил и, моргая бессмысленными глазами, уставился на Троеглазова.

- За нарушение распорядка дня объявляю один наряд вне очереди! Немедленно – в строй!

Взвод уже стоял в строю и ждал своего командира. Мимо проходили другие взводы, что особенно не понравилось сержанту. По его непреклонному убеждению первый взвод должен быть всегда и везде первым.

- Взвод, равняйся! Смирно!

Троеглазов подсчитал количество людей. Все в строю, все – кроме одного. На ходу одевая тельняшку, прибежал Галиборода, встал в строй. Сержант бросил на него косой взгляд: матрос Галиборода опять нарушил устав. Он, как опоздавший, должен был спросить разрешения:

- Товарищ сержант, матрос Галиборода. Разрешите встать в строй?

Дальше все пошло по распорядку. Пробежка по стадиону. От такой изнурительной долгой пробежки в глазах рябило, ноги подкашивались и дальше движение было почти бессознательное. Салим взял себе за правило, делая многочисленные круги по стадиону, представлять перед собой студенческий актовый зал в тот незабываемый вечер, впервые в третьем ряду увидел Айсулу. И он бежал, как бы догоняя возникший перед глазами мнимый образ любимой девушки. И в какой-то момент наступала стадия «не могу», пересилив которую, человек как бы переходил на механическое движение. Так постепенно матросы приучались во время утренней пробежки давать по стадиону пятнадцать – двадцать кругов. Салим старался не отставать и не отставал от других, и в этом помог ему его тайный прием с милым, улыбающимся образом Айсулу. Оказывается, бегать так долго можно – лишь бы была система... За все время учебы только один матрос на каком-то кругу упал: подкачало сердце. Все удивлялись выносливости сержанта, но от этого никому не было легче. Никто не забывал каждый вечер тяжело вздохнуть и огорчиться: утром опять пробежка. После пробежки – первый и второй комплексы утренней гимнастики и в заключение – опять бег. Если сразу после подъема матросы бежали в строю полусонные, то после зарядки шли так, как будто трудовой день уже был позади, разгоряченные, запыхавшиеся. Определенное время отведено на туалет и заправку коек. Не успел – пеняй на себя. Потом дежурный

по роте с красной повязкой на рукаве, понизив голос на октаву ниже, извещает личный состав:

- Приступить к уборке помещения и территории.

Когда в первое утро после такой команды Троеглазов разъяснил и показал методы аврала, мытья полов, то Салим по собственному желанию принялся выполнить эту процедуру. Но выработать привычку к ней не удавалось. Аврал ему быстро осточертел: болели спина и самолюбие.

Уборка территории – занятие тоже для Салима не из приятных. Надо подметать закрепленный объект по способу «конвейер». Матросы становятся в ряд с вениками и вперед сначала уходит один, затем другой, третий и т.д. Два, три захода и вся площадь от кубрика до забора и между двумя аллеями подметена. Остается пройтись и подобрать спички и окурки, не захваченные вениками. Так каждое утро. Теперь Салим не удивлялся той необыкновенной чистоте территории школы и порядку, которые ошеломили его при прибытии и при первом знакомстве.

Утренний осмотр. Разорвись, но успевай к нему подготовиться Курсант/ в школе звание – матрос, должность – курсант/ должен быть всегда чисто побрит, подстрижен, опрятно одет. Иметь при себе документы и носовой платок. Салиму особенно не нравилось показывать руки для проверки ногтей. Ему казалось, что это равносильно тому, как в первом классе девочка – санитарка проверяет ногти у первоклассников. Старшина взвода, матрос летнего призыва Иноземцев оказался на редкость щепетильным. Он не доверял карим и круглым, как у курицы, глазам, и тербил и щупал мягкими пальцами подбородок: успела вырасти борода или нет. Больше всех доставалось Шконде. Его русая борода росла со сказочной быстротой, за ночь появлялось, как буйная поросль на пашне Микулы Селяниновича. Но воинский порядок есть воинский порядок. И терпеливый Шконда каждое утро бегал в бытовую комнату, скоблил свою бедную, в крапинках рожицу и жаловался на раздражение кожи: «Я до армии в неделю два раза брился, а то и раз... в субботу». Спокойнее всех привыкал к армейским условиям Мирон, безропотно выполняя все поручения и приказания командиров. Даже тени недовольства не было на его лице, когда он лез под койки с тряпкой и производил аврал. Вот и сейчас он стоит в коридоре у тумбочки и ежесекундно прикладывает руку к

бескозырку. Он – дневальный по роте и обязан приветствовать каждого прохожего матроса, сержанта, офицера.

Вездесущий Шконда прибежал с улицы и предупредил Мирона:

- Силаев, командир роты идет.

Мирон большими пальцами быстро провел под ремнем, глубже заправляя матросскую фланельку в брюки, подставил ладонь к звездочке и носу, чтоб они были на одной линии, и застыл в ожидании. Дверь открылась. Выставив перед грудь, поблескивая большими серыми глазами, переступил майор Котов. Силаев мгновенно нажал кнопку /сигнал в помещение дежурному по роте/. Вскинул руку к виску и густым баритоном подал команду:

- Рота, смирно!

В тишине четко раздавались медные звуки из-под каблуков. Дежурный по роте, старший матрос Колосов за два-три шага от Котова приставил ногу и спокойно начал докладывать:

- Товарищ майор, во время моего дежурства происшествий не случилось. Рота занимается по распорядку дня. Дежурный по роте старший матрос Колосов.

Майор пружинисто опустил руку и произнес: «Вольно». Дежурный сделал шаг в сторону и громко повторил:

- Рота, вольно!

Стоящий на проходе Салим залюбовался согласованностью действий, выправкой майора и статного старшего матроса. Он с уважением следил за каждым движением майора Котова, своего ротного командира. Но Котов, как назло, на него ноль внимания, как будто не знает, что матрос Агзамов – учитель и воспитатель, имеет высшее образование и мечтает поступить в аспирантуру. Салим долгим сверлящим взглядом своих черных глаз сопровождал майора, став по стойке «смирно», но и это не подействовало: не остановился, не спросил просто, по – воински: «Привыкаете, матрос Агзамов, или – служба - не институт, поднатужьтесь». Котов прошел мимо, небрежно ответив на приветствие матроса. Салим искренне огорчился: за последнее время появилась в нем чувствительность камертона.

Всякая мелочь, которую он раньше не удостоивал внимания, заставляла его раздражаться. В чем дело! Неужели трудности, новая обстановка и связанные с ней заботы действуют на характер человека. Салим заметно похудел: пали щеки, вытянулся нос. В необтертой робе, бритоголовый, он себе казался страшилищем и не

подходил к зеркалу. Но это внешняя сторона. Причем тут нервы, мозг и прочие органы чувств. Правда, Салим знал горе: неожиданная смерть отца, после которой он нашел утешение в беззаботном, разгульном образе жизни. Его обворожительная магия округлых выразительных глаз безотказно действовало на людей вообще и на девочек, в частности. При надобности пускал в ход испытанные приемы бокса. Орудия гражданского арсенала в армии негодились. А работа в пионерском лагере, школе! Разве не испытывал впервые удовлетворения от своей работы. Разве не почувствовал что – то близкое к тому, что называют громким словом «счастье». Но оно было неосознанным, неполным.

- Да, неосознанным, неполным, - как бы фиксируя эту мысль, проговорил вслух Салим и почти неслышно добавил: - Посмотрим, каково будет здесь.

Трудно стать взрослым. Трудно найти свою точку опоры. Человек даже в двадцать два года и с высшим образованием стоит на зыбкой почве и балансирует. Балансирует, как ребенок, совершающий первые шаги, может шлепнуться, перевернуться, сломать себе шею, как Мирон или хуже.

На стене висит объявление, где плакатным пером написано, что сегодня в 3-00 вечер на тему «Давайте познакомимся». Салиму поручено подготовиться на вопрос «Край, откуда я призван и который защищаю». Он - литератор и он может выступить. Но нет огонька, стимула. Не в силах воодушевиться и зажечь себя, он слоняется около этого плаката, а думает совсем о другом, о пустоте, которая снова прокрадывается в душу, как дождевой червь, и точит ее. Подошел секретарь комсомольской организации младший сержант Саенко.

- Ну как, Агзамов, подготовились?

- Не знаю. Может, другому поручите?

- Что вы? Времени – то в обрез. Да не волнуйтесь. Все будет в норме. Расскажите о достопримечательностях города, о культурных учреждениях, о вузах и техникумах, о промышленных предприятиях. Да мало ли о чем можно говорить. Тем более, что с ваших краев здесь навалом.

Живой, заразительный Саенко легко убеждал товарищей и всегда был в гуще дел и событий.

- Первый взвод, строиться!

Саенко ушел, заверил на прощанье, что все будет отлично. Сержант Троеглазов сегодня с утра не в духе: недоволен подъемом, недоволен уборкой территории и помещения. Матросы действуют медленно, не укладываются в распорядок дня.

- Взвод, учебно – боевая тревога!

Матросы бегут к раздевалке, над которой висит табличка «I-й взвод», хватают бушлаты и бескозырки и, на ходу одеваясь, стремятся несутся на место построения. Силаев, приложив ладонь к виску, стоит, пока последний матрос не пробежал мимо. Последним был Галиборода. Он никак не сможет застегнуть крючки на галстуке и на бушлате и нетерпеливо рвет их. А что будет, когда объявят форму «пять» и оденут матросы шинели, где целый ряд крючков. Сержант смотрит на часы.

- По тревоге строитесь целых три минуты. Это-не матросы. Это – слюнтяи. Галиборода не сможет застегнуть единственного на бушлате крючка. А на шинели их будет пять. Взвод, снять и заправить бушлаты и бескозырки.

Тренировка продлится до тех пор, пока сержант, глядя на часы, не скажет: «более или менее». Галиборода посинел от злости. Лохматые брови подвинулись на глаза, закрывая их.

- Взвод, отбой!

Матросы побежали к койкам, на ходу стягивая с себя шуршащую холщевую голландку. Заправили форму на табуретку: брюки тельняшка, голландка. Ремень должен лежать сверху и пряжкой с якорем – в сторону прохода. Ботинок – под койкой вдоль спинки. На ботинках – носки для просушки. Все нырнули под простыни с одеялом. Сержант прошел, осматривая заправку обмундирования, ногой нервно подталкивал те табуретки, которые не стояли в ряд со всеми. С другого конца кубрика донесся его резкий голос:

- Взвод, подъем!

Опять та же картина, что была и утром.

На третьей койке от Салима одеяло не шевельнулось. Но в чем дело? Среди белого дня. Во время тренировок. Сержант подскочил вне себя от негодования к нерадивому и непослушному военному служащему:

- Матрос Галиборода, подъем!

- Не встану, - спокойно ответил Галиборода из-под одеяла, - я заболел.

Троеглазов рванул одеяло и внезапно перешел на обычный тон.

- Я вам приказываю, матрос Галиборода. Форма – роба. Подъем! Галиборода приподнялся и забил себя в грудь:

- На, режь, убивай, стреляй.

Он выскочил на проход из – за двухъярусных коек.

- Сколько можно мучить. Лучше сдохнуть. На, прибей и брось в Тихий океан. У меня – нервы. У меня лопнутое сердце. Галиборода почему-то так и говорил: лопнутое сердце. «Я больше не могу!» Охватив голову руками, Галиборода заплакал, приговаривая сквозь слезы: «Не могу, не могу. Нервы... у меня – лопнутое сердце».

В дверях своего кабинета, выставив пол – туловища, стоял майор Котов. Он не подошел. Он просто сказал:

- Дежурного по роте ко мне.

Через несколько минут два вооруженных автоматами матроса повели Галибороду на гауптвахту. Галиборода заслужил. А майор Котов дал понять о своем основном методе воспитания воинов. Салим, ошеломленный непредвиденным происшествием, вытянул голову еще глубже в шею. Слоняясь по кубрику, набрел на секретаря.

- Товарищ младший сержант, я выступать не буду.

Саенко минуту смотрел на Салима, не веря своим ушам. Наконец, поняв, что уговоры бесполезны, предупредил новичка:

- Агзамов, так вам трудно будет служить.

Вечер прошел без шума, без споров, по плану. Выступали, в основном, офицеры. Майор Котов рассказал о традициях роты. Замполит капитан третьего ранга Иванов – Смоленский познакомил личный состав с офицерами. Дал им краткую характеристику. В заключение говорил о трудностях службы. Человек пронизательный душевный, он сумел вызвать на лицах молодых воинов так необходимую благодушную улыбку. По кубрику прокатился хохот, как будто вспыхнувшая молния разрядилась раскатистым громом.

Многие впервые слышали анекдот о цыгане, который три года прослужил, все понял: уставы, наставления, но не понял одного – куда в армии торопятся все время...

Сам едва успокоившись от смеха, Иванов – Смоленский откинул русую прядь и, обнажая ровный ряд ослепительно – белых зубов, сказал:

- Товарищи матросы, я не хочу говорить ничего плохого о цыганах. Цыгане тоже отлично служат. Я просто хочу сказать, что при современных условиях войны самое важное – это быстрота, скорость...

Через двое суток с гауптвахты в подразделение прибыл Галиборода. Внешне он здорово изменился. Его хищные голубые глаза ушли еще глубже в орбиты. Брови нависли, как лохматые тучи, и, казалось, стали еще гуще и длиннее. Лицо побелело. Галиборода молчал. Молчали и ребята. Ни слова о прошедшем инциденте не говорил и сержант Троеглазов. Взвод был построен на фасаде здания школы с автоматами. Первые два часа – строевые занятия. Троеглазов провел рукой незаметным движением по кончику носа. Это – его привычка перед подачей команды:

- Взвод, равняйся! Смирно! Равнение – налево.

Через плац ускоренным шагом шел капитан – лейтенант Забродин. Троеглазов его давно заметил и молча стоял перед взводом, ожидая приближения командира. Подал команду, строевым шагом направился к нему с докладом. Строевая выучка сержанта безупречная. Матросы взвода считали его лучшим строевиком школы, и сейчас он, красиво вскинув руку к головному убору, выбивал ровные и резкие звуки подкованными, до блеска начищенными ботинками.

- Товарищ капитан – лейтенант, в первом взводе происшествий не случилось. Взвод находился на строевых занятиях. Инструктор взвода сержант Троеглазов.

Забродина, который по дороге на Владивосток заменял обсмеянного Красильникова, еще мало знали как командира взвода. Его приятное холеное лицо внушало доверие, когда он в обворожительной улыбке, обнажал чистые зубы с одной золотой коронкой, которая удивительно украшала его аккуратную внешность. Но эта коронка теряла свой блеск, когда капитан был не в духе. Забродин подошел без улыбки и громко поздоровался:

- Здравствуйте, товарищи курсанты.

Раздался недружный и приглашенный ответ:

- Здравия желаем, товарищ капитан – лейтенант.

Лицо Забродина передернулось.

- Безобразие! Прошло больше месяца и вы до сих пор не научились здороваться. Здравствуйте, товарищи курсанты!

Матросы набрали полную грудь воздуха и единым духом гаркнули:

- Здрав...желаем,.. товарищ капитан – лейтенант!

- Вот это другое дело. Первая шеренга, два шага вперед шагом марш! Кругом!

По узкому проходу между двумя шеренгами шел капитан – лейтенант Забродин и проводил внешний осмотр. Матросы, приняв строевую стойку, сопровождали командира поворотом головы, как учил сержант и как требовал устав строевой службы. Капитан – лейтенант остановился напротив Шконды. Вытянувшись, молча стоял Шконда. Молчал и Забродин. Силаев незаметно дернул за руку забывчивого друга. Шконда встрепенулся и представился:

- Матрос Шконда.

- Долго доходит до вас, матрос Шконда. Даю три минуты. Немедленно побриться.

- Да я только вчера брился, товарищ капитан – лейтенант.

- За пререкание – один наряд вне очереди!

- Есть!

- Действуйте!

- Есть!

Шконда побежал в кубрик.

- Матрос Силаев, - представился Мирон, вовремя приметив задержку командира взвода.

- Побриться!

- Есть!

- Матрос Агзамов.

Салим только два часа назад побрил бороду и теперь не мог понять, почему капитан – лейтенант смотрит на него недовольно. Глаза Салима выражали недоумение. Болью в груди отозвались слова Забродина:

- Побрить... грязь под носом.

- Есть, - недовольно протянул Салим.

- Действуйте!

- Есть!

Как единственную память о гражданской жизни, Салим отрастил усы. Он дорожил ими и заботливо ухаживал. Даже стал чаще подходить к зеркалу. Теперь и эту зацепку за прошлое обрубил под корень. До обеда Салим ходил как пришибленный. На строевых занятиях он не проявлял особенного рвения, действовал вяло и получил устное замечание.

По команде: «автоматы» все снимают оружие с положения «на грудь» и ставят к ноге. А по команде «положить» первая шеренга делает два шага вперед и обе шеренги враз ложат автоматы на землю. Когда наоборот надо автоматы взять с земли в положение «на грудь»,

подходит задняя шеренга. Во время этих отходов и подходов Салим по рассеянности все время оставался на месте.

Но после занятий Салим стал совершенно другим человеком. Искрой, разжегшей в нем огонь радости, было письмо. Его принес Шконда. Взвод чистил оружие в кубрике, на табуретках лежали разбросанные автоматы. Шконда давно почистил свой автомат и поставил в «козлик», а сейчас бегал с пачкой писем среди взбудораженных товарищей и требовал носа. Салим с радостью подставил свой небольшой нос, потому что он успел заметить и прочесть на конверте: Еркинбаева Айсулу.

Шконда с меньшей радостью щелкнул Салима по носу и отдал письмо. Черные глаза Салима ожили. В них засветился луч надежды, которой давно не появлялось. Айсулу не стала дожидаться письма от Салима и написала сама первой. «Мо-ло-дец, мо-ло-дец» стучало сердце Салима. Как будто она знает, что ему сейчас так трудно. Значит, думает о Салиме. Значит, Салим не ошибся в ней. Да, можно не ошибиться, если ее выбрал не он, Салим, а его сердце. Письмо было коротеньким, но каждое слово, каждое предложение в нем фантазия Салима превращала в песни и поэмы, которые бесконечно любимы его добрым и мужественным степным народом.

В конце письма было приписано: «Больше не знаю, о чем писать. Мы скучаем по тебе и ждем». Взволнованный Салим с удовлетворением отметил про себя, что Айсулу стала писать по – русски довольно грамотно. Она даже запомнила произносимые буквы в словах: здравствуйте, солнце. Правда, в письме не было слова «сердце». Правописание этих трех слов когда-то объяснял ей Салим в ее уютной комнате, в доме по улице Ауэзова.

Айсулу в письме обращалась к Салиму во множественном числе, как бы от имени себя и еще кого-то. Конечно, матери. И это понятно, все – таки они познакомились и, должно быть, подружились. Закончив чистку оружия, Салим увлек Мирона в дальний угол к окну и рассказал о письме Айсулу... Мирон долго смотрел своими пронизательными глазами на взволнованного Салима, и, как всегда, неторопливо сказал:

- Без любви нельзя. По – моему, хорошая любовь бывает только у хороших людей. По всей вероятности, так оно и есть.

После обеда первый взвод заступал в наряд на камбуз. Салим шел в первый раз. Работа там большая, с приличной нагрузкой. Сержант Троеглазов молча, никому не выдавая, даже самому Салиму, делал

ему уступки. То, что Салим неприучен к физическому труду, Троеглазов заметил еще на первых порах, но все – таки в душе почему-то симпатизировал Салиму.

Старшина взвода Иноземцев построил взвод и повел в санчасть на медосмотр. Осмотр прошел быстро. В основном, проверяли ногти и чистоту рук. Низенькая симпатичная брюнетка, о которой матросы сочиняли всевозможные анекдотические истории, связанные с ее не стопроцентным слухом, осведомилась: нет ли больных. Таковых не оказалось. По дороге на камбуз Шконда не в первый раз рассказывал случай с этой брюнеткой – врачом и с младшим сержантом Саенко «Младший Саенко:

- Вырвите больной зуб.

Она:

- Нет, подождем. Примите лекарство.

Младший в следующий раз зажался от боли, ни впритык:

- Ну, вырвите зуб!

Она:

- Хорошо. Это нетрудно.

Бац – и вместо больного здоровый выдернула. -

И в десятый раз матросы не могли удержаться от смеха. Салим недовольно одернул товарища:

- Кончай одно и то же сотый раз травить. - Иноземцев вставил и свой голос:

- Матрос Шконда, прекратите разговоры!

Дальше пошли молча. Шконда на Салима не огрызнулся. Салима во взводе побаивались и уважали: одно отделение до сих пор без командира. И все были уверены, что им назначат Салима Агзамова.

В гардеробной было шумно. Старый наряд, закончив последние работы, переодевался в свою повседневную робу. Новый – в их рабочую. Салим не думал, не гадал, что здесь встретится с Инабатом. Он не увидел, скорее почувствовал: это – земляк Инабат Еркинбаев.

Курсант Еркинбаев стоял спиной и что – то отрывисто, односложно говорил товарищам. Высокий, широкоплечий, он был в такой же матросской одежде, как и все. Только черный затылок от крепкого загара и смолисто – черных волос выделял его среди других. Как человек, идущий обернувшись назад, вдруг, почувствовав перед собой препятствие, резко поворачивает голову, так и Салим мгновенно устремил взгляд в сторону знакомого голоса:

- Инабат!

- О, земляк! И ты сюда попал?

- Так точно.

Оба рассмеялись, потому что были рады неожиданной встрече, потому что новые обстоятельства жизни переменили их взаимоотношение и оба в эту минуту подумали, ... наверное, о родине, об Айсулу, об Иртыше. Время не располагало к долгой беседе. О письме Айсулу Салим предусмотрительно умолчал. Перекинувшись несколькими общими фразами, земляки разошлись. Салим узнал, что Инабат будет учиться на оператора – пеленгаторщика, что он назначен командиром отделения и что в работе и занятиях находит спасение от скуки, которая, как в вагоне, могла сделать его первым нарушителем.

Иноземцев построил взвод, готовый к исполнению своих обязанностей и доложил старшине Демину. /Демин – заведующий матросской столовой. Человек средних лет, очень подвижный, требовательный/. Он строго осмотрел матросов и сказал:

- Ваша рота всегда отличается добросовестной работой на камбузе. Думаю, что не уроните эту марку. Кто в первый раз?

Салим поднял руку.

- Один. Хорошо, земляк. Проинструктируйте его сами. Новичка – рабочим по столовой.

- Есть!

Иноземцев с присущей ему командирской стрункой, которую он прививал сам себе и ревниво оберегал, стал распределять матросов. Двоих назначил поварятами /помощниками шеф - повара/. Шконду – кочегаром, Дергалова – дневальным, Ишантураева и Агзамова – рабочими по столовой.

- Остальные - в «плавсостав». Матрос Силаев - старший, закончил команду старшина взвода.

«Плавсоставом» в шутку матросы называли тех, кто работал на мойке посуды, потому что постоянно имели дело с водой. После распределения матросы разошлись по своим местам и принялись за привычное дело. Салим растерянно стоял в узком коридоре. К нему подошел Дергалов и как бы заметил:

- Высшее образование и собирать объедки. Незавидно, Салим Темирбекович!

Физиономия Дергалова изобразило деланное сочувствие и Салим не обиделся. Отзвуки его слов неприятно отдались в сердце и скоро

заглохли: надо же, даже узнал его отчество, чтобы напомнить лишний раз об его синем дипломе, о высшем образовании.

- Что ж? Служба... - простодушно ответил Салим не едкую реплику.

Из кухни прибежал Ишантураев и затормошил Салима за руку:

- Ты что стоншь? Пойдем принимать объект.

Рабочие по столовой побежали. Дергалов, смотря вслед за ними, ухмыльнулся: интеллигентик! Дергалова понять нелегко. На работе неустоим. За словом в карман не лезет, остроумен, имеет среднее образование. Его обязанность дневального – постоянно поддерживать чистоту в коридоре, в гардеробной, в красном уголке и во всех отсеках пищеблока, которые тянутся в коридоре со всевозможными надписями на дверях. К этому надо добавить, что целый день там ходят, топчут и работают, режут, рубят мясо, льют, переливают масло и прочее. По сути дела дневальный от приема до сдачи не должен расставаться с тряпкой: авралить, подтирать полы, вытирать пыль. Со всем этим Дергалов справляется на «пять с плюсом», как выразился старшина Демин. Но в какой – то период своей жизни /ему всего двадцать лет/ облил свои внутренности ядохимикатами: не по возрасту завистлив, и в осуществлении личных замыслов шел на хитрости...

Ишантураев и Агзамов через кухню прошли в столовую. Вот оно, знакомое помещение, которое так поразило Салима в первый день чистотой и уютом и в которое теперь ежедневно три раза с ротой ходил он принимать пищу. Ишантураев коротко разъяснил задачи Салиму, новичку в этом наряде. Мимходом ругнул прежних рабочих за то, что оставили пустые графины. Салим последнее пропустил мимо ушей. Один ряд столовой – владение Ишантураева, второй Салима. Собрали пустые и полупустые графины, под краном наполнили их водой и поставили на место. Ишантураев, не переставая, хвалил пост рабочего по столовой:

- Раз, раз... сделал свою работу и гуляй на здоровье. «Плавсостав» упирается до самой сдачи: посуды – не пересчитать...

Ужин прошел благополучно. Личный состав кушал в две смены. Рабочие разносили по столам тряпки, собирали пустые бачки, чтобы в посудомойке успели подготовить их к следующей смене. Вытирали столы и раздавали чашки, ложки матросы сами. Непредвиденные курьезы начались на следующий день. В обед после первой смены у Салима разыграла гордыня. Со всех сторон кричали: «Рабочий, тряпку.

Рабочий, воду». Когда подходил за бачками, некоторые горячие головы кричали:

- «Исчезни! Не стой над душой. Дай порубать по - человечески». А в амбразуре посудомойки выходили из себя: «Рабочий, скорей, бачки». Первая смена ушла. Салим, изнуренный морально и физически, отошел в сторонку и сел у стены прямо на пол, опустил голову. Как это непохоже на то, чему он учился и к чему готовился в жизни, отправляясь в армию. Человек, думая о далеком и близком будущем, упускает его трудные моменты и представляет только легкие и красивые, порой романтические. Погруженный в свои размышления и подавленный, Салим не заметил, как к нему подошел старшина Демин. Не подошел, а подскочил и одним рывком поставил матроса на ноги:

- Ты чего расселся? Не видишь – стол убран? Ты должен бегать.

Салим пришел в отчаяние. Терпение его лопнуло. Никто так не хватал его за грудь. Если хватал, то пробуждался в нем кандидат в мастера по боксу. Но этого допускать нельзя. Это-в армии тягчайшее преступление. Салим знал к сему соответствующие статьи, и отчаяние овладевало им до боли в висках. Он забыл о приличии, о сдержанности, о словах Шкагала и дрожью в голосе заговорил:

- Вы знаете, никто не хватал меня за грудки. Я пятнадцать лет проучился. Я – учитель. Вы пользуетесь своим положением...

Не менее раздраженный Демин перебил его:

- Здесь, в столовой, большого образования не надо. Ты служить приехал и с тобой никто нянькаться не будет. Бери тряпку и делай свое дело...

Обед кончился. Рабочие по столовой приступили к уборке. Необходимо помыть клеенки на столах с мылом и горячей водой. Сделать аврал. У входа пол из кафельных плит разного цвета: там мыть нетрудно. Зато пол во всей столовой из цемента, перемешанного с мелкими камушками, зерна которых цеплялись за тряпку и больно карябали руки.

В большие широкие окна смотрело солнце. Ослепительно яркий свет ромбом падал на столы. Салим изрядно устал, но все мылил мочалку, потом клеенку. Его раздражало даже солнце, хотя любил его веселый отсвет в помещении, любил «зайчиков», которые, случайно вырвавшись, прятались по углам. А сейчас было не до солнца и не до «зайчиков». Салим ожесточенно тер столы и оглядывался на дверь: не появится ли старшина Демин. К счастью, старшины не было.

Ишантураев не унывал. К удивлению Салима он был весел и шутил. Это злило Салима. У Ишантураева работа спорилась. Пока Салим вымыл два стола, он – четыре. Марат весело покрикивал:

- Жми, Агзамов, жми. Приедешь, расскажешь своим ученикам.

Вскоре Ишантураев закончил со столами и принялся за аврал. Салим одновременно мылил два стола и бегал как ошпаренный, перепрыгивая через скамейки. Это был его рационализаторский метод. Но и он не помог. Когда Салим закруглился со столами, Ишантураев уже вымыл полстоловой. Спина у Салима ныла. Вялость во всем теле, и всего с ног до головы прошив пот. Салим минуту присел и буквально через минуту взялся за столовую тряпку. С уборкой непростительно запоздали. В дверь уже стучались матросы – заготовщики, которые накрывали и готовили столы для очередного приема пищи.

Пришел старшина Демин. Он ходил взад – вперед, морщился:

- Это – не аврал. Развезли грязь....

Как бы там ни было, Салим и Марат в последний раз протерли пол сухой тряпкой и впустили нетерпеливых заготовщиков обеда. Здесь уже сновали рабочие следующего наряда. Ишантураев водил их по столовой и что – то говорил. Подошел к Салиму:

- Ты что, Салим, раскис?

- Я зол на все и на всех.

- И на себя тоже?

- На себя тоже.

- Это хорошо. В первый раз, конечно, трудно. Научись. В любом деле есть навыки, которые приобретаются не сразу...

Салим понимал свой недостаток. Он вполне и определенно не занимался физическим трудом, даже в стройотряде не бывал: всегда находил повод и отлынивал. Голова – не руки. Ишантураев после школы работал на стройке. К труду, как говорится, набил руки, что ему здорово помогало сейчас. Салим старался изо всех сил и на первых порах не мог уловить той разницы, которая существовало между ним и Ишантураевым:

- Ты же видел, я бегал, метался, и все равно... Потом кричал со всех сторон.

- Ты не обращай внимания. Не без этого. Ну, пошли... Кажется, все...

Ребята направились в курилку. Салим еле волок ноги. Едва дойдя до курилки, грохнулся на скамейку, как сброшенный с плеч мешок.

Закурили. Салим с наслаждением затаился. Он даже не думал и забывал о куреве за эти сутки. Мимо промелькнул, как падучая звезда, старшина Демин. Никто на него не обратил внимания. Распаленный до крайности старшина прямым ходом прошел в кабинет командира роты майора Котова.

- Товарищ майор, разрешите обратиться? Ваш этот наряд на камбузе работал отвратительно. Особенно рабочие по столовой. Пол не мыли, а мокрой тряпкой развезли грязь и оставили. В графины вода не налита.

- Ясно. Приму меры.

После этого разговора майор Котов в свою очередь вызвал к себе сержанта Троеглазова.

Не успел Салим докурить папиросу, как к нему побежал Шконда, размахивая конвертами:

- Агзамов, подставляй нос. Целых два...

Салим оживился, но не встал.

- Толик, устал, как кули. Не мучь – отдай.

Шконда сжалился над сослуживцем и, повертев письмами перед носом, отдал:

- Так уж быть... - Долг за тобой. Фестиваль – шестиваль...-

Одно письмо было от матери, второе – от сестры, которая написала отдельно по глубоким таким соображениям и пониманию, доступным только девичьему сердцу. Письма матери начинались одинаково: «Самый уважаемый мой единственный жеребеночек и свет моих очей, как живешь, как служба? За меня не беспокойся...» Как Салим понимал теперь смысл этих незамысловатых материнских слов. Читая их, он чувствовал, как поднимается в нем теплая струя ответных чувств. Мать была в курсе всех событий на международной арене, в Иране, Кубе, Ближнем Востоке и Никарагуа.

Она писала и об арабо – израильских сложных и трудных отношениях. Прочитав, это Салим подумал о смутном положении в Японии, названной ее премьер – министром «непотопляемым авианосцем» и о соседнем Китае. В письме сестры Салим с жадностью читал строки, посвященные Айсулу. Их было до обидного мало: «... жива, здорова. Учится хорошо». Прочитав оба письма, Салим пошел в кубрик. Отдал честь дневальному и шел по узкому длинному коридору с легкой душой оттого, что окончил наряд, оттого, что получил письма из далекой Родины. А в это время из кабинета комроты вышел Троеглазов. Он был весь красный: глаза

беспокойно бегали, отыскивая Агзамова. Видя, что его нет в кубрике, никому ни сказав ни слова, подошел к столу инструкций и уставов и встал лицом к ЦП /центральному проходу/. Салим, усталый, но в неплохом расположении духа переступил порог кубрика и услышал отрывистый голос сержанта:

- Агзамов.

- Я.

Салим подошел к своему командиру и принял строевую стойку.

- Вы почему плохо работали на камбузе?

- Как плохо?

- Почему оставили пустые графины?

- Когда мы принимали, они тоже стояли пустые. Мы сами наполняли их водой.

- Почему аврал плохо сделали?

При этом вопросе Салим смешался, не зная, как ответить. Сказать, что он никогда не мыл пол, что он старался, но у него не получилось. Это – не оправдание.

Троеглазов был расстроен до предела. Они в первый раз смотрели друг другу прямо в глаза. Салим впервые видел, что у сержанта они голубые, большие, глубокие и красивые. Но в эту минуту в них металась злые огоньки, как искры электросварки, и сержант неожиданно начал на «ты».

- Ты знаешь, что опозорил взвод, роту. Раньше нас в пример ставили... Идите. Мы еще поговорим...

У окна кучкой собрались ребята. Дергалов констатировал неблагоприятный факт плохого дежурства рабочих по столовой, в частности Агзамова, и поминутно оглядывался, как будто ожидал выстрела из-за угла. Салим уловил конец фразы. Дергалов своим мягким, неокрепшим голосом изрекал:

- Дармод... Привык за чужой счет жить.

Увидев приближавшегося Салима, Дергалов смолк. Ребята открыто поддерживали его. Галиборода вставил:

- Таких давить надо!

Салим не подошел к ним. Письма во время поддержали его, помогли спокойней, осмысленней пережить все напасти сегодняшнего дня. Он взял из тумбочки почтовый набор и пошел в Ленкомнату.

Он избегал встреч с сослуживцами. Избегал и Мирона, потому что ему определенно было стыдно. Мирон, по своему происхождению

крестьянский сын, еще с детства занимался трудом и со всякой работой справлялся сносно. Во взводе его считали «своим парнем» и обращались запросто, даже с известным почтением «Мироныч».

Авторитет же Салима падал на глазах. В Ленкомнате первым долгом он взялся за письмо Айсулу, писал напролом, забыв о всякой осторожности, о выборе слов и выражений, о пределах возможного. Получилось чуть ли не самое главное то, которое говорят порядочные люди не сразу и не в письме и не в таких ситуациях, как между Салимом и Айсулу. Не зря существует поговорка: «Утопающий хватается за соломинку». Этой соломинкой для Салима в этот трудный час службы было письмо, адресованное Айсулу. Он писал, что если в час приезда его в родной город на перроне рядом с матерью увидит Айсулу, то будет считать себя самым счастливым человеком на свете...

Время пролетело незаметно. Прозвучала команда: «Рота, строиться на вечернюю проверку».

Матросы побросали свои личные дела, а Ленкомната быстро опустела. После доклада дежурного по роте старшина Харитонов дал «вольно» и вызвал из строя Ишантураева и Агзамова. Сотни взглядов, как невидимые лучи невидимых прожекторов, скрестились на Салиме и Марате. Старшина Харитонов молча прошелся и, привычным движением правой рукой переместив фуражку на самые глаза, суровым голосом заговорил:

- Эти два матроса Ишантураев и Агзамов – разгильдяи. Они посадили пятно на всю роту.

Салим перебил старшину:

- Винават я. Ишантураев не при чем. Работал отлично. Я первый раз на камбузе – не успевал.

- Первый раз. Ну и что ж? Пойдете три раза подряд. Пять раз подряд.

- Есть.

В душе Салим твердо решил во что бы то ни стало искупить вину: завоевать дружбу товарищей и служить, как положено...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Есть просвет в тучах...

Приближался день первого смотра. Все подразделения лихорадочно готовились к этому событию. С утра до вечера на плацу раздавался дробный стук матросских ботинок: отработывали строевой шаг, отдавание чести, приемы с оружием индивидуально и в составе взвода. В классе в сотый раз повторяли положение уставов и наставлений, знание командиров части, флота, вплоть до министра обороны.

Несмотря на то, что учебный класс первого взвода считался самым освещенным: одно окно выходило на восток, два – на юг, в помещении было сумрачно. Выпал уже настоящий зимний снег, но территория части была черным – черна: каждое утро по распоряжению дня матросы убирали снег с закрепленного участка, а потом скопом вывозили на санях за забор на берег Амурского залива. За своевременным выполнением этих мероприятий следил зоркий глаз Харитонов. Солнце надолго укрылось в пушистые светло – сизые тучи. Только изредка нырнет из – под густого покрывала, ослепит сияющим ликом влюбленных в него землян и снова исчезнет. Салиму оно напоминает кокетливую девушку, которая, просыпаясь, улыбнется и снова укутается с головой, чтобы кто –нибудь случайно не взглянул на ее необыкновенную красоту.

Все статьи уставов и наставлений для Салима, конечно же, не представляют никаких трудностей. Он их знает назубок. И вот неожиданно предался грезам, что прежде считал глупостью и пороком недалеких людей.

Капитан – лейтенант Забродин нынче особенно строг: волнуется за своих питомцев. Любой вопрос, не касающийся смотра, встречает в штыки. Неприступен, как эти радиостанции, которые покоятся под брезентовыми чехлами и разжигают любопытство курсантов. Капитан Забродин с самого начала предупредил их, что к станциям подходить категорически запрещается, что нарушитель будет наказан самым строгим образом, что станции будут расчехлены тогда, когда начнется изучение материальной части. Напряженную обстановку разрядил матрос Серик Абдыкадыров, представитель далекой Киргизии. Он обладал привлекательным характером: добродушный, веселый, он никогда не таил в душе задних мыслей. Главный

недостаток его, который часто приводил в расстройство и самого Серика – слабое знание русского языка. Последнее время перед осмотром командир взвода Забродин все внимания уделял слабым курсантам, в число которых входил и Серик.

- Матрос Абдыкадыров.

- Я.

И он мгновенно вскочил с места и опустил руки по швам. Матросы разом повернули головы в сторону Абдыкадырова, предвкушая повод для смеха и шуток. Серик смотрел прямо перед собой, на капитана – лейтенанта Забродина, который, испытующе взглянув на курсанта, спокойно спросил:

- Обязанности матроса перед построением и в строю?

Коверкая слова, путаясь, Серик начал свой ответ, который требовал от него великого напряжения. Мотал головой, как лошадь, тянущая поводья, и его широкие ноздри смешно оттопыривались. Но делало ему честь то, что он обладал хорошей памятью.

- Матрос обязан без суеты занять свое место в строю. Толкать товарища, который неправильно надел форму...

Матросы смеялись во весь рот. Капитан – лейтенант Забродин улыбался, с трудом сдерживая себя, но все равно вздрагивали и тряслись его плечи с золотистыми погонами. Эффект увеличивался еще тем, что у Серика была привычка ставить ударение в конце каждого предложения, отчего речь становилась певучей, необычной. Смех смехом, но Серик себя в обиду не давал: его широкая грудь и железные кулаки были сдерживающим фактором для любителей поязвить, для надоедливых острословов. Серик был далек от мысли с кем – то драться: он просто хватал обидчика в свои широкие могучие объятия, мял и крутил руки, пока тот не закричит: «Ой, ой, кончай... Вечно у тебя шуточки не такие, как у людей».

Капитан успокоил взвод и разрешил сесть сконфуженному курсанту. Сосед, пригнувшись к столу и прячась за спины товарищей, продолжал смеяться. Серик, прямо смотря перед собой, не меняя положение головы, поймал его кисть с такой силой, что тот не своим голосом взвизгнул.

Капитан – лейтенант Забродин бросил строгий взгляд в сторону резкого и нездорового крика, и установилась тишина. Посмотрел на часы и закончил занятие словами:

- В армии вся боевая и политическая подготовка сводится к тому, чтобы не было среди личного состава нарушений воинской

дисциплины. Самыми грубейшими нарушениями считаются самовольные отлучки и пьянство. Есть специальные указания командующего: пьянство на флоте выжигать каленым железом. Зарубите это себе на носу, чтобы потом горько не раскаиваться.

Раздался голос дневального:

- Рота, сделать десятиминутный перерыв.

Иноземцев спросил разрешения у капитана – лейтенанта и скомандовал:

- Взвод встать! Смирно!...

* * *

Наступили холода. На востоке и юго – востоке тянулись нескончаемой грядой сопки, припорошенные снегом. Там, где с южных деревьев опала листва, высывались длинные усы антенн и крутились, выставив на земли мягкие и чуткие лапы, радио – пеленгаторы. А за вечнозелеными кедрами, соснами и елями и промеж сопки современной техники невесть сколько. Матросы знали негласную статистику, по которой подсчитано, что стоит только заработать в полную силу одной только боевой части, как одно островное государство может целиком оказаться под водой. Жутко и мощно!...

Приморская зима была своеобразной. Особо сильных морозов не бывает, но промозглый холод влажной атмосферы побережья быстро пробивает сукно шинели и пронизывает до костей.

С утра матросы возбужденно галдели: «Акула, акула. Поймали акулу». Оказывается, какой – то акуленок – зевака заплыл далеко к берегу Амурского залива. Его заметили ночные часовые и передали старшине Демину, у которого было излюбленное и привычное выражение: «Дайте мне двух матросов или лошадь». Он снарядил команду из пяти матросов и на катерке отправился на охоту. В Приморье рыбаки истребляли акул также целенаправленно, как в казахских степях – волков, грозу овечьих отар. Ради интереса Салим тоже направился было посмотреть морского хищника, но туша его уже была разрублена топором и около кухни отдельными серыми и толстыми кусками разложена, как мясо на рыночных полках. Говорили что акула была длиной больше метра... Салим увидел только ее острую голову и хищные зубы.

Занятия по строевой подготовке проводить по плану стало нелегко. Но плац редко пустовал. После нескольких приемов с оружием матросы невольно стали хвататься и тереть уши, нос. Нос у сержанта

Троеглазова на плацу принимал иссиня – красный цвет. Сержант проявлял завидное терпение к безжалостному и жгучему морозцу. Он дотрагивался до носа по привычке, но не тер. Чуть улыбнувшись одними движениями губ, произнес:

- А что будете делать зимой, когда настоящие морозы начнутся?

- Привыкнем.

- А сейчас неумоги...

Строй галдел на разные голоса, нетерпеливо шевелился, перебирая ногами и дергая руками.

- Форма – «шесть», - командовал сержант.

Матросы с радостью опустили уши шапок и завязали тесемки под подбородком. Положив оружие на землю и перестроившись в одну шеренгу, взвод приступил к отработке строевого шага. Сержант без устали командовал:

- Строевой шаг с разделением: делай – раз, делай – два, делай – три, делай – два... Горох.

- Строевой шаг без разделения: раз, два... раз, два... Четыре!

Результаты бесконечных тренировок стали ощутимы. Взвод в общем строю уже шагал, как один человек, только плац звенел под ботинками. Курсанты уловили единый ритм и это оказалось самым главным. В индивидуальной подготовке еще немало огрехов. Опытным глазом сержант видит недостатки, не дает передышки ни себе, ни взводу:

- Ноги поднимаете недостаточно высоко, носки не у всех оттянуты. А скоро смотр! – Подошел командир взвода капитан – лейтенант Забродин и сходу взял в свои руки бразды правления:

- Раз, два... Раз, два...

Матросы разошлись в маршировке, разогрелись и тянули ноги до боли в голени – бедренных суставах. Разнобой мало – помалу исчезал. Неслись одинаковые, мерные звуки: чак – чак, чак – чак.

- Раз, два... раз, два... Вот, вот... молодцы! Вот уже получается на... тройку.

Шконда от досады даже оглянулся. Он, как и его товарищи, ожидал другой оценки. Думал, что капитан скажет: «Получается на «пять»». Но Забродин, довольный, только щурился. Его губы произвольно раздвигались, обнажая единственный золотой зуб. Капитан – лейтенант остановил взвод и вызвал матроса Галибороду. У Галибороды нога поднималась под прямым углом. Его строевой шаг отличался красотой, приобрел твердость и четкость.

- За добросовестное отношение к строевым занятиям, объявляю благодарность!

- Служу Советскому Союзу!

- Становитесь в строй.

- Есть!

Занятия прошли на достаточно высоком уровне: все изю всех сил старались. Удовлетворенность чувствовали не только командиры, но и матросы. Перестроившись в колонну по четыре, небольшим прямоугольником, взвод направился в сторону кубрика. Навстречу шел командир роты майор Котов. Сержант негромко предупредил:

- Товарищ капитан – лейтенант, командир роты...

- Взвод, смирно! Равнение налево!

Майор Котов, наверно, был удивлен успехами первого взвода, но внешне ничем это не выдавал: на его лице не дрогнул ни один нерв. Наверно, потому так тронула его похвала:

- Благодарю за старание.

- Служим Советскому Союзу!

- Вольно!

- Вольно.

Капитан – лейтенант Забродин – на высоте. Сегодня он в первый раз проводил строевые занятия. Но радовался так, как будто это он каждый час, изю дня в день кропотливо показывал, учил, тренировал, чтобы гражданские парни, переодетые в военную форму, постепенно и упорно постигали один из нелегких видов военного искусства. Забродин – командир взвода, и он, конечно, вправе предъявлять претензии и на этот счет. Человек этот ничем не обделен природой: имеет привлекательную внешность, хитрый прыткий ум, приятный звучный голос и зоркий глаз. Единственный недостаток – сверхнеравнодушие к слабому полу, что губит порой все его достоинства. Он готов подчинить все, что есть в нем хорошего, ради удовлетворения своей неизбывной страсти. Вечно ему не хватает времени, вечно любит поручать... А когда дело воспитания воинов заходит в тупик, нажимает на власть и грубую силу. По – видимому, такой целенаправленный образ жизни привил характеру Забродина соответствующие черты – выкручиваться из любого положения, выставлять на показ все, что сделано им и не им. Обо всем этом можно было бы промолчать, если бы не знали матросы. Они знали, осуждали, восхваляли, подражали и прочее. И самое страшное то, что давно известно: плохой пример заразителен.

Забродин хитро подмигнул сержанту: «Мол, видишь, как нас заметили». И чтобы еще раз блеснуть перед командиром, крикнул: «Песню!» У матросов сегодня на редкость бодрое настроение, и они запели самую для них подходящую песню, любимую:

Не блещут медали, звезды золотые

У тебя, товарищ, на груди.

Мы пока матросы молодые,

Наша слава впереди.

Для Мирона Силаева этот день знаменателен другим событием. Его принимают в комсомол. Мирон сильно волновался. Волновался не из – за вопросов по уставу ВЛКСМ, по международным событиям. Как было с ним десять лет назад, когда впервые вступил в комсомол. Причина известная – исключение из его рядов. О том – скрыть или признаться – не могло быть и речи, потому что Мирон давно и твердо решил рассказать обо всем начистоту.

Вечером Саенко начал запись в художественную самодеятельность. Желающих оказалось мало. Тогда Саенко применил ход конем: вызывал по списку в Ленкомнату каждого матроса и лично расспрашивал, беседовал, проверял голос. Мирон перед бюро не находил себе места. Слоняясь по кубрику, без надобности заглядывал в каждый угол: в умывальню, раздевалку, в оружейную, коптерку... Мероприятие Саенко было для не го как нельзя кстати, Мирон явился в Ленкомнату и доложил:

- Товарищ младший сержант, матрос Силаев по вашему приказанию прибыл.

Саенко сидел на стуле и держал на коленях поблескивающий, отражающий электрический свет новенький аккордеон.

- Прежде всего, на чем играешь?

- На гитаре.

- Давно?

- Лет пять.

- Отлично!

Великовозрастный курсант внушал доверие, и Саенко без предварительной проверки сразу заявил:

- Будешь играть в нашем ансамбле «Синий меридиан».

Салим записался как декламатор.

... По школе каждый день строго расписан, и комсомольские мероприятия обычно проводятся вечером. В дверях показался дежурный по роте:

- Матрос Силаев – на бюро.

Сердце Мирона екнуло. Лицо его залилось красной краской. Он растерянно посмотрел на Салима. Тот незаметно пожал ему руку:

- Ну, иди.

Бюро заседало в метеоклассе, где стены заполнены картой погоды, незнакомыми таблицами, где нарисованы облака, солнце. Бюро вел сам Саенко. В классе сидели Троеглазов, инструкторы других взводов, Саенко, старший матрос Колосов, комсорги взводов и еще несколько человек. Саенко встал и ровным, строгим голосом объявил:

« Прием в ряды ВЛКСМ курсанта Силаева Мирона Андреевича». Слово предоставили Мирону. Он начал рассказывать свою биографию спокойно, немногословно:

- Родился в селе на Алтае в семье крестьянской. Отец много лет работал механизатором в колхозе. Мать была колхозницей. Поступил в школу. Окончил. В том же году поступил в Барнаульский педагогический институт, который закончил с отличием. Затем Московская аспирантура, оттуда был отчислен с правом восстановления через год с положительной характеристикой. Поехал в Казахстан на работу. Работал в сельской школе, откуда и был призван в армию.

- За что же отчислили?

Саенко округленными глазами смотрел на Силаева, не скрывая своего удивления и досады. Мирон не выдержал его взгляда, глубоко вздохнул и, приподняв свои орлиные брови, выдавил из себя:

- Был исключен из комсомола.

- Из комсомола?

Члены бюро зашевелились, перебрасываясь короткими фразами. Вопросы пока задавал один Саенко.

- Да.

- За что же?

И Мирон вкратце рассказал историю своей неудачной любви, послужившей причиной исключения из рядов ВЛКСМ.

Установилась тишина. Каждый думал, вспоминал нечто подобное из своей жизни или из жизни знакомых людей. В армии дано одно преимущество – человек добросовестной службой всегда может доказать, что он до конца наш, советский, что он в любую минуту готов отдать кровь и жизнь за свою Родину. Таким знали Мирона. Не сомневались в нем и на будущее.

- Вопросы есть?

Поднял руку Колосов.

- Разрешите, у меня есть... А апелляцию ты не подавал?

- Нет.

- А зря...

Вопросов больше не было. Бюро единогласно проголосовало за принятие Силаева в комсомол. В заключение Саенко сказал:

- Мы верим в тебя, Силаев. Надеемся, что службой оправдаешь наше доверие.

Через неделю заместитель командира отряда по комсомольской работе лейтенант Шилов вручил комсомольский билет. Мирон был вне себя от радости. Глаза сияли голубым огнем, он стал подвижнее, разговорчивее. После вручения ему комсомольского билета и сразу побежал в магазин и купил килограмм печенья, чтобы по – воинский отметить незабываемый день. В классе ребята поздравили Мирона и, перебрасываясь шутками, лезли руками в кулек за печеньем. Шконда не преминул вспомнить гражданскую жизнь:

- В честь такого дела, Мироныч, не дурно было бы пузырь раздавить.

- После армии обязательно, - поддержал эту запрещенную идею в армии «молодой» комсомолец.

Улучив момент, когда Салим оказался рядом, Мирон, будучи не в силах скрыть свое состояние, сказал:

- Ты знаешь. Я так не радовался, когда в первый раз вступал. Или уже забыл?..

Салим понимающе улыбнулся и крепко пожал руку... коридоре поднялась суета. В классе все притихли в ожидании построения. Действительно, через мгновение донеслось:

- Рота, выходи. Строиться с табуретками.

Подразделения одно за другим прибывали в спортзал.

Причина сбора – встреча с командиром учебного отряда, куда входило несколько военных школ, дважды героем Советского Союза генерал – майором Мазуренко. Рота майора Котова располагалась в колонну по шесть во всю длину спортзала. Поставив табуретки, матросы ожидали команды «сесть». Старшина Харитонов стоял в хвосте колонны и его лицо в мелких морщинках выражало отечественную заботу. Харитонов был строг, требователен, но не злопамятен. После очередной его взбучки, матросы со зла между собой крестили его разными прозвищами: «старая вешалка», «старый

пистолет». Но в душе к нему питали симпатию и в часы досуга в откровенной беседе отзывались о нем положительно: «четкий мужик», «с ним кашу варить можно». Харитонов посадил роту. Прибыла другая рота. Тут произошла непредвиденная оказия. Молодой белолицый старшина звучным тенором дал команду:

- Головные уборы снять!

Обнажились свежebritые лоснящиеся головы, и в спортзале как будто на самом деле стало светлее. Молодой старшина, любуясь уставным видом своих курсантов, с подачей следующей команды медлил. В это время чей – то дерзкий голос сидящих в зале крикнул:

- Сесть.

Рота одновременно села. Старшина растерялся. Белое чистое лицо исказилось в отчаянной гримасе:

- Рота, встать!

Из задних рядов оглянулся Галиборода и сразу отвернулся: его сердце как будто чуяло беду. Не успел прийти в себя, как услышал за спиной:

- Товарищ матрос, ваша фамилия?

- Не я крикнул.

- Товарищ матрос, ваша фамилия?

Галиборода молчал. Перечить нельзя. Сказать – опять наказание. Но команду подал не он. Как доказать! С его трясущихся губ готово было сорваться: «Да не я же, не я, не я!» В армии криком не докажешь. Кто – кто, но Галиборода это испытал на себе и крепко запомнил. Старшина нашел выход:

- Разрешите ваш военный билет.

Записав фамилию, молодой старшина приступил к исполнению своих обязанностей: посадил роту. Галиборода уткнулся в шапку. Обида разрывала грудь, душили слезы. Плакать – стыдно. А хотелось. Подошел сержант Троеглазов, со стороны наблюдавший за происшествием:

- В чем дело, Галиборода?

В голосе командира звучало участие. Галиборода поднялся:

- Не я подал команду, товарищ сержант.

Троеглазов перевел взгляд на Силаева. Мирон сидел рядом, и до сих пор у него не было возможности вступить за товарища.

- Не он, товарищ сержант, - поддержал Мирон.

Теперь Троеглазов не сомневался в правоте слов Галибороды.

- Хорошо. Не расстраивайся. Я разберусь...

Разговор прервал звонкий голос майора Котова:

- Школа, встать! Смирно!

Майор красиво, упруго приложил вытянутую руку к виску и, круто повернувшись, пошел с докладом к генерал – майору Мазуренко. С ним были начальник школы капитан первого ранга Шкагаль, замполит роты капитан третьего ранга Иванов – Смоленский, лейтенант Шилов и другие офицеры.

Генерал – майор с первого взгляда внушал беспредельное доверие и уважение. На нем – темно – синяя форма ВМФ с голубыми лампасами. На груди, как два маленькие солнца, две золотые звезды. Ниже несколько рядов орденских колодок. Его спокойное лицо с большими черными глазами и густыми подстриженными усами отличается редкой пропорцией: красиво и привлекательно. Слово ему предоставил лейтенант Шилов:

- Товарищи курсанты, у нас сегодня дорогой гость – дважды Герой Советского Союза генерал – майор Мазуренко.

Конечно, Шилов гордился своим прославленным командиром. Об этом красноречиво говорило его сияющее лицо и особенная теплота в голосе. Мазуренко встал из – за стола и крупными шагами прошел к трибуне. Оглядел выразительным взглядом молодых воинов, бросил мимолетный взгляд на баскетбольную корзину и начал свое выступление необычно:

- У меня есть небольшая поправка. Лейтенант Шилов выразился несколько неправильно, назвав меня «гостем». Я к вам пришел не в гости, а, как говорится, домой. Моя должность – командир учебного подразделения, куда входит и ваша школа.

Лейтенант растерянно заерзал, чувствуя неловкость за свой промах. Матросы понимающе улыбались. Зал весь обратился в слух, когда генерал, не спеша, обстоятельно начал рассказ о своей жизни, о своем жизненном пути, начиная с далекого детства. Перед взором присутствующих вставали украинские хаты, жители Полтавщины с неиссякаемым запасом шуток, с ароматом пшеничных полей и фруктовых садов. Кто не любит родной край!

Когда – то за ровными хатами, крытыми соломой и камышом, у криницы гулял юный паренек – брюнет с развеселыми подругами, которые задорными голосами распевали: «Ой, дивчина, шум и гай. Кого хочешь выбирай, выбирай». Были свои синие реки, свои зеленые острова, свои тенистые рощи и густые леса, свои неповторимые «джунгли».

О себе Мазуренко говорил скупой, даже перешел к событиям Великой Отечественной войны. Больше рассказывал о товарищах, о друзьях – однополчанах. Лишь один эпизод характеризовал его, как настоящего героя. И по одной единственной детали можно было заключить, что тогда майор Мазуренко являлся грозой немецких «ассов».

... В середине войны на Балтике шли ожесточенные бои. У немцев в морской авиации славился некий Геллер, хороший спортсмен и отличный летчик. На его счету было около ста сбитых самолетов, включая и советские. В воздухе он был неуловим и неуязвим. Лучшие наши летчики готовились сразиться с ним и, наконец, сбить. Мазуренко тоже собирался на эту ответственную охоту. Случай перепутал все планы. И в пользу наших.

Стояла зима. Кругом лежал нетронутым пухом свежий снег. Невдалеке от аэродрома, на опушке леса, лежал разбитый самолет с фашистской свастикой на крыльях и фюзеляже. На него никто не обратил бы внимания особого, если бы не парашют... На парашюте белая этикетка с черными буквами – Геллер.

Подняли тревогу. На снегу четко вырисовывались глубокие следы, которые вели прямо в лес. Геллера подвела немецкая точность. В положенный час он на маленьком походном примусе согрел кофе. Выпил. Прикорнул. Усталость взяла верх. Геллер крепко заснул. Его захватили врасплох. До своих ему оставались считанные километры. Геллер в плену держал себя с достоинством. В штабе он заявил седовласому генералу:

- Мне все равно: хотите расстреляйте, хотите нет. Я воевал не за идею. Призвали и воевал. Дайте самолет – буду бить фашистов.

Геллер действительно не разделял фашистских идей. Он даже питал к ним известную неприязнь, отец – коммунист, по его словам, находился в гитлеровской тюрьме. Но у нас ему самолет не доверили, потому что все – таки он много сделал для гитлеровской армии, как один из лучших ее асов. На его просьбу генерал возразил:

- Вы нанесли нам значительный ущерб.

- Да. Не отказываюсь. Я и вашего Мазуренко сбил.

Генерала удивила самоуверенность пленника.

- Позвольте, Мазуренко жив, здоров. Готовится встретиться с вами в воздухе.

- Хотите, чтобы я умер с сознанием собственного поражения. Мне все равно. Но в последнем бою погиб ваш Мазуренко.

Убедить немца оказалось нелегкой задачей. Генерал не выдержал. Улыбнулся. Снял трубку и попросил пригласить к нему майора Мазуренко. Когда в дверях показался живой Мазуренко, Геллер вскочил и раскрыл рот от удивления...

В спортзале матросы слушали, тоже раскрыв рты.

Генерал – майор вытащил пакетиком сложенный платок. Распустил его и вытер широкий лоб, обрамленный копной еще черных, густых волос. Генералу давно было за пятьдесят, но он выглядел невероятно свежо, молодо, как будто и не бывал он в пекле самой разрушительной войны. Скомкав платок в широкой ладони, Мазуренко продолжал:

- Геллера не расстреляли. Отправили в одну из авиашкол в Подмосковье. Там он до окончания войны работал инструктором, готовил молодых летчиков. После войны вернулся в ГДР¹. Сейчас он тоже генерал. Женат, имеет детей. Я с ним встречался несколько лет назад в Берлине. Мы с ним – большие друзья. В загородной вилле за чашкой кофе вспоминали этот эпизод. Геллер сохранил тот злополучный, а теперь счастливый, как он считает, примус. Подарил мне. Он сейчас хранится у меня дома, как реликвия. Как говорится, «передам своим детям, пусть вспоминают нашу боевую юность...

Из спортзала матросы выходили без суеты, молча. Только изредка какой –нибудь дотошный говорун нарушал общую тишину:

- Вот здорово! Вот это герой, я понимаю! Говорят, его бюст есть в Ленинграде на аллее героев...

В кубрике тоже не было обычного шума, разноголосого гомона. Салим стоял у окна и мысленно переживал впечатления от воспоминаний Мазуренко.

За окном шел крупными хлопьями снег, который, как стая бабочек, парил в воздухе и медленно садился на землю. Снегу навалило порядком. Пройди – и останутся ясные следы. Незаметно подошел Мирон.

- Мечтаешь?

- Угадал.

- О чем?

- О жизни.

- Предмет, стоящий внимания.

¹ГДР – Германская демократическая республика

В голосе Мирона промелькнула дружеская ирония. Мирон успел раскусить Салима: быструю восприимчивость, некоторое самолюбование, пренебрежение к физическому труду. И, как человек, приученный жизнью к анализу поступков своих и чужих, не мог не заметить сдвигов к положительной фазе в поле воззрений и характере Агзамова.

- Слушай, Мирон, почему сейчас молодежь не такая...

- Какая?

- Ну, не такая какая – то. Ищет развлечений. Хватает заграничную шелуху... разную.

- Не все.

- Я не имею ввиду тебя.

- Я тоже не имею в виду тебя. Я не вижу ничего плохого в том, что молодые люди модно одеваются, носят модную прическу, любят эстрадную музыку. Но беда в том, что некоторые забывают о рамках. Доводят себя до фанатизма, истерики, экстаза...

- Вот именно, ты сказал те самые слова «истерика», «фанатизм». Я вспомнил своих друзей. Ты их знаешь. Я тоже был таким. Даже они называли меня «пизоном», а я этим гордился. Невидадь какая!

Разговор друзей прервал объявление младшего сержанта Саенко:

- Участникам концерта переодеться в форму – три: бескозырка, суконная синяя фланелька и черные брюки. Выход в подшефную школу в 18-00.

В указанное время на плацу собрались музкоманда и участники художественной самодеятельности. Снег не прекращался. Только хлопья превратились в тучу белых слепней. Музыканты, поблескивая надраенными инструментами, прыгали на месте, играли в «петухов» и выражали недовольство нерасторопными «артистами», которые тянулись один за другим. Наконец, прибежал сам Саенко, раскрасневшийся, разволнованный, строгим голосом предупредил виновато озирающихся участников самодеятельности:

- Чтобы это в последний раз было. Собираетесь, как барышни.

Матросы построились в две шеренги. Старшина, руководитель духовного оркестра, сделал внушительный инструктаж:

- Держать себя культурно, как подобает матросам. По первому сигналу немедленно строится. От магазинов бежать, как черт от ладана. Если кто посмеет/старшина показал большим пальцем и мизинцем стопку/, матку выверну. Запомните! Младший сержант Саенко, ведите строй.

- Есть!

При упоминании старшины о спиртном Салима пробрала дрожь. До армии у Салима выработалась тяга к водке, как у курящих к табаку. Привычка или отравление организма? Во всяком случае если есть первое, то переход ко второму, кто знает, возможно был бы неминуем. Даже работая в пионерском лагере, где у него свободного времени было в обрез, каждую субботу и воскресенье находил случай и возможность употребить сорокаградусный напиток или разбавленный спирт со своими новоявленными друзьями. Салим взглянул на Мирона, лицо которого хранило спокойствие и невозмутимость, как будто он говорил: «Я не думаю пить». Салима удерживала обстановка жизни. Постепенно он пересилил себя и поборол отчаянную мысль о запретном напитке. Выстроившись в два ряда, матросы чеканили шаг. Около школы веселые и нарядные старшеклассники встречали гостей.

- Девочки, смотрите, к нам морячки идут.

- И все симпатичные.

- Здравствуйте!

- Гуд ивнинг, дия френд.

Озадаченный бесцеремонным поведением дерзких девчонок, старшина недовольно буркнул:

- Здоровеньки булы!

- Матросы по команде «разойдись» вышли из строя и затопали, сбивая пыль, захлопали по штанинам, застучали инструментами.

Несколько сконфуженные беспардонным ответом старшины, девочки потупились. Положение исправил Мирон. Проходя мимо, с чисто лондонским акцентом он проговорил:

- How do you do! We are very glad to see you, dear girls. I

Школьницы вытаращили глаза. Переглянулись. Залились непосредственным смехом и побежали прочь, радостные, удивленные и, казалось, безотчетно счастливые.

Время рассчитано точно. Матросы пришли к концу торжественной части расположились в одном из классов второго этажа и приготовились дать импровизированный концерт. Программа обширная: вступают матросы, школьники, учителя, бывшие выпускники. Кстати, сегодня традиционный вечер встречи с выпускниками школы.

Салим вытащил гюйст, аккуратно заправленный на плечо под суконку, одел. Посмотрел в зеркало. Улыбнулся. Стройный,

подтянутый, он выглядел настоящим моряком. Недоставало только шевелюры. Вынул из внутреннего кармана вузовский ромбик. Повертел, подумал и обратился к Саенко:

- Как вы думаете, прицепить значок?
- Конечно, прицепите.
- Да неудобно как – то.
- Что тут неудобного. Заслужил – носи. Неудобно штаны через

голову одевать.

Салим искренне рассмеялся. Ах, как давно так не смеялся! Обстановка класса, знакомая суэта благотворно действовали на его настроение, и он на время забыл о превратностях жизни, о трудностях службы, о привычке к новому положению. Саенко тут же осведомил его:

- Концерт будете вести вы.
- Я ... - протянул изумленный Салим. - Да я же не подготовлен.
- Ничего, зато у вас опыт есть. Держите себя просто, естественно, и все пойдет, как по маслу.

Перед концертом матросы разбрелись по школе. Салим пошел один по длинному, безлюдному коридору, предаваясь воспоминаниям о далекой родной школе, об отроческих годах. На стенах – знакомые картины «Обсуждение двойки», «Молодогвардейцы слушают Москву», «Прием в комсомол». Из дальнего класса вышли две девушки. Они весело смеялись и, проходя мимо Салима, одна из них задорно бросила:

- Привет, коллега!

Салим оглянулся. Промолчал. Растерялся. Прежде побежал бы, схватил руку:

- Адью, кошечка! Мое вам почтение. Как вас звать?

Теперь как будто заключен в какие-то незримые рамки, обладающие сдерживающей силой. Но на душе стало веселее. Он бодро и быстро шагал и сочинял краткое вступительное слово.

Выпускники, старые и молодые, вышли на перерыв, а Салим отчаянно искал глазами тех девушек, мимолетно знакомых, девушек – коллег. Но увы! Растворились в шумной веселой толпе.

Закулисная суэта сразу охватила Салима. Там участники концерта на ходу репетировались. Причесывались. Обнимались. Шутили. Смеялись. За закрытым занавесом уже раздавались аплодисменты нетерпеливых зрителей. Мирон, поставив левую ногу на рейку стула, настраивал гитару. На него поминутно метала косые

взгляды – молнии русоволосая девушка, которая была среди тех встречавших их у ворот. Салим ее запомнил по длинным золотистым косам. Видно, и она запомнила Мирона по английской реплике, но тот, озабоченный и захваченный закулисной суматохой, ее не замечал. На этот раз Салим не растерялся, подошел к ней.

- Извините. Вы тоже участвуете в концерте?

В руках Салима была программа

- Да. Вы конферансье?

- Что – то в этом роде.

- Скажите, пожалуйста, какой мой номер?

- А как ваша фамилия?

- Котова.

- Так,.. так, Котова Лена.

- Да, да

- Пятый. Хачатурян «Вальс».

- Страшно волнуюсь.

- Все будет нормально. Не беспокойтесь.

Мирон, закончив настройку своего инструмента, проходил мимо. Салим остановил его за руку.

- Мирон, твой любимый вальс играет, -

моментаально сочинил Салим, легким кивком головы указывая на девушку.

- Какой вальс?

- Прежде познакомься.

Мирон машинально протянул свою широкую ладонь, где утонула точенная белоснежная кисть незнакомой юной пианистки.

- Лена.

- Мирон.

Школьница засмушалась и опустила на мгновение большие голубые глаза, и ее розовые щечки стали красными. Наступило неловкое молчание, нарушить которое поспешили оба друга разом.

- Ты спрашиваешь, какой вальс?

- Да, чье произведение?

- Хачатуряна.

- К драме Лермонтова «Маскарад»? Это – вещь!

Как там говорит Арбенин? «Какой чудный вальс!» Музыка здорово соответствует.

Салим не знал, что говорит Арбенин, потому что не был знаком с драмой, потому что пьесы он вообще не читал. Тем не менее страстно поддержал Мирона.

- Вот, вот. И эту вещь ты услышишь в исполнении Лены Котовой.

- Определенно провалю. Не возносите слишком.

Неловкость прошла и Лена чувствовала себя проще в кругу неугомонных матросов. Внезапно появился замполит Иванов – Смоленский и подтолкнул Агзамова:

- Начинай. Держи себя легко. Побольше улыбайся. С богом!

Концерт прошел лучше, чем ожидали. Зрители, не удовлетворившись программой, просили продолжить, заказывали песни, выступали сами. Мирону особенно понравился номер Лены Котовой. Она не провалила. Она исполнила, по мнению Мирона, блестящее, эффектно. Ее вызывали, но она отказалась, потому что репертуар ее еще слишком мал. Убежала, скрывая свое излишнее волнение...

Музыканты сыграли три танца и старшина подал команду:

- Собираться.

Матросы не успели освоиться, некоторые не успели даже станцевать. Но делать нечего, потому что причиной раннего сбора был строевой смотр, который начнется завтра в 9.00.

Салим был в настроении от того, что хорошо прошел концерт, от того, что в голове теснились радужные мысли о будущем. При выходе из ворот Салим взял за руку Мирона:

- Ну как Лена?

- Не такая, как другие по – моему. Про таких, по – моему, и говорят, как русская березка... Искренне признаться, таково от нее мое первое впечатление... -Великовозрастный матрос Мирон заметно волновался. Салим, довольный, улыбался во весь рот. В темноте Мирон не видел выражение его лица. Шли молча. Черствое, казалось, окаменевшее сердце Мирона сегодня неожиданно потеплело и виной тому было это полувоздушное существо с невидимыми крыльями и золотистыми косами, парящее со своей музыкой, словно бабочка. Пусть даже никогда не встретится Лена, но мысль, что есть на свете чистые, незапятнанные создания, достойные высших земных и неземных благ, окрыляла Мирона и вселяла веру в жизнь и любовь. А над его головой распростерся темный купол неба, испещренный мириадами звезд, вечных свидетельниц страданий и мук, счастья и

любви человечества. И он, этот человек в матросской форме, пройдя через испытания жизни, нес в груди надежду на право любить и быть любимым...

Долгожданный день наступил. С самого подъема всполошилась вся школа. Матросы с вечера переоделись в форму «три». Почистились, подраили пуговицы, побрились. Ждали построения. В 8.00 старшина Харитонов с особым подъемом скомандовал:

- Рота, по взводам в две шеренги становись!

Доложил капитану третьего ранга Иванову – Смоленскому. Замполит произнес краткую речь об ответственности предстоящей церемонии, о необходимости мобилизовать все силы и умение.

На аллее среди голых ветвей деревьев показался командир роты майор Котов.

- Рота, равняйся! Смирно! Равнение налево.

Капитан – лейтенант Иванов – Смоленский доложил майору Котову. Майор, не отпуская руку от виска, прошел вдоль строя подтянутых, стройных, с автоматами наперевес матросов, которые сопровождали его поворотом головы. Внешний осмотр его удовлетворил, остальное покажет предстоящий смотр.

- Здравствуйте, товарищи курсанты!

- Здрав... желаем, тов...рищ майор!

Котов посмотрел на часы, сделал несколько шагов назад, и в тишину врезался и полетел на высоких нотах, торпедируя морской воздух, звучный баритон:

- Рота, направо! Шагом марш!

Подразделение майора Котова заняло свое место на центральном плацу перед фасадом здания школы. По команде «вольно» все, ослабив одну ногу, ждали начальника. Вдруг строй всколыхнулся, как будто учащенно запульсировала кровь в едином организме. У дверей штаба шли командиры во главе с капитаном первого ранга Шкагалем. Майор Котов /на общешкольных построениях всегда поручали командовать ему/ набрал полную грудь воздуха, и, слегка приподняв подбородок, как всегда звонкогласно подал команду: «Школа, смирно! Равнение на середину!»

Оркестр заиграл марш. В такт под удары барабана майор Котов печатал шаги. Оркестр тоже играл на славу. Вибрирующие звуки первой трубы придавали красоте и торжественности всей музыке. Среди множества мыслей в эту минуту у застывших матросов была, вероятно, и такая: «Раданяк дает!» Раданяк – это отличный первый

трубач, но из – за пьянства вечно сидит на гауптвахте, и его выпускают только играть в оркестре по торжественным случаям.

Кап – один шел вдоль строя, тщательно маскируя в морщинках у глаз готовую вырваться улыбку. В этой полной тишине необходимого военного церемониала Салим вспомнил благожелательные наставления Шкагалья в штабном вагоне эшелона призывников. Это он говорил о синем меридиане, проходящем через матросское сердце. И на мгновение Салиму показалось, что их взгляды встретились и Шкагаль, узнав его, по – отечески улыбнулся. Он, сын латышского стрелка, уже сам – старый служака, опытный педагог, по – отечески заботливый человек. Начиная от матросов – курсантов и кончая сержантами постоянного состава, все звали его между собой «батей». В это партизанское слово они по – своему вкладывали предельное уважение, преклонение и любовь. Обойдя все взводы и роты, Шкагаль приложил правую ладонь к козырьку фуражки и громко приветствовал. Казалось, бетон затрещит под ногами, когда матросы единым духом гаркнули:

- Здравия желаем, товарищ капитан первого ранга!

После общего построения взвода разошлись для индивидуальной проверки личного состава. Взвод капитана – лейтенанта Забродина направили в спортзал. Строгость Забродина как рукой сняло: бегал, лебезил перед комиссией, улыбался перед курсантами: мол, не подведите. Тактику переменял совершенно: от угроз перешел к уговариванию. Внешнее хладнокровье сохранял сержант Троеглазов. Он собран, подтянут по – особенному, как никогда. Ведь сегодня по сути дела получает оценку за свой труд, и его волнение выдают только нахмуренные и сжатые губы, из – под которых отрывисто вылетают слова команды.

Комиссия из трех офицеров села за небольшой стол, накрытый красным сукном. Разложили бумаги. В противоположной стороне в две шеренги построили взвод, приступили к осмотру внешнего вида. Нашли несколько недостатков: клеймление суконки у Ишантураева не с той стороны, у Шконды – ногти на ногах, у Иноземцева была слишком низкая подстрижка волос /во взводе он один носил прическу/.

Самое главное – строевая подготовка. Матросы волновались жутко, стояли тихо и смиренно, не шелохнувшись, как во время игры «замри – отомри». Задача – пройти правильным строевым шагом. По пути отдать честь Иноземцеву и доложить сержанту о прибытии.

Приемы с оружием на месте и повороты в движении. На смотре вопреки ожиданиям были совершены непредвиденные ляпсусы. Дергалов при отдании чести не отпустил во время руку и дальше пошел, одновременно выкидывая левую руку и левую ногу, правую руку и правую ногу. Галиборода перестарался и ноги его двигались, как костыли, напряженно, неестественно и некрасиво. Силаев непростительно медленно выполнил приемы с оружием. А Шконда в движении умудрился отдать честь левой рукой. Правда, сразу, сходу поправился. Но комиссия это заметила. У Агзамова отсутствовала четкость, при повороте получилась длительная остановка. Салим получил тройку. Он уже постепенно привыкал к мысли – быть, как все, а не впереди, не выставляя себя, поэтому не огорчился. Общий смех вызвал Абдыкадыров. При поворотах в движении сержант Троеглазов задержался с командой. Впереди была стена. Идти дальше некуда. Серик без положенной команды, не дождавшись ее, самостоятельно повернул кругом и продолжал движение, как ни в чем не бывало. Он даже не обратил никакого внимания на смех, сосредоточенно, старательно продолжая свои действия, доводил дело до конца. Ходил он сносно. Пожалуй, лучше всех во взводе. Своей добросовестностью он вызвал симпатию у всех присутствующих: и у матросов, и у офицеров. Получил твердую четверку. Троек во взводе – уйма, но, к удивлению, ни сержант, ни капитан не высказали своего неудовольствия. Наоборот, облегченно вздыхали и спокойно перекидывались словами.

Первый осмотр прошел хорошо. Через несколько дней приняли присягу, что вконец утвердило в молодых матросах чувство воина и защитника своей великой Родины...

Зимний погожий день. На Дальнем Востоке климат своеобразный. Иной день даже в декабре нельзя назвать зимним, потому что внезапно может пригреть солнце, снег становится талым с черными подтеками на земле, как будто разлили бензин. В такие дни матросы после занятий бегут на спортплощадку к снарядам: крутятся, вертятся, подтягиваются, прыгают. Сегодня там нет только представителей первого взвода. Они заступают в наряд по несению караульной службы. Позади – курс молодого матроса, первый осмотр, принятие присяги, тренировки в караульном городке, стрельбы.

Матросы по два, по три человека разбиты на все посты. Два – разводящие. Разводящий № 1 – старший матрос Иноземцев и

разводящий №2 – старший матрос Силаев, которому накануне, как командиру отделения, присвоено первое воинское звание. В строю нет матроса Агзамова. Он направлен в камбуз с другим взводом, расплачиваться за прошлые огрехи в камбузном наряде.

В дверях штаба показался капитан – лейтенант Забродин. На нем – португепя. Револьвер на боку. На рукаве – красная повязка. Начальник караула сержант Троеглазов подал команду «Смирно!» и пошел докладывать заступающему дежурному по части. Капитан Забродин поздоровался, проверил внешний вид, знание уставов, особых обязанностей часового. Предупредил:

- Товарищи курсанты, еще раз напоминаю, со всей серьезностью отнеситесь к несению караульной службы. Не забывайте, что вы выполняете боевую задачу.

Строгие лица воинов, безупречное знание своих обязанностей, подтянутый внешний вид: черные шинели, схваченные широкими ремнями с медной, до блеска начищенной бляхой с якорями, черные брюки со стрелками: «осторожно – не обрежься» - все говорило за то, что эти молодцы ни одной подозрительной души не подпустят к охраняемому объекту. Но вышло не так, как предполагалось и как должно быть.

Темная чаша небо со множеством сверкающих звезд не предвещала осадков. Чутко дремали сопки Амурского залива с гребешками сосен, елей, пихты. Где – то там, за высокими, грозно громыхающими и бьющими со всего разбега о скалы, разлетаясь на тысячи осколков – брызги, волнами, находится остров Дальний, где обучаются вот также будущие моряки – подводники. У них – то служба потруднее и посуровой, чем у курсантов – связистов... Ночь выдалась сравнительно теплая. С наступлением темноты стали отчетливо вырисовываться на прибрежных сопках остроконечные вершины высоких вековых кедров на фоне звездного неба. Территория гаража была освещена двумя лампочками на столбах. Первую смену провел Шконда бодро. На второй – заскучал. Время было уже полночь, и оно тянулось очень медленно. Неумная натура искала занятий. К великой радости Шконды попался на глаза заблудившийся кот. Осторожно, на цыпочках Шконда приближался к незваному гостю: кыс, кыс, кыс... Поймал. Нашел веревку, привязал кота и стал обучать его строевой подготовке:

- Шагом марш, раз, два, раз, два. Запевай. Фестиваль – шествие. Насмерть перепуганный кот ложился на живот, боясь шевельнуться.

Но Шконду это не устраивало, и он не унимался:

- Бегом марш... Разгиляй...

Кот, немного отбежав, снова лег на живот.

- С места с песней...

За этим занятием застала Шконду смена караула во главе с сержантом Троеглазовым.

- Часовой!

Окрик начальника караула подействовал на Шконду, как электрический ток. Встрепенулся и тотчас крикнул: «Я» вместо «Стой! Кто идет!»...

- Что вы делаете на посту?

- Вот... кота на прогулку вывел.

- Снимаю с поста. Завтра доложите командиру взвода.

- Есть.

С подъемом весть о необычном ЧП облетела всю роту. Матросы со смехом, не стесняясь в дополнительных деталях, рассказывали друг другу историю часового Шконды с его ночным злополучным посетителем. Капитан – лейтенант Забродин лютовал. Дело приняло серьезный оборот. Шконда молча ждал самого сурового наказания.

Состояние дел на камбузе у Салима было диаметрально противоположным по сравнению со Шкондой. За последнее время Салим там перебивал на всех должностях, за исключением повара. Два «поваренка» с каждого взвода назначались постоянно. Они знали свое дело, не боялись ответственности и с наступлением своего взвода в наряд, не мешкая, принимались за свои функции. В этот раз Салим был дневальным. Приловчился работать быстро, в определенном порядке. Первым делом до завтрака вымыл коридор, узкий, длинный, как в кубрике. Потом взялся за красный уголок, гардеробную и всевозможные отсеки и отделения. Разгибал спину только на перекур и на прием пищи. Если выкраивал свободное время, то шел в посудомойку помогать «плавсоставу». Придумал одну хитрость – всегда держать наготове тряпки – одну половую, другую для пыли. Стоит появиться незваной гостье – грязи, как Салим слету выводит ее, и снова чистота, как будто ничего и не бывало.

Неожиданно приехал генерал – майор Мазуренко. Перед обедом в сопровождении командиров посетил столовую. Накинув белый халат, который был ему выше колен, Мазуренко спокойно прошел по коридору на кухню и дальше в общую столовую. Матросский пищеблок произвел на него неотразимое впечатление. От его внимательного взгляда не ускользнул и сияющий медный краник, который с утра продавил Салим асидолом.

Старшина Демин по приказанию Мазуренко построил камбузный наряд в коридоре. Генерал – лейтенант с нескрываемым удовольствием и любовью смотрел на молодцевато вскинутые подбородки, по – юношески задорные глаза. В них нравилось ему трудолюбие и ответственность за порученное дело. Осторожно, как бы не желая вспугнуть застывшее молодцеватое выражение на матросских лицах, генерал преподнес руку к широкому и светлому лбу и громко произнес:

- За добросовестную службу камбузному наряду объявляю благодарность!

Матросы ответили, как положено, слаженным хором...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В матросском строю

Как быстро летит время в учебном отряде. Подъем – отбой, подъем – отбой. Дни летят, как секундные стрелки часов. Вот уже март! Но месяцы идут медленно. Еще только март! Прошло лишь полгода службы, а, кажется, прошла целая вечность с тех пор, как они прибыли в армию. Многие гражданские манеры и привычки забыты. Не верится! Как будто так и родились матросами. Конечно же, об этом говорили и офицеры в кабинете командира роты. В кабинете накурено. Сизый дым крутится, приходя в хаотическое движение под ослепительными горячими лучами весеннего солнца.

За окном – чистая, ровная, утрамбованная территория. Хотя идет лишь первый месяц весны, там нет ни снега, ни слякоти, ни лужи, тем более мусора.

Капитан третьего ранга Иванов – Смоленский, пересчитывая план комсомольско – молодежного лектория, не удержался от восторга:

- Какой молодец все – таки этот Агзамов. За два месяца подготовил две лекции.

- У него высшее образование, - не вполне поддерживая похвалу замполита, возражающим тоном произнес майор Котов. – Однако, мне кажется, что он очень самолюбив и горд.

- Был, - заступился Иванов – Смоленский. – Был поначалу. Сейчас и на камбузе справляется, и караульную службу несет прилично.

- Так – то оно так. Так и должно быть. Мне бросился в глаза один штрих. Когда Агзамов производит уборку, слишком морщится. А другой напевает шутками перебрасывается... Я не уверен, что Агзамов до армии не бросал окурки мимо урны, где попало...

- У него незапятнанное прошлое, - вступился в разговор капитан – лейтенант Забродин, выпуская кольца дыма, которые, попав в затейливый водоворот под лучами солнца, постепенно растворялись. – Учился в институте, работал в пионерском лагере, в школе, пользовался авторитетом и уважением. Пионеры постоянно пишут ему письма. А вот старший матрос Силаев – другое дело.

При упоминании имени Силаева Котов насторожился, замолчал, осекся. А глаза капитана Иванова – Смоленского загорелись искренним уважением к названному матросу и он своим чистым, непрокурным голосом начал:

- Мирон Силаев – человек исключительно эрудированный. Филолог по специальности, он в точных науках разбирается не хуже инженера. И добился этого самостоятельно. Старший матрос Силаев готовит лекцию: «Использование достижений кибернетики в военном деле». Послушайте. Интересно. И вообще советую всем офицерам присутствовать на этих лекциях. Сейчас вот – выступление матроса Агзамова «Эстетическое восприятие живописи».

Вопросы очередной планерки исчерпаны. Иванов – Смоленский обратился к командиру:

- Товарищ майор, разрешите нам выйти.

Майор Котов утвердительно кивнул головой и остановил взгляд на Забродине.

- Капитан – лейтенант Забродин, прошу вас остаться.

- Есть.

- Когда все офицеры удалились и в кабинете остались только вдвоём, Котов вышел из – за стола, прошелся, не зная, с чего начать.

Потом поморщил широкий лоб и заговорил по – дружески просто, напрямик:

- Слушай, капитан, что за парень этот Мирон.

Забродин удивленно наклонил голову, не понимая, для чего понадобился командиру роты его матрос. Хвалить или не хвалить. Командиру взвода показалось, что дело пахнет недобрым и он решил поддержать как – то майора:

- До армии был исключен из комсомола.

- Я это знаю, - недовольно прервал собеседника Котов.

Теперь нелегкая дилемма разрешилась, и Забродин с жаром стал разрисовывать достоинства матроса Силаева.

- Выдержанный. Скромный. Очень эрудированный, как отмечал здесь товарищ капитан третьего ранга. Пользуется уважением среди товарищей.

Котову не терпелось спросить про самое главное. И в то же время не хотелось вызывать подозрений в свой адрес со стороны капитана и он сказал:

- Рассказывайте с самого первого дня его пребывания. Как он вел себя? Как воспринял воинские порядки? Какие взгляды у него?

А самое главное, чего не рискнул майор спросить, было отношение Силаева к женщинам вообще, к вопросам любви, в частности.

Дело в том, что Лена Котова – старшая и любимая дочь майора Котова. И от зоркого командирского и отцовского глаза не ускользнул тот факт, что между Мироном и Леной зарождалось нечто серьезное. И эта мысль не давала покоя Котову: нужна осторожность и большой такт. Ах, эти «битые» и их разнузданное поведение! Это они являются причиной крайнего раздражения и недоверия Котова. Кто знает, что за птица этот гитарист – виртуоз Мирон. За Леночку он уверен. Воспитывал сам. Очень способная. С первого класса ходит в музыкальную школу. Чистая, светлая, юная душа! Нынче – в десятом классе. Ничего странного нет, если даже... Вот именно! Но все – таки!... Об этом невольно думал майор, когда и кандидатов отбирал в свою роту. Он нарочно холодно обходился на первых порах с Салимом Агзамовым. Высшее образование, цепкий, восточный взгляд! Кто знает!.. Но никогда не предполагал, что претендентом окажется хмурый, молчаливый Силаев. А ведь что – то чуяло отцовское сердце. Раньше у него не было курсантов с высшим образованием.

Пока Забродин старательно выкладывал все данные о матросе Силаеве, в кубрике шла лекция Агзамова. Майор Котов и капитан Забродин осторожно вошли в кубрик и бесшумно сели сбоку.

- Атамана Сирко Репин писал с популярного в свое время генерала Драгомирова. Сирко отличался исключительной храбростью, силой и находчивостью, пользовался большой любовью казачества. В период предводительства атамана Сирко казачество достигла наибольшего расцвета. И вот тогда было написано историческое письмо турецкому султану Махмуду, - Салим говорил страстно, захлебываясь, как будто слова сами текли беспрепятственно из неиссякаемого языкового резервуара. Чувствовалось, что человек истосковался по любимому предмету и Салим умело, без лишних движений обращался к репродукциям с картин, к вырезкам из журнала «Огонек». И рассказывал, рассказывал... Не зря говорят, человек красив в работе. Без преувеличения, Салим выглядел сейчас красавцем. Румянец пылал на его разгоряченных щеках. На лбу выступили бисеринки пота... Короткие смолисто – черные волосы аккуратно зачесаны назад. Майор Котов смотрел на него с явной симпатией. Переглянулся с капитаном третьего ранга Ивановым – Смоленским: отлично читает!

Публика здесь не отборная, какая приходит в лекционный зал самостоятельно, по собственному желанию, прочитав афишу. Поэтому Салим волнуется, читает лекцию торопливо, сыплет датами, редкими и интересными фактами, как из автомата. Не дает опомниться по – своему щепетильной матросской аудитории. Вся лекция идет одним темпом, и лектор, не сбавляя этого темпа, внезапно заканчивает шуткой:

- Благодарю за внимание. Концерт окончен.

Лекцию, кажется, поняли. Цель достигнута. Гул. Аплодисменты. Салима окружают любители живописи. Подходит сам майор Котов и от души трясет ему руку:

- Жаль. Не слушал с самого начала. Вы доставили редкое удовольствие.

Из тесного кольца вытягивает друга Мирон, тащит куда – то в дальний угол, к окну, охотно и порывисто подает руку:

- Ну, ты дал, старик. Держи пятерку.

Салим вытирает лоб рукавом, и, отдышавшись, констатирует снова аксному, которая с недавних пор ему стало привычкой.

- Да, какие мы были дураки на гражданке. Теперь только понимаешь цену...

Вынимает из нагрудного кармана записную книжку:

- Вот мой личный кодекс:

1. Гуманизм. Человек человеку друг, товарищ, брат.
2. Быть компетентным в вопросах техники.
3. Разговаривать на одном из иностранных языков.
4. Верить в любовь.

Мирон отвел взгляд в сторону и, подняв брови – крылья, по – особенному тепло улыбнулся:

- Ты видел, тебя сам командир роты поздравил?

- Твой тесть?

- Не загибай. Я с ней только два раза танцевал на вечере двадцать третьего февраля¹. Больше не видел

- Испытание любви.

- Может быть. Может, я ее просто выдумал. Салим, я в общем – то равнодушен к стихам. Но никогда сам не писал. Во всяком случае не получалось. Одичал, наверно. Сколько месяцев живем на изолированной территории. Удивительно! И я написал четыре строки, четверостишие.

- Не секрет?

- Скажешь... Слушай:

Ты как будто березка России,

Ты как будто такая струна,

Что все делает как – то красивей,

Вздуроражив нам душу до дна.

Салим восторженно отнесся к нескрываемому восторгу и хлопнул Мирона по спине, лихорадочно дергая его.

- Здорово! Клянусь! Продолжай.

- Говорят тебе, четверостишие. Больше нет.

- Но ты же – поэт. Ты можешь выдать хоть стостишие...

- Шалишь, старик. Нет и нет, я не поэт. Это случайно получилось.

- Надо передать Лене. Тогда она это написала, это ее стихи.

- Согласен. Но через кого? Увольнения, сам знаешь, начнутся с первого мая.

- Через Котова.

- Шалишь.

¹День Советской Армии.

Салим улыбнулся, сглаживая свою неуместную шутку, и по – братски, от избытка суровой армейской радости похлопал Мирона по спине и сказал:

- Терпение. Знаю, нелегко. Но выхода нет. Занимайся своей машиной. Кстати, на какой стадии сейчас?

- Критической.

- То есть?

- Спор идет. Мне хочется использовать полупроводниковые усилители. Габарит уменьшается. Старшина Хотимцев против. Не знаю. Может, он прав. Идем – ка в аудиторию...

Друзья направились в учебный класс. По дороге встретился капитан – лейтенант Забродин. Пожал руку Салиму, поздравляя с интересно прочитанной лекцией:

- Сенсация! Только не зазнаваться!

- Есть.

В классе развешаны принципиальные схемы радиостанций. Мат – часть расчехлена. Стоят вдоль стен ровно, как в строю, современные приводные станции различных марок. Снуют матросы с указками, с конспектами в руках. Мирон подвел Агзамова к доске и одним махом начертил узкий прямоугольник:

- Допустим, это – полупроводник. Имеет два выхода – эмитер и коллектор. Основание, как известно, называется базой. Они соответствуют катоду, аноду и сетке. Основные свойства полупроводника – зарождение двух токов: электронного и дырочного, - Мирон объяснял как всегда увлеченно. Он стоял, запустив левую руку в карман и расставив ноги. Это была привычка учителя Силаева. Агзамову было не до полупроводников. Он искренне признался:

- Мирон, поверь, ничего сейчас в голову не лезет. Не мучь. В следующий раз.

Силаев встряхнул мел и положил на место.

- В общем, думаем. Разрешим этот вопрос, там останется ерунда.

Подошел Шконда:

- Миронич, подскажи. Потерял на схеме цепь диода.

Шконда в последнее время стал серьезнее, подтянулся. За караул отделался испугом. «Губу» миновал. Получил три наряда вне очереди и уже отходил все...

Салим, воспользовавшись отлучкой Мирона, вышел из класса. У него срочное дело. Ему надо встретить капитана – лейтенанта

Забродина и отпроситься на переговоры: мать вызывает. На душе у Салима, как говорится кошки скребут. Догадки, сомнения: всевозможные версии. И где – то в глубине среди них тайная мысль: узнать что – нибудь об Айсулу. Переписка с ней незаметно прервалась. Захлестнули служебные будни. Особых переживаний не было. Но сегодня легкая волна надежды овладела им вновь. Конечно, во всем виноват сам Салим. Настроил любовное послание, насыщенное высокопарными эпитетами, которые сейчас не принято говорить девушкам ни письменно, ни устно. Потом даже сам оробел, как – будто забрался на вершину Монблана, а спуститься нет ни сил, ни возможности.

Капитан – лейтенант Забродин как раз уходил домой, на ходу выслушал Салима, и недолго думая, дал разрешение:

- Хорошо. Скажи дежурному по части. Он с кем – нибудь отпустит вас.

А сам как бы между прочим, незаметно отыскал старшего матроса Колосова и отвел в сторонку. В нем он видел своего тайного соратника и единомышленника по любовным похождениям. Оба в этом отношении были неотразимы перед слабым полом. Забродин заговорческим тоном начал его наставлять:

- Ты, Колосов, пойдешь на переговоры провожатым Агзамова. Мне кажется: он непрочь этого, – командир щелкнул пальцем по стоящему воротничку. – Не запрещай. Надо подловить его.

- Понял.

- Я хочу проверить его на крепость. Уж больно заносчивый. Так и мечет осуждающие взгляды. Цыпленок!

- А как я?

- За себя не беспокойся. Ты умеешь... Подсоблю. Действуйте, товарищ старший матрос!

... По широкой шоссейной дороге идут матрос и старший матрос. Салим не сводит глаз с моря: простор без конца и края. Вдоль берегов тянется город с рыбацкими домиками, с голубыми пляжами и курортными белоснежными зданиями, которые то там, то сям выступают на уступках сопок из – за густых зарослей приморских деревьев. Перевернутые лодки и катера на бревнах свидетельствуют о том, что летняя навигация здесь не началась. Кругом тихо. Только крики беспокойных чаек, сверкающих бело – голубыми крыльями, резко врываются и нарушают общую умиротворенность вечернего дальневосточного города. Солнце висит над самыми верхушками

двух сопок, что высятся в море где – то за зыбким горизонтом, напоминая необычные айсберги. Салим четко различал и восторгался каждой деталью приморского пейзажа, как – будто в нем открылся талант живописца. Больше того, он ушел в воспоминания. В нем пробуждались детские впечатления от полузабытых романов Дюма и Майн Рида. Он первый начал разговор с молчаливым старшим матросом Колосовым, когда – то который поразил его своей строевой выправкой:

- Настоящая экзотика! Море, чайки.
- Надоели эти мартыны, - недовольно отозвался Колосов.

Разговор на этом прервался и надолго. Молоденькая девушка с модной прической возвратила Салиму вызов и строго официальным тоном осведомила:

- Ваши переговоры состоятся через час.

К крохотному окошечку прильнул Колосов и, проводя большим пальцем по горлу, притворно взмолился:

- Девушка, а если мы хорошо попросим вас. Сами знаете, люди служивые. Времени – в обрез.

Девушка взглянула на неотразимую физиономию Колосова. Мило улыбнулась.

- Хорошо. Постараюсь связаться. Ждите. Но не раньше чем через полчаса. Расстояние дальше.

На улице сухо и тепло. Скоро зазеленеют деревья, а пока стоят, разбросав голые кривые ветки. Салим посмотрел на статную фигуру Колосова и не удержался от комплимента:

- Все – таки ты -красивый парень. Смахиваешь на киноартиста.
- Может быть. Давай – ка лучше перекурим.

Агзамов, доставая пачку сигарет «Казахстан», не переставал допытываться.

- Успех, наверно, большой у девчат?
- Да... Хватает. А ты запасливый парень. Все «Казахстан» куришь.

Эти сигареты всюду славятся. Только трудно их найти. Дефицит!

- Приберег для такого случая. Сколько уже не выходил за территорию части.

- Здесь курортные места. Поэтому увольнения строго ограничены и карантин в нашей школе долго длится,- спокойно пояснил Колосов, выпуская густой клубок дыма и с наслаждением цокнув языком.

Салиму стало не по себе. Не потому, что Колосов грубо отозвался о девушках. Он сам когда – то говорил и отзывался так. А потому что

такой красавец, кому подстать быть современным Ромео, не любит и, быть может, никогда не любил...

Подошло время переговоров. В трубке еле слышно прозвучал голос матери:

- Салим? Салим? Салимжан?

- Я, я, мама, здравствуй!

- Как здоровье, сынок? Я, мама Нурзия!

- Хорошо, мама. Как ты живешь?

- Хорошо, хорошо. Пиши почаще, жеребенок мой. Когда приедешь?

- Скоро, скоро, мама. Видишь Айсулу?

- Да, да. Пиши ей тоже. Она всем нравится. Когда приедешь?

- Напишу, мама...

Последние слова донеслись как из – под земли. Связь прервалась. В трубке зазвучала какая – то музыка, которая тотчас перешла в завывание ветра. Потуги оказались напрасны. Все равно больше говорить не о чем. Главное, мать и сын услышали голос друг друга. Салим повесил трубку и в приподнятом настроении вышел из тесной кабины.

- Девушка матери понравилась, - незамедлительно поделился радостной новостью Салим. Он весь сиял, находился под впечатлением переговоров.

- Думаешь, дождется? – не к месту задал вопрос Колосов.

- Должна. Она еще молоденькая.

Колосов промолчал, но его вид, выражение глаз с полуулыбкой говорили о том, что он не согласен с данным простодушным критерием.

- Может, выпьем, - вырвалось у провожатого.

Салим подозрительно покосился на него. У Салима были деньги, остаток от взятых еще дома на дорогу. Ему захотелось угостить Колосова. Он не был скупердям от природы. Про таких казахи в степях говорят: у него всегда ладонь раскрыта. Но сам пить – ни – ни – ни. Среди всех предосторожений и угроз Салиму запомнилось выражение сержанта Троеглазова: «Вы сейчас, как слепые котята. Сразу попадетесь». Да и сам Салим в душе был доволен, что в армии отучили от всяких спиртных напитков.

- А где можно?

- Да вот здесь рядом. На станции.

В голубом станционном буфетелюдно. Слева сидят несколько рабочих, изрядно выпившие. Заняты бурным разговором. Никого не видят и не слышат. Справа – группа каких – то пижонов, накрашенные девицы, обросшие, как дикари, парни. Один – с гитарой. Они вели себя шумно, самонадеянно, развязно. Салим понимал их: они воображают, что кругом серые люди, а вот представители сей пресыщенной компании лучше всех, красивее всех и умнее всех. Но это – самообман и временная слепота, которые в скором будущем непременно приведут к душевному опустошению. Это Салим тоже понимал. Он не отводит от них взгляда. Как похожа вот эта нафуфыренная красotka на его прежнюю Мэри. Даже те же иссиня – темные круги под глазами, густо намазанные пудрой. К концу какой – то фразы гитарист чмокнул ее в щечку. Она расхохоталась.

- Вот тебе и вся любовь!

Салим обернулся на голос Колосова, который возвращался с пивом, с бутылкой вина и с двумя стаканами:

- Попадется такая, и жизни рад не будешь.

Салим, увидев стаканы, отчаянно запротестовал, махая руками и головой:

- Ты что? Вина не буду.

Колоссов спокойно разливал и приводил свои доводы:

- Не трусь. В прошлом году знаешь как мы пьянствовали? Главное – уметь. Сегодня помдеж – мой дружок. Я сам доложу. А ты пойдешь спать. Давай!

Теперь Салим уже не в силах был отказаться. Выпили. Вино подействовало моментально. Сказывался долгий перерыв. Потянуло к задушевному разговору, и Салим, отпив несколько глотков пива, пролепетал:

- У какого – то поэта есть такие слова: «Лучше верить и ошибаться, чем не верить и не любить».

- А кого любить? – подхватил Колосов. – Вот у меня была любовь школьная, первая, так сказать. Мы с ней учились в одном классе, сидели за одной партой. Жили мы в районном центре, в тайге. Ходить особенно некуда. Так мы всегда вместе. К урокам готовимся, книги читаем. Мечтаем. Она мечтала стать астрономом. Новые звезды открывать. А я – летчиком и космонавтом...

После последних слов Колосов с досадой и сожалением ухмыльнулся.

- Приехал к нам однажды новый учитель. Поначалу вел физкультуру. Ничем не выделялся. А жили – то мы однообразно, скучно. И вот как – то на Новый год он и выступил на сцене... Отколол такие номера. Играл на всех инструментах: на аккордеоне, на пианино, на гитаре, на трубе, на кларнете. В общем, на всех. Оказывается, его выгнали из консерватории и он приехал к нам, в тайгу. Парень был деятельный. Организовал самодеятельность, отличный хор: разбил на три или четыре голоса. Этот хор в Красноярске занял первое место. Получили грамоты, подарки. Чуть в Москву не поехали. В Новосибирске на зональном смотре что – то не пропустили. Забыл уже из – за чего. Но хор отличный. Потом в школе сколько он сделал! Спортплощадку, спортивные секции. Учителя его недолюбливали. У него была привычка – себя выставлять: я сделал, я создал. А нам – то, ребятишкам, до этого нет дела. Привязались к нему. И девочки тоже. И вот как – то провожал он мою любовь. Обо всем этом я уже после узнал. Она сама рассказала под хмельком. Испортилась совсем баба. И вот значит, пригласил он ее к себе. Она, как и все, в нем души не чаяла. Жил – то наш учитель один, жильё холостяцкое, неудобное, беспорядок. Она прибрала в квартире, вымыла полы. Он достает бутылку коньяка, мол, после работы требуется.... Уговорил немного выпить. Потом больше. Любушка захмелела. И тут – вся любовь...

Колосов разлил остаток вина. Салим сунул ему десятирублевую, растрогался:

- Возьми еще.

На этот раз Колосов взял без очереди и тут же вернулся.

- Сейчас она пишет.

- Что толку? Пишет. Фотографию прислала, а мне смотреть тошно...

- Не расстраивайся. Тебя любая полюбит.

- Любят. Здесь одна, как кошка, втюрилась. Лиза – телеграфистка.

- А ты?

- Что я? У нее муж есть, где – то в плавании. Недавно призналась... Мы с ней на танцах познакомились. Чудачка! От меня того.... Не хочет аборта делать и вся любовь. Говорит, если ты не женишься, пусть хоть ребенок останется. Буду сама растить, воспитывать. Давай допьем. Сходим к ней. Поболтаем...

Салима распирало любопытство увидеть Лизу. Наверно, она такая же красивая, как Колосов. Как жаль, что они, Колосов и Лиза, не

встретились раньше. Но, может быть, и теперь не поздно. Может быть, Колосов все — так любит ее. Только из — за гордости не признается.

В нижнем этаже большого пятиэтажного дома у входа висит вывеска «почта». Матросы уже заходили туда. Колосов вызвал Лизу. Вышла стройная брюнетка. Она похожа на тех, которые фотографируются в журнале мод, правильные черты лица, изящная прическа, длинная шея.

Колосов познакомил ее с Салимом. Без лишнего кокетства Лиза была прелестна. Глядя на нее, никак не вязалась мысль с тем, что говорил Колосов. Лизе не понравилось то, что ребята пришли выпившие. Она держала себя строго:

- Как вам не стыдно? Вот поймают патрули.

Колосов держался с ней спокойно, как свой человек. Он добивался встречи с ней на завтра.

- Значит договорились. Завтра встретимся там же.

- Иди, иди от тебя разит. Не вздумай завтра в таком виде прийти.

Договорились. Лиза на прощанье перевела взгляд на Салима и веселыми карими глазами сказала то, что не всегда говорит вслух: «Симпатичный парень. Вы мне понравились, как друг моего друга».

Когда вышли из почты, на улице уже заметно сгустились сумерки. На побережье, протянувшемся гигантской подковой, зажегся каскад огней. Огни отражались в воде, мигали, светились различными красками. Над тихой гладью моря откуда — то неслась музыка Чайковского. Прелестный вечер! Прелестный город! Прелестные люди! Но откуда в жизни такая путаница. Мэри — Салим — Айсулу. Надя — Мирон — Лена. Красавец Колосов, справедливо считающий себя вечным неудачником. Кто виноват? Наверно, мы сами. Если личность устоявшаяся, если в нем выработалась твердая система взглядов, характер, то нелегко ее вывести из равновесия. Если такая личность, если человек такой полюбит, то полюбит человека, который ответит ему полной мерой на его чувство. А если не, этого, то просто возьмет себя в руки и войдет в свое равновесие. Ни в коем случае не отчаиваться и не терять веру! В противном случае могут сбыться вещие слова писателя Александра Фадеева: «То, что составляет особенную прелесть юности, часто бывает причиной ее несчастий».

Колосов и Агзамов прибыли в школу затемно. Время отпуска не истекло, но тем не менее матросы были грешны: нарушили воинскую

дисциплину. Колосов, как и говорил, позвонил по телефону другу помдежу о прибытии с переговоров. Дело этим не кончилось. В роте их ждал майор Котов. Он как – будто чувствовал недоброе и решил сам лично проконтролировать добросовестность старшего матроса Колосова и матроса Агзамова. Не поверил им и не ошибся. Котов принадлежал к той категории людей, о которой говорят требователи к себе и другим. Колосов не таил своего состояния, как – будто гордился этим. А, возможно, пробрали повышенные градусы. Он прошел в правый угол к ряду ровных коек постоянного состава роты и плюхнулся на свою. К ним требования были не столь жесткие и высокие, как к курсантам, поэтому Салим не думал дотрагиваться до своей постели. Он нашел Дергалова и стал сгонять на нем свое зло, накопившееся за время совместной службы.

- Что ты за человек? Скользкий какой – то. Знаю, что ты подлец, а разоблачить не могу. Нет улик.

Дергалов был ошарашен таким обращением Салима. Но внешне хранил спокойствие. Принюхался. Нашел неожиданный выход из столь неожиданной ситуации и спокойно отпарировал:

- Ты сам подлец. Нализался, как свинья.

Салим вышел из себя. Он знал, что Дергалов на язык остер и ядовит, однако на него никогда открыто не направлял свое колкое жало. Салим сжал кулаки и процедил сквозь зубы:

- Встретился бы ты мне до армии, я бы тебе без улик своротил скулу...

Разгоряченного Салима остановил голос комсомольского секретаря Саенко:

- Агзамов – к командиру роты.

Салим тотчас оглянулся и стоял в оцепенении, как персонаж из гоголевской немой сцены. Смог только произнести:

- Он здесь?

- Да, в кабинете. Идите. Доложите прибытие.

В голове электрическим разрядом пронеслась мысль: погорел!

В то же время хмель еще вышел не совсем и он смело зашагал в кабинет майора Котова. Комроты, стоя за столом, встретил матроса Агзамова и принял доклад. Долго смотрел на него в упор и тихо спросил тоном человека, которому все известно:

- Пили?

- Да, немного.

- Причина?

Салим долго раздумывать не стал: особых оправданий нет. Врать – ни к чему и он сказал:

- Просто попало под настроение.

Майор Котов вышел из за стола. Его приятное лицо исказилось и неожиданно появились морщинки.

- Возможно, вы под настроение кому –нибудь скулу своротите?

- Никак нет.

Котов прошел за стол и сел на свое место. Какне – то секунды просидел молча в мучительном раздумье, приводя в бессмысленное круговое движение полупустую коробку спичек. Потом медленно проговорил, как – будто разговаривая сам собой:

- Всегда так. От кого не ожидаешь, то и приносит этот «сюрприз».

Вдруг быстро поднял взгляд на Салима, резко встал и голосом, не предвещающим ничего хорошего, сказал:

- Немедленно – в койку. Завтра разберемся. Идите!

- Есть.

... Собрание прошло бурно. Во взводе вскрылось много хорошего, что было в повседневных буднях. В воскресенье после завтрака где – то в десятом часу Троеглазов срочно построил взвод, скомандовал «направо», и повел прямо в класс. Вчера сержант был в увольнении и о происшествий ничего не знал. Сегодня майор вызвал его в кабинет и дал взбучку за Агзамова. Салим это понял сразу, но деваться некуда: чувство вины овладело им с головы до пят. Сник. Опустил голову. Повсюду ходил с опущенными глазами, как будто упорно искал на деревянном полу кубрика и на утрамбованной территории школы свою невольную потерянную свободу. И еще самое страшное: будут прорабатывать, как мальчишку. А оправданий нет. Сердце щемило, ныло и болело, как будто его кололи иголками. Салим готов был провалиться сквозь землю. Но этого не бывает. Троеглазов посадил взвод и, не меняя сурового выражение лица, сразу приступил к делу:

- Матрос Агзамов, встаньте...

Более или менее спокойно, но скороговоркой, как бывает с ним в минуты крайнего раздражения, сержант рассказал взводу о проступке Салима. Лица напряженные. Кое – кто безразличен, но не они задают тон в жизни взвода. Комсорг взвода приступил к исполнению своих обязанностей. Началось экстренное комсомольское собрание. Выступали по – разному. Одни горячо обсуждали. Другие старались смягчить вину Салима. В конечном итоге получалось и «за», и

«против», и осуждают, и оправдывают. Слово взял сержант Троеглазов. Он говорил с апломбом, говорил резко, рубил под корень:

- Что это получается? Поговорили, поговорили и на этом все. Матрос Агзамов совершил грубейшее нарушение. Теперь нам первого места не видать, как своих ушей. Столько трудились, трудились и под самое первое Мая все рухнуло. Оказывается, мы гнилье. Посмотришь со стороны – все хорошо, нормально, чин чинном. Чуть тронул – развалилось. Больше того, из – за одного весь взвод потерял доверие командиров. Даже я теперь не могу спокойно уйти в увольнение. Боюсь. Не верю вам. Агзамов заслуживает самого сурового наказания.

Салиму было обидно до ломоты в висках. Обидно за себя, за свою оплошность. Он никогда не думал, что подведет товарищей, что дело примет такой крутой оборот. Каяться – нет смысла. Дать обещание на будущее? Бесполезно. Проступок совершен и исправить его теперь ничем нельзя. И Салим молчал. Молчал, как каменный, молчал, как будто проглотил язык. Во рту пересохло. Теперь выступали противники Салима. Выступали с места. Кое – кто из прежних колеблющихся тоже перешли в сторону явных противников. И справедливо! Салим это понимал. В том и была вся его беда. Раньше бы махнул рукой, пререкался, отговаривался, врал... А сейчас... Сейчас он слышит всеми органами осуждающие голоса. Иногда – несколько сразу: «Строгий выговор!», «Выговор с занесением в личное дело!», «Написать письмо родителям». Встал Дергалов. От него – то нечего ожидать помилования. Но то, что он предложил, не приходило в голову и самому Салиму.

- Нечего с ним нянчится. Здесь не детский сад. Он – хулиган и пьяница. Я знаю. Я предлагаю исключить его из комсомола.

При последних словах вскочил Мирон:

- Ни в коем случае. Все, что угодно, только не это. А я, Дергалов, знаю Агзамова больше тебя и лучше тебя.

Матросы притихли. Никто не посмел возразить Мирону. Только за последним столом Иноземцев, считавший Мирона своим соперником в делах службы и в душе питавший к нему презрение и ненависть, зашевелился. Давая всем знать, что он старшина взвода, и пользуется определенной властью, не встал и прямо с места бесцеремонно заговорил:

- Ты тоже хорош. Знаем. Ты не защищай. Ты был исключен из комсомола. Оттуда просто так не исключают.

Салим молниеносно поднял голову. Да, он виноват. Но здесь незаслуженно попирали честь его друга. Глаза Салима снова загорелись живым огнем.

- Не трогай Силаева. Я виноват. Судите меня.

Мирон насупил брови и, слегка сузив ясные и честные глаза, сказал /слова четко звучали в тишине/:

- Поэтому я больше тебя знаю, что значит быть исключенным из комсомола. А за прошлое не коли глаза. Силаев секунду – две постоял, не отводя взгляда от Иноземцева, потом добавил:

- Больше всего в жизни опасаясь таких людей, как ты. Но учти, сейчас моя совесть чиста и просто так не отступлю.

Заключительное слово взял сам инструктор взвода, сержант Троеглазов, кандидат в члены КПСС, юноша высококультурный, как говорится, кристальной чистоты, он и до армии пользовался уважением. Недавно с завода, где он работал токарем, пришел запрос. Товарищи по работе интересовались его службой. Командование написало благодарственное письмо, которое прочитали перед всей ротой. Троеглазов вынес свое веское предложение:

- Учитывая то обстоятельство, что комсомолец Агзамов до сих пор не допускал нарушений воинской дисциплины, есть предложение на сей раз ограничиться выговором. При повторении нарушения наказать по всей строгости. По строевой линии он еще получит наказание особо. – Комсорг обратился к комсомольцам:

- Других предложений нет? Голосуем.

Большинство проголосовало «за»...

Начались новые испытания в жизни матроса Агзамова. Капитан – лейтенант Забродин открыто проявлял неприязнь к Салиму. Но это было у него свое весомое основание.

В понедельник на первом же уроке без лишних слов ком. взвода поднял с места Салима:

- Агзамов встаньте.

Салим стоял, опустив голову, как пришибленный. И самое страшное в том, что на его совести не было ни капли правоты за совершенное дело. Он перевел затуманенный взгляд на окно. Там, выстроившись в ряд, стояли пирамидальные тополя. Солнечные лучи, казалось, рикошетом отлетали от их серебристой стреловидной кроны и падали прямо в окно, увеличивая обилие дневного света.

Салим прищурился. Это выражение лица застыло в нем, когда Забродин вынес свой приговор:

- Старший матрос Иноземцев.
- Я.

- Матроса Агзамова – в наряд через день. Отныне он в каждую дырку затычка. Здесь с такими никто нянчиться не будет.

Потянулись мучительно трудные дни. Но Салим старался ни одним нервом не выдать своей усталости. Безупречно нес дневальную службу. Из всех сил работал на камбузе. Ни с кем не заводил душевные беседы, даже сторонился Мирона. А Силаев понимал состояние друга, сознавая его ошибку и раскаяние. Помочь ничем не мог и выжидал время, когда пойдет на убыль душевный кризис Салима. Капитан Забродин свирепел день ото дня, как будто не замечал переживаний Агзамова, его стараний и то, что он осунулся и стал похож на мумию из коллекции египетских раскопок. От него пощады ждать нечего. Салим и не думал просить у него пощады. Мерное течение бесконечных нарядов нарушил капитан третьего ранга Иванов – Смоленский. Проходя мимо тумбочки дневального приложил руку к козырьку, повернул по привычке голову, пристально посмотрел и основательно остановил взгляд на Салиме:

- Агзамов почему вы постоянно ходите в наряд?
- Грехи замаливаю, товарищ капитан третьего ранга.
- Сколько нарядов вам объявили?
- Не знаю.
- Как так?

Замполит всерьез заинтересовался положением дел у матроса Агзамова. Он подошел вплотную к Салиму и удивленно смотрел своими голубыми глазами в зрачки дневального. Салим не мог и не любил жаловаться и на минуту замешкался: что сказать. Он и раньше уважал капитана Иванова – Смоленского и в душе называл его «солнечным человеком» за его чистоту, ум и жизнелюбие.

Мысль током пронзила Салима: он верит в меня! И вдруг чуть не вскрикнул:

- Через день. Капитан – лейтенант сказал: «Ставить в наряд через день».

Капитан третьего ранга побагровел. На его белом лице появились красные пятна, как будто свет переливался по бархатистой коже.

- Так, так, самоуправство, - выдавил из себя сквозь зубы замполит.
- Какое самоуправство! Надумал здесь устраивать свои корабельные

порядки! Вы, Агзамов, по книге нарядов подсчитайте сколько раз были в наряде. Я выясню это дело.

На следующий день после ужина замполит Иванов – Смоленский вызвал в кабинет матроса Агзамова. Перед этим он дал хорошую взбучку капитану – лейтенанту Забродину и твердо решил оказать помощь Агзамову с моральной точки зрения. А для этого как нельзя кстати подвернулась непредвиденная возможность.

Салим постучался в дверь, зашел и четко доложил о прибытии. Замполит встал с места и знаком предложил Агзамову сесть. Разговор состоялся серьезный. И замполит, раздумывая лучше с чего начать, ходил по кабинету, заложив руки за спину под прямым углом, как – то по – детски, по – мальчишески. И вдруг остановился прямо перед Агзамовым. Салим опустил голову, предчувствуя недобрый разговор. Замполит ударил правым кулаком по левой ладони и заговорил о самом главном:

- В армии есть непреклонный закон – не оставлять без наказания ни одно нарушение, ни один проступок. Без этого нельзя. Без этого не будет дисциплины. Без дисциплин – нет армии. Ты – парень грамотный. Должен это понять и крепко запомнить.

Капитан третьего ранга Иванов – Смоленский, чувствуя, что большего для этого матроса не надо и не требуется, прошел за стол, сел и как – то просто, по – домашнему зазвучала интонация его голоса:

- Вызвал я тебя по такому вопросу. Сын старшины Хотимцева долго болел и отстал в учебе. Его оставили на переэкзаменовку на осень как раз по твоему предмету. И вот старшина и я лично сам просим помочь пареньку. Как ты? Согласен?

- Конечно.

Весна в Приморье как – то быстро вступает в свои права. Снега давно нет и в помине. Развесив коричневые бутоны, как игрушки на новогодней елке, стоят вербы. На тополях, кленах прорываются почки и зародыши будущей листвы напоминает крошечных младенцев. Теплое солнце расплескало свет по всему Амурскому заливу. Синее зеркало залива с переливами волн больно светит в глаза и ослепляет. Салим идет на очередное занятие в квартиру старшины. Игорь Хотимцев - ученик 4 – го класса. На первых порах он проявлял к Салиму некое недоверие, нахохлившись, как упрямый петушок. При этом не раз говорил: «А нам учительница говорила не так», «А наша учительница делает не так». Но небольшой

педагогический опыт и выдержка воина помогли Салиму преодолеть капризы новоявленного ученика. Изюм в день своей дополнительной работой, знаниями учебного материала, требовательностью Салим сумел расположить себе Хотимцева – младшего. Да и старший стал относиться совершенно по – другому. С его языка не отходило слово “земляк”. “Земляк, посиди. Земляк, поужинай. Земляк, заплачу”. Но об оплате Салим меньше всего думал. Его даже слегка коробило упоминание о деньгах. Ему было достаточно того, что за все это время пробуждалось в нем чувство, которое ощутил он, впервые работая в пионерском лагере и в школе на педагогической практике.

... Озираясь на крикливых чаек и шуря глаза от света, Салим легко шагнул вдоль берега к Хотимцевым. Потом дорога свернула в сторону, в рощу из полуобнаженных деревьев, и пошла на подъем. Салим подпрыгнул и сорвал несколько веток вербы. Понюхал: ведь такой своеобразный букет преподносят обычно ранней весной девушкам. Ему – некому. Айсулу далеко. Где она? Почему не пишет? Да и сам забыл, забросил переписку. «Сегодня же напишу», - решил про себя Салим и вдруг остановился, пораженный удивительной красотой, что предстала перед его глазами. Он смотрел на зеленеющие деревья, на двухэтажный особняк с мезонином, с крутящимися лестницами, построенный в каком – то старинном стиле, на дом, к которому держал он свой курс. И в дополнение, как неотъемлемая деталь, неслась оттуда классическая музыка. Салим шел, не отрывая взгляда с мезонина. Совсем как по – Чехову. Музыка смолкла. На балконе появилась Лена, та самая Лена Котова, с которой матросы познакомились в подшефной школе. Салим знал, что она живет здесь, потому что вторую половину дома занимал майор Котов.

- Здравствуйте, Лена.

- Здравствуйте. Заниматься с Игорьком?

Лена уже не смущалась, как тогда на вечере. Она стояла в цветастом платье, в красном свитере и потирала руки.

- А я разучиваю «Весну» из цикла «Времена года» Чайковского. Половина есть.

Салим протянул руку, желая подать букет, что сорвал по пути. Лена залилась смехом, который рассыпался по верхушкам деревьев, как солнышко на поверхности моря.

- Не достанете.

- А вам привет от Мирона, - моментально сымпровизировал Салим.

- Спасибо. Передайте от меня тоже.

«Весну» вы к маю готовите?

- Да, к празднику.

- Надеюсь, услышим.

На прощанье Салим помахал рукой и направился в квартиру Хотимцевых.

На встречу вышла мать Игоря. Женщина средних лет, она одевалась со вкусом, следила за собой и обладала довольно развитым умом. Работая портнихой в ШМАСе, она была в курсе повседневных событий, составляющих армейские будни. Приветливая, она в этот раз улыбнулась через силу, отчего лицо как – то исказилось и мгновенно потеряло свежесть, и тут – то можно было догадаться, что ей уже два раза по двадцать. И она с огорчением обессилевшего человека вздохнула:

- А Игорь опять получил двойку.

В гостиной за столом сидел, насупившись, Игорь.

Трудно заставить себя в пятнадцать мальчишеских лет сидеть над книгами и корпеть, как проклятый, когда на улице весна, когда с деревьев капает прозрачный сок, когда над тобой пролетают косяки перелетных птиц, оглашая своим криком бездонное небо. А надо! Салим поздоровался и сразу приступил к делу с вопросом:

Задание выполнил?

- Да.

- Работу над ошибками сделал?

- Да.

Игорь нехотя пододвинул раскрытую тетрадь и сидел, не меняя позы в ожидании приговора. Салим взял красный карандаш и приступил к проверке ошибок.

Целых битых два часа просидели они за запятыми по русскому языку и литературе. Склоняли и спрягали, учили и повторяли. Салим приводил примеры из стихотворений Тютчева, Пушкина, Лермонтова, стараясь пробудить в мальчике чувство прекрасного, заронить хоть маленькое зернышко к своему родному языку и литературе. А, может быть, была это любовь у Игоря, потому что и он старался. И в Салиме прокралась уверенность, что толк будет. На прощанье матрос – наставник сказал Хотимцевой:

- Ничего. Подтянется. Только надо постоянно заниматься.

... В ротной курилке людно. Матросы рассказывают побасенки, громко смеются. В центре внимания – Шконда. За последние месяцы он не имеет нарушений и в учебе у него особых огрехов нет. О его давних проступках стали во взводе постепенно забывать. Смешно вытаращив глаза, Шконда рассказывал:

- Стоит, значит, на палубе этакий детина – моряк, вроде нашего Абдыкадырова. Боцман ему: «Сгони муху со штурвала». А тот:

- Не моя вахта

- Сгони муху со штурвала.

- Кыш, проклятая птица!

Абдыкадыров даже сам улыбнулся. Но нарочно двинулся своим могучим корпусом на Шконду. Довольный Шконда, трясаясь всем телом, отбежал.

- Ну, ну, брось эти шутки... Фестиваль – шестиваль... Уйми, Марик своего земляка, - обратился он полушутя, полусерьезно к матросу Ишантураеву. Марат подбежал сзади и запустил руки подмышкой и хотел поднять Абдыкадырова. Но тот сжал руки так, что у Ишантураева затрещала роба.

- Точно, с тобой шутки опасны. – Марат выдернул руки и отбежал в сторону.

Ишантураев вел себя как – то нейтрально. Быстро привык к воинским порядкам. О нем ничего плохого и ничего выдающегося не было слышно. Главное, он не кичился своим прославленным отцом и держал себя со всеми на общей ноге. Сослуживцы его уважали за любовь к труду и называли между собой: работяга!

Иноземцев сидел в стороне. Он не пользовался уважением у личного состава. С ним по душам никто не разговаривал. Он сам навязывался в собеседники. На этот раз его жертвой оказался Силаев. Говорил о весне, о девушках, о высоких материях. Мирон слушал нехотя, зная его черту: мгновенно менять свои воззрения и чувства. Незаметно Иноземцев перевел разговор на Салима.

- Вот Агзамов – ни рыба, ни мясо.

- Брось, Иноземцев. Он на верном пути.

- Одним словом, пижон. Таких учить надо, - не унимался Иноземцев.

По тротуару, не спеша, шел Агзамов. Его первым заметил, Абдыкадыров и, приблизившись к нему, спросил на своем родном киргизском языке:

- Как ваши дела, ага?

Абдыкадыров почитал Салима как старшего, как учителя и всегда обращался к нему на «вы» и называл почтительно «ага» - старший брат.

- «Рахмет. Жаксы» - ответил Салим, благосклонно кивая головой.

Когда он подошел к Мирону, Иноземцев, не дав ему раскрыть рот, заявил:

- Агзамов, ты завтра идешь в наряд дневальным.

- Я ж освобожден.

- Никаких освобождений.

Мирон заступился:

- И тебя и его перед соревнованием освободили от нарядов. Иноземцев недовольный встал с места и, не переводя взгляда от Салима, зло предупредил:

- Никаких освобождений. Ты забыл, что сказал командир взвода: «в каждую дырку - затычка».

Подкрепив свое решение словами капитана – лейтенанта Забродина, старшина взвода повернулся и пошел восвояси. Силаев встал, намереваясь поговорить с Иноземцевым. Салим задержал его:

- Ничего. Пускай. Я с ним поговорю на ринге. А тебе привет от Лены.

... В спортзале народу полным – полно. Здесь и курсанты с короткой прической и старослужащие с шевелюрами, претендующими на моду, и офицеры с темными морскими и белыми серебристыми пагонами. Среди военной публики бросается в глаза, как яркие цветы на лугу, стайка разгоряченных девушек. Это, в основном, дочери командиров со своими подругами.

На ринге идет бой. Два обессиленных до одури хилых боксера дотягивали последние минуты. Их длинные руки висят, как плети. Когда они через силу выбрасывают их вперед, то смешно дергаются, как заведенные куклы. Кругом шум, гвалт, смех, реплики.

- Давай. Давай, не подведи, родимый.

- Как раз два сапога – пара. Давай.

- Так, так. Промеж глаз его...

- Работай, работай. На д.б.¹ тянешь.

- На добавку каши...

¹ «добавка» по матросскому жаргону

Девушки смеялись без удержу, стыдливо озираясь, пряча лицо в воротники друг друга и вытирая глаза миниатюрными платочками с разноцветными каемками.

Следующая встреча – Иноземцев и Агзамов. В боковой комнате Салим проводит легкую разминку: прыгает на месте, имитирует удары. Вокруг него – друзья Силаев, Абдыкадыров, Ишантураев, Шконда. Пришел сюда и старший матрос Еркинбаев, брат Айсулу. Его глаза горят лукавой искринкой. Он держит про запас какой – то сюрприз для своего земляка. Салим догадался, но спросить не решается.

- Мирон, побей меня. Наноси удары.

- Да ну тебя.

Человек не пристрастный к острым зрелищам, он толкает друга к Абдыкадырову.

Иди, иди, он, Серик, полупит.

Но сегодня Мирон пришел на бокс, волнуясь, как ярый болельщик. Решалась честь Салима, и он желает ему только победы. Перед выходом Инабат остановил Салима и скороговоркой сообщил:

- Тебе привет от Айсулу. Сегодня получил письмо.

- Честное слово?

- Клянусь.

Салим даже покраснел от радости. Иноземцев оказался опытным соперником. Он берег силы и вел выжидательную тактику. На все приемы Агзамова противник отвечал ощутимой контратакой. Шум в зале снизил свой тонус больше, чем на половину. Бой шел интересно, и все следили с напряженным вниманием. Болельщики тоже разделились на две равные части. Но все – таки казалось, что перевес относительно болельщиков был на стороне Агзамова, потому что девушки болели за него. Это - результат агитработы Лены Котовой. Она, розовощекая, поджав губы, с лицом, как спелый помидор, с большими голубыми глазами следила за каждым движением боксеров. До удара гонга остались считанные минуты и Салим берег свой коронный прием: нырком под любую руку противника, наносящую удар, подцепить правой. Этот контрудар у него был сильный, сокрушительный. После него обычно поднимали руку Агзамова, как победителя. Но нужен удобный случай, иначе самому можно получить нокдаун. Неужели Иноземцев так и уйдет, не испытав на себе силы удара Агзамова. Оба изрядно устали. Правда, на ногах держались крепко. Прищуренные глаза Иноземцева из – под

черных перчаток сверкнули злым огнем. Удар! Агзамов среагировал рефлексивно, в мгновение ока. Пружинисто выпрямляясь из последних сил, бросаясь вперед всем корпусом, отправил правый кулак, как выстрел, под самую челюсть Иноземцева! Иноземцев упал, как подрубленный. Лежал пластом. Когда судья досчитал до трех, Иноземцев попытался подняться: в голове замутилось, потолок со спортивными кольцами поплыл назад, и он рухнул, теряя сознание. Чистейший нокаут. Чистая победа! Под крики, шум, аплодисменты судья поднял руку Агзамова. Матросы от восторга забыли о порядке, полезли за канат, жали руку Салима. Кто – то накинул на него матросское суконное одеяло. И он, как прославленный чемпион, любимец публики, пробирался через толпу, сияя от радости, усталый, едва кивая головой. В комнату, где Салим, шатаясь опустился на стул, вбежала Лена. Она второпях сунула Салиму небольшой букетик из доморощенных цветов, поцеловала в потный лоб и выбежала. Салим был вне себя от счастья! Он понюхал букет и, казалось, что цветы источают необыкновенный целительный аромат. Как хорошо, когда дарят цветы! Как он не понимал этого раньше! Ему были чужды все условности жизни. Прежде он, и этот скромный букет небрежно бросив в сторону, стал бы язвить над искренним поведением девушки. Учащенно работала мысль: перед закрытыми глазами проплывали картины родного Прииртышья: площадь Абая с величественным памятником великому поэту, девяти-и десятиэтажные небоскребы, высокие мосты через Иртыш, добрые мама, сестренка и милая Айсулу... Салим открыл глаза и, отдышавшись, поманил пальцем улыбающегося Мирона и крикнул вдогонку:

- Иди, иди. Договорись насчет концерта.

Силасв незаметно исчез. Инабата не было видно, куда – то успел скрыться...

На дворе девушки стояли, всполошившись. Они шумели на все лады, делились впечатлениями.

Мирон негромко окликнул:

- Лена.

Котова быстро оглянулась, потом посмотрела на подруг и неловко потупилась. Девушки засуетились, заторопились и, наскоро попрощавшись, ушли. Мирон подошел к Лене, и они, не договариваясь, пошли в одном направлении в сторону стадиона, за спортзал.

Молчание перевалило границы положенного и становилось в тягость. Мирон все раздумывал, о чем бы завести разговор, с чего начать. Тишину первой нарушила Лена:

- А мне ваши стихи понравились.

- Я рад! Только я не пишу стихов. Эти получились случайно! Видно, у каждого человека есть свои заветные четыре строки, которые он может сочинить раз в жизни.

Они остановились на беговой дорожке, и Мирон, глядя ей прямо в глаза, одним дыханием выдохнул из себя то, что кипело в нем, клокотало, давило горло и вырвалось наружу:

- Лена, я люблю тебя.

Чистое, светлое лицо Лены зарделось алой краской, но она выдержала пронзительный взгляд молодого матроса.

- Ой ли! Ведь сейчас модно говорить сразу, с налету: крошка, давай поженимся! Особенно у вас на континенте, на Большой земле...

Мирон растерялся. Он никак не ожидал такого поворота разговора со стороны Лены.

Его брови взлетели высоко вверх. Он заговорил горячо, по — мальчишески безудержно, желая во что бы то ни стало доказать искренность своих чувств.

- Нет, ты не такая. Ты — единственная. Я искал всю жизнь: плутал, спотыкался, падал и, наконец, нашел. Но знай, что я горд, очень горд... И если...

Лена не дала договорить. Она прикрыла ему рот своими длинными, тонкими и сильными пальцами пианистки:

- Не надо, Мирон.

И смутившись своего жеста, опустила глаза, от чего ресницы стали отчетливо видны, шелковым веером расположившись на белоснежной коже лица. Она верила ему. Просто в эти секунды заговорили ее чиста женская честь и гордость. Она много мечтала и долго ждала этого дня и он наступил так неожиданно,.. вдруг.

Мирон осторожно взял Лену за руку. Она не выдержала и вырвала ее, только он почувствовал нервную дрожь на кончиках и все — таки хрупких пальцев.

- Иди, Мирон. Тебе пора. Я тебе напишу. —И она убежала, вспорхнула, как голубка, которая должна прилететь из — под небес к своему голубю и только к своему...

В классе невероятное оживление. Лица курсантов выражают удивление, восторг, недоумение. На первом столе стоит аппарат, по форме похожий на телевизор. Это — обучающая машина. Изобретателями ее являются старшина Хотимцев и старший матрос Силаев. Принцип действия ее в том, что курсант в письменном виде должен ответить на заданный вопрос и опустить лист в раскрытом виде в специальное отверстие. Затем нажимается нужная кнопка и на табло оценок появляются соответствующие цифры «5», «4», «3», «2». Таким образом, за пять минут можно опросить группу в 20 — 30 человек. Собрана эта машина на радиоволнах. Сегодня первое испытание. Здесь же за столом сидят капитан первого ранга Шкагаль, майор Котов, капитан третьего ранга Иванов — Смоленский. Волнуясь, поглаживая длинные большие усы, ходит по рядам старшина Хотимцев. Раздав вопросы, Мирон крутится около машины, заботливо обхаживая ее. Он, конечно, тоже волнуется. Много труда, времени, знаний и поисков вложено в это их первое детище. Начальник школы Шкагаль, улыбаясь, смотрит то на курсантов, то на майора Котова. Его восхищенный взгляд говорит: какие чудеса творят наши люди! Поднял руку матрос Ишантураев: доли минуты и ответ готов. Напряженная тишина воцарилась в аудитории. Звонко стучат ботинки Ишантураева. Доложил. Опустил ответ и... получил оценку «5». Пошли следующие... второй, третий, четвертый. Оценки: «5», «3», «4»...

Не в силах больше сидеть, кап — I вскочил с места. Растерянно засуетился. Заплодировал. Вслед за ним посыпался град аплодисментов.

Шкагаль с большой симпатией, уважением пожал руки старшине Хотимцеву и Мирону Силаеву.

- Молодцы, молодцы! Башковитые парни, тут ничего не скажешь-и, уже обращаясь ко всему взводу, продолжал. — Честно признаться, я не верил в эту затею. Они меня это самое... покаутировали. Так что ли, матрос Агзамов?

- Так точно!

- Вам старший матрос Силаев, объявляю трое суток отпуска.

- Служу Советскому Союзу!

- Можете съездить в город, познакомиться с нашеним Владивостоком, походить по музеям, театрам. А вас, товарищ старшина, специальным приказом занесем в Книгу Почета. Это-только ягодки. Вы с вашей машиной далеко пойдете.

... В этот вечер Салим и Мирон отправились в заветный дом на густозеленой сопке. Шли неторопливым шагом. Оба были на девятом небе. Настроение дьявольски хорошее и вдруг Салима потянуло на философию:

- Слышишь, Мирон, я, кажется, начинаю чувствовать себя по – настоящему военным. Я готов упираться, как вол. У меня такое чувство, что дальше служба пойдет на лад.

На признание друга Мирон по привычке меланхолически покосился и коротко бросил:

- Пора.

В голове Мирона тоже рой мыслей. Ему хотелось сказать: «Ты, человек умственного труда. Ты истосковался по своему предмету. Пришла пора, и в тебе все перетряслось и встало в определенный порядок». Но, как человек немногословный, он просто посмотрел и многозначительно улыбнулся. Они поняли друг друга.

На незнакомой алее Мирон, пораженный, остановился и выдохнул:

- Красотища – то какая!

- В таком сказочном доме живут только царевны – лебеди, - подзадорил, хитро подмигнув, Салим.

Действительно, перед взором матросов открылась редкая картина. Деревья щедро распустили листву. Вербы величаво шумели, подняв вверх купола, как зеленые парашюты. Вдоль дорожки стояли пирамидальные тополя, словно богатыри на страже, в изумрудном одеянии. Кругом – ослепительная зелень. В глубине сада виднеется дом с мезонином. Навстречу издалека бежит Игорь. Его лицо светится непосредственным, по – детски наивным счастьем.

- За диктант – четверка!

- Так держать, Игорь!

Салим потрепал по ершистой голове своего маленького друга и шепнул на ухо:

- Вызови Лену.

Игорь стремглав бросился на второй этаж, преодолевая лестницы через ступеньку. На крыльце появилась Лена.

- Мальчики, идите. Идите оба. Не бойтесь, у нас некого нет...

В комнате – мезонине все просто, уютно. На всей обстановке лежит печать заботливых рук. Вышивки на стене, на койке, на подушках. В углу над этажеркой портрет Пушкина, вышитый черными нитками на белом материале. По другую сторону стоит на колесиках пианино. На большом окне – красные и синие цветы,

которые, контрастируя, солнечными зайчиками бросаются в глаза и притягивают взгляд. Стены молочно – белые. На них – картины и портреты композиторов. Среди них – вырезанная из журнала «Огонек» репродукция «Утро в лесу» Шишкина с медведицей и медвежатами.

- Садитесь, ребята. Чем вас развлечет?

- Сыграйте нам что –нибудь, - Салим до сих пор обращался к Лене на «вы». Это ему даже нравилось. Как – то нахватало духу обращаться к ней попросту, без церемоний, словно она была отделена от него невидимым занавесом.

- «Полонез» Огинского, - попросил Мирон.

Лена открыла окно и села за пианино. Поились звуки знакомой мелодии, которая сейчас звучала по – другому, по – новому, как будто ее слышали впервые. Каждый погрузился в свои мысли. Мирон думал о судьбе композитора – патриота. Великодушный человек, вынужденный покинуть Родину, выразил свое великое отчаяние и неизменную любовь к Родине в этой взрывной, необыкновенно трогательной музыке. Да, если ты теряешь нечто дорогое, то должен доказать свою правоту и силу творчеством, полезной работой.

Перед глазами Салима вставали родные степи с дымчатым ковылем, ярко – желтыми и синими цветами и со стремительным перекати-поле. Сейчас они далеко. Он исполняет свой долг. Придет время, и он вернется в далекие края, домой. У него будет много друзей, и он целиком отдастся своему призванию. И всегда рядом будет девушка, которая чем – то похожа на Лену.

О чем думал Игорь? Ни о чем. Ему просто нравилась красивая мужественная музыка с быстрыми переходами и переливами...

Когда отзвучал последний аккорд, Салим вскочил с места:

- Спасибо, Елена, как говорится, за удовольствие. Нам с Игорем пора! Извините!

Он обнял одной рукой своего ученика и они вдвоем скрылись за дверь. Лена провела пальцами по клавишам, нарушая тягучую неприятную тишину.

- Мирон, ты извини, но почему ты никогда не рассказываешь о своей аспирантуре? – нарушила молчание, глядя исподлобья суженными глазами, беспокойная Лена.

Силаев как – то расправил плечи и преобразился:

- Если б можно было вернуть прошлое. Это у Симонова есть, что жизнь – не поезд, нельзя соскочить на какой-нибудь остановке, сесть на обратный и поехать назад. Неопытность. Рубил с плеча.

- А что случилось?

- Это длинная история, Лена. После как – нибудь расскажу. А, может быть, и не надо: впереди – вся жизнь. А жизнь, как сказал один мудрец, – вечная борьба.

Лена встала и неслышно подошла к окну. Легким движением правой руки откинула косу на плечо, насупила длинные каштановые брови. Ее охватила неотвратимая грусть.

- Скоро выпуск, – одним движением губ проговорила она. Мирон понял ее настроение. Он вскинул голову и почувствовал, как тепло расплывается по его жилам. Наконец, он решил покинуть стул, на котором сидел все это время.

Но тут же его сзади обхватила нежные, розовые, но властные и решительные Ленины руки. Мирон, чуть вздрогнув, снова сел, явственно ощущая шеей, затылком, головой обаяние неприкосновенных и зрелых яблок – диковинок. От неожиданно сильного волнения закрыл он глаза, и, казалось, слова Лены полились откуда – то из глубины, изнутри:

- Милый, милый, смешной дуралей.

Сердце Мирона забилося в грудной клетке, как прирученный беркут, и он начал, наконец, целовать руки девушки, приговаривая:

- Я никуда не поеду, Леночка... Меня оставили в школе... Меня назначили инструктором радиотехнического кабинета...

Реакция Лены была слишком заметна, потупив взгляд, она старалась не выдать нахлынувшего чувства радости. Она поспешно отвернулась. Затем подошла быстро к пианино, снова опустила пальцы на клавиши и начала с каким – то озорством барабанить по ним, беспорядочно извлекая томительные и вместе с тем стремительные восторженные звуки...

Программа по подготовке военных связистов исчерпана. Впереди последний этап: сдача выпускных экзаменов. У матросов «чемоданное» настроение: без конца говорят о перемене места службы, о боевых частях, о кораблях – авианосцах, куда они поедут после школы. Но эти разговоры довольно относительны. Потому что большинство из курсантов призвано с запада необозримой страны и о здешних местах имеют весьма смутное представление. Перед личным составом была поставлена самим Командующим флотом новая

неотложная задача: к празднику Военно – Морского флота подготовить два комплекса вольных упражнений. Поначалу их готовил каждый взвод в отдельности под руководством своего инструктора. На первых порах оба комплекса казались непостижимыми, какими – то замысловатыми. Постоянная тренировка дала о себе знать. Как – никак, начиная с утренней физзарядки и кончая любым свободным и несвободным /отменялись плановые занятия/ временем, матросы занимались этими упражнениями. Вскоре выявилась еще одна трудность. Когда свели все роты вместе, оказалось, что каждое подразделение в одно и то же время делает различные «па». Если матросы первой роты лежат на вытянутых руках, то вторая сидит, как по команде «на старт», только ноги вместе, третья – на полуприседе, вытянув руки вперед, четвертая – в рост и т.д. Под следующий подсчет позы меняются, то в обратном порядке, то вперемежку. А сколько всего движений! Вот и терялись матросы. Нечаянно посмотрит на соседа из другой роты и делает тоже, что и он, забыв, что у них очередность движений другая. Следовательно, надо отработать комплексы до автоматизма и, наконец, стараться не смотреть по сторонам, а только вперед – на спину переднего товарища. Этого и добивался незнакомый майор – спортсмен, специально прикомандированный для подготовки спортивных упражнений к параду. К сожалению, не у всех еще было благополучно с музыкальным слухом: некоторые матросы путались в тактах, не зная когда начать, когда кончить. Майор и здесь нашел выход, подсчитал до скольки, до какого счета длится музыкальное выступление и порекомендовал матросам вести про себя счет, как только заиграет оркестр.

Солнце еще не показалось из – за сопки. Его апельсиновый яркий свет бьет рикошетом прямо в голубое небо, окрашивая ее во всевозможные цвета. Деревья вдоль забора и на всех аллеях поблескивают зеленым шелком умытых росой листьев. Последнее тренировочное утро встречает матросов удивительной красотой, чистотой и свежестью. Их снова прямо с подъема командиры повели на стадион и там расположили по подразделениям на свои места. Оркестр играет марш. Перед ним стоит Раданяк, покачивая трубой, то ею дирижирует, то выводит на ней головокружительные ноты. Майор – спортсмен стоит на своем месте на возвышении, на столе. В этот раз репетиция тоже не обошлась без ляпсусов. Майор раздражен. Но хранит внешнее спокойствие. Он по пояс раздет. Его налитые,

развитые мускулы и квадратные плечи напоминают скульптуру древнегреческой мифологии. Монотонным, не по фигуре тонким голосом он в сотый раз говорит в рупор:

- Авиаторы, слушай мою команду. Сразу, как заиграет музыка, считайте до двенадцати и самостоятельно приступайте к первому комплексу.

- Ясненько, - буркнул себе под нос Шконда, у которого никак не укладывалось в голове это вступление: то опоздает, то заскочит вперед, растерянно останавливается, как напроказивший ребенок, и снова опоздает.

Неожиданно обернулся на голос Шконды узкоплечий Дергалов и предложил свою услугу:

- А ты смотри на меня.

- Ладно. Отвернись. Без тебя как – нибудь. – Шконда недовольно сплюнул.

В это время гаркнул рупор:

- Начали!

Оркестр плавно заиграл вступление вальса. Матросы в уме считали до двенадцати. Майор махнул рупором. И начался первый комплекс. Старались все: пора было кончать и надоело в десятки раз повторять, одно и то же. Кто ошибался, тот незаметно, в момент исправлял свою ошибку. И первый, и второй комплексы проделали более или менее сносно. Рупор сжалился:

- На этот раз закончить.

По расписанию первые два часа проводил повторение по мат – части инструктор сержант Троеглазов. После команды: «приступить к занятиям», капитан – лейтенант Забродин вызвал из класса матроса Дергалова и повел за собой в быткомнату. Сейчас в роте – ни души. Все на занятиях. По дороге Забродин начал объяснять причину, из – за чего потревожил Дергалова.

- У тебя очень красивый почерк. Просьба к тебе есть: написать одно послание, - голос капитана – лейтенанта звучал вкрадчиво, мягко и непривычно. Приятно улыбаясь, он посмотрел на спутника, выставив светящийся золотой зуб. Дергалов насторожился. Его неширокие, приподнятые плечи стали еще уже. Тем не менее он готов был воспользоваться еще одним случаем завоевать расположение командира взвода:

- Я всегда готов, товарищ капитан – лейтенант.

В быткомнате на столе лежали белый лист бумаги, конверт и авторучка. Забродин плотно прикрыл за собой дверь, и, неотходя с места, как будто боясь, что Дергалов может выбежать, знакомым жестким голосом предупредил:

- Только никому ни слова.

- Честное слово! – не преминул поклясться Дергалов. В нем перемешивались чувства удачи, страха и ответственности, как в охотнике – браконьере. Немигающими глазами он уставился на капитана. По застывшему стеклянному взгляду Забродин понял, что его – то тайну Дергалов никому не выдаст, не разболтает, побоится. Он подошел к «писателю» и по – дружески положил на его плечо руку.

- Садись... Ты знаешь, что я женат, имею детей. Но жизнь есть жизнь! Полюбил я здесь одну девушку,.. блондинка, синеглазка. Помнишь, даже в песне поется: «А я люблю женатого!» Да, и она любит. Мучается очень. Я тоже мучаюсь. Вот хочу написать письмо, чтоб все в нем было красиво: красивая бумага, красивый конверт, красивые слова и, конечно, красивый почерк. Надеюсь, ты меня понимаешь?

- Да, конечно, товарищ капитан – лейтенант, - пролепетал съезжившийся, как осенний лист, Дергалов.

- Тогда начнем, - Забродин шумно зашагал по комнате, потирая ладони. – Пиши. «Дорогая Людмила...»

Дергалов ни сейчас, ни после не понял основной подоплеки обращения именно к нему Забродина. Он просто был рад, что командир взвода доверяет ему свои тайны. А Забродин таким образом, на всякий случай, отводил от себя вещественное доказательство. Итак, когда Дергалов старательно поставил последнюю точку и любовное послание было аккуратно запечатано в конверт, Забродин положил руку на плечо вскочившего матроса:

- Ты свободен. Иди на занятие.

Дергалов опрометью бросился в двери, пританцовывая, побежал в класс.

... Наконец наступил долгожданный день – 28 июля, День Военно Морского флота. На небольшой трибуне, сколоченной из досок и ярко покрашенной, расположенной на фасаде белоснежного четырехэтажного здания военной школы, уже стояли командиры в парадной форме с кортиками в блестящих цепочках на боку и в белых лайковых перчатках. Посредине заметно была фигура в белом кителе

капитана первого ранга Шкагаля. Офицеры на трибуне о чем – то переговаривались между собой в приподнятом по – морскому и по – военному праздничном настроении. Сейчас будет громогласна подана команда майором Котовым, взводы и роты всколыхнутся и замрут в едином движении. Зазвучит под фанфары над блестящим зернышками камней бетонным плацем флотский марш и полетят в синий простор, извиваясь и взмывая, как чайки над заливом, пронзительно высокие звуки первой трубы старшего матроса Раданяка. /Раданяк к концу учебы взял себя в руки или, точнее сказать, взяли его в руки и он заслужил первую свою лычку на синих погонах/.

Вот уже звенят до блеска надраенные тарелки и гулко бьет барабан. Салим не волнуется за свой взвод, который шагает в марше слаженно, ровно, красиво и четко, как налаженный механизм. Его волнует другое – это та перемена, которая произошла с ним всего за год. Если он в начале подготовки, вытягивая поочередно ноги, недовольно морщился и даже стыдился самого себя, то теперь скорее уже хотелось услышать команду: «шагом марш!» и плечом к плечу с подтянутыми и по – здоровому красивыми матросами продемонстрировать свое мастерство.

После команды под музыку первый взвод сразу вошел в общий ритм. Застучали шаги, как один строевой шаг, как шаг одного человека: чак – чак, чак – чак... Развивались за спиной над голубым гюйстом ленты бескозырки. На крутой груди у синих полосок тельняшки поблескивают значки, отчетливо выделяясь на белых фланельках.

Белые и наполовину черные и синие колонны подразделений школы ровными коробками движутся вдоль небольшой, но обладающей магической силой трибуны с флотскими командирами. Перед самой трибуной головы матросов поворачиваются в её сторону под одним углом: только правофланговые смотрят прямо перед собой и четко шагают, вытянув руки по швам, как все. Как жалко, что не видит Салима в этом по – воински прекрасном и по – флотски особенном строю далекая Айсулу. Вот он, матрос Агзамов. Смелый, гордый и радостный, шагает рядом с товарищами – сослуживцами в середине строя. Его сразу не узнаешь и таким именно, точь в точь, как в этой торжественной и по – флотски стройной колонне не увидишь ни в каких фотографиях... Салиму показалось, а возможно, было на самом деле, что именно на него смотрит, приложив руку к

kozyрьку и, улыбаясь, начальник школы, капитан первого ранга Шкагаль. И он тоже в ответ, довольный, улыбнулся... Теперь – то синий меридиан по – настоящему проходит и по его матросскому сердцу.

Накануне участникам физкультурного парада была выдана спортивная форма, в которую они переоделись в мгновение ока... Еще со вчерашнего вечера матросы подогнали ее, погладили. Рота майора Котова во всем желтом: желтые брюки, желтая майка, желтая шапочка с белыми крест – на – крест полосками. В руках – желтые жезлы с круглыми наконечниками, с красной звездой. Погода выдалась на редкость ясная. Солнце поднялось из своих покоев за грядой сопок и разбрызгало яркий праздничный свет, отчего спортивная форма матросов еще сильнее заискрилась.

У ворот в колонну по два выстроились автобусы, куда повзводно расселись матросы и взяли прямой курс на город Владивосток.

Флотский стадион тоже неузнаваемо преобразился, богато оформлен, разукрашен. Над центральной трибуной шелестят пятнадцать алых полотнищ с разноцветными поясами – знамена союзных республик. Посредине, несколько выдавшись вперед, как главнокомандующий, развивается Красное Знамя с серпом и молотом. На трибунах стадиона места наполовину уже заняты. Непривычна пестрота гражданской одежды. Только на левом крыле зеленым островком выделяется группа воинов – пограничников. На противоположной трибуне – портреты вождей пролетариев и руководителей Советского правительства. Там сидят одни матросы. Они – не просто зрители. Они – участники парада. Во время массовых упражнений на поле там во всю длину и ширину трибуны будут появляться слова: «Слава ВМФ», «Миру – мир!», которые, переливаясь, будут менять окраску то в красный, то в синий цвета. А фон – в противоположные цвета. Для этого у матросов имеются красно – синие щитки, которых сейчас не видно.

- Привет, моряки!

Ребята первого взвода разом повернули головы на голос. В проходе стоял улыбающийся Троеглазов. В нем все необычно: необычная одежда /черные джинсы, штапельная рубашка в клетку, только тельняшка из-под распахнутого ворота осталась от прежней формы/, необычный, мягкий голос, необычная манера обращения. На лицах матросов затеплилась улыбка. Все – таки они питали нескрываемое уважение и хранили добрую память о своем инструкторе сержанте

Троеглазове. А он – уже человек гражданский. Его демобилизовали досрочно, так как поступает в Дальневосточный политехнический институт. Троеглазов тоже не может забыть своих курсантов. И вот сегодня, пользуясь случаем, специально пришел встретиться с ребятами. Матросы наперебой стали приглашать инструктора:

- Садитесь сюда, товарищ сержант.
- Вот здесь место есть, товарищ сержант

Троеглазов мельком взглянул на капитана – лейтенанта Забродина. Он сидел впереди, с краю, у прохода. Услышал, что пришел Троеглазов, обернулся, и они поздоровались сдержанно, только кивком головы. Троеглазову хорошо известны его недостатки и выходки... И Забродин это знает хорошо. И в нем выиграло что – то вроде совести, которую он припрятал под толстым покрывалом поступков и времени. Теперь ему все равно. У него осталось, есть и будет одно, самое главное, - власть командира. И он, ссутулившись, ждет нетерпеливо начала спортивного парада. Троеглазов присел рядом с Мироном. Со всех сторон потянулись руки. Он пожимал их по несколько раз. Посыпались вопросы?

- Ну как с подготовкой к экзаменам?
- Где живете?

Салим в это время почувствовал и как – то даже ощутил присутствие среди матросов еще одного гражданского человека. Он оглянулся и удивился. Удивился тому, что наглядно подтвердились слова старшины, который наставительно говорил: «У матроса должны быть глаза на затылке». Рядом с матросом Ишантураевым стоял пожилой усатый мужчина в белом костюме и соломенной шляпе и сосредоточенно перелистывал записную книжку. Грудь его украшали пять рядов по четыре орденских колодок. Вездесущий Мирон, заметив любопытствующий взгляд товарища, пояснил:

- Это-отец Марата. Полковник в отставке. Приехал на праздник из Ташкента.

Ушастый Дергалов по привычке вмешался в разговор и не преминул съязвить:

- Наверно, приехал торговать яблоками.

В ответ на такой комментарий так зло и осуждающе посмотрели, скрестившись на нем, как в фокусе, две пары черных и голубых глаз что тот смешался и, иронически хмыкнув, опустил голову.

Ита - Ота¹, что вы все рассматриваете? – несколько сконфуженно обратился к отцу матрос Ишантураев. По его виду, движениям, голосу заметно было, что он определенно конфузится присутствия родителя среди матросов в далеком от родной республики Приморье. Ишантураев – старший, не обращая внимания на вопрос Марата, вдруг неожиданно вскрикнул:

- Ба, нашел! -И, обращаясь к Троеглазову, радостно заговорил: - Вы – младший командир Красильников или Долишняк? Вот я еще тогда в Ташкенте записал. Нашел!

- Ни тот и ни другой, - спокойно ответил Троеглазов. – Я – сержант Троеглазов. Бывший инструктор взвода, в котором служит ваш Марат. Хорошо служит...

- Вай, вай, спасибо, ашна. Рахмат, друг!

- Ребята, уступите место, - учтиво вскочил с места Салим.

- И эти – хорошие ребята были, - не унимался Ишантураев – отец, указывая тыльной стороной руки на записную книжку. – Я с ними хорошо познакомился. Гранатами угостил, большой желтой дыней. Приезжайте к нам в Ташкент, и вас угощу... Сколько хочешь!

- Хорошие ребята, - протянул Шконда, уцепившись за возможность состричь. – А Красильников в поезде того... шуры – муры с кондукторшей. Фестиваль – шествие...

- Ай, ай, ай, нехорошо. За такое на фронте расстреливали, - сокрушенно произнес бывший полковник. А Троеглазов поделился сведениями о дальнейшей судьбе незадачливого старшины второй статьи.

- Потом Красильникова разжаловали и отправили дослуживать на остров «Дальний», где вообще нет женщин...

- Ну и правильно сделали, - поддержал старших товарищей Салим. – А то, как баран – производитель...

- Башковитый парень, - одобрительно и по – отцовски наставительно отозвался на слова Салима Ишантураев. – Наверное, папа тоже башковитый. Кем он работает, сынок?

Внезапно Салим сник, нахмурился и, не отвечая ничего, молча поднялся и отошел в сторонку. В разговор включился Мирон, который до этого сидел пассивным собеседником, занятым своими мыслями:

- У него недавно, перед призывом, умер отец...

¹Ота /узб./ - отец, папа

- Вай, вай. Как так? – загрохотал своим грубоватым голосом Ишантураев. – Вот старый, болтливый. Виноват, виноват! Простите возмутителя спокойствия. Простите великодушно!

Троеглазов, прерывая неловкое молчание, продолжал отвечать на вопросы своих недавних подопечных:

- А я пока живу в экипаже. Скоро перейду в институтское общежитие. А Долишняк получил звание старшины первой статьи. Ему еще год служить. Еще можете с ним встретиться... На службе неожиданно сходятся пути – дороги...

Матрос Ишантураев подхватил под руку искренне и безудержно раскаивающегося отца и умоляюще заговорил:

- Ота, ота! Здесь нельзя вам оставаться. Идите лучше на ту сторону. Мы все сейчас выйдем на поле. Оттуда, ота, лучше вам будет видно. Все с тех трибун смотрят.

- Хорошо, сынок, хорошо. Я буду тебя ждать около трех зеленых фуражек, около пограничников. Отцов уважайте и берегите. Мы сареем...

Проходя мимо Салима, Ишантураев – отец легонько обнял его и тоном, не вызывающим возражения, обратился к Марату:

- Марик, сынок, приходи с ним. Он – хороший бача¹. Он правильный матрос. Командир его катта хвалил. Я жду вас у зеленых фуражек.

В микрофон неслись слова доклада адмирала, командующего Тихоокеанским флотом. Его лица почти не видно, но голос по микрофону звучит рядом. В Троеглазове крепко сидела привычка к порядку и дисциплине. Он кивнул на репродуктор и приложил палец к рукам:

- Тшш...

Не успели отзвучать аплодисменты, как Забродин вскочил с места:

- Внимание, взвод! Приготовиться!..

Сотни пар глаз уставились на фигуру человека, который стоял за полем стадиона на самом верхнем ряду центральной трибуны. Это – руководитель парада. В его высоко поднятых руках скрещенные флажки. Сигнал – внимание. Взмах! И ровными рядами двинулись на поле колонны сотен, многих сотен матросов...

¹ Бача /узб./ - мальчик, паренек.

Часть II

АЛАШОРДА

ЗВЕЗДА АЛИХАНА БУКЕЙХАНОВА



Даты рождения и кончины Алихан Букейханова, к сожалению, до сих пор не доведены до полной ясности: у разных авторов фигурируют в этом отношении разные сведения. Мы решили придерживаться в его биографии тех дат, которые указаны в энциклопедии «Абай» (А., «Атамура», 1995, с. 166-167), где автором статьи о нем выступил старейший абаевед, профессор Каюм (Габдулкаюм) Мухамедханов.

Итак, по нашим сравнительным данным, Алихан Нурмухамедулы Букейханов родился в 1870 году в 7-ом ауле Тоқыраунской волости Каракалинского уезда бывшей Семипалатинской области. У казахов была и есть целая родословная, которая называется «торе», что в переводе на русский язык означает «господин» или «аристократ». К этому знатному роду относились все потомки Чингисхана, из среды которых до XIX века обычно выбирались и назначались ханы и султаны казахского общества.

Родители Алихана, отец Нурмухамед и мать Бегимханым, были для своего времени людьми просвещенными и всячески поддерживали достойное образование своих детей.

По книге Шакарима Кудайбердиева «Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий» (Оренбург, 1911г.) нам стало известно, что четвертым предком Алихана был хан Букей.

В начале девятнадцатого столетия в Среднем джуге Казахстана образовалось два ханства или были два хана. Одним из которых являлся хан Вали (дед Чокана Валиханова), а другим ханом был Букей – сын хана Барака, который вероломно убил хана Абулхаира, за что его в народе прозвали «кокжал Барак – сивогривый Барак».

В газете «Ана тілі» («Родной язык») был опубликован диалог между известным казахским архитектором, лауреатом

Государственной премии Казахстана Шота Идрисулы Валихановым и монгольским академиком, автором фундаментальной монографии «Чингис ханы цадиг» («Генеалогия Чингисхана») Ш.Нацагдоржем, который, в частности, так говорит своему собеседнику: «Я очень рад, что приехал к вам. То, что я просил у неба, досталось мне на земле. Оказывается, на казахской земле есть потомки, ведущие свою родословную от самого любимого сына Чингисхана Джучи. Одним из них являетесь вы, Шот-Аман. Если считать от великого Чингисхана, то вы относитесь к 23 поколению. Ваши дальние предки обоснованно показаны в книгах «Жами-ат-Тауарих» Рашид-ад-Дина, «Родословная тюрков» Абилгазы Бахадура, в сочинениях вашего ближайшего деда Чокана Валиханова и в других исторических трудах». (Перевод наш – М.С.).

Еще примечательно то, что данное интервью или диалог опубликован с фотографией этих двух собеседников и с броским названием «На земле предков нет потомков Чингиса» - «Шыңғыстың ата жұртта ұрпағы жоқ».

На земле Казахстана у Букейхана было девять сыновей, пятым из которых был Батыр, у которого родился сын Мырзатай, затем у него был внук Нурмухамед, отец Алихана Букейханова. Кстати по нашему раскладу сам Алихан Нурмухамедулы Букейханов относится к 22-ому поколению потомков Чингисхана.

Автор книги «Чокан Валиханов», выпущенной в серии ЖЗЛ (Москва, 1990), Ирина Стрелкова в ж-ле «Наш современник» №7 за 1989 г. писала «... Букейханов был крупнейшим деятелем своего времени, видным экономистом. Но до последнего времени даже представить было невозможно, что в Казахстане кто-то решится написать и издать объективную биографию Букейханова. Его имя появилось в исторических трудах с неизменным ярлыком «националист», шла ли речь о его позиции до февраля 1917 г. или об участии в правительстве Туркестана, поддерживавшем Временное правительство, или о программе партии «Алаш». Но разве неинтересно, что в статье «Благое дело» Букейханов агитировал за кооперацию для казахов?».

С раннего детства годы учебы Алихана Букейханова проходили в следующем хронологическом порядке. Вначале он познал арабскую грамоту у муллы в зимовке Мырзатай (впоследствии - Касыма). Когда Алихан прошел начальную стадию учебы – Мухтасар, отец его

Нурмухамед повез мальчика в Каркаралинск, где он поступил в начальное русское училище.

Заметив редкое дарование Алихана Букейханова к учебе, сам генерал – губернатор края Г.А.Колпаковский помог Алихану поступить в Омское технологическое училище. Надо сказать, что генерал Герасим Алексеевич Колпаковский был близким другом и преданным единомышленником казахского ученого Чокана Чингисовича Валиханова. Именно этот Герасим Алексеевич помог привезти надгробный камень и поставить на могиле Мусы Шорманулы (родного дяди Чокана).

Алихан Букейханов поступил в Омское технологическое училище в 1885 году, а с 1888 года к его имени прибавляется титул «султан». По окончании данного училища в 1890 году А. Букейханов изъявил желание поступить в Санкт-Петербургский лесной институт, где учился он, по разным воспоминаниям, вместе с Александром Керенским.

В годы учебы в институте лесного хозяйства у Алихана Букейханова начинаются духовные искания, когда он даже заинтересовался марксистской теорией. Об этом в газете «Семипалатинский листок» от 5 июня 1906 года были такие строки: «... В бытность студентом лесного института примыкал к крайней левой. Во время разгара споров о марксизме очень энергично отстаивал тезисы экономического материализма».

В дальнейшем А. Букейханов в разные периоды обращался к программам партии «Народная свобода», кадетов и даже в определенное время разделял их, а затем в июле 1917 года на общеказахском съезде начал организацию политической партии «Алаш». В это время он вместе с Ахметом Байтурсиновым и Миржакупом Дулатовым активно сотрудничал в редакции газеты «Казах».

В 1905 году от имени казахов Семипалатинской области был избран депутатом в I государственную Думу. Однако он не смог принять участия в работе I Государственной Думы, потому что по указу Омского генерал-губернатора был арестован и без всякого основания три месяца просидел в тюрьме Павлодара. Когда же он прибыл в Петербург, эта Дума указом царя была уже распущена. Часть депутатов Госдумы выехала в г. Выборг в Финляндию, чтобы принять акт протеста. Алихан Букейханов поехал следом за этими

депутатами и в том 1906 году поставил свою подпись под Выборгским манифестом.

Царское правительство дважды арестовывало Алихана Букейханова в 1906 и в 1908 годах. Одним из первых среди образованных казахов, кто ратовал за издание и популяризацию произведений Абая Кунанбаева, был и он, именно поэтому у него среди вещей при аресте находилась рукопись великого поэта – мыслителя, подготовленная Какитаем Искаковым и Турагулом Кунанбаевым. Эта рукопись все-таки была издана в 1909 году в Санкт-Петербурге в типографии Ильяса Бораганского.

Как партийный и общественный деятель Алихан Букейханов до 1922 года, когда ему было предписано поселиться со своей семьей в Москве, активно занимался, в основном, тремя проблемами. Это – приобретение автономии и независимости Казахстана, национальный и земельный вопросы. Наряду с трудами государственного деятеля значительное место в бесценном наследии А. Букейханова занимают научные сочинения и литературное творчество.

Еще в 1905 году А. Букейханов написал на русском языке первую биографию Абая и опубликовал в виде некролога в газете «Семипалатинский листок» на следующий год после смерти поэта. Хорошо помню, что в начале 60-х годов, когда я после службы в армии на Тихоокеанском флоте работал в музее Абая и все осматривал истосковавшимися глазами, этот листок в раме был вывешен в экспозиции, но фамилия автора была тщательно закрашена черной тушью.

Биографию Абая с его фотографией затем в 1907 году А. Букейханов опубликовал в одном из книжек, которые назывались «Записки Семипалатинского Подотдела Западно-Сибирского русского географического Общества». Следует заметить, что при его содействии и авторском участии Абай еще при жизни в 1903 году попал в многотомную книгу «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества», выпускаемой под редакцией П.П. Семенова-Тян-Шанского и академика В.И. Ламанского.

После окончания Петербургского лесного института Алихан Букейханов прибыл в Омск и работал преподавателем математики в училище лесного хозяйства. Здесь он, активно сотрудничая в редакции газеты «Степной край», тесно общался с находящимися в ссылке народниками Севастьяновым, Соколовым и марксистом Беляковым. Вскоре он женился на дочери Якова Севастьянова Елене.

У них родилась дочь Елизавета, которая впоследствии, став взрослой, вышла замуж за Смагула Садуакасова, будущего наркома просвещения Казахстана. В свою очередь у них был сын Ескендир (по-домашнему его звали Кеной), о котором будет сказано ниже.

В молодые годы Алихан Букейханов по разным сведениям был знаком и общался с Керенским, меньшевиком Чхеидзе и большевиком Сталиным. Он был энциклопедически образованным человеком, обладал многогранным талантом и пользовался таким огромным авторитетом в казахском народе, что с ним органы советской власти не могли расправиться до 1937 года, поселив в Москве, где он работал в Восточном издательстве в качестве исследователя и комментатора образцов казахского фольклора «Ер-Таргын», «Козы Корпеш и Баян-Сулду» и др. и, в основном, переводчика.

С 1922 года по 1937 год, проживая в Москве, Алихан Букейханов был только однажды вызван ОГПУ на допрос в 1929 году. Очевидно, это было связано с его поездкой в Западный Казахстан в период его очередного трудового отпуска. Там его население в открытую приветствовало как всенародного лидера и вождя, устроило ошеломляющую встречу. Об этом сразу же последовал донос, так что его немедленно возвратили на место постоянного жительства.

В двадцатые годы еще были в Советской стране признаки демократии и свободомыслия. Но постепенно все делалось для того, чтобы со всем этим покончить раз и навсегда и перейти к жесткому тоталитарному единовластию.

Еще в 1926 году А. Букейханов был арестован сотрудниками ОГПУ в Актюбинске якобы за контрреволюционную деятельность, переправлен в Москву и посажен в Бутырскую тюрьму. Однако через 15 дней он был освобожден из-за недостатка улик.

Помимо общественной и политической деятельности Алихан Букейханов в продолжение всей своей жизни увлеченно занимался научно-исследовательской и литературной работой.

В той же вступительной статье Мамбет Койгелдиев пишет: «Экспедиция Ф.А. Щербины, охватывавшая период между 1896 и 1903 годами, действительно проделала значительную работу. На основе материалов, собранных в двенадцати уездах названных областей (Акмолинской, Семипалатинской и Тургайской – М.С.), она выпустила 13 томов научно-исследовательских трудов. В ходе участия в данной экспедиции А. Букейханов увидел с новой стороны

намеченные цели Российской империи относительно казахской степи, на что прежде не обращал особого внимания, и еще заметил, что центральная власть готовится в ближайшие годы осуществить крупные мероприятия». (Перевод наш – М.С.)

Проживая в Москве, Алихан Букейханов перевел на казахский язык и выпустил произведения «Хаджи Мурат», «Кавказский пленник» Льва Толстого, «Сон Макара» В. Короленко и др.

И вот 14 июля 1937 года, когда всемогущий маховик безжалостных репрессий раскрутился вовсю, Алихан Букейханов был арестован в Москве. По решению военной коллегии Верховного суда от 27 сентября с.г. он был осужден и в мае 1938 года был расстрелян. В заключении напоминаем о том, что Алихан Букейханов по сути реабилитирован был дважды постановлением ВЦИКа от 4 апреля 1919 года и решением Верховного суда СССР на Пленуме, проходившем 13-14 мая 1989 года.

Такова была судьба знаменитого чингизида, признанного лидера казахского народа и просто очень талантливого человека Алихана Нурмухамедулы Букейханова (1870-1938).

Несколько слов хотелось бы сказать о судьбе детей Алихана Букейханова. По свидетельству ветерана Великой Отечественной войны, кандидата экономических наук Мухаметкалия Джаксалиева, зять Смагул Садукасов 16 декабря 1933 года отравился при аварии на химзаводе и скончался в возрасте 33 лет в Кремлевской больнице.

Надо отметить, что, благодаря преждевременным заботам А. Букейханова, его детям удалось в какой-то мере избежать оголтелых и беспощадных репрессий.

В самом начале Великой Отечественной войны Елизавета Алихановна оказалась на фронте. После этого ее шестнадцатилетний сын Ескендир, находившийся в пионерском лагере, прибавил своему возрасту два года и тоже отправился на войну. Там он, сражаясь в рядах 1308 полка, погиб 19 ноября 1941 года.

У Алихана Букейханова было двое детей – дочь Елизавета и сын Сергей (Октей).

Елизавета Букейханова стала доктором медицинских наук, профессором, а на фронте дослужилась до звания майора медицинской службы. На войне она была награждена двумя орденами и пятью медалями и в послевоенное время удостоена ордена Трудового красного Знамени. Скончалась она в мае 1974 года.

Сын А. Букейханова Октей Алиханулы, 1905 года рождения, по специальности был инженером – геологом. Оказывается, он в 1932-1941 годах работал вместе с К.И. Сатпаевым в Джезказгане. После этого он жил в г. Сорск Хакасской автономной области, где работал главным инженером в геологоразведочной экспедиции. Там он умер в декабре 1957 года, оставив после себя научные труды о медных и урановых рудах.

Его сын Евгений Сергеевич многие годы работал доцентом Московского института связи, став кандидатом технических наук. Правнук А. Букейханова Петр Евгеньевич в 1992 году окончил Московский институт энергетики и стал специалистом по атомной энергии. Дальнейшая судьба его нам неизвестна.

На пороге XXI-го века Государственная комиссия независимой Республики Казахстан определяла по десять самых крупных деятелей тысячелетия и столетия. Отрадно осознавать, что в числе выдающихся людей столетия названо имя Алихана Нурмухамедулы Букейханова. Надо полагать и надеяться, что выпуск научного и литературно-художественного наследия и достойное увековечение славной памяти Алихана Букейханова – дело недалекого будущего¹ ...



Ахмет Байтурсынов в своём величии...

В конце прошлого столетия, а именно 28 февраля 1990 года, а конференц-зале Союза писателей Казахстана впервые после пятидесяти с лишним лет перерыва проводился большой вечер, посвященный Ахмету Байтурсынову. Атмосфера была удивительная, словно мы присутствовали на каком-то магическом действии. Выступали известные писатели, учёные и ближайшие родственники и аксакалы – современники выдающегося писателя и государственного деятеля. Запомнились отдельные фрагменты из взволнованного доклада крупнейшего учёного – лингвиста, профессора Рабиги Сыздыковой. Она говорила о том, что Ахмет Байтурсынов заложил основы казахской филологии, в частности, лингвистики, что им впервые придуманы и введены в грамматический обиход на казахском языке такие термины, как

¹ Данная статья опубликована в моей книги «Поэтическое вдохновение: Абай, Шакарим и Мухтар». Новосибирск, 2007 г., с 294. Тираж 500 экз. - М. С.

подлежащее-бастауыш, сказуемое-баяндауыш, определение-анықтауыш и др., что больше полувека учителя и ученые – лингвисты пользовались его научными трудами, не называя автора, не смея назвать его имени, что теперь после полной реабилитации назрела необходимость и само собой напрашивается возможность назвать его именем научно-исследовательский институт языка при Академии наук Казахстана...

I. Основные этапы биографии.

Ахмет Байтурсынов родился 28 (15) января 1873 года в ауле Сарытубек Тосынской волости (ныне Жангелдинский район) Кустанайской области. В начале он научился грамоте в своём ауле, а потом в 1886-1891 годах учился в двухклассном русско – казахском училище в городе Тургае. В 1891-1895 годах Ахмет обучался в Оренбургской учительской школе, основы которой заложил еще Ибрай Алтынсарин. Начиная с 1 июня 1895 года, он работает учителем в разных школах в Актюбинском, Кустанайском и Каркаралинском регионах, приступает к творческой и общественной деятельности.

Еще в тридцатилетнем возрасте Ахмету Байтурсынову довелось быть невольным свидетелем драматических событий, участниками которых были его отец Байтурсын и родной дядя Актас, сыновья Шошака, которые были сосланы в Сибирь на 15 лет за избиение уездного начальника из-за нечестного ведения выборов волостного управителя. По последним сведениям они возвратились из сибирской каторги через 17 лет.

С 1901 года Ахмет Байтурсынов усиленно занимается самообразованием, пишет стихи и публицистику, готовит учебные пособия, создает казахский букварь, собирает образцы фольклора. Постепенно в народе растёт его популярность как молодого ученого-просветителя, педагога и поэта.

В 1909 году в Каркаралинск, где он заведовал двухклассным училищем, прибыл из Семипалатинска начальник губернского жандармского управления и арестовал его по обвинению в проведении агитационной работы против царского правительства.

В Семипалатинской тюрьме Ахмет Байтурсынов без суда и следствия просидел с июля 1909 года по 21 февраля 1910 года. На свободу его выпустили без права поселения в казахских аулах, и он

вынужден был уехать в Оренбург, где занялся журналистской деятельностью.

В то время в Омске жил педагог-просветитель, тюрколог Александр Ефимович Алекторов (1861-1918), заведовавший семипалатинскими и акмолинскими школами. Списавшись с ним, Байтурсынов поехал в Омск с целью ознакомления с положением казахов в других регионах.

В 1913 году Ахмет Байтурсынов организовал здесь газету «Казах» и стал его редактором. Из-за негодных царским властям статей он не раз подвергался арестам и допросам. И все же газета просуществовала до конца 1917 года, да и тираж ее был по тем временам немалый – 8000 экземпляров.

Затем Ахмет Байтурсынов возобновляет тесные связи с алашордынцами в пределах 1918 и в начале 1919 годов.

В марте 1919 года вместе со многими представителями казахской интеллигенции переходит на сторону Советской власти. После этого принимает активное участие в работе Военно-революционного комитета.

В первой половине двадцатых годов Ахмет Байтурсынов как член Коммунистической партии становится народным комиссаром просвещения, членом всесоюзного центрального исполнительного комитета, руководит Академическим центром Казахстана, работает профессором в высших учебных заведениях Алматы и Ташкента.

В 1928 году Байтурсынова приглашают на должность профессора в только что открывшийся в Алматы университет. и он переезжает сюда из Кызыл-Орды, прежней столицы Казахстана. В своей автобиографии прямо пишет: «В марте 1919 года перешел на сторону советской власти и поехал в Москву».

Впоследствии он работал на разных выборных должностях, был членом Каз ЦИКа, работал в комиссариате народного образования, был председателем Академического центра при Казнаркомпросе, Казахского научно-литературного совета и членом Академического центра.

Когда образовалась Казахская АССР в 1924 году, Ахмет Байтурсынов 2 года находился на посту наркома (министра) просвещения.

В 1923 году общественность республики Казахстан отметила 50-летний юбилей Ахмета Байтурсынова. В связи с этой датой М.О. Ауэзов опубликовал в газете «Ак жол» («Светлый путь») за 4 февраля

обширную статью «Пятидесятилетний той Ахана». В ней двадцатипятилетний юноша Мухтар Ауэзов провидчески писал: «Казахская школа, открытая Аханом, родной язык, оформленный Аханом, лозунг Ахана об единой стране, привнесенный в литературу, книги «Сорок басен», «Маса» («Комар»), моральная помощь, оказанная газетой «Казах» обливавшимся слезами казахов в 1916 году, сведения об искусстве и образованиях, неустанный труд в области политики – вот те дела, которые хотя мы позабудем, история не забудет. Все это известно всему окружающему люду. И в истинности всего этого никто не сможет поспорить». (Смысловой перевод наш – М.С.).

В газете «Енбекши казах» - «Трудящийся казах» (ныне Егемен Казахстан) Сакен Сейфуллин выступил со статьёй «Ахмету Байтурсынову исполнилось 50 лет». В ней он, в частности утверждал: А. Байтурсынулы-не простой человек, а образованный. Этот человек в свое время, как выходец из интеллигентной среды, претерпевая издевательства и осмеяния лъстивых царских прихвостней, поднял свой голос, отстаивая честь народа. Когда другие образованные господа гонялись за чинами, один-единственный Ахмет в ту царскую эпоху, защищая национальную честь, пробуждал совесть казахской народной массы, находящейся в тисках, перенося унижения и притеснение, в полной спячке. В ту пору, когда иные казахские интеллигенты, продавая свои познания, становились переводчиками для губернаторов и судей, другие, теряя совесть, устремлялись в чиновники, Ахмет, предавшись всей душой, трудился для казахской нации. (Смысловой перевод наш – М.С.).

В конце 1929 года по доносу Ахмет Байтурсынов был арестован и выслан в Архангельскую область, а жена Александра (Бадрисафа) и дочь Шолпан отправлены по высылке в Томск. По ходатайству жены М. Горького Екатерины Пешковой, которая работала в комиссии Красного Креста, Ахан в 1934 году был освобождён. Но вскоре в Алма-Ате, 8 октября 1937 года, он был вновь арестован по ложным обвинениям в антисоветской деятельности и расстрелян.

II. Вехи и грани творческой и общественной деятельности.

Сообразно своему времени Ахмет Байтурсынов обладал синкретическим талантом и внес свой вклад в разные отрасли науки. В течение 50 с лишним лет лингвисты, педагоги, учащиеся

пользовались грамматическими терминами, не зная или скрывая их первооткрывателя, автора и составителя.

Помимо этого, Ахмет Байтурсынов внес свой вклад в казахскую литературу как поэт, критик, публицист, историк литературы, переводчик и педагог. Его произведения и статьи публиковались в периодической печати и отдельными изданиями в Санкт-Петербурге, Уральске, Оренбурге, Троицке и Казани.

Ахмет Байтурсынов был создателем первого казахского букваря с реформированным алфавитом. Он много лет переводил басни Крылова и сам писал для молодежи поучительные стихи, которые с 1912 по 1922 годы издавались в вышеназванных городах под названиями «Қырық мысал» («Сорок басен»), «Маса» («Комар») и «Узик» («Доля»).

Также в разное время А. Байтурсынов издал такие книги, как «Пособие по языку», «Из учебных пособий», «История культуры» и др.

Как истинный просветитель Ахмет Байтурсынов собирал образцы устного народного творчества и публиковал их. Так он собрал, составил, написал предисловие и выпустил в Москве дастан «Ер Саин» (1923), книгу «23 жоқтау - причитаний» (1926).

Известные русские ученые-востоковеды А.Е. Алекторов, А.Н. Кононов, Григорий Потанин (друг Чокана Валиханова) лично знали и ценили Ахмета Байтурсынова как писателя и учёного.

Академик А.Н. Кононов причисляет Ахмета Байтурсынова к плеяде отечественных тюркологов. Одним из первых Ахмет Байтурсынов назвал Абая «Главным казахским поэтом» (Қазақтың бас ақыны) и под таким названием в 1913 году опубликовал статью.

Доктор филологических наук, член-корреспондент Академии наук Казахстана Рабига Сыздыкова в предисловии к книге Ахмета Байтурсынова «Тіл тағылымы» («Вопросы казахского языка», Алматы, 1992г.) констатирует такое уникальное сведение: «Этот Военно-революционный комитет был организован постановлением Совета Народных Комиссаров РСФСР от 24 июня 1919 года. Постановление подписал В.И. Ленин. Иначе говоря, А. Байтурсынов свою работу государственного деятеля в период советской власти начал с мандатом В.И. Ленина. По делам комитета он был на приеме В.И. Ленина и разговаривал лично. Он рассказал о политическом и экономическом положении в казахском крае, поведал о трудностях в делах просвещения. Владимир Ильич, хорошо приняв его вдвоём с

председателем комитета С.С. Пестковским, выслушал их новости и сказал о необходимости составления нескольких рекомендаций с переводом на казахский язык и записью на граммофонные пластинки для распространения среди народа». (Смысловой перевод наш – М.С.).

Ахмет Байтурсынов был удивительно разносторонне талантливым и подвижнически настроенным человеком. Об этом довольно достоверно и убедительно написал ныне покойный академик Рымгали Нургалиев в предисловии к книге Ахмета Байтурсынова «Ақ жол» - «Светлая дорога». (Стихи, переводы, публицистика и литературное исследование. Алматы, «Жалын», 1991г.).

В частности, доктор филологических наук, профессор Р.Нургалиев свидетельствовал: «... Ахмет Байтурсынов – ученый, заложивший основы казахской науки литературоведения, впервые написавший теорию казахской литературы, что является истиной, навредить которой невозможно. Исследователь Александр Затаевич записал несколько песен у Ахмета Байтурсынова как композитора, играющего на домбре, скрипке и пианино, у человека, занимающегося фотографией, принимавшего участие в борцовских состязаниях как палуан, короче говоря, у всесторонне одарённой личности, тополя национальной культуры». (Смысловой перевод наш – М.С.).

Примечательно, что на первом всесоюзном съезде тюркологов, состоявшемся в Баку в 1926 году, «делегатами от Казахстана принимали участие Ахмет Байтурсынов, Елдес Омаров, Азиз Байсеитов, Билял Сулеев, Назир Тюрекулов. Ахмет был избран в президиум этого съезда и в состав нескольких комиссий». (Шамшиябану Сатбаева).

Отрадно сознавать, что, наконец, правда восторжествовала и установилась справедливость в суверенной Республике Казахстан. Институт языка в Алматы назван именем Ахмета Байтурсынова. На улице Ахмета Байтурсынова в южной столице в благоустроенном и привлекательном особняке расположен Республиканский литературно-мемориальный музей выдающегося сына казахского народа...

Газета «Вести Семей», 10 июля 2012 года.

ТРИ СОКОЛА КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В декабре 1988 года комиссия в составе 32-х видных писателей и ученых предоставила общественности свои выводы относительно творческого и научного исследования трех выдающихся деятелей казахской литературы Магжана Жумабаева, Ахмета Байтурсынова и Жусипбека Аймаутова. В связи с этими выводами ЦК Компартии Казахстана принял решение о возвращении их культурного наследия народу.

Однажды в нашу студенческую аудиторию в приподнятом настроении вошел преподаватель казахской литературы Каюм Мухамедханов и взволнованно объявил о реабилитации трех писателей Сакена Сейфуллина, Ильяса Джансугурова и Беймбета Майлина. Тогда, в 1956 году, нам эти имена абсолютно ни о чем не говорили, мы даже не могли сразу уловить и запомнить их. Такие были времена. Прошло 32 года. Сейчас историю казахской советской литературы невозможно представить без этих писателей-классиков.

Нечто подобное ощутили, думается, студенты-филологи 80-х годов после объявления о возвращении творческого наследия крупнейших деятелей культуры Магжана Жумабаева, Ахмета Байтурсынова и Жусипбека Аймаутова. Да что говорить о студентах, если даже мы, литераторы со стажем, почти ничего о них и об их творчестве не знали, а то, что все-таки попадалось в архивах, в старых газетных и журнальных подшивках, что запоминалось в разговорах со старшими товарищами-коллегами, пряталось далеко в тайниках души и шкафов. Мы встречали эти имена в мемуарном романе Сакена Сейфуллина «Тернистый путь» и притом в списках среди алашордынцев. Но если революционер, своими руками устанавливавший Советскую власть, ставший в 28 лет председателем Совнаркома Казахской СССР, Сакен Сейфуллин стал жертвой репрессии тридцатых годов, то о заблуждавшихся или иногда допускаявших ошибки и говорить было нечего.

Вот возвратилось творчество Шакарима Кудайбердиева и заняло свое ранее зиявшее пустотой место, как звено, определенное природой и законами социально-общественного развития между Абаем и казахской советской литературы. А последняя тоже не сразу сформировалась и не упала с неба в готовом виде. Здесь еще были крупные таланты со своими общественно-политическими заблуждениями, временными ошибками, они все-таки выправились и

восприняли революцию и социализм, чтобы служить народу, без которого они не мыслили своей жизни. Жестокий меч времен культа личности не пощадил их.

Еще 4 апреля 1919 года Всероссийский Исполнительный комитет принял решение о помиловании и амнистии членов буржуазно-националистической партии Алаш и руководителей алашордынского правительства. На основе тщательного изучения документов и творческого наследия Верховный Суд Казахской ССР реабилитировал А. Байтурсынова, М. Жумабаева и Ж. Аймаутова.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

Самым старшим из этих трех деятелей культуры является Ахмет Байтурсынов. Он родился в 1873 году в Тосынской волости Тургайского уезда Тургайской области. В 1886-1891 годах учился в местном двухклассном русско-казахском училище, затем в Оренбургской русско-казахской школе.

Когда Ахмету было 13 лет, его отца Байтурсына царские власти сослали в Сибирь: он избил уездного начальника за нечестное ведение выборов волостного управителя. Начиная с 1895 года, А. Байтурсынов работал учителем в разных школах Тургайской округи. В то время в Омске – административном центре степи – жил тюрколог Алекторов, в чьем ведении находились семипалатинские и акмолинские школы. Списавшись с ним, Байтурсынов поехал в Омск с целью ознакомления с положением казахов в других регионах.

В 1909 году в Каркаралинск, где он заведовал двухклассным училищем, прибыл из Семипалатинска начальник губернского жандармского управления и арестовал его по обвинению в проведении агитационной работы против царского правительства. В семипалатинской тюрьме А. Байтурсынов без суда и следствия находился с июля 1909 по 21 февраля 1910 года, затем был выпущен без права поселения в казахских областях и уехал в Оренбург.

В 1913 году Ахмет Байтурсынов организовал выпуск газеты «Казах» и стал ее редактором. В период журналистской работы несколько раз подвергался арестам и допросам из-за неблагонадежных публикаций. И все-таки до конца 1917 года А. Байтурсынов проработал в этой должности.

В 1928 году Байтурсынов приглашен на должность профессора в открывающийся в Алма-Ате университет и переезжает сюда из

Кызыл-Орды. Впоследствии Ахмет занимал разные выборные должности, был членом КазЦИКа, работал в Комиссариате народного просвещения, был председателем Академического центра при Казнаркомпросе, председателем Казахского научно-литературного совета и членом Академического центра. Когда в 1924 году образовалась Казахская АССР, А. Байтурсынов два года находился на посту наркома просвещения.

В 1923 году общественность республики отметила 50-летний юбилей Ахмета Байтурсынова. В связи с этой датой М.О. Ауэзов написал и опубликовал в газете «Ак жол» («Светлый путь») за 4 февраля статью «Пятидесятилетний той Ахана». В газете «Еңбекши Казак» («Трудящийся казах», ныне «Социалистик Казахстан») Сакен Сейфуллин выступил со статьей «Ахмету Байтурсынову исполнилось 50 лет».

В конце 1929 года по доносу Ахмет Байтурсынов был арестован и выслан в Архангельскую область, а жена и дочь отправлены в Томск. По ходатайству жены М. Горького Е. Пешковой, которая тогда работала в комиссии Красного Креста, Ахан в 1934 году был освобожден. Но 8 октября 1937 года он был вновь арестован по ложным обвинениям в антисоветской деятельности и был расстрелян.

В начале прошлого века Магжан Жумабаев был одним из самых популярных в народе поэтов. Он считался основателем нового направления в литературе, синтезировав в своем творчестве достижения западной и восточной поэзии. Родился он 1893 году в урочище Сасыкколь Сарыайгырской волости Кызылжарского уезда Акмолинской области (позже – совхоз «Молодежный» Булаевского района Северно-Казахстанской области). С 1906 года по 1910 год Магжан учился в медресе в г. Кызылжаре (ныне Петропавловск). Потом с 1913 года – в татарском медресе «Галия» в г. Уфе. В 1916 году закончил Омскую учительскую семинарию. Будучи семинаристом, Магжан Жумабаев стал признанным поэтом и редактировал рукописный журнал литературного объединения «Бирлик» («Единство»).

Лидеры Алаш-Орды привлекли его в свои ряды, ввели в состав своего комитета, в комиссию по составлению учебников для казахских школ и даже выдвинули кандидатом в депутаты учредительного собрания.

После изгнания из Омска белогвардейцев он редактирует газету «Бостандык туы» («Знамя свободы»). Затем в Ташкенте сотрудничает

с газетой «Ак жол» и журнале «Шолпан» («Утренняя звезда»). Далее М. Жумабаев в 1923-1927 годах учился в Московском литературно – художественном институте, которым руководил выдающийся советский поэт и общественный деятель Валерий Брюсов. С 1927 года Магжан Жумабаев полностью переходит на преподавательскую работу, принимает участие в подготовке учебников для казахских школ.

Однако в 1929 году М. Жумабаева осудили на 10 лет, обвинив в создании организации «Алка» («Круг»), которая якобы вела подпольную деятельность. На самом деле это была коллегия, созданная в 1921 году правительством Казахской АССР при Сибревкоме с информационными и просветительскими целями. Однако в годы культа личности и необоснованных репрессий эта организация была признана контрреволюционной и члены ее были подвержены гонениям и судам. Магжан Жумабаев был сослан в далекие северные леса Карелии. Вызывают уважения стойкость перед лишениями, находчивость и величайшая воля его легендарно преданной и любящей жены Зылихи, которая проявив волю и самоотверженность, посещала Магжана, пробираясь из Казахстана в Прибалтику за семь лет 14 раз.

С помощью М. Горького и Е. Пешковой при посредничестве Зылихи-апа, которая доставила письмо Магжана в Москву, срок был уменьшен на 3 года, и поэт в 1936 году был досрочно освобожден. Но уже в следующем году Магжан Жумабаев был снова арестован и 19 марта 1938 года был расстрелян.

Такая же трагическая судьба постигла еще одного крупного деятеля литературы Жусипбека Аймаутова. Он родился в 1890 году в ауле Дандебай Павлодарского уезда Семипалатинской губернии. С пяти до пятнадцати лет обучался у различных аульных мулл. Несмотря на нужду и материальные лишения, Жусипбеку удалось окончить Павлодарскую русско-казахскую школу и Семипалатинскую учительскую семинарию, в которых в общей сложности проучился с 1911 по 1919 г.

Семинарист Жусипбек Аймаутов также оказался в алашордынской организации, в составе которой он находился в 1917-1919 годы. Очевидно, сословное происхождение очень скоро определило его дальнейший путь. Вскоре он сам участвовал в установлении Советской власти в Павлодарском уезде. В января 1920 года Ж. Аймаутов вступил в ряды большевистской партии.

В 1922-1924 годах Ж. Аймаутов учительствовал в Каркаралинской школе. Затем переехал в Ташкент, где сотрудничал в газете «Ак жол». В 1926-1929 годах работал директором Чимкентского педтехникума. Нелегко жилось исключительно одаренному, талантливому и образованному человеку Жусипбеку Аймаутову. В 1925 году по различным доносам он был исключен из партии, привлекался к суду. Вскоре ему удалось оправдаться, но не надолго. В 1929 году Жусипбек Аймаутов был снова арестован по ложным обвинениям в участии в подпольной националистической организации и через два года его постигла та же участь Ахмета Байтурсынова и Магжана Жумабаева.

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

В истории казахской культуры все эти три деятеля занимают достойное место. В одной статье нет возможности всесторонне обосновать и изложить огромное значение их творческого наследия. Сообразно своему времени они обладали синкретическим дарованием и внесли свой вклад в разные отрасли наук и аспекты филологии.

Для подтверждения сказанного приведу только один пример. В течение 50 лет лингвисты, педагоги, ученые пользовались терминологией по казахскому языку, не зная или не называя того, кто является ее автором и составителем. А основоположником казахской лингвистики был Ахмет Байтурсынов. Это его слова: бастауыш-подлежащее, баяндауыш-сказуемое и т.д. Помимо того, А. Байтурсынов внес свой вклад в развитие казахской литературы как поэт, критик, публицист, историк литературы, переводчик и педагог. Он много лет переводил басни Крылова и сам писал для молодежи поучительные стихи, которые с 1912 по 1922 годы издавались в Санкт-Петербурге, Уральске, Оренбурге и Казани под названиями «Кырык мысал» («Сорок басен»), «Маса» («Комар») и «Узик» («Доля»).

Ахмет Байтурсынов был создателем первого казахского букваря по реформированному алфавиту. В 1912 году он издал в Оренбурге «Учебное пособие» («Оку куралы»), в 1926 году – «Новый букварь» объединенными усилиями Ташкентской и Кызылординской типографий. В разное время филолог написал книги «Пособие по языку», «Из учебных пособий», «История культуры» и др. Как истинный просветитель, А. Байтурсынов собирал образцы устного

народного творчества и публиковал их. Так он составил, написал предисловие и выпустил в Москве дастан «Ер Саин» (1923), «23 причитания» (1926).

Мухтар Ауэзов определил значение «Сорока басен» как «слова в духе революции, впервые услышанные широкими массами казахов». Известные русские ученые востоковеды А.Е. Алекторов, Григорий Потанин (друг Чокана Валиханова) лично знали и ценили Ахмета Байтурсынова как писателя и ученого. Академик А.Н. Кононов причисляет его к плеяде отечественных тюркологов.

В разных жанрах создавал свои произведения Магжан Жумабаев. В 1912 году был издан в Казахстане первый сборник его лирических стихотворений «Шолпан», который сразу же сделал его популярным среди своего народа. Там же в 1922 году был выпущен второй сборник его стихотворений с предисловием Бернияза Кулеева. В 1923 году в журнале «Шолпан», выпускаемом в Ташкенте, в нескольких номерах опубликована поэма М. Жумабаева «Батыр Баян». Третья книга поэта в том же году под редакцией и с предисловием Султанбека Кожанова была издана в Ташкенте.

Магжан Жумабаев плодотворно занимался художественным переводом. В свое время им на казахский язык были переведены произведения Максима Горького, Всеволода Иванова, Д.Н. Мамина-Сибиряка и др. Вот почему великий пролетарский писатель хорошо знал казахского поэта, который оказался в далеких лесах Карелии. В 1924 году в переводе М. Жумабаева был издан сборник рассказов Горького на казахском языке. А женщина-ходатай, прибывшая к великому писателю с письмом, супруга поэта Зылиха-апа здоровствует и поныне. Ей 96 лет, живет в Алма-Ате, и принимает посильное участие в обнародовании неопубликованных произведений полностью реабилитированного, наконец, мужа.

В разное время в периодике публиковались статьи М. Жумабаева «Ахан-сери», «Слова Ахана-сери», «Аубакир аксакал Диваев», «Наурыз» и др.

Большое внимание Магжан Жумабаев уделял воспитанию и обучению подрастающего поколения. С этой целью он публиковал статьи на педагогические, психологические и методические темы в газетах «Казах», «Ак жол», «Сана» («Разум»), «Тан» («Утро»), «Айкап» и другие. В 1923 году в Оренбурге была издана солидная и содержательная книга М. Жумабаева «Педагогика». Его перу также принадлежат методические сочинения «Методика родного языка»

(Москва, 1925 г.), «Учебное пособие для взрослых» (Москва, 1929г.) и др.

Особо надо отметить, что среди переводов Магжана Жумабаева есть труд В.И. Ленина «Парижская коммуна» (Москва, 1925г.).

Мухтар Ауэзов признавался, что после Абая самым любимым поэтом считает Магжана Жумабаева за его «по-европейски блестящую выразительность» и далее подчеркивал: «Магжан – поэт высокой культуры».

В архивном фонде Дома-музея М.О. Ауэзова в Алма-Ате сохранилась анкета, собственноручно заполненная Жусипбеком Аймаутовым, где он дает довольно подробные сведения о своей жизни и творчестве. Он свидетельствует, что начал писать стихи с 13 лет. Анкета заполнена Ж. Аймаутовым в январе 1928 года, примерно за три года до его гибели. Здесь среди опубликованных и подготовленных к печати книг названы пьесы «Рабига», «Сылан кыз» («Кокетка»), «Мансапкорлар» («Карьеристы»), «Канапия и Шарбану», «Ел корганы» («Оплот народа»), «Шернияз», романы «Карткожа», «Акблек», учебники «Руководство к воспитанию», «Психология», «Психология и выбор ремесла».

Жусипбек Аймаутов своими переводами сделал достоянием народа ряд произведений А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, исторические труды Покровского и др.

В заключении комиссии ЦК Компартии Казахстана о Ж. Аймаутове сказано: «...На страницах газет и журналов тех лет он опубликовал серию статей по проблемам двуязычия, методики преподавания русского языка, совершенствования правописания, об интернациональном воспитании, что очень актуально в наши дни».

Вполне созвучно нашему времени перестройки 28 февраля с. г. в конференц-зале Союза писателей Казахстана проводился большой вечер, посвященный Ахмету Байтурсынову, где собрались наследники этих в 30-е годы репрессированных трех великих деятелей, которые думали об их судьбах...

**Семипалатинская областная газета «Иртыш»
за 11 июля 1989года.**



Миржакып Дулатов

Многие улицы нашего города Семей обрели новые имена: Куйбышева стала Кабанбая батыра, Калинина – Дулатова, Советская – Абая... Мы уже начали привыкать к новым названиям. Одни имена нам известны, другие – где-то слышали, а про иные с удивлением спрашиваем: а кто это?

В нашей публикации речь пойдет об одном человеке, имя которого в свое время было предано забвению, а сегодня оно широко известно. Это Миржакып Дулатов – поэт и писатель, журналист и общественный деятель начала минувшего XX века.

«Происхожу из Средней Орды, рода Аргын. Двух лет от роду лишился матери, в 12 – остался без отца. Когда мне исполнилось 8 лет, отец отдал на обучение аульному мулле – татарину, человеку крайне невежественному. Не помню, сколько времени учился у него. Знаю только, что кроме заучивания арабских молитв по афтияку, ничему не научился...». Так писал в своей автобиографии в 1914 году Миржакып Дулатов. Известно, что родился он в ауле Кызбел Тургайского уезда 25 ноября 1885 года, закончил казахско- русскую аульную школу и в 1897 году поступил в двухклассное училище в Тургае. Квалификация «аульный школьный учитель», полученная после окончания училища, дала ему право начать трудовую деятельность.

Обучая школьников, он понимал, как мало еще знает. Юный Миржакып увлекался историей, искусством, литературой, усиленно занимаясь самообразованием. «До 20-летнего возраста серьезного ничего не создал,...» - признается он в своих воспоминаниях.

Сколько же было радости, когда молодой человек увидел в свежем, еще пахнущем краской номере газеты «Серке», вышедшей впервые 1907 году на казахском языке в Санкт-Петербурге, первое свое стихотворение. Кстати сказать, вышло всего два номера этой газеты и после этого она закрылась.

Первые творческие успехи вдохновляли Миржакыпа, поэтическое дарование развивалось, как говорится, от стиха к стиху. И вот в 1909 году в Уфе вышел его первый сборник «Оян, казах»

(«Проснись, казах»), который быстро разошелся. А в 1911 году последовало уже второе издание этой книги.

Уже в первых стихах Дулатова сформировалась его гражданская позиция, а также определились цель и задача всего литературного творчества. Как сказал Мухтар Ауэзов, «Проснись, казах» - это одна из первых революционных книг, написанных казахом». Это хорошо понимало царское правительство. Потому-то и был конфискован тираж второго издания книги. Дулатов тогда находился в Семипалатинске. Здесь и настиг его арест и судебное разбирательство, а затем тюрьма, где ему пришлось протомиться более полутора лет. Стоит добавить, что общественными защитниками молодого поэта выступили довольно влиятельные в то время семипалатинцы: учитель, просветитель Нурғали Кульжанов и купец, меценат, построивший в Семипалатинске мечеть и школу, Рахметолла Елкибаев. Возможно, их выступления в суде и несколько смягчило наказание опального поэта. Ведь в то время куда только не высылали на долгие годы передовых людей с инакомыслящими взглядами.

Зная жизнь своего народа изнутри, Дулатова волновало судьба казахской женщины, существа беззащитного, бесправного, продаваемого, как вещь, за калым. Эта тема и легла в основу его первого романа «Несчастливая Жамал». Он-то и принес автору заслуженную и широкую известность.

Творчество Дулатова не замыкается лишь в жанрах поэзии и прозы. Он делает решительные шаги и в драматургии, и в 1922 году выходит в свет его 4-актная пьеса «Балкия». Занимаясь просветительской деятельностью, писатель создает и издает учебники для начальной школы: «Учебное пособие», «Пособие по математике» и другие. Они выдержали шесть изданий и дали знания не одному поколению казахских ребятшек.

Активное сотрудничество в средствах массовой информации давало в то время уже маститому писателю трибуну для выражения своих мыслей, мнения, отношения к жизни и общенародным ценностям. В разные годы он работал в газетах «Казах» (Оренбург), «Ак жол» (Ташкент), преподавал в институте народного образования в Оренбурге, работал политическим редактором в государственном издательстве Казахстана.

Миржакыпа Дулатова не миновала горькая чаша, которую пришлось испить многим советским людям с передовыми взглядами

В 1928 году его арестовало ОГПУ, и он получил десять лет лагерей. С февраля 1931 года он отбывал срок в печально известном месте – на Соловках, где через 4 года – 5 октября 1935 года – скончался.

Годы ареста тяжким бременем легли на душу и плечи верной и любящей жены Дулатова – Гайнижамал Баймураткызы. С невероятными трудностями ей удалось добиться свидания с мужем и два раза побывать у него в местах лишения свободы.

Имя талантливого писателя, публициста, общественного деятеля в советское время было предано забвению. Но не может исчезнуть след на земле, оставленный такими людьми, как Дулатов и подобными ему. Народ не забывает своих героев.

Уже в период независимости Казахстана, в 1991 году выпущены книги Дулатова, куда вошли его стихи, проза, драматургия и публицистика.

За десять лет независимости многие известные ученые занимались популяризацией творчества Дулатова. Среди тех, кто поднял на высоту имя одного из сыновей казахского народа, ученые-филологи Каюм Мухамедханов, Рабига Сыздыкова, Рымгали Нургалиев, Мухтар Магауин, Жумагали Исмагулов, дочь поэта Гульнар Дулатова, автор диссертации, кандидат филологических наук Марат Апсаматов и другие.

Остается добавить, что после смерти Миржакыпа Дулатова только через 58 лет удалось перевести его прах в Казахстан и достойно похоронить в родном краю.

Газета «Голос народа» за 30 марта 2001 г.



Жусипбек Аймаутов

В городе Семей издается республиканский журнал «Абай». Это периодическое издание возобновлено в 1992 году после 73-летнего перерыва. Журнал «Абай» основан в 1918 году. У него было два соредатора: Мухтар Ауэзов и Жусипбек Аймаутов. Но после двенадцати номеров издание было закрыто по идеологическим мотивам. Надо сказать, что Жусипбек

Аймаутов обладал разносторонним талантом и оставил бесценное наследие в разных отраслях литературы и науки. Он также был известным общественным и государственным деятелем. За годы независимости Казахстана Жусипбек Аймаутов полностью реабилитирован, а его творческое и научное наследие возвращено народу.

В Семипалатинске именем Жусипбека Аймаутова названа бывшая улица Пролетарская.

За свою сравнительно короткую жизнь Жусипбек Аймаутов (1889-1931) проявил себя как поэт, писатель, публицист, ученый, как государственный и общественный деятель. Он был человеком с энциклопедическим складом мышления, автором более десяти книг, около сотни научных и публицистических работ, множества художественных книг (романов, поэм, пьес и др.), учебников и учебных пособий по методике, педагогике и психологии, этике, эстетике и лингвистике.

Жусипбек Аймаутов родился в 1889 году в ауле Дандебай Павлодарского уезда Семипалатинской губернии. С 5 до 15 лет он обучался у разных аульных мулл. По его словам, «до 1917 года отец имел не более 6-7 голов скота». Однако, несмотря на нужду и материальные лишения, Жусипбеку удается окончить Павлодарскую русско-казахскую школу и Семипалатинскую учительскую семинарию, в которых в общей сложности проучился с 1911 по 1919 г.г. Семинарист Жусипбек Аймаутов тоже оказался в алашордынской организации, в составе которой он находился в 1917-1919 годах. Вскоре он участвует в укреплении и установлении советской власти в Павлодарском уезде. В январе 1920 года Ж. Аймаутов вступил в ряды большевистской партии. С этого времени начинается его интенсивная и целенаправленная литературная и общественная деятельность. Жусипбек Аймаутов стал делегатом учредительного съезда Советов Казахстана, членом коллегии Наркомпроса республики, заведующим ГубОНО, редактором газеты «Казах тили» (ныне «Семей таны»).

В 1922-1924 годах Ж. Аймаутов был учителем в Каркаралинской школе. Затем переехал в Ташкент, где сотрудничал в

газете «Ақ жол» («Светлый путь»), в 1926-1929 годах он работал директором Шымкентского педтехникума, в эти двадцатые годы он избирался членом Исполнительного комитета Казахстана и заместителем наркома просвещения.

Нелегко жилось исключительно одаренному, талантливому и образованному человеку – Жусипбеку Аймаутову. В 1925 году по различным доносам он был исключен из партии, привлекался к суду. Вскоре ему удалось оправдаться, но не надолго. В 1929 году Жусипбек Аймаутов был снова арестован по ложному обвинению в участии в подпольной националистической организации и через два года его постигла та же участь Ахмета Байтурсынова, Магжана Жумабаева, Миржакыпа Дулатова и др.

В архивном фонде Дома-музея М.О. Ауэзова в Алматы сохранилась анкета, собственноручно заполненная Жусипбеком Аймаутовым, где он дает довольно подробные сведения о своей жизни и творчестве.

По свидетельству самого Аймаутова, он начал писать стихи с 13 лет. Первая заметка об одном курьезном случае со спекулянтом, у которого ловкие аульчане растащили чай, пообещав избрать волостным управителем, была напечатана в 1913 году в газете «Казах».

Анкета заполнена Ж. Аймаутовым в январе 1928 года, примерно за три года до гибели. Здесь среди опубликованных и подготовленных к печати книг названы пьесы «Рабига», «Сылан кыз» («Кокетка»), «Мансапкорлар» («Карьеристы»), «Канапия и Шарбану», «Ел корганы» («Опора народа»), «Шернияз», романы «Карткожа», «Акбилек», учебники «Руководство к воспитанию», «Психология», «Психология и выбор ремесла» и др.

Опираясь на труды А.Ф. Лазурского, западных психологов Джеймса, Мюнстерберга, Штерна и др., Ж. Аймаутов разрабатывал свои уникальные концепции теоретического определения в психологии с учетом казахского национального менталитета. Значительный вклад он внес в создание и обогащение общетюркской психологической терминологии. В его интерпретации в науке закрепились, например, такие термины – любопытство-әуестік, душевные силы-жан қуат, воля-ерік, влечение-елігу, подражание-еліктеу и др. Его работы отличаются самобытностью, широким

использованием источников казахской культуры: материалов фольклора, богатого духовного наследия поэта-мыслителя Абая Кунанбаева. Его научные и методические труды имеют большое значение для упрочения национальной терминологии и освоения некоторых этнопсихологических проблем. Отдельные положения его трудов созвучны с сегодняшними проблемами, стоящими перед психологической наукой. До последнего ареста Ж. Аймаутову удалось выпустить такие книги, как «Педагогическое руководство – «Тәрбие жетекшісі» (Оренбург, 1924), «Психология и выбор профессии» – «Жан жүйесі өнер тандауың» (М., 1926), учебное пособие «Психология» (Кызыл-Орда – Ташкент, 1926), «Методы комплексной системы преподавания» – «Комплекспен оқыту жолдары» (1929) и др. В общем и целом Жусипбек Аймаутов по своему мировоззрению был вполне лоялен к советской власти. По случаю смерти В. И. Ленина он написал стихотворение жизнеутверждающего содержания в связи с таким горем общенародного охвата в свое время. Им переведен на казахский язык партийный гимн «Интернационал».

К тому же надо отметить что постановлением от 4 апреля 1919 года Всероссийский Центральный исполнительный комитет реабилитировал партию Алаш и деятелей правительства Алашорды. Однако Жусипбеку Аймаутову не удалось избежать карающего меча беспощадной репрессии...

Исследователь творчества Ж. Аймаутова Мекерия Айтимов считает что «его психологические и педагогические труды с лихвой составят три тома, а их перевод и публикация на русском языке станут большим событием в жизни тюркоязычных народов, ибо доселе подобных сочинений, написанных с учетом национальной специфики, они не знают».

Жусипбек Аймаутов своими переводами сделал достоянием народа ряд произведений А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Джека Лондона, Г. Уэльса и др.

Еще, к сожалению, не все произведения, научные и методические труды и переводы из богатейшего творческого наследия Жусипбека Аймаутова изданы после его полной реабилитации. Но это уже дело, надо полагать, недалекого будущего...



Магжан Жумабаев

В начале двадцатого века Магжан Жумабаев был одним из популярных в народе поэтов. Читающая публика и образованные люди того времени ставили его поэзию на второе место после Абая. Он считался основателем нового направления в литературе, синтезировав в своем творчестве достижения западной и восточной поэзии. Родился он в 1893 году в урочище Сасыкколь Сарыайгырской волости Кызылжарского уезда Акмолинской области (позже – совхоз «Молодежный» Булаевского района Северно-Казахстанской области).

Хотя отец поэта Бекен Жумабаев принадлежал к байскому сословию, был волостным управителем, трудная судьба Магжана началось рано, с юношеского возраста.

С 1906 года по 1910 год Магжан учился в медресе в г. Кызылжаре (ныне Петропавловск). Потом с 1913 года учился в татарском медресе «Галия» в г. Уфе. В 1916 году закончил Омскую учительскую семинарию, еще в семинарии Магжана признавали как поэта. Здесь он редактировал журнал литературного объединения «Бирлик» («Единство»).

Тогдашние лидеры Алаш-Орды привлекли его в свои ряды, введя в состав комитета, затем – в комиссию по составлению учебников для казахских школ и позже выдвинули кандидатом в депутаты учредительского собрания.

После изгнания из Омска белогвардейцев он редактирует газету «Бостандык туы» - «Знамя свободы». Работал и в Ташкенте: в газете «Ак жол» («Светлый путь») и в журнале «Шолпан» - «Венера».

Далее М. Жумабаев в 1923-1927 годах учился в Московском литературно – художественном институте, которым руководил поэт и выдающийся деятель Валерий Брюсов.

С 1927 года Магжан Жумабаев полностью переходит на преподавательскую работу, принимает участие в подготовке учебников для казахских школ.

Беда пришла в 1929 году. Внезапный арест и срок - 10 лет лагерей. Жумабаева обвинили в создании организации «Алка» («Круг»), которая якобы вела подпольную деятельность. На самом деле это была коллегия, созданная в 1921 году представительством Казахской АССР при Сибревкоме, а занималась она информационными и просветительскими делами. Однако в двадцатых и тридцатые годы необоснованных репрессий эта организация была признана контрреволюционной и члены ее были подвержены гонениям.

Магжан Жумабаев был сослан в далекие северные леса Карелии. Вызывают уважения его стойкость перед трудностями, а также находчивость и великая сила духа его жены Зылихи, преданной, любящей женщины, которая, невзирая на трудности с транспортом, приезжала к мужу в места заключения. За семь лет 14 раз.

Сняв квартиру в Ленинграде, она часто посещала мужа в Соловках. По его просьбе она доставляет ему в лагерь программу и литературу за курс среднего медицинского образования. Магжан Жумабаев успешно сдает экзамен и становится фельдшером медпункта, объединяющего несколько лагерей.

С помощью М. Горького и Е. Пешковой при посредничестве Зылихи- апа, которая доставила письмо Магжана в Москву, срок М. Жумабаеву был уменьшен на 3 года.

Именно в Москве, в доме №24 на Кузнецком мосту, в помещении «Политического Красного Креста» Зылиха или Зулейха Жумабаева услышала радостную весть: Магжан – на свободе! Шел 1936-й год. Но уже в следующем году Магжан Жумабаев был снова арестован. 19 марта 1938 года его расстреляли.

А бабушка Зулейха, которой в молодости поэт и супруг Магжан Жумабаев посвятил не одно стихотворение, дожила до полной реабилитации мужа и в возрасте 97 лет принимала посильное участие в публикации и обнародовании его классических произведений в независимом Казахстане.

В разных жанрах создавал свои произведения Магжан Жумабаев. В 1912 году был издан в Казани первый сборник его лирических стихотворений «Шолпан», который сразу же сделал его

популярным среди своего народа. Там же в 1922 году был выпущен второй сборник его стихотворений с предисловием Бернияза Кулеева.

В 1923 году в журнале «Шолпан», выпускаемом в Ташкенте, в нескольких номерах опубликована поэма М. Жумабаева «Батыр Баян». Третья книга поэта в том же году под редакцией и с предисловием Султанбека Кожанова была издана в Ташкенте.

Также Магжан Жумабаев плодотворно занимался художественным переводом. На казахском языке в его переводе увидели свет произведения Максима Горького, Всеволода Иванова, Мамина-Сибиряка и других русских писателей. Вот почему Максим Горький хорошо знал казахского поэта, оказавшегося в далеких лесах Карелии. В 1924 году в переводе М. Жумабаева был издан сборник рассказов Горького на казахском языке.

В разное время в периодике публиковались статьи М. Жумабаева «Ахан-сери», «Слова Ахана-сери», «Аубакир - аксакал Диваев», «Наурыз», «Алатау», «Из уст народа», «Хаджи-Мурат» и др.

Большое внимание Магжан Жумабаев уделял воспитанию и обучению подрастающего поколения. С этой целью он публикует статьи на педагогические, психологические и методические темы в газетах и журналах «Казах», «Ак жол», «Сана» («Разум»), «Тан» («Утро»), «Айкап» и др.

В 1923 году в Оренбурге была издана солидная и содержательная книга М. Жумабаева «Педагогика». Его перу также принадлежат «Методика родного языка» (Москва, 1925 г.), «Учебное пособие для взрослых» (Москва, 1929 г.) и др.

Среди переводов Магжана Жумабаева есть и труд В.И. Ленина «Парижская коммуна» (Москва, 1925 г.).

Но как при жизни Магжана Жумабаева, так и после смерти, в период запрета его имени, казахский народ почитал его как прежде всего большого поэта, великого и тонкого лирика.

Мухтар Ауэзов признавался, что после Абая самым любимым поэтом считает Магжана Жумабаева за его «по-европейски блестящую выразительность» и далее подчеркивал: «Магжан – поэт высокой культуры».

Ныне имя Магжана Бекенулы Жумабаева возвращено народу, его творчество изучается и глубоко исследуется, а произведения вошли в школьные и вузовские программы.

Әдебиет пен тарих үзетгілес еді ғой...

(Егеменді елімізде туып ержеткен жастарымыздың жадына)

Ғасырлар бойы ата-бабаларымыз қиялданып, қылыштың жүзімен, найзаның ұшымен арпалысып, барлық жан тәнімен, ой өрісімен аңсаған егеменді еліміз, дербес мемлекетіміз, ешкімге тәуелсіз Қазақстанның өзінің көк байрағын, ашық аспанмен түстес бостандық туын көтергелі де жиырма жыл болып қалыпты. Міне осындай айшықты кезеңде туып өскен ең бақытты ұрпақтың алды жекеменшік отау, өзінің жанұясын құруға да жарап қалыпты ғой. Ал енді қолда бар алтынның қадірі жоқтың кебін кимей, ендігі жас ұрпақтардың қазіргі заманның мол мүмкіншіліктерін мейлінше пайдаланып, толығымен қамтып, білімін молайтып, халқының тарихын тереңнен меңгеріп, рухани байлығының дүниежүзінің ешбір елдімекенінен, артып түспесе, кем емес екендігін аңғарып түсінуі абзал. Содан біздің туған еліміздің елестеген болашағы кең байтақ даламыздың көкжиектеріндей алдымыздан ашыла беретіні хақ.

Біз мектепте оқып жүрген кезімізде туған еліміздің, қазақ халқының тарихынан мүлде макрұм болдық десем артық айтқан болмас. Ұлы Отан соғысынан кейінгі кез, ауыр ахуал, жокшылық жағдай еді. Бірақ «Жеңіс» деген салауатты сөз кішіні де, үлкенді де керемет қуантып, басымыздлы көтертіп, өмір өрісіне деген үмітіміз кеудемізді кернеп, алға ұмтылуға мейлінше қолдайтын. Осындай күндердің бірінде орыс мектебінің тарих пәнінің мұғаліміне қазақ халқының тарихы туралы сұрақ қойылып еді. Қай мұғалім екені есімде сақталмапты. Ал оның мынадай жауабы есімде қалыпты: «Слово «казах» означает «отделившийся». Казахи в средние века отделились от узбекского народа». Керісінше өзбек халқы қазақ хандығының құрамында ғасырлар бойы болып, кейіннен бөлініп шыққанын тек есейе келе оқып білгенім бар еді. Мектептегі тарих пәнінің мұғалімі өз білгендігі бойынша жаңалық ашқандай тосын трактовка жасаған болуы керек. Себебі «казахи» деген атау орыстың «казаки» деген ұғымымен ұқсас болғандықтан өзінше солай пайымдағанды дұрыс деп тапқан шығар. Дегенмен мұндай қазақ

халқының тарихын келте қайыру тек Октябрь социалистік революциясынан кейін ғана Совет Одағындағы көптеген халықтардың көзін ашып, білім мен ғылым беріп, еңсесін Кеңес үкіметі көтерді деуге ыңғайлы еді.

Қайран балалық шақта мектептің жоғарғы сыныптарында оқып жүріп, өз ұлтыңның тамаша, үлгі аларлықтай қасиетін көбінесе Ұлы Отан соғысының сұрапыл қан майданында ұмытылмайтын ғажайып ерлік көрсеткен қазақ жауынгерлерінің іс-әрекеттері туралы жазған мақалалар мен кітаптардан оқып білетінбіз, керемет қобалжып, қуанып, ғибрат алатынбыз. Сондай мезгілде бір туысқанымыздың қызы арқылы қолыма Александр Бектің «Волоколамское шоссе» деген кітабы тиді. Қуанышымда шек жоқ. Аз уақытқа алған болатынмын. Қайран анамды керосинді көп жағып қойдың дегізіп күні-түні отырып оқып бітіргенім бар еді. Осы романдағы басты кейіпкер Бауыржан Момышұлы туралы мәліметтер, көріністер, эпизодтар менің балауса санамның төрінен мәңгі орын алып қалыпты.

Дәл сол кездерде біздің үйде пәтерде тұрған көрші орыстан алған кітапты сахнадан оқуға, эстрадалық орындауға арналған өлеңдер мен прозалық үзінділер топтастырылған екен. Солардың ішінен танымал ақын Евгений Долматовскийдің «Казахстан» атты жүрекжарды өлеңге тап болдым. Бұдан кейін бұл өлеңді өмір бойы еш жерде ешкімнен көрген де жоқпын, естіген де жоқпын. Сол өлеңнен ойымда қалған үзіндіні келтіре кетейін.

Когда ты говоришь о Казахстане,
В моей солдатской памяти встают
Не пастбища в подоблачном тумане,
Не белой юрты войлочной уют,
А дождь и подмосковные осины
И осень в горестной своей красе,
Когда судьба Москвы и всей России
Сошлась к Волоколамскому шоссе.
На том шоссе, на той дороге узкой
Плечом к плечу, как памятник в веках,
Стояли за Москву казах и русский,
Стояли насмерть русский и казах...

Кейіннен өткен ғасырлардың жетпісінші жылдары майдангер-жазушы Әзілхан Нұршайықовтің қазақша және орысша жарық көрген «Ақиқат пен аңыз» - «Истина и легенда» атты романынан ержүрек

жауынгер, қабілетті қолбасшы және белгілі жазушы Бауыржан Момышұлын бұрыннан да көп тани түстік.

Осылай әскери шығармалармен рухтанып жүргенімізде біз, сұрапыл соғыс жылдарының балалары, әсіресе әуе күш құралдарына, авиацияға өте – мөте құмар едік. Кеңес Одағының үш мәрте Ерлері, керемет қайсар ұшқыштар Александр Покрышкин мен Иван Кожедуб туралы жазылған кітаптарды іздеп жүріп оқитынбыз. Сол кезде екі мәрте Совет Одағының батыры, атақты ұшқыш – қазақ Талғат Бегілдинов туралы Сәуірбек Бақбергеновтің «Талғат» деген повесті және мақалалар оқылып, әскери ұшқыш болайын деген арман мүлде билеп алды.

Сонымен, сыныптас досым Борис Дурнобраговпен мектептің сегізінші класын бітіре салып, сонау Тәжікстандағы Ленинабад (қазір Ходжент) қаласында орналасқан «Спецшкола ВВС» деген әскери оқу орнының іргесінен бірақ шыға келдік. Сонда біз үш республиканы жалғыз өзіміз өтіп жүрген 15-16 жастағы балалар едік. Бірақ қазіргі тұрғыдан қарағанда балауса жас өспірім сияқты шығармыз. Соғыс кезіндегі балалар тез есейеді дейтін сөз де бар емес пе?!

Ал мына қазақтың эпосына немесе өткен ғасырдың бас кезіндегі әдебиетіне көз жүгіртсеңіз, кейіпкерлері, әдемі, сұлу, махаббат мәселесіне ұшыраған ұл-қыздары осы жастағылар екен. Мысалы, қазақ әдебиетінің алыбы Мұхтар Әуезовтің суреттеген жас Абай мен Тоғжан, Сұлтанмахмұт Торайғыровтың Қамар-сұлуы, Мағжан Жұмабаевтің «Батыр Баян» поэмасындағы қалмақ қызы Ноян және т.б.

Орта Азияның табиғаты өте әсем екен. Жағрафия оқулығынан мектепте көріп жүрген құлпырған Ферғана жазығы көз алдымызда болды. Өсіп, сынсып тұрған өрік, жүзім, алма ағаштары. Памир тауының бауырында ағып жатқан асау Сыр – Дарья өзені. Үстімізде шыттай киіндірген офицер формасы және иығымызда жарқыраған фольгамен көмкерілген погондарымыз бар еді. Бірақ адам баласы ең алдымен туған жерін, өз елін, ана тілін сағынады екен.

Бұл 1952-54 жылдар еді. Жазда арнайы мектептеріміздің курсанттарын қаланың сыртына ақ палаткалар құрып, әскери жаттығуларға алып шығатын. Соның бірінде ұзыннан ұзақ жайылып жатқан көкөніс алқабында қызылды – жасылды, түрлі түсті, көзге ұратын ала құла көйлек киген қыздардың шиқылдаған дауысын, көңілді күлкісін естіген соң бұлар кімдер деп сұрағаным бар еді. Сөйтсем олар қазақтың қыздары болып шықты. Олардың ауылдары

жақын жерде орналасқан екен. Ол арада туған өлкемді, ана тілімді, жақын туыстарымды керемет сағынып жүргенімде шек жоқ болатын. Сол кезде әскери басшыларымнан сұранып, әлгі қазақ ауылын тауып алып, бір қонып, әжептәуір мауқымды басып қайтқаным бар еді. Сонда тұрақтаған қазақтармен көп сұрастық, көп әңгімелестік. Қайтарда Жамбыл – атамыздың жүз жылдық мерейтойына арнап шығарылған үлкен де қалың бір томын ала келдім де, өзім оқыдым, қазақ жолдастарымызға да оқытқан едім. Кейін ол кітапты уәде бойынша ауылға апарып бердім.

Ең ғажабы әлгі ауылдың қазақтары жердің астынан үй қазып, соны жабдықтап, ескі салт – ғұрыппен өмір сүреді екен. Тек қана әрбәр отбасынан бір адам жергілікті колхозға тіркеліп қойып, еңбек етеді екен. Егер жастар үйленетін болса, бүкіл ауылдың еркектері жиналып жер астынан отау қазып береді. Міне оны да көрдім. Кейінірек біртуар ақынымыз Жұбан Молдағалиевтің қазақ халқы туралы «мың өліп, мың тірілген» деген ұлтжанды сөздері көңіліме бірден қонғаны содан болар.

Балалық шақта көріп білген әсерлер ең күшті болады дейді ғой. Жазғы лагерьде болғанымызда және күзгі кезеңде мақта теруге барғанымызда жолда жартылай бұзылып жатқан тас қоршаулар мен құлдыраған қамалдар кездесетін. Ойымда қалғаны, оларды біздің эрамызға дейінгі жергілікті сарбаздар мен тұрғындар айбынды қолбасшы Александр Македонскийдің осы жаққа бастаған жорығына қарсы құрған деп еститінбіз. Бұл тәжік халқы, парсы тілді ел сол көне заманда да өмір сүрген екен деп қайран қалатынмын. Бұдан басқа әр елдімекенде орта ғасырларда өмір сүрген белгілі ғалым, ұлы дәрігер Европада Авиценна деп кеткен Абу-Али-Ибн-Синаның бюстері, ескерткіштері кездесетін. Осы ата – бабасын ерекше қастерлейтін тәжіктер көшелер мен мектептерге атын қойғаны есімде қалыпты.

Дәл осы уақытта туған елімді қатты сағынғандықтан болар өлең жазуға деген құштарлығым пайда бола бастады. Арнайы оқу орнында бір жарым жылдай болған соң оныншы кластың орта тұсында реактивті ұшақтың пәрменін поэзия ұшағының тартуы жеңіп, Ертіс өңіріне қайта оралып, өзімнің бірінші сыныптан бастап оқыған мектебімді тәмәмдап, кәметтік аттестатты алып шықтым. Ілешала сол жылы Семей пединститутының филология факультетінің орыс тілі және әдебиеті бөліміне түсіп кеттім.

Тағдыр деген күрделі де қызықты болады екен. Сегіз жасымнан әкемнен айырылған мен сегізінші сыныптан соң кластасым Бориспен

алыстағы Сыр бойына барып, орта мектепті бітіру мақсатымен соғыстан кейін Суворов училищелері секілді панасыз қалған балаларға қамқорлық жасау үшін ашылған арнайы мектепте оқыдым. Кейін ол досым ұшқыш болды, бертін жоғары оқу орнын бітіріп, көп жылдары Борис Михайлович атанып, Семейдің, Алматының әуежайларын басқарды. Ал менің бақытыма орай дәл пединститутқа түскен кезімде 25 жылға сотталып, репрессияға ұшыраған ақын, драматург, абайтанушы – ғалым, Мұхтар Әуезовтың бірінші шәкірті Қайым Мұхамедханов түгелдей ақталып келіп, қазақ тілі мен әдебиеті бөлімінде дәріс беріп жүр екен.

Міне енді екінші курсқа көшкенде оқу министрлігінің ұйғарымы бойынша тек біздің ғана пединститутынан республика бойынша эксперимент ретінде кең профильді деген бөлім ашылатын болыпты. Оған барлық қазақ, татар студенттерін топтастырып, қазақ тілі мен әдебиеті және орыс тиілі мен әдебиеті пәндерінің мамандары боласындар деді. Біразы өз группаларына қашып кетті, олардың ішінде мен де бармын. Сондықтан әлгі топқа қайта оралуыма аялы ұстазым Қайым Мұхамедханұлының қамқорлығы мен үшін, менің болашағым үшін ерекше зор болды.

Сол кездегі біздің қазақ бөліміндегі ұстаздарымыз – нағыз тарихи тұлғалар еді. Қазақ тілі пәнінен дәріс беретін филология ғылымдарының кандидаты, доцент Тұрсынбай Ерғалиев – атақты Бөгенбай батырдың тікелей ұрпағы еді. Бұл кісінің үйінде (пәтерінде) үлкен кілемнің үстінен көлденең шашақталған ұзын найза ілулі тұратын. Сөйтсем ол біздің жас кезімізде аты атала бермейтін Қанжығалы Бөгенбай батырдың сақталып қалған найзасы екен. Практикалық қазақ тілінен сабақ беретін Ғалиакпар Төребаев – сол өңірде құрылып, қызмет атқарған «Ес аймақ» үйірмесінің беделді мүшесі, режиссеры және актеры болған, жазушы Николай Ановтың «Крылья песни» - «Ән қанатында» романының Ғали атты кейіпкерінің прототипі. Ал Қайым Мұхамедханов – ұлағатты ұстаз, ірі абайтанушы-ғалым, Қазақстанның әнұранының авторы.

Қайым-ағайдың лекциялары ерекше есте қалған еді. Әсіресе, Шоқан Уәлиханов туралы дәрісінде шаттана, қызықтыра мәлімдейтін. Саяхатшы, этнограф-ғалым ретінде ол жасырын түрде Қашғарияға барып қайтып, ғылыми еңбектерін жариялаған соң бүкіл Европаға танымал болды. осы құпия да жемісті саяхатынан кейін поручик, сұлтан Шоқан Уәлихановқа штабс – ротмистр шені беріледі, 4 дәрежедегі қасиетті Владимир орденімен марапатталады. Өкінішке

орай аса талантты, қазақтың біртуар ұлы Шоқан Уәлиханов ауыр науқастан соң небәрі отыз жасында қайтыс болған.

Бала кезімнен әскери оқуға жақын болғандықтан жауынгерлік мәселелерге өмір бойы бір табан жақын едім. Айтпақшы, ондағы арнаулылар (спецы) бірден мені «бала» деп лақап ат қойып, атап кетті: бойым сонда дереу өсіп, көзге ілгерліктей болып қалды.

Шоқанның әскери шенін білгеннен соң Абайдың Санкт-Петербург Михайлов артиллерия училищесін бітірген, көп үміт артқан сүйікті ұлы Әбдірахман қандай шенде болды екен деген сауал қызықтырады. Алдымен Семейдің уездік мектебінде, Түмен қаласындағы Александров училищесінде оқып, Әбдірахман Өскенбаев 1889-92 жылдары Михайлов артиллерия училищесінде оқып бітіріп, подпоручик деген әскери атақ алыпты. Бірақ өмірі қысқа болып, 1895 жылы Ташкенттің бекініс горнизонында небәрі 26 жасында дүниеден өтті.

Осының бәрін ұстазымыз Қайым Мұхамедханов жыр қылып айтып, санамызға құйып беретін. Бірде үйдегі кабинетінде өзінше мазасызданып, маған бұрылып бұлай деді: «Сендер не білесіңдер? Ештеңе білмейсіңдер. Қазақтың Аттила деген арғы бабасы болған. Ғажайып ақылды, адуынды қолбасшы қасиетімен жарты Азияны, барлық дерлік Европаны өзіне бағындырып, қол астына алған. Ал Шәкәрімнің баға жетпес дүниелерін әлі жарыққа шығаралмай жүрміз. Біз жоғары орындарға тәптештеп, оның баға жетпес мұрасын дұрыс көрсетіп, хат жазуымыз керек. Шәкәрім Лев Толстоймен хат алысып тұрған. Ол өлеңдерінің бірінде «мен Толстойдың шәкіртімін» деп тура айтқан. Хатта сол ақиқатты дұрыс көрсетуіміз қажет».

Ол солай болды да. Дайындалған хаттар Мәскеуге және Алматыға жіберілді. Басқа бұл іске ат салысқандар болған шығар, болды да. Ал ең бастысы, жүрекжарды аманатымыз орындалды. 1988 жылы үкімет пен компартияның қаулысы шыға сала екі баспа «Жазушы» мен «Жалын» Шәкәрім Құдайбердиевтің екі кітабын жарыққа шығарып, халыққа таратып жіберді. Бұл екі кітапты оқырмандар талап алды деуге әбден келеді.

Бірақ осы екі томға Шәкәрімнің «Қазақтың түп атасы» атты поэма – толғауы енгізілмеген. Жаңа ғана шығармашылық дүниесі ақталған ақынның бұл жұрт аңсап күткен екі кітаптың құрастырушылары қазақтың тарихын сонау көне дәуірден қозғайтын толғауды қосып жіберуден тартынған сияқты. Тек төрт жылдан соң 1992 жылы республикалық «Абай» журналы «Қазақтың түп атасын»

№1 санында толығымен басып шығарды. Міне сонда Аттила Мұнжықұлына арналған үш-ақ шумақ бар. Толық келтірейін.

Айтайын Әтелланың қылған ісін,
Сиқыр деп ойлаған жұрт қайрат, күшін.
Азияны түгел билеп, Европаның,
Көбі ауған Әтелладан қорыққаны үшін.

Әтелла Мұнжық ханның баласы еді,
Басы үлкен, кеудесі кең, аласа еді.
Мың бес жүз жылдай болды өлгеніне,
Оның да қылған ісі тамаша еді.

Қайтемін айта беріп, алған жерін,
Атаңның ойға түсер сондай ерін.
Қор болып осы күнде отырсаң да,
Қозғалсын өткенді ойлап іште шерің.

Осыдан соң жанталасып Аттила туралы, Рим империясы, гунн қозғалысы, Галлия тарихы туралы кітаптарды, мақалаларды, зерттеулерді көп іздестірдім. Семейдегі бір дүкеннің Новосібір кітап базасымен байланысы бар екен. Сондағы ұсынылған әдебиет тізімдері бойынша талай кітаптарды алғыздым. Сөйтіп бірсыпыра, мейлінше толық материалдар жинаған соң тәуекелге басып, «Аттила» атты көпактылы тарихи пьеса жазуға кірістім.

Аттила және гунндар туралы көптеген мәліметтер қалдырған латын және грек тарихшылары Аммиан Марцелин, Приск Панийский, Иордан және т.б.

Бір ғажабы, бүкіл Европаны дерлік өзіне қаратқан Аттила туралы көптеген жағымды көріністер мен нұсқаулар қалған. Герман және скандинав эпосында «Песнь о Нибелунгах», «Старшая Эдда» халық туындыларында гунн патшасы Аттила есімі өзгертіліп Этцел, Атли деген аттармен суреттелген. Ұлы итальян композиторы Джузеппе Вердидің 26 операсының ішінде «Аттила» атты өз кезінде жағымды пікірге ие болған шығармасы бар.

Менің «Аттила» пьесам «Абай» журналында 2000 жылғы № 2,3 сандарында орыс тілінде, 2003 жылғы № 1,2 сандарында қазақ тілінде басылып шыққан еді. Иншалла, оқырмандардың қабылдауы,

пікірлері дұрыс, жағымды болды. тіпті ол үшін марапатталғаным да бар.

Бұл жетістігімде ардақты да аяулы Қайым (Ғабдулқайым) Мұхамедханов – ұстазымыздың қамқорлығы мен көмегі ұмытылмайтындай зор болды. 2004 жылы 88 жасында Қайым Мұхамедханұлы – ағайымызды Шәкәрім даңғылы мен Шоқан Уәлиханов көшесі түйіскен жерде орналасқан әдемі үйден соңғы сапарға шығарып салдық. Мұның өзі де символ іспеттес емес пе деп кейде ойлаймын.

Осы орайда айтайын дегенім орыс тілді қазақ жазушылары еліміздің тарихын жаңартуымыздың ісіне, аударма бағытында, әдебиетіміз бен өнерімізді шет елдерге, дүниежүзіне паш етуге көп үлес қосып, еңбек сіңіргені хақ. Тек олардың кітаптарының аттарына қараңыздаршы: Әнуар Әлімжанов «Сувенир из Отрара», «Возвращение учителя» (Әл-Фараби туралы), өмірден ерте кеткен Шоқан Әлімжанұлы «Альфа гениальности», Сәтімжан Санбаев «Белая аруана» (отыздан астам шетел тілдеріне аударылыпты), Орынбай Жанайдаров «Шёл степью человек». Аудармашылық бағытпен табысты еңбек етіп жүрген Марат Әдібаев, Қайрат Бақбергенов Абай мен Шәкәрім туындыларын орыс тілінде оқырмандарға және шет елдерге жеткіземіз деп еңбектеніп жүр, оқулықтарға енгізді.

Біздің заманымыздан бұрынғы эраға созылып жететін қазақ халқының тарихында сақтар көсемі Ішпақаймен ең алдымен бізді таныстырып табыстырған атақты ақынымыз Олжас Сүлейменов өзінің «Глиняная книга» атты кітабы арқылы еді.

Былтыр балаларымыздың ұйымдастыруымен жұбайым, мектеп мұғалімі болған зейнеткер Күлзада Мағауияқызы екеумізге Сарыағаш шипажайына барып, емделіп, дем алуымыздың сәті түсті. Алғашқы барғанымызда біз орналасқан бірінші корпусың алдындағы шағын саябаққа кіре берісте Абу-Али-ибн-Синаның бюст-ескерткіші орнатылған. Сонан соң минералды сумен емдейтін бір бөлім ғимаратында Авиценнаның әдемі барельефы жапсырылып қойған екен. Ойымды сонау Тәжікстандағы Ходжентке жетелеген осы көріністер ғой деп ұйғарамын.

Енді әдемі безендірілген шипажайдың асханасына барсақ екі мың жылдан астам, біздің эрамыздан бұрын өмір сүрген атақты бабаларымыздан бастап өзіміздің замандастарға дейін белгілі адамдардың әсем портреттері ілініпті. Бір көрнекті батыр қызға

үніліп қарасам, бұл ибалы ханзададан төмен жазылғаны мынау: «Тұмар (шамамен б.д.д. 570-520 ж.ж.), сақтар көсемі Ішпақайдың ұрпағы, Мәдидің шөбересі».

Жаңағы саябақтың арғы бетінде, ардақты бабаларымыз Төле би, Қазыбек би және Әйтеке билердің мүсіндері орнатылған. Бұлардың жоңғармен соғысқандығы қазақтың үш жүздерінің басын қосып, елімізді аман сақтап қалудағы ролі жастарға мәлім шығар деп ойлаймын.

Егеменді Қазақстанда туып өскен жастарға айтайын дегенім бір мақаланың көлеміне сиятын емес. Біздің дәуірімізден (эрамыздан) бұрын өмір сүрген көне грек ғалымдары Геродот, Платондармен қатарлас тұрған Анахарсис заты скиф ғұлама бабамыз тағы бар.

Осындай мыңдаған жылдарға созылған түркі тілдес елдердің ішінде қазақ халқының тарихын меңгеріп алсақ, рухани байлығымыз молая түсіп, болашағымыз айқындалып, ашыла бермек. Мұндай ата – бабаларымыз ғасырлар бойы аңсаған егеменді ел болып, ерікті де еңселі мемлекет құрып, өзіміздің төл рәміздерімізді ардақтап, дүние жүзіне танытқан кезде тұңғыш президентіміз Нұрсұлтан Әбішұлы Назарбаев біздің заманымызда Ұлт Көшбасшысы деген үлкен абыройға ие болғаны кереметтей табыс та ардақты қиялымыздың орындалғаны деп білемін. Бұл тарихи дәуірдің бейнесі төл әдебиетіміздің болашақ парақтарында суреттеле беретіні айдай анық...

2010 жыл.

После полной реабилитации во второй половине двадцатого столетия крупнейшие деятели литературы и культуры казахского народа в местных и республиканских газетах «Семей таңы», «Вести Семей», «Қазақ әдебиеті», «Егемен Қазақстан», «Вечерний Алматы», «Казахстанская правда» и др. появилась рубрика «Возвращенные имена», по заданию которых были написаны и опубликованы эти отдельные корреспонденции: статьи, поэмы и эссе.

М.С.



Мухтар Ауэзов с друзьями в городе Семей, 1926 год. Первый справа- Смагул Садуакасов



В первом ряду (слева направа) : Х. Габбасов, М. Дулатов, А. Байгурсьнов, М. Ауэзов.

Во втором ряду: Ж. Аймаутов, А. Маргулан, А. Байтасов, 1926 год.

Жас Мұхтар Семейде

Бүгінгі таңда Мұхтар Әуезовтің шығармашылығының орны мен ролі тек қана қазақ әдебиетінің емес, бүкіл дүниежүзі әдебиетінің тарихында айқын анықталды да, берік өзінің айнымас тұғырын иемденді деуге әбден болады. Жазушы–академиктің өміршен де классикалық туындылары әлем халықтарының елу шақты тілдеріне аударылып таратылады. Мұқаң туралы естеліктердің екі қомақты том кітаптары жарық көріп үлгерді.

Енді бізді, ұлы Мұқаңның жерлестерін, әсіресе елеңдететіні де, қызықтыратыны да оның Семейдегі өмірі, жастық шағы, шығармашылығы, қызметі және жалпы біздің Ертіс өңіріне келіп-кету кезеңдері.

Өзінің өмірбаянында Мұхтар Омарханұлы былай деп жазыпты: «Менің аталарым ХІХ ғасырдың бас кезінде Орта Азия жақтан кел, Тобықты руына сіңіп кетіпті. Бұл – кәдімгі менің романымның қаһарманы Абай Құнанбаевтың руы.

... Он бір жасқа келгенде әкеден айырылдым да, мені Қасымбек ағай өз қолына алды. Ол кісі жас кезінде Камалетдин хазіреттің теріс бата бергеніне қарамастан, мұсылман медресесін тастап, орыс мектебіне ауысады. Сол ағай мені де Семейдегі бес кластық училищеге оқуға түсірді. Шыңғыс болысынан тағайындалған стипендияны алып тұрдым.

... Семейдің мұғалімдер семинариясын 1919 жылдың бас кезінде бітірдім де, Семей облысында совет үкіметі орнаған соң қоғамдық қызметке араластым. Алғаш Семейдің облыстық атқару комитетінде, одан соң Орынборда КазЦИК-те қызмет істедім. Сол кезде драматургия мен журналистикада өз қаламымның күшін де байқап жүрдім. 1922 жылдың күзінде Ташкенттегі Орта Азия мемлекеттік университетіне еркін тыңдаушы боп түстім. «Шолпан» журналымен байланыс жасап, сонда ескі қазақ ауылының тұрмыс-тіршілігі мен әлеуметтік құрылыстың сияқсыздығын суреттеген бірнеше әңгіме бастырдым.

Бір жыл өткен соң Ленинград мемлекеттік университетінің филология бөліміне түстім. Сонда 1828 жылға дейін оқыдым. Содан кейін Ташкенттегі Орта Азия мемлекеттік университеті Шығыс факультеті жанындағы аспирантураға түстім».

Әрине, қысқа қайырылып, өз қолымен жазған өмірбаянының сараң жолдары Әуезовтің біздің қаламызда оқу оқығаны мен қызмет

атқарғанының бас-аяғын егжей-тегжейліжеткізе алмайтыны әбден хақ. Ал енді біздің сол жылдарғы Мұқаңның өмір кезеңдерін анық білгіміз келетіні ешқандай күмән туғызбайды. Сондықтан ардақтың жерлесіміздің замандастарының естеліктерін және кейбір архив құжаттарын ақтара отырып, жазушының жас кезіндегі өмір баспалдақтарын мейлінше айқындап, мүмкіндігінше ретке келтірумен ұмтылып бара жатқан қатпарларын ашып беруіміз абзал.

Мұхтар Әуезовтің арғы атасы Бердіқожа әкесі Өскенбайға арнап атышулы, даңқы үш жүзге тарап кеткен ас берген Құнанбай мырзамен кездесіп, сұхбаттасуға өте тәнті болған екен. Сол игі мақсатпен бірде Бердекең сонау алыстағы Қаратаудан біздің Шыңғыстау өңіріне сапар шегеді. Бұл туралы Мұқаңның ағайыны және құрдасы Ахмет Әуезов өзінің естелік кітаптарында мәліметтер келтірген. Содан білгеніміз бойынша Бердіқожа Әбдіқожаның жалғыз ұлы болыпты, өзі өте оқымысты жан екен. Ол Қаратау өңірінде сыйлы, құрметті, абыройлы адам болған көрінеді. Міне сол Бердіқожа (Әуездің әкесі) 1852-1853 жылдары жолдасы Әбілғазымен Шыңғыстаудағы Құнанбайдың ауылына іздеп келеді. («Бала Мұхтар», 1967 ж., «Жас Мұхтар», Алматы, «Жалын», 1977 ж.). содан осындағы Бөрлі қыстауының қасындағы Аяққарған деген жерде 1897 жылы Омархан Әуезұлының отбасында Мұхтар деген бала дүниеге келеді.

Мұхтар Әуезов әке-шешесінен ерте айырылады: әкесі Омархан 1900 жылы қайтыс болады, ал анасы оның 15 жасында 1912 жылы дүние салады. Бұдан соң жас Мұхтарды Разақ Самарханның (Әуездің інісінің) ұлы түгелдей өз қамқорлығына алады.

Ал алғашқы бала Мұхтардың Семейде оқуға түсуіне бірден-бір көмекші, себепкер болған өзінің сонда оқып жүрген ағасы Қасымбек (Қаске). Бұл туралы Ахмет Әуезов былай деп жазады: «Омархан ағамнан беті қайтқан Қаске үлкен үйге Әуез атама келді. Қаске атама жайлап отырып әңгіме шертті. Орыс мәдениетінің озық екенін өзінің түсінігімен айтып берді. Мұхтардың да орысша білім алуына ұлықсат беруін өтінді. Атам Әуез Қаскенің бұл ойын теріс деп білген жоқ, қайта қоштай түсті. Атам өзі жақсы көретін алғашқы немересі Мұхтардың орысша оқып, білім алуына ұлықсат берді. Сөйтіп, Мұхтар 1907 жылы Семейдің 5 кластық қалалық училищесіне түсті». (А. Әуезов «Жас Мұхтар», А. «Жалын», 1977, 14 бет).

Осы күнге дейін сол алғашқы он жастағы Мұхтардың дәріс алған бессыныптық реалдық училищесінің әдемі ғимараты Абай

көшесінде, 76 (бұрынғы Больше – Владимирская, кейіннен Советская деп аталған) бой түзеп тұр. Онда қазір Семей радиотехника және байланыс колледжі орналасыпты. Сол ғимараттың қабырғасында қазақ және орыс тілдерінде мынадай жазумен ескерткіш тақта ілулі тұр: «Осында 1909-1915 жылдары жазушы, академик Мұхтар Омарханұлы Әуезов оқыды. 1897-1961 ж.ж.».

Осыдан он шақты жыл бұрын қазіргі педколледжде ілінген мемориалдық тақтада жас Мұхтардың оқыған жылдары алғашқы оқуының жалғасы ретінде төрт жылды қоса салумен жазылған болатын: 1915-1919 ж.ж.

Байырғы абайтанушы, ұлағатты ұстаз, профессор Қайым Мұхамедханов, архив құжаттарына сүйене отырып, өзінің тауып алған мұғалімдік семинарияның ведомсті бойынша Мұхтар Әуезовтің онда 1912-1913 жылында бірінші курсты үздік тамамдап, 1913-14 оқу жылы екінші курста оқығанын дәлелдеп берген еді. Бұл зерттеу еңбегі сексенінші жылдары «Мұхтар - семинарист» деген атпен «Семей таңы» және «Қазақ әдебиеті» газеттерінде жарияланған болатын.

Ал өзінің өмірбаянында және төлқұжаттарында Мұқаңның Семейдің мұғалімдік семинариясын 1919 жылы бітіргені ұдайы көрсетіліп келді.

1997 жылы республикалық «Абай» журналының ұсынуымен Мұхтар Әуезовтің Семейдегі өмірі, оқуы және қызметі туралы тың материалдарды іздестіруіме тура келді. Сол жылы журналдың төртінші нөмірінде орысша «Семипалатинские годы Мухтара Ауэзова» деген бес бөлімнен тұратын зерттеу эссем жарық көріп еді. Міне, сонда жас Мұхтардың Семейдің мұғалімдік семинариясында төрт жылдың орнына неліктен жеті жылға созылған екен деген әбден орынды сауал алдымда тұрды.

Сонымен, әртүрлі мәліметтерді салыстыра келіп, Семейдің мұғалімдік семинариясында Мұхтар Әуезов 1913 жылдан 1916 жылға дейін үзіліс жасауға мәжбүр болған екен деген қорытындыға келдік. Ондағы себептердің бастылары 1912 жылы анасы Нұржамалдың, 1913 жылы кенеттен қамқоршы ағасы Қасымбектің қайтыс болуы болса керек.

Қазіргі педколледж ғимаратының қабырғасындағы мемориалдық тақтасында былай деп дұрыс жазылған: «Мұнда 1912-1919 жылдары академик-жазушы Мұхтар Омарханұлы Әуезов оқыған». Ал Семей радиотехника және байланыс колледжі

орналасқан Абай көшесіндегі бұрынғы бессыныптық реалдық училищенің ғимаратында алғашқы теріс даталар осы күнге дейін түзетілмей, сол қалпында ілулі тұр. Ұлы жерлесіміз Мұхтар Омарханұлы Әуезовтің биылғы 110 жылдығы қарсаңында сол оқу орнында 1907-1912 жылдары дәріс алғаны дұрыс көрсетіліп, жаңа ескерткіш тақта ілінуі қажет-ақ.

Семейдің мемлекеттік архивында Мұхтар Омарханұлы Әуезовтің екі дербес іс қағаздары (личный листок) сақталған болатын. Олар бұрынғы кеңес дәуіріндегі белгілі идеологиялық байымдылықпен ешқашан еске алынбайтын және тіпті ешқайда жарияланбайтын. Ал олардың ішінде жазушының өмір жолына байланысты ерте кезеңіне ондағы шатастырылып айтылып жүрген даталарды түзету үшін өте қажетті де қызықты мәліметтер баршылық. Ол анкеталар «Абай» журналында жоғарыда аталған мақалада толықтау келтірілген еді.

Сонан соң 1995 жылы жабық болатын Семейдің партархивінен көңілді елең еткізген «Семипалатинский Губернский комитет Россической Коммунистический партии. Отчет за ноябрь-месяц 1921 года» деген құжат қолыма тиді. Соның екінші параграфында мынадай мәлімет берілген: «2. В течение ноября месяца в составе Губкома произошли следующие изменения: Губернской комиссией по проверке, пересмотру и очистке партии исключены из ее рядов т.т Галкин и Феофанов, которые вследствие этого выбыли из состава Губкома; тов. Ауэзов еще в октябре месяца выехал в Оренбург на съезд, где потом был оставлен для работы в качестве секретаря Кирцика». (СОГА, ф № 1 опись № 1, д.34, л84).

Осыдан соң Мұхтар Әуезовтің 1921 жылдың аяғында және 1922 жылдың бірінші жартысында Ташкент университетіне оқуға түскенге дейін Оренбургта болғаны айқындалады. Жас Мұхтардың коммунистік партияның мүшесі болған 1919-1921 жылдары да баяндалып тұр. Осы кезеңде ол Семейдің Губаткомның төрағасына дейін жоғарылайды. Біздің болжауымыз бойынша Ташкентке аттанар алдында Мұхтар Омарханұлы мейлінше ұзақ уақытқа туған-туысқандарынан қаражат жинап алу үшін Семейге оралады. Көп жылдар Мұқанның қасында болған, бірінші шәкірті саналатын Қайым Мұхамедханов қадірлі атамыз, ақын Шәкәрім Құдайбердиев өзінің Физулидан алып, «Нәзира» дәстүрімен жазылған «Ләйлі-Мәжнүн» атты төл дастанын сонда шығатын «Шолпан» журналына бастырып, гонорарын өзің пайдалан деп беріп жіберетін дейтін.

Расында, Шәкәрімнің «Ләйлі-Мәжнүн» поэмасы 1922-1923 жылдардағы «Шолпан» журналының № 2,8 нөмірлерінде толық жарияланған еді.

Осы орайда бала Мұхтардың Семей шаһарында Қазақстанда алғашқы ұйымдастырылған «Ярыш» футбол командасына қатысқанын айта кетуді жөн көрдік. Өмірінің соңына дейін Мұқаң Мәскеудің ауруханасында жатқанда көңілін сұрап барған жазушылардың айтуы бойынша әрқашан теледидардан футбол ойындарын көріп, қызықтап отырады екен. Оның себебі 1913 жылы елімізде алғаш құрылған «Ярыш-Жарыс» командасында бала Мұхтар центрхавбек немесе орталық жартылай қорғаушы болып ойнапты.

Бертінге дейін қазіргі Шәкәрім Құдайбердиев даңғылы мен Гоголь көшесінің қиылысындағы әдемі жер үйде «Ярыш» командасының ойыншыларының бірі, көп жылдар Семейдің «Алтайалтын» мекемесінде қаржы қызметінде болған Салах Хисматуллин тұрып еді. Ол өзінің естелігінде былай деп жазды: «Қалалық бес кластық училищеде оқып жүрген Зиядин Ырысбаев мені Мұхтармен таныстырды. Екінші рет мен онымен «Ярыш» командасының құрамасында кездестім. Бұл кездесуіміз кейін бізді етене жақындастырды. Тек қана қазақ, татар, өзбек балаларынан құрастырылған «Ярыш» командасы 1913 жылдың тамыз-қыркүйек айларында ұйымдастырылған болатын» («Семей таңы», 24.09.1977).

Өкінішке орай ұзақ уақыт Семейдің ГубОНО-сында, ағарту министрлігінде қызмет атқарған тағы бір «Ярыш» командасының ойыншысы Әміржан Ситдықовпен кездесіп, сұхбат құрудың сәті түспеді. Ол 1983 жылы Алматыда қайтыс болды. ал Салах Хисматулиннен тағы бір құнды мәлімет алып үлгеріппіз. Ленинградтың үш студенті түскен белгілі фотосуретте Мұхтар Әуезов, Әлкей Марғұлан бар. Ал үшінші студенттің аты-жөні белгісіз болатын. Хисматулиннің айтуынша, Мухамад Хабибуллин 1924-25 жылдары Семейде қазақ-татар жастар клубының меңгерушісі болып қызмет істепті. Бұл жылдары Мұхтар Әуезов оқуынан үзіліс жасап, Семейдің педтехникумында және басқа оқу орындарында дәріс берген.

Бұл кезең туралы жазушының жұбайы Валентина Николаевна Әуезова былай дейді: «Мұхтармен Ленинград университетінде таныстық. Біз екеуімізді 1923 жылы сол университеттің қоғамдық ғылымдар факультетіне, әдебиет лингвистика бөлімінің славян-орыс

секциясына түстік. Ол кезде қазіргі филология факультетінің аты осыншама ұзақ болатын!

Біз тек бірінші семестр бойынша ғана оқыдық, өйткені ол бір жарым жыл бойы Семейде қызмет етіп, оқудан үзіліс жасады. Мұхтар Ленинград университетіне 1925 жылы күзде ғана оралып, 1928 жылы бітіріп шықты. Мен университетті 1926 жылы бітірдім». («Біздің Мұхтар», 377 бет).

Бұл уақытта Мұхтар Әуезов орыс география қоғамының төрағасының орынбасары болып сайланды, ГубОНО-ның әдістемелік кеңесінің мүшесі болды және жергілікті мерзімді баспасөзінің жұмысына қатысты.

Сондай-ақ мұғалімдердің білімін жетілдіру курстарын дайындауға, «Қазақ әдебиетіндегі Абайдың орны» деген атпен баяндама жасап, ойшыл ақынның қайтыс болуына жиырма жыл толуына арналған әдеби кешті өткізуге белсенді түрде қатысқан екен.

Архив қорында Мұхтар Әуезовтің қазақ фольклорының туындыларын жинастыруға, ауыл тұрғындарының отырықшылануына, әдеби кештер мен мәслихаттарын өткізуге мұрындық болып, ұйымдастырғаны туралы материалдар сақталған.

Оның үстіне ол қалалық кеңестің мүшелігіне сайланып, кейде аудармашы жұмысын атқарып, әртүрлі жиналыстар мен отырыстарға қатысып жүргені аян болды. Мысалы, 1921 жылдың 14-15 наурызында өткен мұсылман әйелдерінің губерниялық съезінде «Кеңес республикасының экономикалық және халықаралық жағдайы туралы» деген баяндама жасапты.

Сонан соң 1925 жылдың күзінде М.О. Әуезов Семейден қайтадан жол тартып кетеді. Бұл туралы РГО—ны Семей бөлімінің екінші жартыжылдық есебінде мынадай қысқа ғана жазу бар: «Зам. Председателя М. О. Ауэзов в начале сентября выбыл в Ленинград для продолжения образования» (СОГА, фонд 415, 1, ед. хр. 32, связка 3).

Бұдан былай Мұхтар Әуезовтің мекен-жайы Семейден өмірінің соңына дейін мүлде өзгереді. Енді ол туып өскен шаһарына келіп-кетіп қана жүреді. Әртүрлі мәліметтер бойынша, бұдан кейін Мұқан біздің қаламызда 1926, 1940, 1945 және өзінің 60 жастық мерейтойында 1957 жылдары болған.

... Уақыт дегеніңіз зымырап өте береді ғой. Былай қарасаңыз жүз жыл дегеніңіз тарих үшін қас қағымдай-ақ шақ, бір ұзақ өмір сүрген адамның өмірімен пара-пар. Міне, сондай уақыттың өзінде Шоқан Уәлихановтің Семейде болғаны жайында ешнәрсе сақталып

қалмаған. Тек қана оның өзінің ұлы досы Ф.М. Достоевскиймен кездесіп, сұхбаттасып жүрген екі қабат үй ғана сақталып қалыпты. Ризашылық ететініміз онда қазір әлем әдебиетінің классигінің тамаша мұражайы бой көтеріп тұр. Оның қасында Ш. Уәлихановтің Ф. Достоевскиймен кездесуін бейнелейтін мәңгілік ескерткіш (Дм.Элбакидзе) орналасқан.

Әрбір адамның, әсіресе жазушының, ең қымбатты да қасиетті рухани қазынасы жас кезінде сұрыпталып, қалыптасады. Соны біз, ұлы жазушының жерлестері, есте сақтауымыз қажет.

М.О. Әуезовтің дербес іс – қағаздарында екі мекен-жайы көрсетілген. Комиссар (Қазір Бөгенбай батыр) көшесі, 70 және Больничная (Қазір академик Павлов) көшесі, 62. Әрине, әлдеқашан нөмірлері өзгеріп кетті, бірақ ол үйлер әлі де көзімізге ыстық көрінеді...

«Семей таңы»-ты, 2007 жыл.



Азильхан Нуршаихов и Мурат Султанбеков.
Семей, 2004 год

О популярности романов Азильхана Нуршаихова

Вначале хотелось бы немного остановиться на биографии писателя-фронтовика, одного из наиболее почитаемых в народе мастеров пера в истории казахской литературы. Азильхан Нуршаихов – уроженец Жарминского района бывшей Семипалатинской области. С четырнадцати лет приобщился к перу и начал публиковать стихи и корреспонденции в районной и областной газетах и в республиканском журнале «Пионер».

Интересен тот факт, что он отправился на фронт со студенческой скамьи, будучи студентом Семипалатинского педагогического института. С братским чувством благодарности Азильхан-ага вспоминал о том, что в то время ему удалось посещать лекции нашего всеобщего наставника Каюма (Габдулкаюма) Мухамедханова, ушедшего из жизни в 2004 году в возрасте 88 лет.

Будучи на фронте, сержант-артиллерист печатал свои стихи во фронтовых газетах. Известно, что Азильхан Нуршаихов в 1943 году написал стихотворное послание - толгау «Атамыз Жамбыл ақынға» - «Нашему акыну-патриарху Джамбулу», которое было опубликовано в газете «Социалистик Қазақстан». Оно получило настолько большой резонанс среди читателей, что Джамбул Жабаяев даже отозвался стихотворным ответом.

По окончании войны в 1945 году Азильхан Нуршаихов поступил на филологический факультет КазГУ им. С.М. Кирова, после чего занялся журналистской деятельностью. Он в те годы работал редактором Павлодарской областной газеты «Қызыл ту», заместителем редактора газеты «Социалистик Қазақстан» и главным редактором газеты «Қазақ әдебиеті».

Его первая книга очерков «В отдаленном районе» была издана в 1956 году, затем последовали первая повесть «Песня любви» (1964) и первый роман «Махаббат, кызык мол жылдар» (1970), названный в удачном переводе на русский язык «Годы радости и любви».

Многие русские классики, начиная с А.С. Пушкина и Льва Толстого, утверждали, что внутреннюю сущность художественного произведения определяют жизненная позиция, содержательная биография автора, его одухотворенность задуманной идеей. В том же духе о литературном труде отзывались и выдающиеся казахские писатели. В частности, Шакарим Кудайбердиев писал: «Одновременно ученый и вредитель-вот кто погубит народ». В данном высказывании великого поэта и философа заложена глубокая и логически жизнеутверждающая мысль...

И вправду, каков автор, такое и его произведение, художественное творение. С первых страниц романа «Годы радости и любви» перед читателем предстает демобилизованный фронтовик Ербол Есенов. После ожесточенных фронтовых будней он для продолжения прерванной войной учебы поступает на третий курс и вливается в студенческую семью, где в его группе, кроме одного юноши Жомартбека, были одни девушки. Попав в такую женскую среду, пропахший дымом и порохом, закаленный в боях воин Ербол поначалу чувствовал себя совершенно неловко и неуклюже, хотя ощущение в целом было такое, будто вдруг он попал в райские кущи.

Своеобразные параллели и сравнения фронтовой и студенческой среды наполнены юмором и запоминающимися смешными эпизодами. Но самое главное то, что автор настолько искренне повествует о происходящем, что произведение от начала до конца пронизывают достоверность и убедительность. Особенно трогательно и завораживающе прослежена и описана всепоглощающая любовь однокурсницы Ментай и отставного сержанта, а ныне студента Ербола Есенова.

Роман «Годы радости и любви», начиная с первого издания, стал среди читающей публики настоящей библиографической редкостью. Им зачитывались студенты многих поколений. Спрос продолжается, поэтому издательство «Атамура» Алматы в 2002 году полюбившийся роман выпустило еще раз тиражом в десять тысяч экземпляров.

Прежде, чем перейти к роману «Истина и легенда» хотелось бы немного вспомнить об его предыстории. В первые послевоенные годы среди нас, тогдашних школьников, очень популярной была повесть Александра Бека «Волоколамское шоссе», где главным героем был Баурджан Момыш-улы. О прославленной дивизии генерала Панфилова, внесшей значительный вклад в защиту Москвы и первому разгрому фашистских войск под столицей, ходили легенды. Тогда особенно много говорили и писали о двадцати восьми гвардейцах-панфиловцах, которые ценой своей жизни отстояли стратегически важный рубеж, которые в самый критический момент с последней гранатой в руке бросались под танк. Мы уже тогда, как молитву, повторяли слова комиссара Василия Клочкова: «Отступить некуда. За нами-Москва!» Мы безмерно гордились тем, что он был из Панфиловский дивизии, сформированной в Казахстане.

И вот тогда же, в пятидесятые годы прошлого столетия, случайно мне в руки попала толстая книга в твердом переплете, где собраны были произведения в прозе и в стихах для художественного

чтения или эстрадных выступлений. В этом томе мне бросилось в глаза стихотворение известного поэта Евгения Долматовского «Казахстан». Приведу отрывок, который помню наизусть до сих пор:

Когда ты говоришь о Казахстане,
В моей солдатской памяти встают
Не пастбища в подоблачном тумане,
Не белой юрты войлочный уют,
А дождь и подмосковные осины
И осень в горестной своей красе,
Когда судьба Москвы и всей России
Сошлась к Волоколамскому шоссе.
На том шоссе, на той дороге узкой,
Плечом к плечу, как памятник в веках,
Стояли за Москву казах и русский,
Стояли насмерть русский и казах...

В романе-диалоге «Истина и легенда» Азильхана Нуршанхова, как говорится, из первых уст ведется повествование о замечательной жизни с детских лет батыра, полководца и писателя Баурджана Момыш-улы, который после гибели генерала И.В. Панфилова достойно командовал его легендарной дивизией вплоть до Победы. За этот роман Аз-ага (Аз-мудрый) в 1980 году получил Государственную премию имени Абая.

В последние годы жизни, обосновавшись в Алматы, нередко Баурджан Момыш-улы разъезжал по нашей республике и миру, встречался с ветеранами и молодежью, стал плодовитым и популярным писателем. Из-под его пера вышли такие книги, как «За нами Москва», «Наша семья», «Тулеген Тохтаров», «Генерал Панфилов», «Кубинские впечатления» и др.

Иногда бывает так, что и такой прославленный и заслуженный человек, как Баурджан Момыш-улы, при жизни достойно не воспринимается. Достаточно сказать, что звание Героя Советского Союза было присвоено при непосредственном содействии нашего первого Президента Н.А. Назарбаева уже после его кончины. Мало того, ещё находились такие губошлепы, которые распространяли о нем разные нелепицы и язвительные прибаутки. Наверно, поэтому Азильхан Нуршанхов свой содержательный и прижизненный роман о Баурджане Момыш-улы назвал «Ақиқат пен аңыз» - «Истина и легенда»...

В последнее десятилетие Азильхан-ага в основном занимался выпуском из печати, распространением и популяризацией своего

последнего романа «Песнь вечной любви» (2005), посвящённого памяти незабвенной супруги Халимы, семье, детям, внукам и правнукам.

Услышав, что в тяжёлом состоянии находится фронтовой друг, полковник в отставке Мукан Омарбаев¹, с которым 4 года были вместе в период Великой Отечественной войны, Азильхан-ага полускрытно в Семей прилетел на самолёте. Мы, группа писателей, поэтов и журналистов, среди которых были Ырысхан Мусаулы, Риза Молдашева и Муратбек Оспанов, встретили его на аэропорту.

В тот приезд в Семей Азильхан Нуршаихов с улыбкой вспоминал интересный эпизод из поездки в Западный Казахстан, когда один из нефтянников, покупая второй экземпляр этой книги, сказал: «Роман «Песнь вечной любви» моя жена читает запоем и прячет под подушкой. Я решил купить личный экземпляр для себя».

Тогда же за обеденным столом одна женщина - поклонница творчества Нуршаихова заявила: «Роман Аз-ага «Годы радости и любви» я, пряча книгу, прочитала ещё школьницей. Прячала потому, что родители запрещали читать её из-за того, что в названии было слово «махаббат-любовь». Потом я узнала, что это - строка из замечательного стихотворения Абая».

По голосу и бодрому движению казалось, что наш дорогой писатель Азильхан Нуршаихов спокойно доживёт до 90 лет и достойно отметит свой славный юбилей. Но судьбе угодно было распорядиться так, что после Азиады, где он принимал участие с развёрнутым стягом Казахстана, тоже в возрасте 88 лет, как наш общий устаз Каюм Мухамедханович, ушел из жизни. Но Аз-ага, как и завещал, поселился на вечный покой рядом со своей дорогой Халимой в Ак-Кумбесе.

Вот уже больше года проходит, как нет среди нас дорогого Аз-ага, писателя-классика Азильхана Нуршаихова, но сердце отказывается верить этому и где-то рядом явственно слышится его живой голос, мягкий, тёплый и доброжелательный...

Семей, 2012г.

¹М. Омарбаев – один из героев поэмы А. Нуршаихова «Песнь вечной любви. Письма Халиме.» (Перевод на русский язык наш. - М.С.).

Ұмытылмайтын ғылыми жетекшім



Ең алғашқы рет белгілі профессор, аса көрнекті әдебиет танушы ғалым Бейсембай Кенжебаев туралы өзімнің ұстазым, Семей педагогика институтының филология факультетінде дәріс берген, аяулы Қайым (Ғабдулқайым) Мұхамедхановтан естіп едім.

1960 жылы пединститутты бітіреп кезімде менің бағыма мүдделі аспирантура /целевая аспирантура/ деген шықты. Сонда Мұхамедханов. К.М., Шаталин М.И., Травников В.И., Төребаев Г.Т., Воинова Р.М., Ерғалиев Т.Е., проректор Аманов Т.И. т.б. қамқорлығымен сол жазда дипломымды ала салып, Мәскеудің аспирантурасына түсіп кеттім. Сонда бір жылдың ішінде кандидаттық минимумды тапсырып болып, «Мұхтар Әуезовтың драматургиясы» деген кандидаттық диссертациямның тақырыбын бекітіп алдым.

Кейін білдім, Бейсембай Кенжебаев ұстазымыз да жас кезінде Мәскеуде оқып, тіпті біріспыра жылдар "КСРО Жоғарғы Кеңесі ведомствосында" қызметте болыпты. Оныңыз бүкілодақтық астанада дүниежізілік әдеби процестің қайнаған ортасында жүріп, танымал шығыстанушы-ориенталистер Бартольд, Малов, Жирмунскийлерді жақсы біліп, ғылыми еңбектерін тереңінен қамтыған деген сөз.

Өзім Мәскеуде оқып жүрген кезімде "Дружба народов" журналының поэзия бөлімін атақты ақын Ярослав Смеляков басқаратын. Бір күні сол кездегі Қазақстан жазушылар Одағының Мәскеудегі уәкілі, қарымды жазушы, танымал абайтанушы Тәкен Әлімқұлов мені жетектеп апарып сол Смеляковпен таныстырды. Міне гажап, жастықтың қиялы ойнайтын болу керек, сол уақытта Ярослав Васильевичтің қолын ұстап, амандасып жүргенде Владимир Маяковский, Сергей Есениндердің қолын ұстағандай болатынымын. Себебі Ярослав Смеляков жас шағында солардың қасында жүрген ғой. Мына кездерде орта бойлыдан сәл төмен, кең нықты, терең ойлы көзі бар, әжептәуір шау тартқан болатын.

Мәскеуде оқып жүрген аспиранттар әртүрлі әдеби-ғылыми оқыйғаларға қатысып жүреді екен. Бірде А.М.Горький атындағы

Дүниежүзілік әдебиет институтында кеңестік көп ұлтты әдебиетінің тарихын бірнеше том етіп шығаруға байланысты үлкен жиналыс өтетін болды. Барсам, онда Қазақстаннан келген әдебиетші-ғалымдар Есмағамбет Исмаилов, Евгения Лизунова және т.б. жүр екен. Сол жолы Есмағамбет-ағамен танысып едім.

Ол мәжілістің соңында Ес-ағаң мені жетектеп алып президиумда отырған Г.И. Ломидзе деген атаулы ғалыммен таныстырғаны ойымда қалыпты. Ал содан тағы да ойымда қалған мәселе мынадай. Прибалтикадан келген бір ақбасты ғалым мінбеден сөйлеп тұрып, өзінің ренішін білдірді. Ол өзінің туған әдебиетінің тарихи ахуалын айта келіп, әдетте көш бастаушы ғалымдар Балтық теңізінің жағалауында орналасқан елдердің әдебиеттерін жалпы "Прибалтийская литература" деген атауды қолданатынына келіспейтінін айтты. Демек литва, латыш, эстон халықтарының әрбіреуіне өзіне сай бөлек тарихы, мәдениеті және әдебиеті бар екенін айқындап бергендей болды.

Содан 1970-74 жылдары Мәскеудің "Наука" баспасынан шыққан алты томдық, үлкен форматты, қалың мұқабаға түптелген, әдемі безендірілген кеңес әдебиетінің шолу еңбегі "История советской многонациональной литературы" деген атпен қолымызға тиіп еді. Осы айтарлықтай үлкен басылымның он үш адамнан тұратын бас редакциясының құрамында Қазақстаннан заңғар қаламгеріміз Ғабит Мүсірепов болды. Ал осы ұзақ дайындалған, көптен күткен фолианттарда "Казахская литература" деген бөлімін белгілі ғалымдарымыз Есмағамбет Исмаилов, Мырзабек Дүйсенов және Тұрсынбек Кәкішев жазған еді.

Кандидаттық миннумда тапсырар кезде де, одан кейін де біз, аспиранттар, Орталық, Кремльдің маңайында орналасқан В.И.Лениннің атындағы кітапхананың кеңбайтақ та зәулім ғылыми залыда тәңертеңнен кешке дейін болатынбыз. Оны біз "Ленинка" деп атайтынбыз. Оның аспанға жететіндей ғимараты /небоскреб/ болатын. Соның барлығында тіпті астыңғы подвалына дейін бүкіл әлемде атам заманынан бері жарық көрген басылым атаулылар табылады деп еститінбіз де алғызып пайдаланып та жүретінбіз.

Міне жоғарыдағының бәрін еске түсіріп отырғаным Мәскеудің әр адамға үлкен мәдени де ғылыми мегаполис ретінде дүниетанымын кеңейтіп, керемет әсер ететінін айтайын дегенім еді. Өкінішке орай ондай жағдай маған екі жыл мерзіміне ғана бұйырыпты, 1962 жылғы белгілі Куба кризисына орай жасы келіп тұрған жастарды жаппай

әскер қатарына алатын болыпты. Сонда қиыр шығыстағы Тынық мұхит флотынан бірақ шығып едім. Кейін ондағы әскери қызметім туралы "Синий меридиан" деген повесті жазып едім. Ол өзі бір бөлек өмір кезеңі ғой.

Ал осындай айтарлықтай мегаполисте, Мәскеудің өзінде, өткен ғасырдың бірінші жартысында білім алып, одан кейін қызметте болып, он жылдан астам уақыт өмір сүргенде біздің Бейсембай Кенжебаев ұстазымыз қаншама атақты ақын-жазушылармен кездесіп, ұлы ғалымдармен жүздесіп, нендей ұшаң теңіз гибрат алды десеңізші...

Екі жылдан астам әскери борышымды атқарған соң офицер флота деген атаққа экстерном емтихандар тапсырып, 1964 жылдың желтоқсан айында аман-есен еліме оралдым. Үйге қайтқаннан кейін ең алдымен көкейімді тескен мәселе ол дереу ғылыми жұмысымды әрі қарай жалғастырып, әйтеуір бір тиісті нәтижеге жеткізсем деген еді. Соя уақытта ғылыми жағынан ептеп бабыма келу үшін күн сайын дерлік Қайым Мұхамедханұлы ұстазымыздың пәтеріне барып, әңгімелесіп, кеңесіп, консультациялар алып қайтатынмын. Әйтеуір соның нәтижесінде деп білемін 1968 жылы Мәскеуде шығатын "Вопросы литературы" атты бас ғылыми журналдың алтыншы нөмірінде менің "Открытие ранней литературы казахов" /жас кезімде тек орыс тілінде ғана жазатынмын/ деген атпен жарқ етіп "Көне әдебиет нұсқалары" деген кітапқа менің рецензиям шыға келді. Бұл керемет оқулықты сонау түрік қағандары Күлтегін, Тоньюкуктерден бастап зерттеп, құрастырған С.М.Киров атындағы /қазір Аль-фараби атында/ Қаз МҰДың қазақ әдебиеті кафедрасының меңгерушісі, профессор Бесембай Кенжебаевтың басшылығымен ғалымдар Ханғали Сүйіншалиев, Мырзатай Жолдасбеков, Мұхтар Мағауин және Қабіболла Сыдықов екен. Ол уақытта мұндай жаңалыққа қарсы шыққан ғалымдар да болыпты. Оны мен кейінірек білдім. Олардың кредосы - қазақ әдебиетінің тарихын Бұхар-жыраудан бастаған жөн дейді екен. Міне осындай да парадокс болған еді.

Бұдан бірер жыл бұрын ең алғашқы кафедраға барып таңысқанымда профессор Бейсембай Кенжебаев ағамыз ұлағатты ұстаз, ұлы ғалым ретінде бірден кереметтей әсер ететін. Кейбір үлкен жиналыстарға немесе мерекелер күндері кеудесіне Ленин орденін тағып жүретін еді. Ең алдымен ғылыми еңбегімді орыс тілінде жазатынымды келісіп алдым. Оған қарсы болған жоқ, бірақ тақырыбыма орай күдік білдірді, Оның себебі Рымғали Нұрғалиев

деген жас ғалым, бұрыннан өзіме таныс жерлесім, біраз уақыттан бері Мұхтар Әуезовтың драматургиясымен шұғылданып жүр екен. КазМУға бара қалып едім, бірден Рымғали кездесе кетіп, мына Семейдің қазағы қайдан жүр деген қуанышты дауыспен қарсы алды. Сүйтсем ол кезеңде Рымғали Нұрғалиев /кейін академик, Абай атындағы Мемлекеттік сыйлықтың лауреаты болды/ өзінің докторлық диссертациясын қазақ драматургиясының тарихы бойынша дайындап жүр екен. Ал Мұхтар Әуезовтың пьесалары туралы кітабының қолжазбасын "Жазушы" баспасына тапсырып та қойыпты.

Ол кезде мен Семейдегі Республикалық Абай мұражайында қызмет істейтінмін, Ақылбай Құнанбаевтың "Дағыстан" поэмасын орыс тіліне аударып, Ярослав Смеляков, Такен Әлімқұлов, Қайым Мұхамедханов сияқты белгілі ақындардың дұрыс пікірлерін алған болатынмын.

Сонымен, Бейсекең-ағамыздың қамқорлығымен мейлінше аз уақыттың ішінде ғылыми жетекшім профессор Есмағамбет Исмаилов болып, ақылдасып алған тақырыбым "Поэмы Абая и вопросы сюжетно-романтической поэмы конца XIX начала XX-го веков" қазақ әдебиеті кафедрасында бекітіліп, үлкен қуанышпен үйге оралдым.

Біздің жаққа 1968 жылдың жазында Рымғали Нұрғалиевтің демалысқа келгені әлі есімде. Сонда бояуы кеппеген жаңа шыққан "Трагедия табиғаты" деген тамаша кітабына бұлай деп жазыпты: "Ұлы Абай мұрасын зерттеуші ғалым жерлесім Мұратқа. Автор Р.Нұрғалиев. 13.ҮІІІ. 68. Семей."

Ол тұста Семейдегі Абайдың әдеби-мемориалдық мұражайының директоры болып, кезінде өте танымал, жаңашыл ақын Кашаф Туғанбаев қызмет атқарған еді. Н.К.Крупская атындағы Семей пединститутының ректоры, ҰОС-ның ардагері Александр Антонович Курочкин мені оқытушылық қызметке шақырып болмай қойды. Сонда Кашаф-ағаның айтқаны мынадай еді: "Басқа орынға сені жібермес едім. Пединститутта болашағың зор, ғылым кандидаты боласың. Бұл талпынысыңды құптаймын, босатайын."

Осы жылдары оқытушылық қызметке төселіп, диссертациямның негізгі денін аяқтап қалғанымда төбемнен жай түскендей профессор Есмағамбет Исмаилов қайтыс болыпты деген суық хабар келіп жетті. Қайғы мен дағдарыс басымды шыр айналдырды. Біраздан соң есімді жинап, тиісті қағаздарымды қолтықтап Алматыға жеттім.

Өмірде әрқашан күтпеген оқиғалар болып жатады ғой. Профессор Бейсембай Кенжебаев менің ғылыми жетекшім болады деп ойлағаным жоқ. Тек армандайтынмын. Өзінің шәкірті, филология ғылымдарының кандидаты, онда *"Жазушы"* баспасының бас редакторы қызметін атқарып жүрген Мұхтар Мағауин /қазір Қазақстанның Халық жазушысы, Абай атындағы мемлекеттік сыйлықтың лауреаты/ телефон шалып, сөйлесіп көріп еді, көпке бармай келісе кетті. Мұхтар да қуанышын жасырмай, Бейсекеңнің үйінің адресін беріп, тез жет, келсін деді деп шығарып салды.

Ең алдымен ендігі ғылыми жетекшім, профессор Бейсембай Кенжебаев менің диссертациямның жоспарымен танысты, үш тарауының әрбіреуінен фрагменттер оқытып тыңдады. Сонан кейін алғашқы екі тарауын сәл толықтырып, Ақылбай мен Мағауия Құнанбаевтар дастандарына, Әсет Найманбаев, Мұхамеджан Сералиндердің поэмаларына арналған үшінші тарауын керісінше ықшамдауға кеңес берді. Оның себебі бұл ғылыми еңбегімнің атын өзгерту қажет екенін түсіндірді, де аты қысқартылып "Поэмы Абая" деп қойылғаны дұрыс екенін айтты. Бұрынғы атына дағдыланып қалған мен қиналып, профессор Есмағамбет Исмаилов өзі осылай ататқанын көлденең тарттым. Сонда ол кісінің дәлелі былай еді: "Марқұм Есмағамбеттің білімі ұшаң-теңіз еді ғой. Сенің тақырыбың кандидаттық диссертацияның жүгін көтеретіндей болғаны ғана қажет." Үлкен ғалымның өзінің әріптесінің дәрежесін осылай жоғары бағалауы онда отыз жастан жаңа ғана асқан мен үшін зор ғанибет еді.

Тағы бір кездескенімізде қазақ фольклорын терең де мұқият зерттеп жүрген Сейіт Қасқабасов деген жас ғалым бар, соның еңбектерін оқып, сілтеме жаса, үйткені қазақ поэмасының түбі халық эпосында жатыр ғой деді.

Біздің Бейсекең-ұстазымыздың шәкірттерінің ішінен Мырзатай Жолдасбеков, Рымғали Нұрғалиев, Арап Еспенбетов, Құлбек Ергөбеков және тағы басқалары кейін филология ғылымдарының докторы, профессор атақтарына ие болды. Академик Сейіт Қасқабасов біраз жылдар бойы М.О.Әуезов атындағы ғылыми-зерттеу әдебиет және өнер институтын басқарып еді.

Енді Бейсекең-ағамыздың жан-жолдасы, жүріс-тұрысы, сөз саптауы өзіне ұқсаған жұбайы, адал серігі Меңжамал-жеңгей туралы біраз естелік айтпасам болмайды.

Осы күнге дейін қазақша сөйлейтін татар қызы Меңжамал-апайдың толықша келген тұлғасы, күлімсіреген келбеті, өте мейірімді жүзі көз алдымнан анық көрінеді. Анда-санда шайға шақырып, қызықты әңгімелер айтатын. Әсіресе балаларының жетістіктерін мақтанышпен баяндап отыратын. Ойымда калғаны, бір қыздары үлкен ғалым-химиктің ұлына тұрмысқа шығыпты, бір ұлдары Алматы облысында суретші ретінде аудандық мәдениет үйін тамаша безендірген екен. Қонақжайлы Кенжебаевтар дастарқанынан талай атақты адамдар дәм татқан көрінеді. Солардың ішінен мені әсіресе елең еткізетіндері Мухтар Әуезов пен Бауыржан Момышұлы туралы әңгімелері еді. Бірде Ұлы Отан соғысының ардагері, керемет қолбасшы, аты аңызға айналған Баукен-аға жұрттың алдында Бейсекең біздің әлі тұғырынан түскен жоқ, Бейсекеңе жас әйел, жас тоқал әпереміз деп болмай қойыпты. Сонда Меңжамал-апайдың тауып айтқаны; "Ол атадан келе жатқан қазақтың дәстүрі ғой. Мен оған қарсы емеспін. Тек қана кейін өзің қызығып, ұрлап алып, қашып кетпесең болды". Әлгі жерде жиналған зиялы қауым ду күліп, қарық болып қалыпты.

Мұхтар Омарханұлы жас кезіндегі Ертіс бойындағы ойын-сауық қурып жүрген Әмре Қашаубаев, Иса Байзақов, атақты палуан Қажымұқан Мұнайтпасовтарды, Нева жағасында Ираклий Андронников сияқты студенттік достарын еске алып отырады екен. Кейде үлкен ғалымдар, оқулықтардың авторлары, профессорлар мен академиктер В.Бартольд, В.Щерба, Виноградовтардың дәрістерін филологияға орай, әсіресе қазақ әдебиетінің тарихына байланысты қажетті мағлұматтарды айтып отырған.

Кенжебаевтар әулеті маған дегенде ерекше ықылас бөліп, мейірімді камқорлығына бөлегенінде екі негізгі себептер бар ғой деп ойлаймын. Біріншісі, менің орыс мектебін бітіріп, орысша тәрбиеленіп өсіп, көп қулық-сұмдықты біліңкіремей, мейлінше адал, тура да әділ жүруімде болу керек. Екіншісі, сонау Қиыр Шығыстағы Тынықмұхит флотында әскери борышымды атқарып келген мен Алматыдағы әдеби және ғылыми орта туралы ештеңе білмейтінім байқалған болу керек.

Бейсекең-ағаның осыншама зер салып, жетекшілік көмек жасағанына риза екенімді айтамын деген көңілмен мен сіздің жақсылығыңызды шамам келгенше қайтарармын деп қалғаным. Бұл сөзімді телефон,сірә, "көтермей" қалды.

Енді сағат нешеде барайын деп сұрайын десем, телефон қиқылдап-шиқылдап қалды. Содан кейін біраз уақыт дел-сал болып

жүрдім де қошайтсайын деп замандастарым-армандастарыма барып, әдеби шығармашылықта, ғылым жолында жақсылығыңызды қайтарамын деймін деп Бейсекең-ағамызды байқамай теріс қойып алғанымды айтқанда, олар қарқылдап күліп, әлі бала екенсің ғой, телефонмен ойланып сөйлесу керек, үш әріп деген бар ғой деді. Кейін түсіндім, бұл да ұмытылмайтын ғылыми жетекшімнің сол тоталитарлық жүйе кезіндегі тағы бір ауадай қажет сабағы болған екен.

Сонымен, өзімнің ғылыми жетекшім, профессор Бейсенбай Кеңжебаевпен қайта табысқаннан соң шамамен бір жылдай уақыттың ішінде сол үйдің баласындай, Бейсекең-ағаның туған інісіндей болып кетіп едім десем артың айтқандық болмас. Сол кезде ең жас филология ғылымдарының докторларының бірі болатын, әрі жазушы Мырзабек Дүйсенов, қалың қара шашы артқа қайырылған абайтанушы-ғалым, жас ғылым кандидаты Мекемтас Мырзахметов менің "Абай поэмалары" атты диссертациямның оппоненттері болып тағайындалды. Көп кейін білдім, Мырзабек-ағаның танымал жазушымыз Әзілхан Нұршаиховтың "Махаббат, қызық мол жылдар" романының бас кейіпкерлерінің бірі Жомарттың прототипы екенін. Көпке дейін Мырзекеңмен хат алысып тұрдық, Алматыдағы Астрономическая кешесіндегі пәтерінде болғаным да бар еді. *Өкінішке* орай, 1988 жылы алпыс жасқа қараған шағында белгілі жазушы және ғалым Мырзабек Дүйсенов бұл дүниеден кенеттен өтіп кетті. Бұл мен үшін үлкен қайғы болып еді.

Қазіргі профессор, академик, кеңінен әйгілі абайтанушы-ғалым Мекемтас Мырзахметов ол уақытта Жиырма сегіз гвардияшыл-панфиловшылар атындағы саябақтың қасындағы студенттік жатақхананың бір бөлмесінде тұратын жас оқытушы болатын. Әзер тауып алып, барсам, ол кісі үйінде жоқ екен. Біраз күтуге тура келді. Есесіне Мекемтас-аға мұқият мән-жайымды сұрап, Баукең-ағасының үйінде азды-көпті кідіріп қалуына тура келгенін айтты. Аты аңызға айналған Бауыржан Момышұлының үйінен келдім, туысқандығымыз бар еді дегені ол даңқты адамды бір көруге зар болып жүрген маған керемет әсер еткені ойымда қалыпты. Содан диссертациямның түптелген бір данасын *Мекенге* беріп, жататын үйіме оралдым. Менің ол Алматыға барғанда жатып жүретін үйім белгілі журналист, ардагер ақын, өзімнің жақын жездем Сәду Машақовтың пәтері еді.

Енді диссертациямның сыртқы пікір /внешний отзыв/ дегені бар екен. Абайтанушы-ғалым, профессор, кейіннен академик, Қазақстан

ғылым Академиясының вице-президенты болған Зәки Ахметов ол кезде Қыздар пединститутының /ЖенПИДін/ әдебиет кафедрасының меңгерушісі екен. Сонда бардым. Біраз уақыттан кейін қажетті ресми қағаздарымды алайын деп барғанымда, Зәки-аға Мәскеудің бір ғылыми жинағында Абайдың "Масғұт" поэмасы туралы басылып шыққан мақалсын ұсынып, мынаны авторефератыңа сілтемемен еңгіз, орынды болады деді. Сонан соң өзі басқаратын кафедраға оқытушылық қызметке кел деп шақырды. Оған іштей қатты риза болсам да екі кішкене балам барын, жақында үшіншіні күтіп жүргенімді айтып, жатақканададан бір бөлме алып беруін сұрадым. Оған Зәкең біздің оқу орны Қыздар пединституты - ЖенПИ деп аталады, бұл жатақканада тек қана студент қыздар бірінғай тұратын болсын деген ережеміз бар, сондықтан оқытушыларға одан ешқандай бөлме берілмейді деді.

Ал енді диссертациямды қорғайтын күні наурыз айына белгіленіп, оған санаулы күндер қалғанда, біздің Семей пединститутында проректор қызметін атқарған, жақында ғана Қазақстан Ғылым Академиясының математика институтына директор етіп тағайындалған профессор Телеубай Ыдырысұлы Амановқа авторефератымды ұсынатын, защитама шақырайын деп бардым. Менің жаңалығымға қуанышын білдірген Төлеубай Ыдырысұлы қолындағы кестесін көрсетіп, ол күні бірнеше, мемлекеттік емтиханнан бастап, шараларға қатысуының қажет екенін айтып, ескертті.

Реті келгенде айта кетейін, сол кезде 48 жастағы Телеубай Аманов аты аңызға айналған математик-ғалым еді. Мәселен, Байқоңырдан ұшқан ғарышкердің қайта оралып келерінде Қазақстанның жеріне түсуінің есебін Аманов келтірген дейтін. Немесе Лондонда шыққан дүниежүзілік энциклопедияда Төлеубай Аманов туралы деректе орны ғана қалған Құрманғожа деген туған ауылының аты бар екен деп еститінбіз. Сондай-ақ, Европа және Америка университеттерінде математиканың теория функций и функциональный анализ саласынан Аманов шешімдері бойынша студенттерге дәріс оқылады дейтіні де бар еді. Менің диссертациям екінші ретке қойылған екен. Менің алдымда бір орыс әйелі лингвистика бойынша диссертациясын қорғап жатты. Қатты қобалжығаннан беймаза болып отырған едім. Кенеттен үлкен залдың есігі ашылды да бір аяғын сілтіп басып, Төлеубай Ыдырысұлы орта шеңдегі қатарға барып отырды. Байқап қалдым, сонау жоғары төбеде

отырған Ғылыми Кеңестің төрағасы, академик М.В.Балақаев Ұлы Отан соғысының жарақатынан ақсаңдап келе жатқан Төкеңнен үлкен акты залына кіргеннен барып отырғанына дейін екі көзін айырмады. Қуанғандай болып қалып едім, бірақ мен диссертациямды қорғап тұрғанымда алдыңғы қатарда отырған ақбасты профессорлар Темірғали Нұртазин, Белгібай Шалабаев, Ханғали Сүйіншәлиев тағы басқалары сұрақтарын жаудырып жіберді. Шамам келгенше сасқалақтап жауап қатып жаттым. Сол мезетте Төлеубай-аға абыржып, афторефераты қайда, авторефераты қайда деп, мені қолдап, дереу шығып сөйлеуге дайындалып жатыпты. Бейсекең-аға да сөз алуға бекінген сияқты. Бұның бәрін кейін маған туыстарым жеткізіп еді.

Үзіліске шыққан кезімізде профессор Темірғали Нұртазин естүсімді білмей жүрген менің арқамнан қағып, қатты қобалжып жүрсің ғой, үндеме, осылай біраз желпіндіріп қойсаң, диссертацияң жақсы өтеді деді. Айтқанындай, қайта орындарымызға оралып, Ғылыми Кеңес мүшелер түгелдей оң дауыс бергенін естідік. Шынымды айтсам, мен ештеңе естіген жоқпын. Тек қана айналамдағы жақын адамдардың құттықтап, гүл шоқтарын жаудыруынан ғана жақсылық болып жатқанын сезгендей едім.

Тағы да ойымда қалғаны, ҚазМУдың ғылыми бөлімінде Мәскеудегі Жоғары аттестациялық комиссияға /ВАКқа/ жіберу үшін қажетті құжаттарымды жинастырып жүргенімде бір жуандау қоңыр дауыс елең еткізді. Қарасам, профессор М.Балақаев мейірімді жүзбен маған қарап, күлімсіреп тұр екен. Қуанышпен амандасып жатырмын. Ол аты бүкіл Қазақстанға танымал ғалым-лингвист мөлшермен былай деді: "Қарағым, защитаң жақсы өтті. Енді ұқыпты түрде құжаттарыңды Москваға жіберерсің. Аман-есен бекіп келсе, абайтанушы -ғалымдардың қатарына қосылып қаларсың. Өйткені Абайдың поэмалары аздау зерттелген дүниелер."

Расында, үш-төрт айдан, соң ВАКтан ғылыми дәрежем бекіп келгеннен кейін де "абайтанушы" деген сөзге көпке дейін үйрене алмай жүрдім. Бұл жағымды балама "пушкинист" деген ғибратты сөзбен пара-пар естілетін. Уақыт барысымен филология ғылымдарының докторлары Ханғали Сүйіншәлиев, Шәмшия-бану Сатпаева, Рымғали Нұрғалиев, Мырзатай Жолдасбеков тағы басқалардың монографияларында менің Абай туралы ғылыми еңбектерім аталғаннан соң, көңіліме демеу болып, орнына түскендей күйге жеткен едім.

Біздің Н.К. Крупская атындағы Семей педагогикалық институтындағы филология факультетінде филология ғылымдарының кандидаттары ол кезде бір қолдың саусақтарымен санарлықтай ғана болатын. Олар Ұлы Отан соғысының арғы-бергі жағында қорғаған, өте сауатты ұстаздарымыз еді. Енді міні кейінгі ұрпақтардың ішінен, кешегі студенттердің арасынан келіп, солардың қатарына қосылғаным өте қуанышты болдым. Осылардың барлығы үшін ұлы ұстазым, ғибратты ғылыми жетекшім болған профессор Бейсембай Кенжебаевқа деген шексіз алғысым таусылмайды.

Осы бір үлкен уақиғадан соң өмірімнің жаңа кезеңі басталғандай болды. Бірнеше жылдар Бейсекең-ағамен хат алысып тұрдық. Ол кісі үлкен ғалым ретінде болу керек, хатты ашық отырыққа сыйдырып, қысқа ғана етіп жазушы еді. Содан бір-екеуін келтіре кетсем деп едім. Ең алғашқысы мынау: "Құрметті Мұрат! Хатыңды да, телеграмманды да алдым. Көп-көп рахмет. Телефон соққаныңда сөйлесе алмай қалғаным өкінем. Өзіңді, үй-ішіңді жаңа жылмен құттықтаймын. Бақытты бол, еңбегің жемісті болсын, көп жаса."

Тақырыбың жайында кафедрада пікір алысқан едік. Жолдастардың көпшілігі жақында ғана қорғады ғой. Тұра тұрсын дегенді айтты. Бір қатынағаныңа қарап, шешеміз ғой деп ойлаймын.

Қайымға, тағы басқа жолдастарға, үйішіне сәлем. Хабарласып тұр.

Сәлеммен ағаң Бейсембай
10.01.72.

Ет қызумен докторлық диссертацияны жазып тастайын деген құлшыныс болып еді. Оған күрделі өмірдің нешәтүрлі тауқыметтері мүмкіншілік бермеді. Олардың ішіндегі өзімше ең қажеттісі бала басты болуым деп ойлаймын. Аллаға шүкір, бес бала өсіріп, аман-есен ұлымды ұяға, қызымды қыяға қондыруға жазған екен.

Ғылым кандидаты болғаннан соң 1973 жылы екі жылдай уақыт өткеннен кейін Министрліктің шешімімен Талдықорған облысы қайта құрылғаннан соң тұңғыш жоғарғы оқу орнын ашамыз деп, бүкіл Қазақстаннан жас ғылым кандидаты атағы бар мамандар шоғырландырылды. Солардың ішінде мен де бар едім. Ол өмірімнің ең бір қызықты кезеңі болып ойда қалды. Талдықорғанда да Бейсекеңмен хат алысып тұратынмын. Мен онда бірлестірілген тіл және әдебиет кафедрасының меңгерушісі болып қызмет атқарған

едім. Сонда алған Бейсекең-ағаның бір ғана қысқа хатын келтіре кетейін.

"Күлзада,

Мұрат! Мейраммен құттықтап жазған хатыңызды алдық. Көп, көп рахмет.

Өздеріңізді біз де өткен-кеткен мейрамдармен құттықтаймыз. Сіздерге шын жүректен ұзақ өмір, бақытты тұрмыс, жемісті еңбек тілейміз.

Мұрат, анадағы айтқан мақалаң шықса, хабарларсың.

Сәлеммен Меңжамал,

Бейсембай.

10-май, 1974 жыл!"

Міне заңғар таудай кісінің кішіпейілдігі, мейірімділігі, ұлылығы осылай көрінеді ғой. Қазір көне жалпы түркі әдеби нұсқаларының, Орхон-Енисей тас жазбаларынан бастап, мектеп, педколледждер мен жоғарғы оқу орындарының бағдарламаларына енуі дағдыға айналғандай болды, Көп жылдарын сарп етіп, ондай жағдай үшін бір топ әріптестері мен шәкірттерін жұмылдырып, ұшаң-теңіз еңбек сіңіргені мәлім. Абайдың "Шәкіртсіз ұстаз-тұл" деген ғибратты сөзін Бейсекең-ағамыз берік ұстанғаны айқын. Талай ғылым кандидаттарын, докторларын, халық жазушыларын, өнер санлақтарын, мемлекет қайраткерлерін тәрбиелеп өсірген салауатты педагог, ғұлама ғалым, профессор Бейсембай Кенжебаевқа қазақ халқының айнымас жанашыры, қазақ әдебиеті тарихының көкжиегін сонау көне түрік дәуіріне дейін жеткізген ұлы тұлға ретінде зәулім Астанада немесе өзінің сүйікті Алматысында ескерткіш қойылса егеменді еліміздің қалалары мен аудандарында мектептерге және көшелерге аты беріліп жатса әбден орынды болар еді. Келесі ұрпақтар Бейсембай Кенжебаевтың есімін орыстың Белинский, Добролюбовтар қатарында ұстап, шексіз қадірлейтініне кәміл сенеміз...

Семей шапары,

2009 жыл.

Часть III



Портрет Аттилы,
опубликованный в
Лондоне в 1810 году

АТТИЛА

(Екі бөлімді, бес актілі тарихи пьеса)

Қатынасушылар:

Аттила – ғұн тайпалары одағының басшысы, қаған.

Эллак

Денгизик } оның ұлдары.

Ернак

Хелхал – ғұн қолбасшысы және ақылгөйі.

Едіге – Эдикон – ғұн қолбасшысы және дипломаты.

Одоакр – оның ұлы.

Есендауыл } ғұн

Шыпшыл } басшылары және батырлары.

Ардарих- гепидтер королі.

Бауэр- оның жиені.

Гонория- Рим принцессасы.

Аэций – Рим қолбасшысы.

Карпилион – оның ұлы.

Гундхар – бургундтар королі.

Феодосий II – Византия императоры.

Василисса – оның ханшайымы.

Хризафнос – патша сарайының кожайыны, евнух.

Вигилий

Максимин } Византияның елшілері.

Приск

Примут } Италияның елшілері.

Ромул

Торисмунд – вестготтар қолбасшысы.

Турасал – әнші, ақын.

Естімес – сарайдың қалжыңбасы, еркесі.

Қызметшілер, сарбаздар мен жаушылар.

Бірінші бөлім

Бірінші акт

Бесінші ғасырдың орта кезі. Бүкіл Еуропа мен Азия дерлік ғұнның құдіретті қағаны Аттиланың қол астында болды. оның басшылығымен ғұндар, оларға бағынған готтар және басқа халықтар одағының билігі Тынық мұхитынан Адриатика мұхитына жайылды.

Шығыс – рим империясының астанасы Канстантинополь. Шілтер перденің әрі жағынан император сарайларының және Қара теңіздің немесе сол заманда атағандай Понт Эквинскийдің толқындарының тербелгені көрінеді.

Әуелде Равеннадағы Италия монастыріне принцесса Гонорияның түсіндегі көрініс өтеді. Сахнада жападан жалғыз тұрған Гонорияның мүсіні көрініс береді. Ол телміріп Шығыс жаққа, Константинополь тұсына, қарап тұр.

Гонория. Менің қасиетті әрі бақытсыз тағдырымды кім ғана шеше алар екен? О, ерең күдіретті құдай Юпитер: адам түршігерлік қорлық көрген бейшара принцессаға өзің жар бол. Мына лағып кеткен өмірде кім маған қол ұшын бере алады? Солтүстік Африкадағы вандалдардың королі Гензирих пе немесе екі бірдей батыс және шығыс Рим империяларына алым-салық төлететін, “Құдай тоқпақ” атанған Аттила ма?

Өз тағдырымның жібін және Италияның жарты бөлігін ұсынып, Аттилаға хат пен өзімнің алтын балдағымды жібіріп едім. Бұл енді менің ақырғы үмітім ғой...

/Рим папасы Лев I келеді./

О, аса қасиетті Юпитер құдай, сен менің дұға сөзімді естіп, рим папасы Бірінші Левтің өзін жіберіңіз. Алғыс айтамын саған және мына күнәға малынған жер бетінде жүрген құдайдың тәлімгері, рим папасы Бірінші Левті сәлеміммен қарсы аламын!

Лев. Сен мені, о, қолбасшы Констанция мен рим императоры Бірінші Феодосийдің қызы Галла Платидияның нәсілі алыс принцесса Гонория, мені күтіп тұрсын ба?

Гонория. Ұлы епископ, мен сені жалбарынып, шақырып тұр едім. Неге десең, менің абыржыған жаным тыныштық пен бейбіт халды іздейді... Мен азап шегу мен үрейлі күйдемін...

Лев. Оның себебі, принцесса Гонория, сенің таза христиан дінінен гөрі ариандыққа сенуінде. Сен Иоанн Предтечаның азапты да аянышты жағдайын білмейсің. Ариандар бір ғана жалғыз Құдай бүкіл табиғатты басқарады деп сенеді. Анна Самуилды, Сара Исаакты туғанда, дінбасы Захарийдің кәрі және бедеу жұбайы Елизавета Иоанны тауып еді. Исаак пен Самуилды Ирод Антипа өлтірді. Бірақ Құдай күдіретімен сәби Иоанны аман алып қалған. Дер кезінде Елизавета жасырынып, нәрестесімен қашып кетіпті.

Сонымен Иоаннға кейіннен Иисус Христосты соңғы және қадірлі пайғамбар ретінде шоқындыруға тура келіпті. Тек сонан соң тағы сол Галилеяның билеушісі Ирод Антипаның қолынан азапты да қасиетті өлімге ұшырайды. Иоанн Предтечаны басқаша Иоанн шоқындырушы деп те атайды. Мынау жер жүзінде және бұл жарық дүниеде Құдайдың қалауымен әр пенденің өз үлесі мен жазымы бар. Ал не сырынды маған айтайын деп едің, бұлдіршінім?...

Гонория. Мен сенің алдында бір жарамсыз әрекетімді тайынбай айтып салсам деп едім.

Лев. Әбден орынды! Кеңінен таралған күнәқарлық қайткенде түбінде ұлы Рим империясының құлауына әкеліп соғады...

Гонория. Қайырымдылық жасай гөр, қасиетті бабам, менің бұл ауыр жағдайыма көңіліңді шын ниетпен бөліп...

Лев. Сөйле, сөйле, ханшам.

Гонория. Көп ойланып, көп толғанып, Аттилаға күйеуге шығайын дедім де, сенімді әтек Гиацинт арқылы, оған хат жазып, өзімнің жүзігімді беріп жібердім...

Лев. Қандай алаңғасарлық жасағансың, Гонория?!.. Бірде Аттила өзінің жойқын ордасымен Мидиоланға дейін жеткен болатын. Тек кана құдайдың қайырымдылығы және көмегімен, көп алтын беріп, оны кейін қайтаруға менің ғана қолымнан келіп еді.

(Шілтер перденің жоғары бойымен қанатты ат мінген бір беімәлім жауынгер ұшып барады.)

Гонория /кенеттен қуанып/. Рим папасы, қарашы, кім мына жұлдызды аспанда құс секілді қанатты аттың үстінде әумен қалқып келеді? Бұл – Аттила! Ол менің жолдаған хатымды алып, ұшып келе жатыр ғой. Бұл – Аттила, менің ғашығым және менің сенімді құтқарушым...

Лев. /Әбігерленіп/. Маған, әлбетте, осыны көру жетпей жүр еді! Бір рет Аттиламен кездескенмін. Соның өзі маған жеткілікті! Сенің ағаң император Валентиниан байқұс бір офицердің әйелімен шатасыпты. Бұл сұмдық оның түбіне жетеді. Сен де сол ұядан ұшып шыққан құс тәрізді немесің. Жетер енді! Мен тіл дінідегілерді және манихейлік – күпірлерді өлім жазасына бұйырамын да тартамын. Қош бол! /Кетеді/.

/Ентігіп, Аттила кіріп келеді/.

Гонория /қарсы алуға ұмтылып/. Аттила, менің қорғанышым!

Аттила. Менің ханшам Гонория! Менің көптен аңсаған махаббатым!

Жалғызым менің /Гонорияны құшақтап, сүйеді/.

Гонория. Жер мен көктің періштесі, Изида тәңірі мен дұғалы зарымды естіген екен. Менің құтқарушым ақыры жетті ғой.

Аттила. Жок, керісінше сен менің құтқарушымсың. Мен өзімнің ағам Бледаны өлтіріп едім. Мен Құдайдың алдында үлкен күнәлі пендемін.

Гонория. Ештеңе етпейді, ғашығым. Мұнда саған рим папасы Бірінші Левтің алдынан өтіп, күнәннан тазарып шығуға болады. Ол осы маңда жүрген. Ол жақында осында болып, менімен сөйлесіп еді.

Аттила. Менің құдайларым басқа. Мен пұтқа табынамын. Соғыс құдайы Пуру маған қыруар күш сыйлады. Сол құдайдың құдіретімен 12 тәж және 30

мемлекет менің қоластыма берілді. мені төңіректің бәрінде Құдай Токпақ деп атайтыны тегін емес.

Гонория. Жок, көп күттірген аяулым менің, бұл күнәкар жер жүзінде және барлық түрлі діндер үшін бүкіл адам баласына Құдай тағала жалпы біреу-ақ. Архиепископ Бірінші Левтің алдынан күнәннан тазарып шықсаң, өмір сүруіне де, әйел сүюіне де жеңіл болады...

Аттила. Тек махаббат үшін ғана! Маған менің орасаң үлкен де құдіретті жүрегіме сай шынайы да орасан зор махаббат қажет. Әйтпесе, менің ғашығым Гонория ханшайым, әрі қарай ылғи жеңіске жете беруім қиынға соғады. Әтек Гиацинт арқылы жіберген хатыңды және асыл жүзіңді алдым. Ол үшін мен саған шексіз алғысымды айтамын, Гонория, менің көркіне көз тоймайтын сұлуым, менің...

Гонория. Сен, ғұндардың көсемі, қанатты арғымағыңмен дәл уақытыңда, дер кезінде келдің.

Аттила /сұстанып/. Мені әдетте хан ием дейді.

Гонория /назданып/. О, менің хан ием және жүрегімнің әміршісі, тағдыры менің шерлі болды. Бауырым император Валентиниан сұрапыл ашына әйелге басы бүтін батып кетті. Шешем Галла Плацидия оның ол ісін көрмеген болады, себебі папа Левпен бірлесіп, Рим империясын еркін билегісі келеді. Ал менің табиғи бүтін абыройымды билеуші әмір Иисус Христосқа арнадым деп, өзімді қамауға алып жүр...

Аттила. Білемін. Барлығын білемін. Сондықтан да сенің шақыруыңмен лезде аспандатып, өзімнің Алтынжал атты тұлпарымды міне салып, саған жеттім.

Гонория. Сен менің қорғаушымысың, Аттила, және менің дара ғашығымсың!

Аттила. Осындай асыл сөздерді сенің аузыңнан естігім келіп еді. Менде сенің басыңды шыр көбелек айналдыратын махаббатыңнан басқа дүниенің барлығы қолымда бар. Менің екі жүз әйелім бар, жүзден астам ұлдарым бар, қыздарымды есепке алдырған да жоқпын. Бірақ мұндай тәтті, есіңнен тандыратындай махаббат сезіміне бірінші рет тап болдым!.. Бірақ менің жалғыз басымда күнәларым да көп...

Гонория. /Атилланы қолынан тартып/. Жүр ашық мойындайық... Жүр Бірінші Лев папаға барайық. Ол сенің жаныңа жай тауып береді, әлбетте, жүрегіңді тазартады. Ол біз екеуміздің некемізді қиып береді. Әлгі менің жүзігім қайда?

Аттила /саусағын көрсетіп/. Міні ғой, міні сенің жүзігің. Ол ұдайы менің қолымда. ал осы жүзік біздің неке қияр алқамыз болсын.

Гонория. Жүр, күнәні мойындауға және некелесуге барамыз!

Аттила. Барайық! Сүйікті ханшайым Гонориямен некелесуге және қалыңмал ретінде жарты Италияның қак жартысын алуға дайынмын...

(Аттила мен Гонория құшақтасып кетеді. Музыка. Шілтер перде көтеріледі. Константинопольдің жарқыраған зәулім сарайлары көрінеді.

Құлдар паланкиннің үстінде отырған император Феодосийді әкеле жатыр. Соңынан патрицийлер Максимин және Вигилий кіреді. Паланкин ортаға, биіктеу жерге қойылған. Оның үстінде император Феодосий тағында отырғандай шіреніп отыр).

Феодосий. Бір кезде құдіретті күші бар Рим империясы жартылай жабайы ғұндардың тегеуіріне қарсы тұра алмайды. Жәбірі мен масқарасына қарамай, біз олардың алым – салық берушілері болдық. Жыл сайын біз оларға екі мың фунт алтынды төлеп тұруымыз керек. Мұны не деп түсіндіруге болады.

Максимин. Мұнда біз ең алдымен нәзік те икемді саясат жүргізуіміз керек. Әскерімізді барынша нығайтып, оны алысқа ататын құралмен қаруландыруымыз қажет. Олардың мекеніне ақылды елшілерді жіберіп, икемді, қарымта қайтаратын дипломатиясын күшейтуіміз керек.

Вигилий. /Максиминге/. Таңдамалы өз арамызда ғана емес, тіпті жалпы халық ішінде сен адал да әділ патриций ретінде танымалсың. Осы теорияны дамыту және жауынгер ғұндармен қарым – қатынасымызды пайымдау сенің қолыңнан келеді.

Феодосий. Бұл мағынада Вигилий дұрыс айтады. Аттиланың лагеріне елшілер тағайындап, жіберейін деп отырмын. Сенатор Максимин, қысқа мерзімнің ішінде сен папирусқа ғұн саясатымыз бойынша өзіңнің құнды ойларыңды жазып бер.

Вигилий. О, ұлы император, сен ең қонымды дұрыс шешім қабылдапсың. Патриций Максиминнің саналы ой-пікірлері сенің ардақты назарыңа және біздің іс-әрекетімізде қолдануға әбден лайық болады.

/Император Феодосий екі сенаторға мұқият зер салып, бір шешуші түйінге келгендей болады/.

Феодосий. Бара ғой, таза жанды сенатор Максимин. Барып, таза папирусты алдына алып, ойыңды жаза бер.

/Максимин басын иіп, кетеді/.

Мен сені, Вигилий, әдейі жалғыз алып қалдым. Біз екеуіміз Аттиладан тым қысқа мерзімде құтылуымыздың сенімді және өте қысқа жолын табуымыз керек.

Вигилий. Мен сені түсіндім, император ағзам. Менің аңғарғаным бойынша патриций Максимин дұрыс бағыт беріп тұр, бірақ ол аса ұзақ және қиын жол. Аттила – варвар және варварлардың басқарушысы. Оған Тарихшы

мен Ақын деген ұғымдар беймәлім. Ол Фукидид пен Гомер туралы ештеңе білмейді. Оны өзіне лайық өзінің әдісімен көзін жоғалту керек.

Феодосий. Аттиланы өлтіру керек! Бірақ кім осыны орындай алады? Кімге бұл тарихи маңызды істі тапсыруға болады? Осындай құдайдың құлын тапшы. Мен оны бастан аяқ алтынға бөлеуге дайынмын. Аттиланы бір керемет кие қорғайтын сияқты. Оған не садақ оғы, не акинақ дарымайды. Үстінен ұшып түседі. Тіпті өзі сиқырланған пұт сияқты. Өзінің тағы жойқын күші бар. Белгілі бір уақытта ол соншама орасан көп жерді, сонша ел мен мемлекеттерді, сонша халықтар мен тайпаларды өзіне бағындырды, тіпті Александр Македонский мен Юлий Цезарьдің жаулап алған кеңістігінен әлде қайда көп, асып түседі...

Вигилий. Сені мен толық қолдаймын, ұлы мәртебелім. Аттила «Құдай Топқақ» деп тегін аталмаған ғой. Оның данқы шексіз де өлшемсіз тараған, жер жарады. Тіпті кейбір тайпалар, қала берді салықалы елдер оны аты мен данқының алдында бас иіп, қару – жарактарын тастап, оны көре сала, жеңілдік дейді екен. Бүгінгі күні он екі тәж, отыз мемлекет Аттиланың қол астында екен... Аттиланың өзін құрту керек! Мен сенің мына айшықты пікіріңмен толықтай келісемін, кемеңгер император...

Феодосий. Мен сені, патриций Вигилий, Аттиланың ордасына елші етіп тағайындаймын. Сенің қасында бұйрығыңды берік орындаушы болуы қажет. Осы қауіпті де игілікті шараны анық орындау үшін сенімді кандидатың бар ма?

Вигилий. Иә, ондай кандидат бар, жоғары мәртебелі император.

Феодосий. Ол кім? Тезірек жауап бер!

Вигилий. Ол – біздің қасиетті еліміздегі Аттиланың елшісі, ардақты хан нем. Оның аты Эдикон, ата-тегі скиф. Сенің рұқсатың бойынша біз оны бастан аяқ алтынға орайтын боламыз. Алтын жалатқан көк төбелі үй сыйлаймыз. Ақырындап Византионның ақ сүйектерінің қатарына тартамыз.

Феодосий. Мен оны патриций қатарына қосамын. Скиф Эдиконға сенуге болатын сияқты. Біздің жағымызға мейлінше тарт оны. Тағы да бір рет жақсылап тексер де онымен келісімімізді антпен бекіт.

Вигилий. Құп болады, ұлы император Екінші Феодосий! /Хризафиос әтек кірді/.

Хризафиос /бас иіп/. Жоғары мәртебелі император, рұқсат ет маған.

Феодосий. Келе бер, Хризафиос. Дәл қазір сен бізге керек едің. Мен саған қурьер жіберіп едім.

Хризафиос. Мен түгелдей сенің қарамағындамын, аса мәртебелі император.

Феодосий. Менің бабам Бірінші Константин Шығыс-Рим империясы Византияның астанасын даңқты Константинополь деп атағаны мәлім. Ал біз сендермен Константинопольдің тарихи даңқына қандай үлес қостық?

Хризафиос. Үш жүз отызыншы жылы Бірінші Константин ұлы Флавий Валерий Византияға Константинополь деп ат қойғаннан бері іс жүзінде ештеңе қосқан жоқпыз. Сол уақыттан бері Аттиланың әкесі Мундзуктың басшылығымен, онан соң Аттиланың әкесінің ағасы Ругиланың, ал енді Аттиланың өзінің тепкісімен келеміз.

Феодосий. Оны толықтай құртатын уақыт жетті. Ғұндардың қысымын мәңгілік құрту керек. Кезінде тіпті Ругила Римге 350 фунт алтын салығын тағайындап еді. Қашанғы төлей береміз. Қандай маскара! Ол салық қазір екі мың фунтқа дейін өсті.

Хризафиос. Біз патриций Вигилий екеуіміз бұл мәселені әңгіме қылғанбыз. Аттиланы өлтіру керек!

Феодосий. Тура айтасын. Біз де Вигилий екеуіміз бұл тақырыпты сөз еткенбіз. Бірақ тым құпиялап... Мұны үшеуіміз ғана және скиф Эдикон, Аттиланың елшісі, оны өлтіруші ғана білуіміз тиісті...

Вигилий. Тек қана осы төртеуіміз... Әйтпесе, біз бұл кимылды бүлдіріп аламыз. Тіпті бұл туралы патриций Максимин мен ритор Приск те ештеңе білмеулері керек...

Феодосий. Алтын мен пұл шығындарын аямандар! Ал құдайдың жарлығы болсын! Иисус Христос бізді қолдай көрсін! /Шоқынады/. Енді іске кірісіңдер... /Қолын шапалақтайды. Зембілшілер императорды паланкинмен алып кетеді/.

Хризафиос. Мәселе түгел шешілді. Шегінуге енді жол жоқ. Енді Эдиконмен келісімді қалай да мөрмен басу қажет.

Вигилий. Меніңше, патша сарайының шырағы Хризафиос, сенің ойың дұрыс. Құжат әбден қажет. Осы сағатқа мен скиф Эдиконды осында, патша верандасына шақырып едім. Әнекей өзі де келе жатыр. Бірақ жалғыз емес қой. Қасында, әлбетте, Василисса ханшайым секілді...

Хризафиос. Ох, осы әйелдер-ай! Әсіресе жоғары мәртебелі ханымдар. Шетелдіктер десе, тура жабыса кетеді. Баска ру-тайпалардың еркектері келе қалса, тіпті бір елі соңдарынан қалмайды ғой. Әлде олардың әртүрлі пенделерге соншама құмарлығы бар ма? Білмеймін. Түсінбеймін...

Вигилий. Біз бұл факторды да іс жүзінде пайдалана аламыз. Үндеме! /Едіге мен Василисса келеді/.

Қош келдіңдер біздің қасымызға!

Василисса. Туу, әлгі Хризафиос әтек тағы алдынан шықты. Бұл әтектерді сондай жек көремін. /Едігені қолынан ұстап, тоқтатып/ Эдикон мырза, Аттила туралы айтсаңшы. Оның сырт бейнесі қандай? Ол туралы неше түрлі таң қаларлық сыбыстар тарап жүреді, әсіресе әйелдер арасында.

Хризафиос. /Вигилийге/. Қажетсіз жерде мына топайдың топылдап келгенін қарашы, мына жоғары дәрежелі еркенің... Василиссаның.

Вигилий. Меніңше, ол скифке біз туралы бірдеме айтып тұрғанға ұқсайды, екеумізді келемеждеп тұр, сірә.

Едіге. /Василиссаға/. Біз жарты жолда қолайсыз тұрып қалдық. Мына мырзалардың қасына бару керек еді.

Василисса. Үлгереміз. Олар кішкене күте тұрсын. Осындай зәулім императорды сарайында мен ханша емеспін бе? Өтінемін, Аттила туралы айтшы!

Едіге /айнала қарап/. Ол патшалардың патшасы, алыптардың ішіндегі ең мықты алып. Сойқан ұрыстардың ең қиын сәттерінде өзі барып, кірісіп кетеді. Оған не садақтың оқтары, не найза дарымайды, қылыштың жүзі оған батпайды. Міні ол қандай батыр қолбасшы және дәу!...

Василисса /таңырқанып/. Сонда ол еңгезердей ме?

Едіге. Рухы бойынша сондай. Ал былай қарағанда кәдімгі адам. Бірақ көзі өткір, жанары өте ойлы.

Василисса. Ал менің естігенім бойынша ол мыртық сияқты. Бірақ онысы ештеңе етпес. Кішкентай ағаш бұтағымен мықты дейді. Ал әйелдер не үшін оны жақсы көреді?

Едіге. Бәлкім, даңқы мен тік мінезі үшін шығар.

Василисса. Құдай-ау! Әлгіден соң мықты рухы үшін шығар. Егер онысы Понт Эквинскийден асып, біздің жақта сезілсе, мына Қара теңіздің бергі жағында да ол ерекшелігі жайылған дей бер.

Хризафиос. Мына тәжді әйел Эдиконды қашан босатады екен?

Вигилий. Ол, әлбетте, Аттила туралы көбірек естігісі келіп тұр. Бір көшпенділердің нақылы семіздікті қой ғана көтереді дейді.

Едіге. /Василиссаға/. Жоғары дәрежелі патриций Хризафиос мазасызданып тұр, білем.

Василисса /менсінбей/. Бұл дәу мұрынды грек жас кезінде біздің сарайымыздағы талай періште қыздарымыздың есін шығарған болатын. Бірақ ол дер кезінде пішіліп тасталды. Онан соң ол сол екпінімен саясат пен дипломатияға ұрынды. Қайткенмен дегеніне жетті. Хризафиос императордың толық сеніміне кіріп алды. Ал сен маған мардымды ештеңе айтып бере алмадың. Неге ғана тіпті асыл текті қыздар жердің арғы түбінен қандай болсын қиындық пен қауіп – қатерге қарамай, Аттиланы іздеп келіп, сенен бір ұрпақ табайыншы деп аяғына жығылады? Бара бер, елші Эдикон, өзіңнің сұхбаттасушыларына. Мен сенімен әлі анау шынар аллеясында кездесемін. /Кетеді/.

Едіге. Даңқың асып, тәңірім Изидә. /Оны күтiп тұрған патрицийлердiң қасына келедi/. Менi сендер кешiрiндер! Императрицадан босай алмай-ақ койғаным. Сұрақ үетiне сұрақты жаудырды...

Хризафиос. Оған бiз өзiмiз де куәмiз. Ханшайымның мiнез – құлқы мен әуеселесi бiзге мәлiм ғой. Бiрден iске кiрiсерлiк...

Вигилий. Уақытты босқа жiбермейiк. Бiрден бұқаны мүйiзiнен бас салайық.

Хризафиос. Вигилий сенiмен, князь Эдикон, алдын ала әңгiмелескен екен. Император Екiншi Феодосиймен түгел келiсiлген. Сен әрқашан Аттиланың қасында бола алады екенсiң. Бұл бiздiң iсiмiз үшiн аса қажеттi амал болмақ...

Вигилий. Бiз үшiн айдахарды құртатын уақыт жеттi. Оның әмiрiнде, мен-мендiгiндежәне пасықтығында шек қалмады. Ал бiздiң шыдамымыз әбден таусылды.

Едіге /ойланып тұрып/. Сендерге, қадiрлi патрицийлер, менiң өз өмiрiмдi ғана емес, туыстарымның және жақын достарымның жандарын тәуекелге салып тұрғаным белгiлi болар.

Хризафиос. Сөзсiз, белгiлi. Ал сен де iсiңе толық сай марапатталасың. Елу фунт алтынды алдын ала тапсырамыз. Византияға қайтып оралғанда патриций лауазымын аласың және төбесiн алтындатқан, көк төбелi жекеменшiк үй беремiз. Содан кейiн жыл сайын жиырма солид ақша төленiп тұрады. Қалған алтының осы құдiреттi актiнi орындағаннан кейiн қолыңа тигiземiз...

Едіге /дорбаны қолына алып, жазуын оқиды/. «Хризафиостың меншiгi». /Алаңдап/. Бұл өте қауiптi iс. Сондықтан маған мына әмиянды жанымда сақтауға болмайды. Ол әзiрше Вигилийдiң қолында болсын...

Хризафиос. Ең сенiмдi сақтаушы! Аттиланы өлтiргеннен кейiн қайтар жолда осы әмиян қолыңа ұстатылады. Бұл керемет ерлiк болады. Сендердiң делегацияларына шешен Присктi қосамыз. Ол – жазушы және тарихшы. Сенiң ерлiгiң, жаужүрек Эдикон, ақ папирусқа жазылады да сен тарих iшiнде мәңгi бақи қаласың...

Вигилий. Приск шешен ұзақ уақыт ғұндардың арасында тұрып, олардың тiлiн, тұрмысын, әдет-ғұрпын жақсы бiлiп алған. Бұл сапар туралы оған да мәлiмделген. ол келiсiмiн бердi...

Хризафиос. Толық орындалғанға дейiн бiздiң құпиямызды берiк сақтауымыз керек. Тiптi Приск шешен де ештеңе сезбесiн. Мiнi Приск Панийскидiң өзi де келiп қалды...

/Қолында бiр бума папирусы бар Приск келедi/.

Вигилий. Приск Панийский бiздiң экспедициямыздың жылнамашысы болады. Ал екеумiз аудармашы да бола аламыз.

Приск /амандасып/. Біздің ғұн экспедициямыздың алдында мен сендерді кейбір тарихи мәліметтермен қанық етейін.

Едіге. Приск – біздің бұрыннан жақсы танысымыз және қадірлі қоңағымыз. Ол біздің арамызда ғұндардың көсемі, марқұм Ругиланың тұсында болып еді. Ругиланы латынша Ругилас деп, әр халықтар өз тілдерінде Роа, Руас, Руа деп атайтын. Дегенмен жолға дайындала берейік. Ал сен, патшаның қалқаншысы Хризафиос, келісім шарт қағазын дайындай бер. Міндетті түрде император Феодосийдің және мемлекеттік канцлер Марциалдың қолдары болу керек. Делегацияның құрамында сенатор Максиминнің болуы абзал...

/Едіге кетеді/.

Хризафиос. Мен императордың қабылдауына барамын.

Приск /папирусын жайып/. Патрицийлер, тыңдандар. Мұны сендер айқын білулерің керек. /Оқиды/. «433 жыл. Ғұндардың патшасы Руа болды. Ол Истра бойына қоныстанған және римдіктермен одақтасуға жақын амилзурларға, итимарларға, тоносурларға, войскелерге және басқа халықтарға қарсы соғыс ашуға шешім қабылдады.

... Руа өлгенде ғұн патшалығы Аттиланың қолына тигенде, рим сенаты елші етіп Плинийді тағайындады. Бұл пікірді патша бекіткен соң Плиний ақылы жұртқа белгілі, квестор деген абыройы бар Эпигеннің олармен бірге тағайындалуын қалады. Эпиген елші болып тағайындалғаннан кейін екеуі де ғұндарға қарай аттанып кетті»... Мен мұны осыдан жиырма жыл бұрын жаза бастап едім. Истра деген өзен қазір Дунай деп аталады. Руа дегеніміз ғұн патшасы Ругилас. Содан бері өзеннің талай суы ағып өтті. Осы тарихтың жалғасын енді жазуым керек. Ол үшін жаңа деректер жинаймын...

Вигилий. Жолда айтарсың, Приск Паниский.

Хризафиос. Приск шешен Паннония жерін, ғұндардың әдет-ғұрпын және Хунгвартқа апаратын жолды жақсы біледі. Сендерге Иисус Христос өзі жәрдемші болсын! Менің императорға баруым керек. /Кетеді/.

Приск. Бұл патша сарайының әтегі. Афинаның сілімтігі де маңғазданған неме болды. Бірақ оның аты Аттиланың арқасында тарихта қалады.

Вигилий. Шығыста ұзын тілді кесу деген жаза қолданылады.

Приск. Мен оны жақсы білемін. Онда еркін ойлайтын адамдар, әсіресе ақындар мен философтар, әрдайым алау отқа ұшырайды.

Вигилий. Сондықтан талас деген саған пайда әкелмесі хақ.

Приск. Сен, Вигилий, оқымысты жансың. Сен Гомер мен Аристотельдің, Геродот пен Аристофанның шығармаларын білесің. Айтшы, осы оқыған қолбасшылар жалғыз ғана табиғатынан ақылды номад Аттиланы қалайша жеңе алмайды?

Вигилий. Міне саған, шешен Приск Панийский, арнайы қалам мен папирус берілген. Дәл сен осы мәселені шешуің керек.

Приск. Иә, күрделі де қиын диллема екен.

ШЫМЫЛДЫҚ

ЕКІНШІ АКТ

Паннония. Жана ғұн астанасы Хунгварт. Римдық сәулет өнеріне ікімделген тас және ағаш құрылыстар. Ортада ғұн әмірінің сарайы орналасқан.

Оң жақта Батыс-рим және Византия елшілері тұр. Сол жақта ғұн және гот князьдері мен әскери басшылар, қарапайым жұрт пен қызметшілер топталған.

Рим елшілері префект Примут пен көмес Ромул әсіресе ренішті. Латынша жазылған «Enceinte Celtgue dite du Camp d «Аттила»деген жол көрсететін сілтеуіш көрініп тұр.

Ромул /тыпыршып/. Мына әбігерден, префект Примут, менің мазам кетті. Шыдамым жетпей тұр...

Примут. Шыдамдық пен сабырлық істі дұрыс аяқтау үшін дипломатияда таптырмайтын қасиеттер екені рас.

Ромул. Ал егер жәбірленіп, қарабет болсаң, қайтесің? Әр нәрсенің шегі болады ғой.

Примут. Әрбір тосыннан болған жағдайдың күтпеген игі табысын жарасымды нәрсе болады. Соны таба білу керек. Әзірше ойынды жинақтай бер, көмес. Солай сол, граф...

Ромул. Мұнымен көптеген терең де құнды ойларың, араласып, шатасып, далаға кетер.

Примут. Мүмкін ғұн патшасы Аттиланың көздегені сол шығар. Ол саған оңай гомо – сапиенс емес. Онымен болатын өте қиын да күрделі әңгімеге дайындала бер. Әдетте ол ауыр және күтпеген сұрақтарды қоюға әуес. Ойынды жинақтай бер де ең опасыз сұхбатқа дайындал.

/Максимин, Приск, Едіге және Вигилий келеді/.

Максимин /таңырқанып/. О, мұнда Норикумның префекісі, патриций Примут та келіп қалыпты ғой.

Ромул. Қалай ол мұнда келмесін, егер Аттиланың ордасына еңселі сенатор Магнус Аврелий Максиминнің өзі келіп қалғанда?

Примут. Дегенмен, гүрілдеген аялақтың жағасындағы үйінде жазу үстеліндегі жаңа папирусын тастап келген ритор Присктің халі ауырлау шығар.

Приск. Менің қолжазбаларым жаңа мәліметтер мен қосымша материалдарды күтіп жатыр. Сондықтан мен мұнда келдім. Сәлем бердік, аса құрметті римдіктер!

/Батыс және шығыс римдіктер достық көңілмен амандасады. Дауыстар: «Аттила келе жатыр. Саяттан Аттила келді. Біздің хан иеміз саяттан келіп калды». Едіге Аттиланы және оның нөкерлерін қарсы алу үшін рим елшілерінен алыстайды/.

Максимин. Батыс-рим императоры Үшінші Валентиниан Флавий Плацидий бұл Паннонияға Норикум префектісін Примутты және көмес, граф Ромулды тегін аттандырмаған деп жорамалдаймын.

Примут. Шығыс-рим императоры Екінші Феодосийдің насихаты бойынша мықты сенатор Максимин ғұн кемегері Аттиланы Византиядан аулақтатып, Италияның әсем қалалары Рим, Равенна, Аквилея, Медиолана және Барлеттоға аударуға тиісті.

Максимин. Осындай тапсырмамен, бірақ қарама-қарсы нұсқаумен сендердің делегацияларың келіп тұр ғой. Мен оны біліп тұрмын.

Ромул. Ол Аттиланың бұрынғы тактикасы. Біздің императорлар ғұн әміршісінің жетегіне ілінеді де жүреді.

Приск. Осының бәрі менің папирус бетіне түсірген дәлелдерімді тек анықтап жатады.

/Музыка. Керней үні естіледі. Саят киімін киген Аттила кіреді. Қалында найза мен садағы бар. Ғұндар мен готтар, дауыстап, қарсы алады. Ғұн басшысының қасына Едіге келіп, құрметпен амандасады/.

Аттила. Мен сені өзімнің тәж залымда күтемін, Едіге батыр. Мынадай тамаша саяттан кейін өзімді ретке келтіріп алайын.

Едіге. Бұлтартпай келемін, қымбатты Аттилам. Көзбе көз саған айтар сөзім бар. Оның үстіне император Феодосийден және көптеген сенаторлар, консулдар, цезарьлар және вельможалардан алып келген ыстық, алаулаған сәлемдер мен жолдамалар үлкен бір құшақ болды.

Аттила. Солай болсын! Менің дастарханыма кеңесшілеріңіз, нөкерлеріңіз жалғыз кел... Осылай маған құрмет және үлкен ізет көрсетші, Едіге-аға.

Едіге. Мүдіртпей орындаймын, ұлы қолбасшы. /Әдепті түрде шегініп, жол береді/.

Аттила /шаттанып/. Паннония біздерге, дала тұрғындарына, көшпенділерге, Каспий және Арал теңіздерінің аралағында жайылып жатқан кеңістік, өзіміздің туған өлкеміздей болғанына ризамын. Мұнда дала кеңістігі де, биік таулары да, ну ормандары да бар. /Артына қолын нұсқап/. Өне қаншама олжамен осы саяттан оралдық. Тіпті тірідей турды да жетектеп әкелдік.

/Бір жас әйел жетіп келіп, Аттиланың аяғының түбіне шәліге оралған, жана туған сәбиді жерге қояды. Ғұндардың көсемі ол әйелмен көз тастасып,

баланың үстінен аттап өтеді. Оның соңынан ептеп басып, нөкерлері сәбиді аттап өтеді/.

Максимин /Прискке/. Бұл қандай ғұрып еді?

Приск. Бұл Дакия патшасының кезекті әйелі ол жоқтатағы бір ұл тапқан екен. Көріп тұрғанымыздай ол сәбиді мойындады.

Едіге. Сен дұрыс айтып тұрсың, патриций Максимин. Ұлы Аттила бұл әдібін де әдет-ғұрыпқа айналдырды. Бұл нәрестенің шешесі жас та әдемі грек қызы хан иемге тағы бір ұл тауып берді делік. Егер оны ақпейіл әкесі мойындамайтын болса, үстінен басып өтеді. Ал оның артынан барлық нөкерлері мойындалмаған нәрестені таптап кетеді. Бағына қарай бұл жолы олай болмады...

/Гепидтер деген герман тайпасының королі Ардарих Аттиланьң алдында тақтың орнына арқасын төсегендей болып тізе бүгеді. Василевстің бұл ишаратына риза болған Аттила, арқасынан қағып, тұрғызады/.

Аттила. Тоқтасаңшы, жетеді, гепидтер королі Ардарих. Бүгін атымнан түсерімде арқасын тосатын герман корольдарының ішінде сенің шіретің келіп еді. Сен ол парызыңды орындадың. Әзірше сол жетеді. Сен енді маған Рим тарихы бойынша кеңесші ретінде қажетсің...

Ардарих. Ол тарихтың іші тегінде қапас та катал болған. Сенің ағайының Руғилас, ғұндардың көсемі Руа, 430 жылы Римге жыл сайын 350 фунт алтын төлейтін салық белгілеп, келісім-шартпен тынды. Ал одан жиырма жыл бұрын, 410 жылы, гот королі Ардарихтың біріктірілген әскері Римнің ауқатты ақ сүйектерін аямай қырған болатын. Олардың көпшілігі қаза тапты, тұтқынға алынды да құлдыққа жегілді. Тек қана ең төзімділері, жастары мен мықтылары, қашып құтылып, Солтүстік Африка мен Азияда жасырынып, жан сақтай алды. Ал қаншама еңселі адамдар мүлкі мен бар байлығын тастап, Шығыс-рим империясының аралдары мен провинцияларында, тығылып жүріп, қолдарын жайып, қайыр тілеуге дейін барды. Құдай бізді содан сақтасын!...

Аттила. Соғыс ісінде жалғыз қатыгездікпен өркенің өспейді. Дегенмен ол қыңырлық көптеген жағдайда түпкі ойынды жүзеге асыруда қажет болады...

Ардарих. Біздің түсінушілігіміздің, ұлы хан ием, жарты әлемнің билеушісі, шегі мен бағасы жоқ. /Бауэрді нұсқап/. Мынау менің туған жиенім. Жасаған бұған тумысынан саздық қабілеті мен ән салу талантын берген. Жиенім, арфаңды қолыңа алшы. Герман тілін Аттила жақсы біледі.

Аттила. Бәрекемді! Сыйлық деген осындай болады! Жас жырау, өлеңіңді гот тілінде айта бер. Біз, көшпенділер, өлең мен әнге бала кезімізден әуеспіз.

Бауэр /арфасын күйлеп алып, жырын бастайды/.

Ұлы патша Аттила, саған арнап,
Жырымды айтып тұрмын, айқын сарнап.
Остготтың ақынымын жұрт таныған,
Римдіктерді жеңгенін бергем жырлап.
Бургунд, генид, скирлер мен тағы басқа
Бөлінді германдықтар бас-басына.
Тайпалар бақ таласты бір-бірімен,
Андай ғой жоламайтын дос қасына!
Дін бөлінді жік-жікке аяқ асты,
Шығыпты Арий деген бір албасты.
Халықта берік сенім болмаған соң,
Рушыл боп, бір-бірімен жанталасты.
Орфей рухы қолдасын осы жолы,
Бастасын Аттиланың мықты қолы.
Ұрандап, жауға қарсы шапқан кезде,
Болады Аттиланың күші долы.
Достастық антымызбен бекітілген,
Тайпаның басын қосып, біріктірген.
Тағдырдың қалағаны осы шығар,
Әлемді Аттилаға тәжбен берген!

/Айнала у-шу, көтеріңкі дауыстар естіледі: «Міне нағыз жыр! Жарайсын, Бауэр! Туу, қандай тамаша жыр!»./

Аттила. Жұрт мына жырды дұрыс қабылдады. Остготтың жас жырауы Пиндардан ешбір кем түспейді. Ол даланың суырып салма ақынына пара-пар екен. /Қолын сілтеп/. Мына Пиндарға, шабытты жыршы Бауэрға сыйлығын әкеліндер!

/Сәнді шапан мен құндызды бөрік киген қызметші асыл тастарға толы қобдишаны әкеледі. Аттила қобдиді ашады./

Бауэр. О, ғұндар мен готтардың билеушісі, мен өмірімде ешқашан мұншама асыл заттарды көрген емеспін.

Аттила. Уысына қанша сыйдыра алсаң, сонша ал. Сен, жыршы Бауэр, мұнша сыйлыққа лайықсың. Сен өзіңнің жырыңда менен басқа екі есімді, Орфейді және Арийді атадың. Олар маған бұрыннан белгілі... Орфейдің менің көңілімнен шығатыны, аңыз бойынша оның әндері ағаштар мен жартастарды қозғалтқан және аңдарды тілалғыш қылған. Дүние жүзін билеуші адам осы Орфей секілді басқа елдер мен халықтарды бағындыра алуға тиісті.

Арий – ол Александриядағы молда, просвитер және епископ. Ол христиан дінінің ішінен күпір ілім бастап, негізін салған да оны ариандық деп ататқан. Бұл есімнің де дүниеде аталуға хақысы бар. Тіпті ариандық бізге жақындау,

себебі бұл ілім біздің жақын көршіміз және салық төлеушіміз Византияда көп тараған.

Онан соң сен, еркін ойлы және әділ жыршы да арфашы, менің мына қолымды «әлемдік кол» дедің. Оны да сен шексіз және әбден дұрыс айттың. Менің мына қолым шын мәнісінде күшті кол. Жетектеп әкеліндер әлгі саятта қолымызға түскен кайсар турды. Есендауыл төре, ғұн әскерлері және саятшылар әлгі дақтың өршіген турың жетектеп алып келсінші.

Есендауыл. Ұлы хан нем, әмірің дереу орындалады!

/Есендауыл бірнеше сарбаздармен кетеді. Басында жеңістің гүл шеңбері бар князь Шыншыл жүгіріп келіп, Аттиланың алғына жығилады

Шыншыл. О, ұлы хан нем, саған біздің жаңа бір дақты жеңісіміз туралыбаяндайын деп, асығып жеттім.

/Ғұндардың қуанышты дауыстары шығады. Елшілер үрейленіп, бір-біріне қарайды. Готтар абыржып, шошып қалған/.

Аттила /мақұлдап/. Айтпай-ақ мен сенің, балғын князь Шыншыл, жеңіс туралы қуанышты хабар әкелгенінді аңғардым. Сенің басындағы жасыл жапырақтар ешбір сөзсіз-ақ тағы бір жеңіске жеткенінді және жаудың жойылғанын мәлімдеп тұр.

/Тағы да ғұндардың марапаттау сөздері естіледі/.

Шыншыл. Әбден дұрыс. Бұдан былай герман жерінде лугиондар деген тайпа затымен жоқ болды. Біз оларды түп-түгел жаппай құрттық.

Аттила. Не деп тұрсың? Олар бізге мезгілінде салықты төлемей, қарсы еді ғой. Олар аяқ баса алмайтын оппаның аржағына тығылған еді. Саз батпақтан қалай өттіңдер? /Қолын көтеріп, әңгіменді айта бер деген нишарат білдіреді/. Ретімен бастай бер!

Шыншыл. О, ұлы хан нем, сен маған құрметті тапсырма жүктеп едің. Қайсар лугион тайпасын есін жинатып, бабына келтіру керек еді. Бірақ бұл тайпа тіл алмайтын, сөз естімейтін батпақтан да қиын пәле болып шықты. Ал мен, князь Шыншыл, сенің мәртебелі тапсырманды орындамай қайта алмайтындықтан ең соңғы шараны қолдануыма тура келді. Біз екі мыңға жуық анттар мен славяндарды бірге жинап алдық та өлтірдік. Олардың мүрделерін ең тар өткелдерде, төмен қаратып, екі-екіден салдық. Сөйтіп салт аттыларымызға жол аштық.

Аттила. Ал қалай біздің жылқыларымыз әлгі суымаған мүрделердің үстімен жүрді?

Шыншыл. Егер Аттила, жеңістің таңдамалы ұлы, біздің жағдайымызға байланысты ерікті түрде қимыл-әрекет жасауға толық рұқсат бергенде, қалайша біз хайуанның қылығына ереміз? Сенің рухың мен парасатың, жеңісті ғана

талап етіп, әркашан бізді қолдайды... Дәл сол жерде әлі суымаған мүрделердің үстіне аямай сұлы себіп тастау ойымызға келді...

Аттила. Міне тапқырлық, балғын кязь Шыншыл! Сенің жас басың қайран грек философының басындай екен.

Шыншыл. Грек философының басы ой тапқырлығы жағынан өз нақыл сөздерінен және кітаптарынан әрі қарай бармайды. Ал бізге мұнда батыл әскери тапқырлық қажет болды. міне осылай біз бір салт аттыны қалдырмай, бүкіл отрядымызбен өте алмайтын саздан өтіп шықтық та лугиондарды тып-типыл ғып қырып тастадық.

Максимин. Міне қалай де! Ғұндар германның бүкіл бір лугиондар тайпасын жер бетінен жоқ қылыпты. Мұндайды тек қана вандалдар немесе сайтандар істей алады... Естіген жерден жырақ! Аттилаға «Құдай Тоқпақ» деп лақап атты тегін қоймаған екен.

Аттила. Ол Тоқпақты қимылдататын күш – бағынбаушылық. Егер қайсарлық көрсетіп, менің намысыма тисе, лугиондар тайпасы ғана емес, бүкіл герман халқы жер бетінен ғайып болады. Керісінше, бағыну, сенімді болу, қолдау сендерге толық еркіндік, тең құқық және бауырластық алып береді. Скирлердің королі Ардарих бұған толық куә бола алады...

Приск. Аттиланьң көзі тірі тұрғанда, барлық готтарға, отсготтар мен вестготтарға, бүкіл римдіктерге, шығысы болсын, батысы болсын бостандық және егемендік дегендерді ойдан шығару керек.

Бауэр /ызаланып/. Неліктен біздің жоғары мәртебелі иеміз және айқын құдайымыз Вотан германдықтардан теріс айналған?

Ардариx. Әр нәрсенің өз мезгілі бар. Үндеме, жиенім жыршы Бауэр. Әр нәрсенің мезгілі бар. Аттиланьң әрекеттерін жырлағаның дұрыс болды. Дәл қажет уақытында. Қазір де, бұдан былай да оның дәуірі тасып тұр. Бірақ мұның да шегі болады. Бауэр, сен жігітсің! Алда да қызуынды кейін басып жүргей...

Бауэр. Егер Вотан қолдап, көмектесетін болса...

Примут. (Рамулға)Неге император Феодосий Константинопольдан христиан дінідегі күпір сенім ариандықты қолдайтынын жаңа түсіне бастадым. Оның Рим империясын батыстық және шығыстық екі бөлікке мейлінше әбден бөліп тастап, Аттиланьң қасиетті Рим империясына айдап салғысы келеді.

Ромул. Әмірші Аттиланьң өзі де біздің сайқал ханша Гонория туралы әңгімені тегін қозғаған жоқ қой деймін.

Аттила /батыс римдіктердің ойын білгендей/. Менің сүйіктім, қымбатты да сұлу ханша Юста Грате Гонория туралы жеке әңгіме болады. Оны ағасы, император Валентиниан берік тұраққа қамап қойыпты. Гонория маған құпия түрде тағдырын тапсырып, өзінің суреті мен неке жүзігін жіберіпті...

Ромул (ақырын). Онбаған рим қызы! Өзінің арам ниеті үшін ағасы, император Үшінші Валентиниан Флавий Плацидийді және туған анасы Галла Плацидияны ғана емес, қасиетті Римді және бүкіл Италияны сатып жіберіпті ғой.

Примут. Оның үстіне Аттиланың сансыз көп әйелдері бар. Ондай ғадет варвар ғұрпында, тіпті бүкіл Скифияда, тіпті дүние жүзінде жоқ еді.

Аттила. Еркежанды, әсем Гонорияның өзі маған тұрмысқа шықпақшы. Ал мен оны некемен болсын, некесіз болсын алғым келеді. Ең бастысы осы. Менің екі жүз әйелдеріме тағы біреуі, менің Гонориямның, қосылуын талап етемін... Бірақ оның жасау мүлкі менің атағымға лайық болуы керек. Дунай бойынша барлық елді мекендер маған толық қарауға, бағынуға тиісті. Олардың территориясының ұзындық өлшемі Паннониядан фракиялық Новаға дейін, ал кеңдігі бес күндік ат көші болуы керек.

Приск. Оған былай да Византиядан Фулаға дейін, Парсы елінен Рейн өзеніне дейін халықтар мен тайпалар бағынады.

Максимин. Ол парсыларды, мидяндарды, парфияндарды тағы басқа шығыс халықтарын бағындырып, Византияға қарсы қойды.

Примут. Шет-қиырсыз жазық даладан ғұндар тау тасқынындай жауып, жайпап, отыз елді толық өздеріне қаратыпты.

Приск. Аттила өзіне он екі тәжді бой ұсындырған. Осындай аз уақыттың ішінде тіпті атақты Александр Македонский және Юлий Цезарь мұндай нәтижеге қолдарын жеткізе алмаған еді...

Едіге. Аттила — жер жүзіндегі Құдайдың елшісі. Соның ықтиярымен өзінің тарихи әрекеттерін жасап жүр. Аттила «Құдай Топқақ», «Тәңір құты», «Жеңістің ұлы» деген атақтарға тегін не болып жүрген жоқ...

/Эллак пен Одоакр кіреді/.

Эллак /Аттиланың аяғына жығылып/. Қымбатты әкем, менің саған айта алмай жүрген сөзім, аша алмай жүрген сырым бар еді...

Аттила. Осындай мейірімді де көңілді күйде тұрғанымда айтып қал, ұлым Эллак.

Эллак. Маған сенің рұқсат батаң керек. Менің текті анам герман тайпасының амалунг руынан шыққан еді. Ол мені ләзаттың ақ сары шашты әйел құдайы Фриггеге табынуды үйретіп еді. Менің ардақты әкем, мен бургунд королінің қарындасы, әсем Ильдикогоға ғашық болдым.

Аттила. Ол ақ сары шаш Ильдиконың тағдыры маған мәлім. Ол әлі әкесі мен ағасын ертіп және өзінің болашақ жарымен маған бата сұрап келеді. Бір беймәлім германдық, скир жігіті, оған сенен бұрын жіп байлап қойыпты. Бірақ мен басқа бір нәрсені ойлап тұрмын. Марқұм фесалий бақсысы өз сиқырымен сенің мұрагерің, ұлы болашағы бар мұрагерің, нұр сәулелі, ақ сары шашты

герман кызынан туады деп ұйғарды. Ол марқұм сиқыршының, қарнын жарып жіберіп, бауырын суырып алғанда, онда ақ таңбалар бар екен. Ол нағыз сиқыршының, бақсылығының, сәуегейлігінің белгісі еді. Сен әлі жассың, өз бақытыңды әлі табасың. Мені қорғаймын деп оң қолына зақым келтірген ұлым Эллак, асықпа...

Эллак. Бірақ мен, қымбатты әке...

/Аттила кенеттен қолын бірақ сілтеп, жүріп кетеді/.

Едіге. Одоақр, балам, бері келші. /Сәлем беріп, Одоақр әкесінің және елшілердің қасына келеді/. Менің ұлым Одоақр жоғары мәртебелі елшілермен таныссын дедім. Бұлар Византиядан келген лауазымды адамдар. /Одоақр елшілермен танысады/.

Одоақр. Осындай құрметті адамдармен қол алысуым маған олардың өмір тәжірибесін, қуатын және парасаттарын даритсын...

Едіге. Оның шешесі инабатты, жоғары мәрте герман қызы болып еді. /Елшілерді нұсқап/. Ал мына кісілер италиялық парасаттылар мен терең ойлы гректер, Византияның елшілері, патриций Максимин, сенатор Вигилий және ритор Приск. Ал Приск болса, кәдімгі тарихшы. Ол кейінгі ұрпақтарға қаз қалпында қалтыру үшін материалдар жинап, ғұндардың тарихын және олардың басшысы Аттила туралы жазып жүр.

Одоақр. Екі Рим империяларының осынша қошаметті адамдарымен танысқанымды өзіме үлкен абырой санаймын.

Едіге. Германдықтардың мынадай бір мәтелі бар еді: «Әйел қандыағаштан жасалған, ал еркек шетен ағаштан жасалған» деген.

Рамул. Жас ұрпақ, білім алып, өссін деп Аттиланьы ерекше қызу ниетпен математика, медицина және астрономия кітаптарын жинап жүретіні белгілі. Бірақ биология бойынша ғұндардың білімі шамалы шығар. Олардың флора мен фауна туралы білімдері осындай мақал-мәтелдерден құралады білем.

Приск. Олар әртүрлі ауыруларды және соғыс жарақаттарын емдеуге тиіст» шөптерді пайдаланады. Олар герман ормандарын ғана емес, оңтүстік-шығыстың бай табиғатын да жақсы біледі. Сондықтан мұнда қандыағаш пен шетен ағаштан басқа емен, ақ бук, сәмбітал, бәйтерек және басқа ағаштардың өсетінін біледі.

Одоақр. Қандыағаш дегеніміз әдемі, славяндардың ақ қайыны сияқты сүйікті ағаштары. Ал шетен ағаш мықтылығымен және інімділігімен танымал.

Едіге. Біз балаларымызды, болашақ жауынгерлерді, әсіресе астрономияны оқытуға көңіл бөлеміз. Жұлдызды аспанды жақсы білсе, түн ішінде жан-жағын тез аңғарады және әскери жағдайда шапшаң қимылдауға онысы көмектеседі. Басқа амал жоқ. Менің ұым Одоақр биологияны да тәуір

менгерген. Оған мен көп үміт артамын. Оның ойы өткір, өзі ұғымтал. Тек көз тимесін. Тьфу, тьфу...

Тіпті бір түсімде ол кезекті император болған екен деймін.

Одоакр. Маған оның қажеті не? Сені атақты қолбасшы ретінде Тибрден Босфорға дейін барлық елдер мен халықтар біледі. Мен осындай сенің данқына жетсем болады...

Едіге. Өкең ретінде, ұлым Одоакр, сен менің үмітім мен арманымды орындайтынына сенемін. Өйткені оған ғұндардың тапқыр ойы мен айқын көрегендігі және нағашыларыңнан, мына сорайған бойлары алты фруттық германдықтардан, төзімділігі дарыған...

Рамул /Ақырын аят оқиды/. «О, Құдайдың Анасы және оның адал біткен Ұлы басындағы тікенек өсімдігімен және екіге жайып тастаған қолдары қадалған крестімен құдіреттелген, біздің абыройымыз және мақтанышымыз, бізге және бүкіл христиан әлеміне көмектесе гөр...».

/Денгизик, Ернак және Карпилион келеді/.

Аттила /жастарды көріп қуанып/. Міні менің тағы екі ұлым келді. Денгизиктің анасының тегі ежелгі ғұн хандарының тармағынан еді. Ал әзірше Денгизиктің өзі – ең озық шабандоз және аспанда ұшып бара жатқан қарлығашты атып түсіретін ең жақсы садақшы. Мұндай шебер мергенші бүкіл Паннонияда жоқ.

Приск. Аттиланың жүз сексен екі ұлдары бар екен. Бүгін оларына тағы жаңа туған нәрестелер қосылды. Ал қыздарды тіпті санамайды да. Билеушінің өзі де, оларды менсінбей, мән бермейді.

Аттила. Мынау менің еркем Ернак, сүйкімді кенже ұлым. Мұның көрікті шешесі, славян княжнасы Любаша, менің данқыма қанығып, сырттай гашық болған. Бірақ өкінішке орай, ол өзінің сәбиін, ақжарқын кеудесіне басып, сарғылт жібек шашымен буркеп, аймалай алмады. Славян князінің қызы осындай ардақты еді. Демек, оның тағдырын жаратқан осылай жазған шығар...

Едіге. Княжна Любовь сәби туысымен қайтыс болып кеткен. Нәресте Ернақты ғұнның мейірімді әйелдері мәпелеп өсірді. Бұл славян ханшасы Люба мен ұлы патша Аттиланың махаббаты туралы біздің халқымыз аңыздарды осы күнге дейін айтып жүреді. Бұл қыз сонау славян княздігінен қашып жүріп, тек қана Аттилаға ұл тауып беремін деп жасырынып, келіпті... Оның аузынан шыққан көптеген сөздер мақал-мәтелдерге айналып кеткен. Мысалы, «сүйші мені, сүйгін келмесе, өлтір» деген сияқты.

Приск. Сен маған, Эдикон, соңара бұл жөнінде толығырақ айтып берерсің. Мен бұл махаббат хикаясын жазып алып, кейінгі ұрпақтарға қалдырамын.

Едіге. Бұл мағынада танымал шешенге, тарихшы және жазушы Приск Панинскийге қызмет атқаруға әрқашан да дайынмын.

Аттила /Карпилионға/. Жақындау келші, менің құрбымның ұлы, біздің замандастарымыз айтқандай, «соңғы ұлы римдіктің», қолбасшы Аэцийдің...нәсілі. /Карпилион жақын келіп, бас иеді/.

Максимин. Қалайша қонысына келіп қалған?

Едіге. Ғұндардың қасиетті қосында Аэцийдің өзі бала кезінде ұлы Аттиламен бірге оның ұлы ағайыны Руғиластың тұсында тәрбиеленіпті.

Ромул. Бірақ Аэцийдің шешесі аксүйек тегінен бай рим әйелі болған. Бұған ол бекзада қалай көнген?

Приск. Папируска жазылған мәліметтерге қарағанда, Аэцийдің әкесі Гауденций Скифиядан келген екен.

/Жан-жағына таңырқана қарап, Естімес келеді/.

Тизияның құнарлы жағалауында Руғилас өзінің бас қосын орнатып, балаларды оқыту және тәрбиелеу үшін мектеп ашқан болатын. Осында Гауденций ғұнның қатаң тәрбиесіне өзінің ұлын Аэцийді орналастырған. Сонда ол әскер ісіне үйреніп, Аттиламен және оның ағасы Бледамен қатар оқып, тәрбие алып, олармен бірге өскен.

Естімес /Бледаның атын естіп қойып/. Аттила дұрыс істеген! Аттила дұрыс істеген! Ұлы Аттила дұрыс істеген! Ұлы Аттила дұрыс істеген! Ол дер кезінде өз жолынан Бледаны тайдырған. Қанаттанбаған Бледаны. Ол ұшуға ерінген бүркітті өлтірді. Ең жоғары Тәңірім, ағасын өлтіргенді кешіре гөр, өйткені оның басқа амалы болмады. Басқадай түрде ол Құдай Топпақ және Әлемді бағындырушы бола алмас еді.

Едіге. Құдіреті күшті билеуші осы қикандаған қуақыға ғана марқұм ағасының атын атауына мүмкіндік берген...

Аттила. Карпилион, латынша және грекше еркін оқу мен жазуды үйрендің бе?

Карпилион. Құдайға шүкір, сенің ниетті көмегіңмен Александриядан келген қадірлі философтың барлық дәрістерін алдым. Сондай-ақ ғұн соғысының әскери өнерін де меңгеріп жатырмын.

Аттила /күдікпен/. Мен сені, Карпилион, аманатқа ұстай аламын немесе құлдыққа сатып жіберуіме болады. Бірақ мен құлиеленушілікті жек көремін. Менің жаным мен жүрегіме әскери сап әрқашан жақын. Қиянкескі жорықтар да... Дегенмен олар ғана емес...

/Сахнаның төрінен жағалауында экзотикалық ағаштар өсіп тұрған көл корінеді. Онда ойнақтап, сауық құрып гетералар жүр/. Көрдің бе, Карпилон? Анау өзеннің бойында, салқын суға шомылып біздің алғашқы гетераларымыз

жүр. Сенің олармен шомылуға какын бар. Тіпті ұлы Александр Македонский Таис Афинская деген гетераға ғашық болғанын мен білемін.

Приск. Ғұн әміршісі менің қымбатты Грециямды еске алып тұр. Иә, расында, менің туған Грециямның білімді, өнерлі және өте сұлу, қылықты, ерікті әйелдерімен атағы шыққан. Оларды гетералар деп атайды екен.

/Есендауыл, басқа әскери басшылар және малайлар сахнаға ызаланған турды жетектеп шығарады. Шыншыл, екі қолымен тік ұстап, Марстың семсерін әкеле жатыр/.

Еділ. Біздің ұлы әміршіміз Аттила бұл жер бетіндегі дүниеде жарты ғасырдан астам өмір сүріп жатыр. Бірақ оның ішкі рухы мен парасаты, қолдары мен бұлшық еттерінің күші жас кезіндегідей сол күйі сақталған, тіпті асып түскен...

Шыншыл /Аттилаға семсерді ұсынып/. Міне саған, ұлы хан ием, соғыстың құдайы Пураның тас пұтының, идолдың, қасында сақталып тұратын Марстың семсері...

Аттила. Жок, жас князь Шыншыл. Сен әділдікті жақсы көресің ғой. Мен өзімнің және менің жан кешті семсерімнің күш-қуаты сарқылмайтынын анық көрсетейін. /Семсерін жұлып алып, құлаштап, бір соқаннан турдың басын ұшып түсіреді/.

Ардарих. О, даңқты Аттила, сен рас әлемнің билеушісі бола аласың! Сенің үстіңнен садақ оқтары мен қысқа найзалардың ұшып түсіп жататынын және оңға да, солға да қарсыластарыңның бастарын шауып тастайтыныңды өз көзіммен көріп едім...

Есендауыл. Неге Турасалдың үні шықпайды? Біздің ақынымыз, жырауымыз қайда? Турасал, біздің ұлы қағанымыз және батырымыздың ұлы әрекеттері туралы асқақтата жырлап берші.

/Әбігерленген у-шу және Аттиланы дәріптейтін сөздер мен ұрандар естіледі. Ортаға лезде домбырасымен Турасал ұшып шығады да жырын алғашқы ұзақ нотадан бастайды: а, а, а.../.

Турасал /Әндетіп/.

Күнге сені теңеймін.

Одан артық не деймін?

Айды ешбір, Аттила,

Сенен жарық көрмеймін!

Өсе берсін өркенін.

Көзіңнің нұрын көргенмін.

Егілген тұқым асылдан,-

Көптен оны білгенмін.

Аттиладай хан болмас.

Бас имейтін жан болмас.
Серіктерің қасыңда,
Ешқашан да айнымас.
Шабыттанған ақындар,
Айтысуға барындар.
Осындайда тоқтамай,
Өнер құсын салындар,
Ханым қайда болмасын,
Қай камалды алмасын,
Оның ерлік ісіне
Ермегендер қалмасын!
Денсаулығың, апырай,
Мықты болсын саркылмай.
Әлі талай жорықтар
Алда бар ғой армандай.
Аттиланы ойласан,
Ісі оның орасан!
Ренжіп қалар хан ием,
Бергендерін алмасам...

Шымылдык.

ҮШІНШІ АКТ

Екінші актының декорациясы. Сахнада рим қолбасшысы Аэций және оның ұлы Карпилион жүр. Екеуі де әскери киім киінген, барлық регалиялары тағылған.

Аэций. Балам Карпилион, сен енді балаң, мұрты әлі теппеген жасөспірім емессің, керісінше азулы, кайсар, аянбайтын жауынгерсің. Ғұн қосында сен көп нәрсені үйреніп, білген шығар деп үміттенемін. Оның барлығы саған жауынгерлік жорықтарда, алдағы бүкіл өміріңде пайдалы болады.

Карпилион. Сенің айтқаның дұрыс, әке. Мұнда мен ғұн, грек, герман және латын тілдерін жетік білгенімнен басқа ғұн әскери өнерінің әдістерін үйрендім.

Аэций. Мен оған қуанамын. Әсіресе ғұндардың әскери өнерін меңгергенің саған жақын арада жарамды болады. Ал одан басқа да білімінді молайтатынына мен ешбір күмәнданған жоқ едім. Сарациндық ұстаздың дәрісі өзі ғана неге тұрады? Ал Александриядан келген философ ше?...

Карпилион. Рас, әке. Ғұндардан мен мұнда ғылымнан, дене шынықтырудан, тілдерді білуден және ат құлағында ойнаудан көп үлгілі мағлұмат алдым. Енді соларымды тек қана іс жүзінде жүзеге асыруым керек.

Аэций. Ұлым менің, асықпа. Равеннада сені қаны италияндық шешен, қатты сағынып, күтіп отыр.

Карпилион. Шынымды айтсам, мен де христиан анамды қатты сағындым.

Аэций. Бар, қалған нәрселеріңді тездетіп жинап әкел. Аман-есенімізде біз бұл жерден тайып тұруымыз абзалы. Мен құрбыммен, бала кезімнен досым болған Аттила Мыңжық ұлымен кош айтысып шыққанмын.

/Карпилион кетеді, Вигилий кіреді/.

Вигилий /жалпақтап/. «Соңғы ұлы римдікке» және атақты қолбасшы Аэцийге сәлем бердім! Өзінің ұлы Карпилионға Италияның ұлы жауынгері Аэций келіп, Аттиланың қосында жүр дегенді ести сала, көз ілмедім де бір жерде жеке кездесейін деп бақылап жүрдім. Міне табыстық! Уақытымыз аз. Сондықтан мен тоқ етерімді айтайын...

Аэций. Сөйле, патриций Вигилий!

Вигилий. Біз өзіміздің Византионда батыс-римдік әскерлер ғұндармен болатын орасан зор шайқасқа дайындалып жатыр деп естіп едік. Бірақ ғұндар өздерінің алпауыт басшысы, жұрт айтқандай «Құдай Токпағынсыз» ештеңеге жарамас еді. Ал міне біз, император Үшінші Феодосийдің елшілері, Аттиланы өлтіруге астыртын әрекетпен келіп едік.

Аэций /таңданып/. Тура өзінің лагерінде ме? Оларың не сандырақ? Мұнда әрбір ғұн Аттила үшінөз өмірін киюға дайын. Ғұндар Аттиланы жер үстіндегі құдайдай сыйлайды да бас иеді. Демек, ол қастарында жүріп, бауырласып, бірге ішіп-жейді де ұрыста ылғи жеңіске жетеді және сол табыстарына қарай жауынгерлерін дер кезінде марапаттап отырады. Оның бәрін мен жақсы білемін, себебі жасымда, осында аманат болып тұрғанмын. мұнда басқадай амал қажет. Мұнда күшті күш қана жеңеді. Онан да сендер, шығыс-римдік христиандар, бізге көмек ретінде қарулы күш жіберіңдер, бекерге сандырақтаған Арийдің соңынан ермей...

Вигилий. Мен бұл сөзіңді Константинопольға қайтқан соң император Феодосийге және сенатқа жеткіземін.

/Жолға жиналған Карпилион кіреді/.

О, Карпилион Аэцийұлы, әкенің даңқына лайық болып, жеткін. Жолдарың болсын! Екеуіңе де жауынгерлік табыс тілеймін! /Аэций мен Карпилион коштасып кетеді. Сахна айналады. Аттиланың сарайының үлкен қабылдау бөлмесі. Залдың ортасындағы биік тұғырдың үстінде жайланып, өзінің тағында Аттила отыр. Оның айналасында Хелхал, Едіге, Максимин, Приск, Вигилий тағы басқа қолбасшылар, сақшылар және елшілер тұр. Алтындатқан колонналар жарқырайды. Түрлі түсті парсы кілемдер барлық өткелдерді, эстраданы және қабырғаларды көркейтіп тұр/.

Аттила. Менің батыл да ержүрек сарбазым Шыншыл, бүгін сенің отыратын орның менің қасымда болады. Бері өт те, өзіне лайық орынды иелен...

Шыншыл. Мен бақытты жан екенмін, ұлы әміршім, демек сенің данқынның өшпейтін жұлдызының астында таза ауа жұтып, өмір сүріп, өзімнің ерліктерімді көрсетіп жүр екенмін. /Жоғары барып, Аттиланың қасына отырады/.

Аттила. Сен менің бірінші кеңесшім, дана ақылшын және атақты қолбасшым Хелхаммен бір когортада а тұру құрметіне ие бола алдык. Біз бүгін рим елшілерін қабылдадық. Бірақ алдымен біздің елшіміз және батырымыз Едігеге немесе латынша Эдиконға құлақ салайық. Мен оның Константинопольға барған сапары туралы есебін әлі тындай алмадым.

Вигилий. (ақырын). Қайткенменен гүндардың әміршісі айласын өткізіп отыр. Бізбен келгеннен соң өзінің елшісімен сөйлеспей мүмкін емес...

Едіге. Ең алдымен онда мені қабыршақты төбесі алтын жалатқан черепицамен жабылған үйлер, әсемделген сарайлар мен храмдар және византиялықтардың сәнді де салтанатты тұрмысы, күнделікті өмірі таң қалдырды.

Вигилий. /ақырын/. Эдикон өзінің әміршісінің қырағылығын басайын және күдігін сөйілтейін дегені ғой, сірә...

Аттила. Олардың әрқашан ондайы бар болатын. Римдіктер алды-артына қарамай, ойын-сауыққа, жын ойнаққа керемет көп пұл шашып, сонан соң асқан ынтамен өздерінің құдайы Иисус Христостың алдында ақталу үшін шіркеулер мен храмдар салады.

Хелхал. Оның барлығы мейлінше белгілі. Сен бізге саяси жағдайдың мәнісін айт: император Феодосийдің біздің және өзінің елшілерін қарсы алуы және шығарып салуы туралы...

Вигилий /ақырын/. Дәмен зор екен. Эдикон қалтқысыз және болаттай берік антпен таңылып байланған...

Едіге. Оның пасық мәнісін көз көріп, құлақ естімесін. Мен олардың астанасын мақтап жүретінмін. Соған масаттанған оларға мен айламды әбден өткіздім. Олар мені, император сарайына шақырып алып, егер мен олардың зұлымдық тапсырмасын орындасам, мені алтынға бөлейтіндерін айтты. Маған ант етуге тура келді...

Вигилий /Едігеге/. Сен антыңды бұзып тұрсың!

Едіге. Мен антты өзіміздің ғұн құдайының алдында емес, сендердің ариан құдайларыңның алдында бергенмін. Оған мен император мен мына арамза елші Вигилийдің зұлымдық әрекеттерін әшкерелеу үшін бардым. Аттиланы өлтір деген сөз ең алдымен осы Вигилийдің аузынан шықты.

/Вигилий еденге, дүрс ете түсіп, құлайды. Айнала у-шу көтеріледі, ащы дауыстар естіледі. Төрт гүн Вигилийді екі жағынан ұстап алып, көтеріп аяғына тұрғызады/. Алдымен бұл қанішер сайқалдар маған 50 фунт алтын төлейді деп келістік. Ал төбесіне алтын жалатқан үй, қалған алтын және басқадай төлемдер мен Константинопольға қайтып оралғаннан кейін берілетін болды.

Максимин /таңырқанып/. Мені мына елшілікке осы үшін, осыған байланысты шақырған екен ғой...

Приск. Астыртын әрекет істеушілер сенің, патриций Магнус Аврелий Максимин, адал сенатор ретінде хас таза атыңды өздерінің зұлымдық ісін бүркемелеу үшін пайдаланбақшы болған.

Максимин. /Аттилаға/. Ұлы Танджо, мынаның бәрін мен осында, Хунгвартта, бірінші рет естіп тұрмын.

Аттила. Князь Едіге, айта бер...

Едіге. Елу фунт алтын салынған дорба қазір де Вигилийдің туникасының астында мойнында ілулі тұр. /Жалшылар Вигилийдің шапанының жағасын тартып қалып, қобдишаны жұлып алады да Аттилаға ұсынады/.

Аттила /қобдишаның жазуын оқиды/. «Хризафиостың меншігі». Енді сен не айтар екенсің оңбаған, жүзікара?

Вигилий /тізесімен құлап/. О, ұлы хан, кешіре гөр мені! Сен кен пейіліңмен елге танымалсың! Аяшы мені, адасқан бір итті! Өмірімді үзбеші!

Аттила. Сенің өмірің маған неме керек? Ол иттің өмірінен артық емес. Мен сені крестке керіп шегелеп тастар едім немесе Виминациумға әлде Равеннаға баратын жолдың бойына асар едім. Сендер, римдіктер, мен өз шешімімді ешқашан өзгерпейтінімді білесіңдер. /Максиминге/. Саған, патриций Магнус Аврелий Максимин, Константинопольға барғаннан соң сенаттың бірінші отырысында мына жауызды, мойнына қобдишасын асып қойып, сенаторлардың алдында толық әшкерелеуді тапсырамын...

Максимин /сенімді түрде/. Өлім қаупі болса да соны істеймін. Қандай маскара! Осындай кейбір жексұрын жандар римдіктердің ақпейіл атына кір жағады...

Естімес /бір аяғында секіріп/. Міні қаскүнемдер, міні қаскүнемдер...

Ұлы Танджоны өлтірмекші болған. Ол қорлық көрген адамдарға жақсылық жасайды ғой.маған, бұрынғы құлға, толық бостандық берді ғой. Ол құлдықты жек көреді! Сондай-ақ өзі туралы маған не болса, соны айтуға рұқсат берді. Ол маған ештеңеге тыйым салмайды... /Вигилийге/. Ал мына зұлым, өзін өзі ит деген сұм, бір ғана солид үшін құлды да, жалшыны да өлтіреді. Өзінің де құны сондай ғана. Ал ол әлемді билеушіге қолын көтереді. Оны маған беріңдерші, мен оны ақырын ғана, өзіне де білдіртпей о дүниелік етейін... /Секіріп/. Ақсақ-тоқсақ, ақсақ-ақымақ, ақсақ-тоқсақ...

Аттила. Қылмыскер Вигилийді шынжырландар! Дәл сол қалпында Константинопольға жеткізілсін! /Ғұндар Вигилийді алып кетеді/. Ал енді сендер, батыстық римдіктер, құдай берген Паннонияға немен келіп тұрсындар? Періште жанды, қасиетті адам ақсақ-тоқсақ, ақсақ- ақымақтар туралы дұрыс айтып жүр. /Естімес бір аяғымен секіреді/. Король Ардарих, келесі жорықтарға да дайындалып жатқан римдік және гректік карталарың дайын болды ма?

Ардарих. Иә, құдіретті хан Аттила. Міне барлық жолдардың желісі және елді мекен нүктелері қойылған карталар. /Аттилаға карталарды әкеліп, алдына салады/.

Аттила. Батыс римдіктер, қадірменді елшілер Примут және Ромул, сендердің визиттеріңнің нақты мақсаты туралы сұрақ қойып тұрмын.

Примут. Жоғары мәртебелі және ұлы Танджо, сенің қоятын талаптарың және батыс-римдік империя мен қазіргі біздің император Үшінші Валентиниан Флавия Плацидияның резиденциясы орналасқан Равеннаға қойған нақты сауалың бізге әбден мәлім. Біз саған төлеміміз жыл сайынғы бес жүз фунт алтынды, сондай-ақ рим папасы Бірінші Лев пен император Валентинианның анасы Галла Плацидияның және принцесса Гонорияның сәлемі мен бас иуін әкеліп тұрмыз.

Аттила. Гонорияны маған күйеуге бергендегі жасауының шарттары сендерге белгілі ме?

Ромул. Иә, билеуші Аттила. Бірақ ол қазір Италияда тұрмайды. Ол Константинопольда цезарь Феодосийдің қарындасы Августа Пульхерияның қарамағында және тәрбиесінде жүр.

Аттила. Римнің өрескелдігін мен білемін. /Картадан көрсетіп/. Миланды басып алғанымды цезарьлар сарайында әртүрлі тастардан құрастырылған, керемет үлкен суретті көрдім. Ол мозайкалық суретте ортада, өзінің тағында сәндісі, император Валентиниан отыр екен. Ал оның аяқ тұсында сенімді алым төлеушілер ретінде, бас иіп, тоғыз бағынышты патшалар алдына мол алтынды үйіп жатыр екен. Олардың екеуін ол аяғымен басып отыр. Жақындап келіп қарасам, бұл ғұн киіміндегі екеудің біреуі мен екенмін де, екіншісі менің ағам Бледа болып шықты. Басында мен бұл суреттің пара-парасын шығарайын деп едім. Бірақ соңынан мен өз шындығымды басқаша жеткізейін дедім. /Оның қол сілтеуімен кілем алынады да жабылып тұрған үлкен, ашық бояулы, мозайкалық сурет көрінеді/.

Міне мұнда тарих шындығы дұрыс көрсетілген. Менің алдымда цезарьлық парфираларын таққан екі алым төлеушілер жатыр. Олар – императорлар Феодосий мен Валентиниан.

Қазір парфиялықтар, парсылар, исавриялықтар, эфиоптар және сарациндер біздің одақтастарымыз болды. Олар Феодосийге шығыс пен

оңтүстіктен шабуыл жасайды. Егер Гонория Константинопольда болса, онда мен өзімнің болатпен қаруланған когорталарымды Дунай бойымен төмен жіберемін...

Максимин /ақырын/. Апырай, Гонорияның абыройы Иисус Христосқа бағышталып, монастырға орналастырылғанын, кейіннен оның жүкті болып қалғанын Аттиланың білмегені ме?

Примут. Оның үстіне ол сайқал бізде тұтқында болып, құлдықтан қашып шыққан араб ханзадасына тұрмысқа барған.

Приск. Аттила Гонория-сұлудың портретін аялап, туникасының ішінде, жүрегінің қасында сақтайды және оның сыйлап жіберген балдағын саусағынан тастамайды...

Ромул. Бірақ олар бір бірін ешқашан көрмеген ғой? Қалайша тәнсіз пендені сүйіп, көз алдына ғана елестетіп, рахаттануға болады?

Приск. Барлық қасірет сонда болып тұр ғой. Танджо Аттила тек қана алпауыт күштің иесі емес, оның қиялы да керемет зор болып біткен. Ол өзінің қиялымен көз алдына нағыз шынайы да аласұрған махаббатты елестеткен ғой. Бұл жолы ол тек жүрегіне ғана бағынған шығар. Ал оған ол өте-мөте сирек баратын кісі... әдетте оны ештеңеден тайынбайтын, оңтайлы және өткір ойы, парасаты бастап жүреді.

Аттила. Ең ақылғөй шалым, көп тәжірибелі ақсақалым, нағыз сәуегетім Хелхал, айтшы маған, егер мен тағы бір үлкен шабуылды бастасам, дұрыс болар ма еді?...

Хелхал. Әбден дұрыс. Қазір ең қолайлы уақыт келіп тұр. Вестготтардың әлсіреп тұрған кезі, өйткені онда ағайынды үшеу, найзалары мен семсерлерін жалаңдатып, таққа таласып жатыр. Ал Константинопольда тағы бір несториандық деп аталатын күпір бас көтерді. Патриарх Несторий, Мария Қызды құрметтеп, тек құдайдың анасы дегенге қарсы шығыпты. Несториандықтар Мария Қызды оның үстіне Кісінің Анасы немесе Христостың Анасы деп аталуы үшін таласады екен...

Аттила. Кез келген қоғам және мемлекетте болып жататын жіктелу, бөліну біздер, ғұндар және біздің одақтастарымыз, үшін тек қана қолайлы, орынды және дәл мезгілінде болып жатыр екен.

Шынышыл. Сенің қолбасшыларың, князьдарың және данқты жауынгерлерің босқа тұрып қалды да жорықтар мен шайқастарды ансап жүр. Кез келген бағытқа, таңдаған еліне қарай баста бізді...

Аттила. Христиандық, ариандық, несториандық... барлық бұл күпірлер мен христиан діні әртүрлі талқылау, дау мен таластарды тудыра берсін. Бірлік жоқ жерде жеңіс те жоқ. Маған бағынышты халықтар мен тайпалардың берген антына мен сенемін! Итиль мен Жайық өзендерінің бойында ешқандай ресми

діннің тұрақтамағаны дұрыс болған екен. Онда табиғаттың өзі билеп төстейтін. Біз аспандағы құдайымыз Тәңірге, соғыстың құдайы Пуруға, қару-жарак құдайы Марсқа және жылқының құдайы Дзривилеге табынатынбыз.

Шыншыл. Сені, күдіретті ел басы және ең ақылды колбасшы Аттила, Құдай Токпак, Тәңір құты және Женіс Ұлы деп тегін атамаған. Біз осы екпінмен Британ теңізіне де жетерміз...

Аттила. Менің ғұндарыма және ержүрек жауынгерлеріме Молдавадан суы Рейнге дейінгі нәрлі жерлерді иемдендіремін...

Ардарих /Бауэрға/. Герман халқы бұл сұрапыл да жойқын жорықтан кейін жалғыз лугнион тайпасынан ғана айырылмас.

Бауэр /ызамен/. Тойымсыз айдаһар!

Эллак. Ах, жүргенсіз кеткен мылжың. Өз орныңды және сиқынды білмейді екенсің. /Қанжарын жұлып алып, Бауэрге лактырады, бірақ ол оның ұзын шашын ғана жанап өтеді/.

Аттила. Скирлердің ханзадасына тиіспендер! Біз, ғұндар, бала кезімізден әншілер мен ақындарды қадірлейміз. Оның орындаған жыры тарихқа лайықты сыйлық бола алады. Ол жыр, біздің барлығымыздан да ұзақ өмір сүріп, көп жылдар мен ғасырлардан кейінгі ұрпақтарға жете алады...

Ернақ. Сүмелек ақын! Ол жаман сөздермен ұлы қағанды балағаттап тұр. Мен оның бұл сұмдық қылығын ешқашан кешірмеймін де реті келгенде аяусыз есіне саламын...

Аттила. Тынышталыңдар, менің қымбатты ұлдарым мен даңқты жауынгерлерім. Мен үшін бұл тілазарды құрту шыбынды өлтіру немесе шегірткені езе салумен бірдей. Бірақ ол дүлей билеушінің қаншама ұлы да шалқар пәрменді екенін өз көзімен көрсін...

Шыңшыл. /Аттилаға/. Қарашы, хан ием, оның көзінде қаншама өшпенділіктің белені көрініп тұрғанын.

Хелхал. Қырағы болғай, менің билеушім Аттила. Сен көптеген қантөгіс шайқастардан, ұрыстардан және жекпе-жектерден аман-есен өттің. Қайдағы бір кездейсоқ жағдай сенің әлді де жалынды жүрегіңді тоқтатып жүрмесін.

Аттила. Дегенмен маған бұл зұлым әншінің таймастығы, өжеттігі ұнап тұр. Мүмкін ол әсте зұлым емес шығар, демек оның кеудесінде жастық жалыннан ақындық қаны қайнап тұрған шығар. Маған оның Бауэр деген аты ұнайды. Онысы біздің «бауыр» деген сөзімізбен үндес екен. Біздің «бауырымыз» дегеніміз «туған інім немесе туысым» дегеніміз емес пе? Мүмкін Бауэр менің ұлдарыма туған бауырдай туыс болып кетер...

Бауэр. Ит саған бауыр болсын, тойымсыз айдаһар, әйелдерді арамдаушы, жүгенсіз басқыншы! /Акинақын жұлып алып, ырғытып лактырады. У-шу. Шыншыл көз ілгенше Аттиланы қорғап, семсерге кеудесін тосады/.

Естімес. Лагнет атқыр гот! Қолың сыңғыр скир! Сен ең қасиетті адамға, жеңілмейтін көсемге қолыңды көтердің. Мен сені өзім-ақ өлтіре саламын. /Семсерін суырып алып, Бауэрға қарай ұмтылады/. Бірақ оны ғұндар мен готтар ұстап қалады. Эстрададағы тақтың айналасында болып жатқан қарбаласқа осындағылар түгел қарайды. «Аттиланы өлтірді. Ханның өмірін қиды. Аттила қаза тапты» деген дауыстар естіледі/. Маған бұл дүниеде құдіретті де әділетті билеп төстеушімізсіз өмір жоқ. Ғұндар, қош болыңдар! /Семсерімен өзін-өзі жарады/.

Едіге. Естімес, неге ғана оны істедің? Құдайға шүкір, ұлы билеушім тірі. Оны өз кеудесімен жоғары текті және ержүрек князь Шыншыл қорғап қалды. Батыр Шыншыл мәңгі есте сақталсын! /Бауэр шынжырланды. Шыншыл мен Естіместің денелерін сарбаздар алып кетеді. Жиналған жұрттың барлығы эстрада жаққа қарап тұр/.

Хелхал. Бұл қаскүнем жырау Бауэрмен, арамза қанішермен, басқаларға патшалардың патшасы, король дардың короліне қол көтермеуі үшін сабақ болатындай етіп, қалың жұрт алдында өлім жазасын орындау керек.

Аттила. Ол үшін мұндай жаза тым қымбат сыйлық болады. Оның үстіне ғұндар ақындарды сонша құрметтегенімен болашақ ұрпақтар Аттиланың өз қолынан қаза тапқан деп аңызға айналдыруы мүмкін. Мен оған басқадай ұзақ, ауыр да азапты жаза ойлап таптым. Бауэр Бургунд королі Гундхардын қарындасы Ильдиқоға ғашық екені маған белгілі. Бұл жолы ол менің астанама үйлену үшін батамды алуға келген еді. Бірақ ол өз тамырын өзі балтамен шапты. Алдымыздағы жорықта бургундтар онымен қоса франктарды талқандаймын, себебі олар Аэций басқарған рим әскерлері жағында болды. қаскүнем скир Бауэрдің екі бірдей адамның өмірінің қиылуына дәнекер болғанымен, мен оның өмірін сақтайын дедім. Біздің қаншалықты жеңімпаз да күшті екенімізді және қалай мен оның сүйіктісі Ильдиконы жар қылғанымды өз көзімен көрсін...

Бауэр /ыңырысып/. Онанда өлгенім артық! Мұндай қасіретті көрсеткенше, дереу жазала мені, тезірек өлтір мені, о, ұлы ел билеуші Аттила! Өтінімін!

Аттила. Мен еш уақытта шешімімді өзгертпеймін. Оны барлық ғұндар менготтар, достар мен дұшпандар, жақтастар мен жаулар біледі. Мұны шынжырландар да зынданға тастандар!

Хелхал. Ұлы Танджо және қаған Аттила, мына жиналған қауымның алдында келесі үлкен жорыққа дем беру үші тілек сөзінді ортаға лайықтап, айтып бер. Оларға құпия мұраттарың мен міндеттерінді ашып бер. Жауынгерлер мен қолбасшыларды жанқиярлық ерліктерге рухтандыр. Римдік он екі цезарьлардың игілікті, жасампаз, сонымен бірге жиіркенішті де

әрекеттері белгілі, сонау Христостың туғанынан бұрынғы екінші ғасырдан бастап...

Ардарих. Ұлы хан Аттила сонымен бірге герман тайпаларының қарым-қатынастарының астарын және араздығын жақсы біледі. Олар өмірбаки бір-біріне қызғаншақтық танытып, таласып жатады, кейде құла түсіп туыстасып жатса да... Бірақ құдіреті күшті Аттилаға ант берген тайпалар соңғы деміне дейін сенімдігі мен адалдығынан айырылмайды...

Есендауыл. Мұндай ұлы жорықтың алдында қатардағы жауынгерлер де, танымал қолбасшылар да сенің, дана қолбасшы және анық көреген көсем Аттила, шабытты да жалынды тілек сөзіңді күтуде.

Аттила. Даңқты менің сарбаздарым және қолбасшыларым, қазір маған, жарты әлемді билеушіге, он екі тәждар мен отыз мемлекетті бағындырушыға, Эвксиналық Понттан Британ теңізіне дейін, Геркулестің тірек бағаналарынан Адрианопольдің қақпасына дейінгі елдер мен халықтар бағынады. Мен өзім Понт пен Каспий теңіздерінің солтүстік жағалауында жайқалған даланың кеңістігінде туып өстім. Мені мәпелеп, Итиль мен Жайықтың асқақ толқындары өсірді. Елдің айтуынша әкем Мыңжық қаған менің атымды дарқан өзен Итильдің атына ұқсас етіп қойған екен. Менің өмірімде үш нәрсе маған жат. Олар – құлдық, ішкілік және пәруайсыз намыс пен айбын. Бұл кемістіктерді италиялықтар, германдықтар және кең байтақ жатқан Галлияның тұрғындары бойларына дарытқаны бізге, ғұндарға, кереметтей көмектеседі де ылғи септігін тигізеді...

Менің арғы бабаларым еуропалықтар, индустар, қытайлар және мысырлықтар сияқты жасампазшылар және қала салушылар болған. Латынша оларды «гардерлер» деп атапты. Менің он төртінші буындағы атам, ғұндардың ақылгөй патшасы Чжи-Чжи Орталық Азияда Тараз деген қаланы салыпты. Бірақ тағдырдың билігімен кейіннен скифтер мен ғұндар түгелдей көшпенділік өмір сүруге беріліп кеткен, қой баққан, мал өсірген, дөңгелек киіз үйлерде тұрған, эпос пен күйлі сазды жақсы көрген және қол өнерімен әуестенген. Даланың тегіс те шет-қиырсыз кеңістігінде ғұндар ат міну өнеріне соншалық қанық болған, тіпті осы күнге дейін оларға ілесе алатын дүние жүзінде жан жоқ. Ғұн мен оның аты екеуі табиғи соншалық жабысып біткен, тіпті менің көзіме тірі кентавр сияқты көрінеді.

Даланың көшпенділері құлдық дегеннің не екенін білмеген де осы күнге дейін құлдық қоғам дегенді білмейді. Ал Рим империясы құлдық құрылымды бүкіл Еуропаға жайған.

Барлық еуропалықтарды баурап алған ішкілік жөнінде айтсам, мен қырық жылдан астам су мен қымыздан басқа ешқандай сусын ішпеймін...

Пәруайсыз намыс пен айбынға келетін болсақ, мен ешқашан босқа еш елге шаппадым да бірде бір жеңіліп көрген емеспін. Оныма кепіл болған мына мықты болат қылышым да басқа елдерде жоқ, өзіміз ойлап тапқан, ысықыра ұшатын садақ оқтары және менің кайсар да сенімді сарбаздарым. Сондықтан мені барлық елде «Тәңір құты», «Жеңістің ұлы» және «Құдай Тоқпақ» деп атап кеткен. Біз мақтанышпен «ғұн аттары басқан жерге шөп шықпайды» деп тегін айтпауымыз керек. Біз Еуропа халықтарын барлық кемістері мен құлдықтан құтқарамыз...

Рим империясының құлдырауына ең алдымен олардың дарынсыз және ықылассыз императорлары ықпал жасады. Маған белгілі он екі принциптің тек төртеуі Август Адриан, Антоний Пий, Луций Вер және Екінші Клавдий ғана өз өлімімен қайтыс болған. Ал қалған сегіз цезарьлар мен басқарушыларды өздерінің сайлаушылары және нөкерлері түсірген, басқаша айтқанда, өлтірген. Қалайша олай болмасқа? Принципс Коммод есі шыққанша гладиаторлық ұрыстарды жақсы көрген. Қарақалла жан-тәнімен беріледуагерлерге сенген және әртүрлі балгерлер мен сикыршыларды қолдаған. Гелиогабал дінге басымен берілген және фанатик болған және ашық түрде қанша әйел алғысы келсе, сонша алудың орнына күйеудегі әйелдермен шатасып бітті...

Германдықтар сансыз көп, әрбіреуінде өз королі бар тайпаларға бөлінген. Ол корольдер қызғанышпен және өзара бәсекемен ала көз болуда. Тек маған сенімділігін арттырып, ант бергендер ғана аман-есен өмір сүріп жүр.

Суабтар, хунгрлар, славяндар және алаңдар менің жағыма өтіп, маған сенімді сеп бола алды. Менің жақтастарым болу үшін алаңдар Кавказдың Дарьял шатқалынан өтіп, менің құдіретті әскерімнің құрамына қосылды. Римдіктер, франктар және бургундтардың бірінші қолбасшысы және жұрт айтқанда, «ұлы соңғы римдік» Аэций менімен және менің ағам Бледамен бірге балаң жас кезінен ағайым, ұлы қолбасшы Руфиластың қасында тәрбиеленген. Маған оның мінезі, әскери дағдысы және қимыл әрекеттері әбден таныс. Енді Аэцийдің ұлы Карпилион Хунгвартта менен және менің қолбасшыларымнан соғыс тактикасы мен әскери өнерді үйренді. Алдымыздағы шайқастарда біз оны ұмытпауымыз керек. Өзіміздің болашақ ұрыс әдістерімізді, соның бәрін ескеріп, жанаша да басқаша етіп құруымыз қажет. Жеңіс бізде болсын! Ең жоғары құдайымыз Тәңір мен соғыстың құдайы Пурудың бізге дегенде көзқарастары ұдайы дұрыс болушы еді. Солардың әмірімен бізді Рейн жағалауына дейін ұзақ сапар күтіп тұр және, менің шамалауым бойынша, біз Каталаун жазығында үлкен шайқасқа түсеміз...

Даңқты менің жауынгерлерім және танымал қолбасшыларым, сәт сапар және қайырлы жол болсын! Адамзат игілігі үшін тартындар алға!...

/Толқыған жұрттың, сарбаздар мен бейбіт тұрғындардың у-шуы, Аттиланың құрметіне айғайлап айтылған сөздер естіледі/.

Шымылдык.

Екінші бөлім

Төртінші акт.

Үстіртті жерде үлкен шатыр құрылған. Оның алдында тұрған үстел үстіне карталар жайылған. Үстелдің қасында, карталарды ақтарып, Аттила, Эллак, Есендауыл, Хелхал және басқа қолбасшылар тұр. Кернейдің дауысы және алыста жүріп жатқан шайқастың дыбысы естіледі.

Аттила. Бірін-бірі жиі ауыстырған, көптеген рим цезарьларының ішінде Галлиядан, Сириядан, Германиядан келгендер болып еді. Олар ақ сүйек итальяндық қыздарға үйленіп, өздері де римдіктер қатарында саналатын. Оларды көбінесе солдаттар сайлайтын, сондықтан оларды «солдат императорлары» деп атайтын. Жақын болашақта Батыс-Римнің тағына ғұндық немесе скифтік принципс отыратынына менің сенімім мол. Ал ол ардақты қиялдың орындалуына біз мұнда, Каталаун алаңында, жеңіске жетуіміз керек. Аэций, оның ұлы Карпилион және вестгот корольдары мен қолбасшылары бұл шайқаста аянбай барлық қабілетін, білімін, өнерін сарқылмай, толық ортаға салып, соғысып жатыр. Бізде оларға солайша қарсы шығуымыз керек. Тіпті олардан асып түсудің жағдайын ойлайық.

Есендауыл. Аэций өзінің ұлы Карпилионды біздің ішімізде, ғұндардың арасында, біздің мектепте оқытып, арнайы дайындалған екен.

Эллак. Біз онымен талай серіктесіп жүрдік, бос уақытымызды бірге өткізіп, бірге оқып, араласып жүрдік. Мен оны терен ойлы және тапқырлық қабілеті бар еді деп айта алмаймын... Карпилион әдетте жеңіл ойлап, балаша үстірт сөйлей беретін.

Хелхал. Менің ойымша, Карпилион әдейі қарапайым жігіт сияқты жүріп, ештеңеге мән бермеген болып, әкесінің нұсқауымен және өзінің түйсігімен бәрін байқап, жадына сақтап және жаттап жүрген болар. Мен осында, Хунгвартта, оның сондайын байқап калып едім.

Аттила. Ақылғөй ақсақал Хелхал дұрыс айтады. Біз бұл сауалды ескеруіміз керек. Менің бұрынғы жандосым кейіннен жауым болған, талантты қолбасшы Аэций егжей-тегжейлі біздің соғыс жүргізу әдістеріміз бен ерекшеліктерімізді әбден қамтып отыр.

Маған, мырзалар, мынадай ой келді. Біз жүз курьерлерді тағайындап қойдық. Олар от пен найзаның астынан біздерге, басқарушыларға жетіп, негізгі мәліметтер тоғысатын бас орыннан әр жердегі шайқастың жағдайы туралы хабарды жеткізіп тұрады.

Есендауыл. Бұл тамаша ұсыныс!

Эллак. Жүз шабармандардың біреуі болмаса біреуі қайткенде жетеді. Сонда барлық бағыттарда әскери әрекеттеріміздің байланысы мен қатынасы болып тұрады.

Аттила. Бірақ ең бастысы бұл емес. Эллак, ұлым менің, сен бас штабты басқаратын боласың. Жүз шабармандар сенің қол астында болады. Сенің табанды міндетің барлық флангтар мен әскери бөлімшелерден барынша мәліметтерді жинап алып, бізге жеткізіп отырасың. Сенің қасыңда тәжірибелі де ақылгөй князь және кеңесші Хелхал болады.

Хелхал. Сенің үкімдерінді түгел дәлме-дәл және дер кезінде орындау үшін, бас қолбасшы Аттила, барлық күшімізді жұмсаймыз.

Эллак. Ақылгөй Хелхалдың менімен болатыны өте жақсы. Біз онымен келісімді түрде әрекеттенеміз.

Аттила. Орталықтағы шабуылды мен өзім басқарамын. Оң канаттағы шабуылды Есендауылға тапсырамын. Сол флангты басқаруға ұлым, батыл мерген және сергек жауынгер Денгизикті тағайындаймын. /Үлкен ұлына қарап/. Ал, Эллак болса, маған қарай ұшып келе жатқан тастан қорғап, оң қолын жаралап алды. Катапультадан атып жіберген тастың күшін білесіңдер ғой. Бірақ ол сол қолымен семсерді оң қолындай мықты сермейді. Сондай-ақ оның құдай берген еңселі күші, сергек жүрегі және ақылды басы бар. Ұлым менің, маған ерекше маңызды хабарлама болғанда, он екі курьерлерді бірден жіберерсің, себебі ең болмаса біреуі жетер...

Есендауыл. Ұлы қаған, сол канатқа Денгизикті қойғаның дұрыс болған. Барлаушыларымыз жеткізген ақпар бойынша Аэцийдің әскерлерінің оң канатын ұлы Карпилион басқарады екен. Оның мінезін және қылықтарын Денгизик жақсы біледі.

Аттила. Карпилион біздің ахуалымызды жақсы біледі. Сондықтан біз өзіміздің бас тактикамызды өзгертеміз және жетілдіреміз. /Оң қолын нұсқап/. Көріп тұрсыңдар ғой. Католаун жазығының оң жағында қырат төбе бар, ал сол жақта ну орман сілемі жатыр. Біз шегінген болып, соғыса жүріп, жаудың әскерін ішке қарай тартып, енгізуіміз керек. Тоғайдың ішінде гепидтердің королі Ардарихтың жалпы басқаруымен екі когорта біздің әскерлеріміз жасырын қойылған. Король Ардарих өзінің байырғы жауы – римдіктерді аямайды. Ал анау жақтағы қыраттың әр жағында екі когорта әскеріміз жасырынып қойылған. Оларды алға бастайтын ержүрек батыр Есендауыл. Аэцийдің әскері біздің ішімізге мейлінше кіргеннен соң Ардарих пен Едіге тосыннан екі жақтан бірдей жауға тап береді және екі жақтан қатарлары қосылып, бекітеді.

Эллак. Мынау нағыз қапшық болды ғой! Аэцийдің әскерлері қаптын ішіне түскендей болады. Әке-ау, қалай мұны ойлап тапқансың?

Есендауыл. Егер мұның барлығы ойдағыдай орындалса, бұл дұшпандық тактика болар еді. Мұның әбден жаңа да өзгеше амал ғой...

Шабубылдың дабылы күшейе түсті. Жаушылар хабарларын әкеліп, келіп-кетіп жатады/.

Аттила. Шалон қасындағы Каталаун жазығындағы шайқас мәңгі тарихта қалады. Адамзат әлі мұндай орасан алпарысты білген емес.

Азций біздің жоспарларымызды қолына түсіріп, біліп алған. Әйтпесе ол дәл біздің әскеріміздің санындай әскер бірден жинамаса керек еді. Каталаун шайқасына біздің жақтан жарты миллион сарбаздар қатысқан болса, біздің қарсыластар жағынан да сондай жиналыпты. Бұрын көз жіберіп, құлақ естімеген қанды ұрыс болды бұл...

Хелхал. Шығын екі жақтан да қисапсыз көп болып тұр. Қарсыластарымыз тайынбай соғысып жатыр. Өзін де аямай, бізді де аямай қырлысуда және аңсағандары тек қана жеңіс көрінеді...

Есендауыл /хабарламаны оқып тұрып/. Ұлы шырақ, мен өз легионыма жетіп, өзім басқарып, шайқасқа тікелей қатысуым керек болып тұр.

Аттила. Құдай қолдасын, менің тандаулы қолбасшым! Жеңіс алдыңнан шықсын! Есендауыл кетеді.

Денгизик /хабарламаны оқып тұрып/. О, ұлы император және ғұндардың көсемі, салнақалы тактиканы орындау үшін мен шайқастың ішінде болуым керек.

Аттила. Жеңіске жетуің үшін тілек білдіремін! Соғыстың құдайы Пуру саған да қайырымдылық жасасын! Денгизик кетеді.

Хелхал /алысқа көзін тігіп/. Қайткенмен біздің әскеріміздің тактикалық шегінісі созылықырап барады. Сарбаздардың топталған жерінде, шайқастың қақ ортасында өлім мен өмірді айырып болмайды. Мұндай жағдайда штабымыз және біз өздеріміз қоршаудың ішінде қалып қоюымыз ғажап емес...

Эллак. Байқамаса болмайды. О, ғұндардың көсемі, сенің сергек көрегендігіне кәміл сенеміз. Әлемді билеуші және менің әкем, сенің қасында және сені қорғап, өлгенді өзіме бақыт деп санаймын...

Аттила. Әр қандай жаңа да таңғажайып әскери ой басында тамаша да терең күйде, өзіне тартып, сайрап тұрады. Бірақ оның жүзеге асуы өзіне және қасындағы жақсы адамдарға ғана емес, жүз мың сарбастар мен командирлерге байланысты...

/Шайқастың дүмпілі жақындау естіледі. Тіпті кейбір сөздер мен рулық ұрандар естіледі: «Албандар, алға! Дулаттар, маған еріндер! Арғындар, бір адым кейін шегінбейік! Қыпшақтар қайдасындар? Es lebe, die Qoten!» ж.б. сахна қараңғыланады. Шайқасқа қатысушылардың ашынған да айбынды дауыстары естіліп жатады... Сахна бос. Дауыстар мен соғыс гүрсілі алыстайды.

Жарықтанады. Жабдық сол қалпы. Тек кана үстел үстіндегі карталар жоқ. Аэций, оның ұлы Карпилион, вестготтардың қолбасшысы Торисмунд және басқадай әскери басшылар келеді/.

Аэций. Менің білетінім, ғұндардың ордасы жиырма төрт тайпалардан құрылған. Сол барлық тайпаларды тығыз топтастыру бір ғана Аттила деген кісінің ғана қолынан келді. Герман халқы тіпті одан да көп тайпалар мен ұлыстарға бөлініп, әрбіреуін жеке өзінің королі басқарады. Қалайша германдықтардан, осы тайпалардың барлығының басын қосып, жалғыз басқаратын бір күшті король табылмайды.

Торисмунд. Бұл риторикалық сауал. Қазір риторика мен эмоцияның қисыны жоқ. Менің әкем, вестготтың королі Теодорих, өзінің жасына қарамай, ойдағыдай соғысып жүр. Соның арқасында біздің әскеріміздің соңғы флангысы алға басты, даңқты Карпилион басқарған оң қанаттан ешбір қалыспай...

Аэций. Рас, біздің өзіміздің де күнәларымыз бен кемшіліктеріміз жеткілікті. Біздің демос үлкен бөлімдерге екі айырылған. Батыс-Рим империясына және кейіннен қошаметтеп «Жаңа Рим» деп аталып жүрген Шығыс-Рим империясына. Енді осы екі орасан зор империялар өзара тағы дінмен және оның әртүрлі секталарымен бөлшектенген. Батыста ортодоксты христиан діні басым. Ал Шығыста Ариандық деген күпіршілік көп тараған. Онда тағы Несториандық деген бір тармақ пайда болыпты. Ал нағыз Римнің өзінде тілдік сенімнің элементтері бар манихейлік шығыпты. Онымен папа Бірінші Лев аяусыз күресіп жүр, тіпті оның адамдарын өлім жазасына бұйырады.

Карпилион. Біздің агенттердің жеткізуінше, император Валентиниан мұнда, Каталаун даласында, өмірін аямай, жанкесті соғысқа қатысып жүрген офицерлердің әйелдерін масқаралайды екен.

Аэций. Император Валентинианның мұндай суық жүрісін шешесі Галла Пластиция қолдайтын көрінеді. Өйткені рим папасымен келісіп алып, елді өзі ғана басқарғысы келеді... Әзірше бұл үлкен құпия сыр. Енді бұл туралы тістеріңнен бір сөз шығарушы болмандар...

Торисмунд. Ғұндардың көсемі Аттилань біз керемет айлаға түсірдік. Ол алаңның екі жағынан торуылын қойып қойғанда, біз оның ойын білгендей, алдын-ала өзіміздің когорталарымызды орналастырдық. Сондықтан осындай орасан зор қантөгіс пен адам шығыны болды. жалпы есеппен алғанда, шайқасқа қатысқандардың екі жақтан да әрбір төртінші сарбазы қаза тауыпты. Ғажап қырғын соғыс болды!

Аэций. Бала кезімнен Аттилань мінезін, қылығын және, әрине, ұшқыр ойын жақсы білемін. Ол мені «ұлы кобра», «қатал пері» дейтін. Аттила ешқашан жеңілу дегенді қабылдамайды. Өзі басып алған жердің қалайда ол

жауына бір сүйемін тегін қайтармайтын. Ол қазір мұқият ой үстінде. Ол бірдемені ойлап шығаруы мүмкін. Сондықтан біз барлығымыз сақадай сай тұруымыз керек...

Карпилион. Мен ғұндардың соғыс өнерін жақсы білемін. Олар ат үстінде өтірік қаша жөнеледі де, ұрысын жалғастыра беріп, жауының көптеген әскерлерін қырып тастайды.

Аэций. Торисмунд пен Карпилион дұрыс айтады. Екі жақтан қаза тапқандар мен жараланғандар саны екі жүз мыңға жуық болды. Бұл Аквилея, Хунгварт немесе Шалон сияқты үлкен кенттердің бүкіл тұрғындарының санындай. Бірақ біз осы жетістіктерімізбен ешуақытта тоқтамай, әрі қарай біздің табысымызды дамытуымыз керек... Аттила да біз сияқты кәдімгі адам баласы. Мұнда қорқатындай еш нәрсе жоқ. Тек қана оны жұрттың жаппай сөзі мен табынушылық құдайдың құдіретіне жеткізген. Әйтпесе Аттила да өзіміз сияқты ет пен сүйектен жаралған...

Оны Солтүстік Африкадағы вандалардың королі Гензерихтың құрамында готтар, аландар мен свебтер басым болған әскерінің күші мен қуатын тегін мойындап жүрген жоқ. Сондықтан ол Гензерихке Испания мен Британияны беремін, өзіме Италия мен бүкіл Галлияны аламын дейді...

Торисмунд. Тәбеті зор, хайуандікіндей. Ол үркек бұғыға шапқан арыстан секілді, билеп-төстеп, ойындағысын істеп үйренген.

Карпилион. Ғұндарда күш атасын танымайды деген мақалы бар.

Аэций. Сондықтан ол ақжарқындау, көңілшектеу және бейбіт өмірге жақындау өз атасы Бледаны өлтірді де көптеген елдер мен халықтардың тағдырын жалғыз шешетін болды... /Жаушы үрейлі хабармен кіреді/. Соғыс алаңынан қандай жаңалықтар бар?

Жаушы. Әзірше, құрметті бас қолбасшымыз, жауынгерлер қайтпас жігермен жанқиярлық соғысуда...

Карпилион. Бірақ, ол бір қатерлі хабармен келіп тұр. Оны мен көзінен байқадым.

Жаушы. Вестготтың королі Теодорих қаза тапты...

Торисмунд /шошып/. О менің қымбатты әкем! Қалайша болды? нендей жағдайын білесің?

Жаушы. Король Теодорих өз легионын өзі басқарып жүр еді және ылғи ұрыстың қалың ортасында болды. Бұл жолы ол жаракаттанды да жерге құлап түсті. Бірақ оның басын өзінің аты тұяғымен жаншып кетті...

Торисмунд. Қандай қайғы?! Ешкім көмектесуге үлгере алмады ма? Неге ғана мен қасында болмадым?

Карпилион /ішінен/. Дегенмен, Торисмунд, сенің жаның кіріп тұр ғой. Себебі көптен сен оның тағын аңсап жүр едің... /Соғыстың дүмпілі жақындай

түседі. Жауынгерлік дауыстар естіледі: «Es lebe, die Qoten! Даңқты ғұндар, алға!

Ержүрек қыпшақтар соңыма ер!». Қараңғыланады. Сахна босайды. Жарықталғаннан соң сол жихаздар бар. Үстел үстіне карталар жайылған. Аттила, Хелхал, Едіге, Одоакр, Есендауыл, Эллак, Денгизик және Ардарих келеді. Үстел үстіне Аттила карталарын жаяды/.

Аттила. Бұл әлі жеңіс емес. Бірақ жеңіліс те емес. Сондықтан, менің сенімді қаруластарым, әзір ештеңеге сене қоймаңдар. Мына ұлы кобра, сұмпайы Аэций маған айламды өткіздім деп отырған шығар. Олай бола қоймас. Әлі көрерміз, кім-кімді алдағанын, кім-кімді жеңгенін. Біз торуылдарымызбен олардың соққы беретін колонналарын қоршауға алдық деп ойлап едік. Бірақ Аэций керісінше алысқа жасырып қойған сақтық әскерлерімен аждаһадай орап алды. Бірақ мұнысы оның уақытша ғана табысы еді. Ондай-ондай байырғы заманда, біздің бабаларымыз қытайдың қалалары мен елді мекендерін қоршап, басып алғанда болған. Нақ осы ғұндардан қорғанып, еңбеккер да төзімді қытайлықтар «Ұлы қытай қабырғасын» салған ғой...

Одоакр. Кейіннен біздің даңқты бабаларымыз, жауынгер ғұндар, екі ордаға бөлініпті. Біреуі сол үйреншікті тұрағында қалып қойды да кейіннен ол қайғылы халге ұшырады. Екіншісі оңтүстік-батысқа қарай ауып, Алтай суынан өтіп, Итиль және Жайық өзендеріне дейін жетіпті. Онан соң Каспий және Эвксин Понты теңіздерінің жағалауларына барған.

О, жер жүзін билеуші, ұлы Аттила, сенің тікелей атаң Чжи-Чжи Тараз және Талас шаһарларын салыпты. Тіпті сол уақытта, Иисус Христостың тууына дейінгі 36-шы жылы Чжи-Чжи Рим империясымен қатынасып тұрған ғой. Сол кезде ғұн астанасы дүниеде ең мықты Марк Красстың әскерінің бірнеше легиондары келіп, біраз уақыт тұрыпты.

Аттила. Сенің, Одоакр Едігеұлы тарихты терең білетінің мені шексіз қуантады. Сондай-ақ сен математика мен астрономияны меңгеріп алдың. Оның үстіне бес тілде сөйлей аласың. Өзіңнің ана тілің ғұн тілінен басқа гот, латын, италиян және грек тілдерін жете білесің. Өзіңнің әкеңнен, атақты қолбасшы және дипломат Едігеден, Эдиконнан, латынша немесе, саған күшті рухы мен алғыр ойы дарыған. Сенің бойыңда бірсыпыра жақсы қасиеттер анаң италиян қызынан да бар шығар. Менің болжауым бойынша сен кезекті императорларының біреуі боласың. Болғанда, әдетке айналғандай уақытша емес, он жылдан астам уақыт тақта отырасың...

Едіге. Солай болғай! Дүние жүзінің ұлы билеушісі, бұл қасиетті сөздерін жүзеге асатын болсын!

Эллак /қызғанғандай болып/. Әке, мынадай қанатты сөз тарап кетіп еді: «Ғұндар оқ атса, далаға кетпейді» деген. Бұған өзінше үлесі бар және септігін

тигізген, ұшып бара жатқан қарлығашқа оғын бұлжытпай тигізетін менің інім және сенің ұлын Денгизик еді. Ол жауынгер мерген ретіндежаудың он шақты әскери басшыларын мерт қылды...

Аттила. Онысы мені шексіз қуантады, менің қымбатты ұлдарым. Осы жолы үш шақырымға созылған қырғын майданның әрбір қарға адым жерінде біздің сарбаздарымыз дәл сол жерде жеңістің тағдыры шешілетіндей соғысты. Ал шайқастың ең қызған кезінде жаудың командирлерін саптан шығарса, ол әрқашан үлкен ұтыс болады.

Ардарих. О, әлемді билеуші, сенің ұлын Эллак біздің бас штабымызды білгірлікпен және тиянақты басқарды. Барлық хабарламалар бізге де, бізден де уақытында жеткізіліп тұрды. Шабармандар да жанталасып қимылдады...

Аттила. Өзінің берілгендігін, адалдығын және ерлігін Эллактың дәлелдеп бергені бұл жалғыз рет емес. Оның сондай кішіпейілдігі де баршылық. Оны ол текті хан руынан шыққан менің бәйбішем, өзінің анасы Керкеден алған шығар. /Эллакқа/. Мен сені, үлкен ұлым, менің тұңғышым, Итиль мен Жайық өзендерінің жағалауында және Каспий мен Эвксин Понтының солтүстігінде жатқан ата-бабаларымыздың қымбатты да қасиетті елді мекеніне, еліне қаған етіп тағайындайтын болдым.

Денгизик. Рұқсат болса, бабаларымыздың өлкесіне ағаммен барып, бүкіл табиғатына ескі қисса мен хикаялар сінген ерменді далаға барып, аунап қайтсам деп едім.

Аттила. Оныңды біз бөлек, отбасында шешеміз... Әзәріше мен Эллактың қызметін арнайы марапаттағаным осы. Ол осыған тұрарлық еңбек сіңірді. Біріншіден, оң қолымен ол тура маған қарай ұшып келе жатқан, катапульттан атылған тастан қорғап, жараланды. Екіншіден, мына Каталаун жазығындағы тарихи шайқаста тиянақты оймен танылып, біздің әскери бөлімшелерді дұрыс орналастырып, шабуылдарымызды ыңғайлы ұйымдастырды. Бүкіл үш километрлік фронтта Эллак пен Хелхалды ұстамдылығы мен білімділігінің арқасында біз қайтадан бұрынғы шеп басына оралдық...

Есендауыл. Эллактың даңқы ассын! Ол әкесінің жолын лайықты ұстасын және оның қадірлі дәстүрін туған дала кеңістігінде және әсемділігімен еуропалық Балкан мен Альпы тауларына ұқсайтын тау сілемдеріндегі көшпенділер арасында берекелі жалғастырсын.

Едіге. Бізге әрдайым соғыста ата-бабаларымыздың рухы көмектеседі. Мен кейде алыстағы шет-қиыры жоқ даланы сондай аңсаймын. Онда көсіліп атпен шабуға болатын. Онда желаяқ сайғақтар жосып жүреді. Ал тау мен төбелердің беткейінде, көз алдына елестеп, құландар мен қабыландар шапқылап жүретін... Біз саған, Эллак, туған Сары Арқаға тыныстанып қайту үшін қонаққа барып тұрамыз.

Эллак. Мен сендерді, қымбатты тайпаластарым, қарсы алуға әрқашан дайынмын. /Аттилаға/. Қымбатты әкем, дұрыс та әділ шешімің үшін мен саған ризамын. Барлық өзіңнің батыл жоспарларыңда және тәуекелге басқан, бірақ дұрыс та сенімді әрекеттерінде әрқашан мен сені қолдауға дайынмын...

/Жаракаттанғандардың ыңырысуы естіледі. Әскерлердің қозғалуы дүмпілдейді/.

Ардарих. О әлемді билеуші, бізге тез уақыттың ішінде айқындалған барлау қажет. Белгісіз де күдікті әскерлердің шоғырлануы болып жатқан көрінеді.

/Үстел үстіндегі карталарды ашады/.

Аттила. Мен сендерді, менің қолбасшыларым және жақын серіктерім, барлығыңды жинағаным, Каталаун шайқасының жалпы нәтижесін көріп, қорытсақ деп едім. Маған жеткен хабарламалар бойынша азық-түлігіміз таусылып келеді және аттарымыздың жемі жетіспейді. Осы жағдай туралы сендердің ойланып айтқан ұсыныстарыңды естіп дедім.

Есендауыл. Меніңше, жарты жолда тоқтамау керек. Жау әлсіреді және қансырап қалды. Дегенмен біздің шығынымыз да аз емес. Сонда да осындай ауыр және көптен күткен жеңісті қолдан бергеніміз жөн болмайды.

Эллак. Бүкіл жер жүзін билеуші, сенің штабтың алдына қоятын қандай болса да сауалдарың мен бұйрықтарыңды орындауға дайынбыз... Толық жеңіске ісімізді жеткізу үшін әлі қуатымыз жеткілікті.

Есендауыл. Менің құрыштай қолым мен қырандай көзім жаудың әскербасылары мен корольдерін аяусыз қырудан әлі шаршаған жоқ...

Ардарих. Сен дұрыс айтып тұрсың, о ұлы Танджо, біздің азық-түлігіміз және аттарға деген жем-шөбіміз таусылып барады. Каталаун даласында ойға сыймайтындай керемет көп әскер, кісілер мен жылқылар, топтастырылды. Шайқасқа қатысушылардың әрбір төртіншісі қаза тапты. Жараланғандардың саны елу мыңға таяп қалды. Менің ойымша, сен, ұлы қаған, мақсатына жеттің. Галлияға шабуылды бастардағы ойың Рим жорығына аттанғаныңда, олар бүйректен сирақ шығармасын деп готтарды әлсірету еді. Сен ол мақсатына әбден жеттің. Қазір әскерлеріміз тым қансырап қалды, аттарымыз өлердей шаршады. Сондықтан тірі де дені сау сарбаздарымызды соғыс алаңынан алып шығып, сақтап қалсақ деп ойлаймын. Сонан кейін олардың қатарын Паннонияда толықтырып, емін-еркін Римге тартуға болады.

Аттила /Хелхалға/. Осыған дейін әдейі біздің сәуегей ақсақалымыз және атақты қолбасшымыз Хелхалға тіл қатпадым да мазаламадым. Осыншама уақыттың ішінде ол әскери жағдайды, қарсылас жақтардың тұғырларын және жақын кеңесшілердің көңіл-күйлерін жақсы біліп алды деп үміттенемін. Оның салмақты да саликалы ойлары не дейді?

Хелхал. Құрметті әлемді билеуші, менің ойларыма бөлінген назарыңа және сеніміңе рахмет. Мен король Ардарихтың келтірген дәлелдеріне қосыламын. Сен негізгі де басты мақсатыңды орындадың деп дұрыс айтты. Енді саған Римге жолың ашық. Ол жорығың үшін армияның қанқа сүйегін сақтап қалуың керек.

Аттила. Мен сені түсіндім, ақылгөй ұстазым Хелхал. Менің шешімім де сенің пікіріңмен толық айқындалды. Қолбасшы мырзалар, әскерлеріңді алып шығындар. Әрбір когортаға және жүз-жүз жиырма сарбаздардан құрылған алаларға қаза тапқан және жарақаттанған командирлердің орнына жаңадан басшылар тағайындаңдар. Біз өзіміздің Паннониямызға қайтып ораламыз.

/Еңтіккен жаушы жүгіріп кіреді/.

Аттила /жаушыға/. Тезірек сөйле! Нендей жаңалық?

Жаушы /қуанышты/. О жер жүзін билеуші, сенің стратегиялық ойың іске асты, шаттыққа жетті. Жауымыз қанмайданды тастап, рет-ретімен легиондары Туруа және Шалон қалаларына қарай бет алып барады.

Аттила /қанағаттанып/. Біз де өз позицияларымызды тастайық дедік. /Қолын ол сілтеген соң жаушы тез кетеді/. Мұнда жалпы алғанда мөлшерімен 165 мың сарбаздар қаза тапты. Бұл өте көп. Бұл ғажап болды! Менің байырғы досым, сұм да сұрқия Аэций бұл Каталаун қырғынына ұзақ та өзіне пайдалы дайындалыпты...

Хелхал. Біреудің қолынан қаза тапқан адамдар ол дүниеде періште болады. Қанатты аттарды мініп, аспанда ұшып жүрген періштелер менің түсіме кірді. Ең жоғары құдайымыз Тәңірім және соғыстың құдайы Пуру өздері жар болсын!

/Екі сарбаз тұтқындалған бургунд королі Гундхарды итеріп кіргізеді де тізе бүктіреді/.

Аттила /жақтырмай/. Тағы кімді әкелдіңдер? Сауыт-сайманы мен регалияларына қарағанда бұл жай құс емес...

1-ші сарбаз. Мұны мерген ханзада Денгизиктің оғы ұшып түсірген. Бұл бургундтардың королі Гундхар.

2-ші сарбаз. Ол жаралған күйі орда жатыр екен. Оны үлкен тас қалкалап, қорғап қалған.

Аттила. Бургунд королі Гундхар дер кезінде жолықты. Менің білуімше, сенің Ильдико есімді тамаша қарындасың бар.

Гундхар. Менің жарамды нашар байлапты. Мен көп сөйлей алмаймын. Иә, менің ондай ақ-сары, алтын шашты, сұлу қарындасым Ильдико бар.

Аттила. Мен оған сырттай қатты ғашықпын. Рас, бұл хал маған басқалардың айтуымен пайда болды. Мен сенімен туысқан болып, сені босатайын деп едім.

Хелхал. Көктен іздегенім жерден табылды десеңші. /Жымиып күліп, ақ шалған сакалын сыйпайды/.

Аттила. Дәл солай, менің серіктерім.

Гундхар. Дәл сендей ері болса екен деп ол қиялданып жүрген, о корольдардың королі, әлемді билеуші.

Аттила. Ал сен өзін бұған қалай қарайсың? Сені Аттиладай туыс қанағаттандырама?

Гундхар. Сен өзін де білмейтін шығарсың, қаншама қыздар мен қалыңдықтар әйелің болмақ түгіл, бір көзімен ғана сені көруге қандай құмар екенін? Олар сенің шексіз данқыңмен және сиқырлы ерліктеріңмен естері шыққан, аңыз қылып айтып жүреді. Мен сөнімен туыссам өзімді бақыттымын деп санар едім, құдіретті Аттила! Қарындасым Ильдиконы Паннонияға өзім әкеліп, қосамын деп уәде берейін.

Аттила. Ал, уәденді немен растай аласың?

Гундхар /шоқынады/. Осы крестпен. Иисус Христостың қасиетті бейнесінің алдында ант беремін.

Ардарих /Аттилаға/. Ол өзінің мынандай антын шын орындайды.

Хелхал. Оны бізге құдайдың өзі айдап әкелген. Король Гундхар айтқанының барлығын орындайды.

Аттила. Мен де король Гундхарға түгелдей берік сендім. Босатындар оны және барлық сый-сияпатпен шығарып салындар. Ал сен, Денгизик, король Гундхарды соғыс межесіне дейін шығарып сал.

/Гундхар, Денгизик және сарбаздар кетеді/.

Енді барлығың түгел рет-реттеріңмен жол сапарға жиналындар. Паннонияға қайтып ораламыз...

ШЫМЫЛДЫҚ.

Бесінші акт

Хунгварт сарайында Аттиланың кабинеті. Ортада таққа ұқсаған сән-салтанатты кресло тұр. Қабырғаларға кілемдер ілінген.

Сол жақта Еуропаның үлкен географиялық картасы бар. Оң жақта Аттиланың алдында бас иіп тұрған корольдер мен жұртшылық суреттелген картина қойылған. Үстел үстінде карталар жатыр. Үстелдің астында гонг ілінген.

Терезеден кабинетке Бауэр кіреді. Ол айналасына сақтықпен қарап, паркет еденді ептеп басып жүр.

Бауэр /ақырын/. Аттила тұрағына танатпай келеді деп естуші едім. Ол көбінесе таң сәріде, түн аяқтала бергенде жемісті жұмыс істейтін көрінеді. Ол тәулігіне он алты сағаттан қызметте болады дейді. Дәл сонысы маған керек еді.

Менің Ильдиконы қызғануым соншалық, тіпті күйіп-жанып кете жаздаймын. Менің сүйікті де әдемі Ильдикомды ешуақытта қорлауға жол бермеймін. /Құлағын түріп қалады, тығылады/.

Аттила кіреді.

Аттила /өзімен-өзі/. Принцесса Гонорияға да жететін уақыт келді. Бірақ мен оның жасауынсыз-ақ Италияның жартысын емес, барлығын басып ала аламын. /Үстел үстіндегі карталарға үңіліп қарайды/. Дегенмен бірдене сезгендеймін. Тіпті денемнің терісімен бір қауіпті сезгендеймін. /Кенеттен артына жалт қарап, еденге құлай кетеді. Бауэр әп-сәтте пышақты лактырып жібереді. Пышақ Аттиланың үстінен ұшып барып, ағаш қабырғаға қадалады. Аттила аяғымен гонгты соғып қалады. Нөкерлер мен күзетшілер лезде кіреді. Аттила аяғына ұшып тұрды/. Жексұрындар! Ашық ауыздар! Қалай ғана бұл жауызды зынданнан шығардыңдар? Мына аты өшкір жыршы Бауэрды, барып тұрған қанішерді ұстандар, байландар және дереу денесін бөлшектеп, жазаға тартындар. Аяқ-қолының саусақтарын шабудан бастандар да күн сайын жаны шыққанша басына дейін кескілендер. Қиыр шығыстан бізге жеткен ең азапты өлімге бұйырамын. /Бауэр өзінің қылышын жұлып алып, үстіне жата кетеді/. Сұмпайы! Азапты өлімін қызықтауға мүмкіндік бермеді ғой. Қалай ол зынданнан қашып шыққан? Алты күзетшілерді түгел мұндай сирек болатын қылмыс үшін өзімізбен алып жүретін крестерге керіндер!

/Қызметшілер Бауэрдің денесін көтеріп, алып кетеді. Хелхал, Есендауыл және Едіге келеді/.

Есендауыл /сасқалақтап, үреймен/. Не болып қалған, менің мырзам? Сенің сарайыңның алдынан дабыр-дүбірді ести сала, жүгіріп келдім. Не болды, о, әлем билеушісі?

Аттила. Мен бала кезімнен аса сезімталдығымнан зардап кешіп жүрген адаммын. Әлгі антұрған гот жыршысы Бауэрды босқа аяған екенмін. Ал ол болса, сезім мен поэзиядан басқа ақымақтыққа душар болған екен. Тағы да менің өміріме қастандық істемекші болды ғой.

Едіге. Міне бетпақ! Алғыстың орнына қарғыс қылғаны несі?

Аттила. Аяқ-қолдарының саусақтарынан бастап кескілендер деп азапты жазаға бұйырған едім, ол иттің баласы өз қылышымен өзін жарды.

Хелхал. Өлімнің оңай да жеңіл түрін өзіне тандаған ғой...

Есендауыл. Болғай! Өзін-өзі өлтірушілер о дүниеде кемтар болады дейді. Оларға онда да жақсылық болмайды.

/Шашы ұйпақталған, абыржыған Ернақ жүгіріп келеді/.

Ернақ /Аттиланы бас салып, құшақтайды/. Қымбатты әкем менің, аман-есенсін бе? Мен қорқынышты хабар естідім. Сенің асыл өміріңе тағы біреу қиянат жасамақшы болыпты ғой?

Аттила /Ернақты құшақтап/. Қадірлі ұлым менің! Менің әдемі де сүйікті ұлым, сен менің тынымсыз жүрегімнің ең бірінші де айнымас жұбанышысың. Көріп тұрғаныңдай, мен аман-есенмін, тәнір сақтады. Бұл антұрғандар, менің өміріме қастандық жасаушылар, мені аспан мен жер жүзінің барлық құдайлары сақтайтынын, маған жоғарыдан және табиғаттың өзі сыйлаған ой мен сезімнің аямай артығымен де ерекше берілгенін түсінгілері келмейді ғой. Керек болғанымда Құдайдың өзі ғана күдіретімен әкетеді...

Хелхал. Дегенмен сақтық пен қорғану артық болмайды, керісінше Құдайдың өзі, қамданып жүріңдер деп адамдарға « сақтансандар, сақтаймын» деген ғой.

Аттила. Түгелдей рас алтын сөздер! Бірнеше рет оған менің өз көзім жетті. Сондықтан мен ол сөздермен толық келісемін және дербес күзетке, қателігі мен ағаттығын ескере жүріп, үлкен мән беремін. Зынданның алты күзетшісін түгелдей крестарға керіп, жазаландар деп бұйырдым. Бұл жексұрын өзін-өзі өлтіруші қандай сиқырмен немесе қулықпен зынданнан қашып шыққан?

Едіге. Сенің сарайыңның барлық күзетшілерін мейлінше сенімді де қырағы сақшылармен алмастырамыз. Тек қана, ұлы Танджо, көңілін жайлансын, болған жайды ұмыт, өз өзіңе кел де тек жақсылықты ойла.

Аттила. Өмірімнің ең жақсы кезені көз алдымда тұр. Ол – менің Ернағым. Ал оның шешесі Люба- Любовь қандай әдемі және жылы жүректі еді. Махаббат! Тек менің сүйікті ұлым Ернақ анасының мейірімін көріп, мәңгілік сақтай алмағанын армандаймын. Сондықтан мен оны ерекше қамқорлыққа алып, білгенімше әкелік ілтүпатқа бөлеймін.

Ернақ. Мен оны білемін, әкем менің. Сенің маған деген көңіліңді өмір бойы ешқашан ұмытпаймын. Сен қартайғанда, оныңды толық қайтарамын деп уәде беремін. Өзімнің оғлан ретіндегі парызымды толық орындауға тырысамын.

Аттила. Оныңа да рахмет! Бірақ сен қазір барлық күшінді, білімінді және ойынды әбден лайықты да тамаша сарбаз болу үшін жұмсауың керек.

Едіге. Ернақ менің Одоакрым сияқты әскери оқуға барлық ынтасымен қатысады...

Аттила /мұңлы түрде еске алып/. Мұның шешесі Любашадан басқа көптеген әйелдерімнің ішінен менің жүрегімді толқытып, есте қалғандардан үшеу-ақ және сүйікті принцесса, өзі портреті мен жүзігін жіберіп, саған күйеуге шығуға дайынмын деген Гонория.

Люба славян князінің қызы еді. Ол маған, менің жер жарған данқымды естіп, алыстан ғашық болған. Сонан соң айлап, қашып жүріп, маған жеткен, тек қана мына тамаша ұлды тауып беру үшін. Ал қалай княн-кескі ұрыста Каталаун алаңында славян князьдары Михаил, Дроздох және Святослав жанын аямай, жаулармен соғысты! Жалпы славян сарбаздары менің ғұндарым

сияқты, жылқыларымен біртұтас болып жаралғандай, қандай болмасын мақтауына тұрарлық...

Хелхал. Айрықша әйелдердің ерекше сезімтал жүрегі және адамдардай өткір ойы болады. Егер ондай әйелдер саған, о ұлы Аттила, өздері ынтық болса, сенде өзіңе тартын ғажайып күш бар екен, сондай-ақ мойымайтын күшің де молынан бар, себебі садақтың оғы мен шолақ найзалар тіпті жаудың қылышы мен найзасы да саған дарымайды, мейлінше қайырылып, ұшып түседі, сондықтан сенің дененде айтарлықтай ешбір дақ жоқ деуге болады.

/Тиянақты киінген жалшы кіреді/.

Жалшы /дауыстап/. Рим консулы Примут және комес Ромул аудиенцияны сұрап тұр.

Аттила /креслода отырып, салқын үнмен/. Келсін. Жіберіндер! Батыс-римдік елшілерге айтарлық сөзім баршылық. Бұл біраз уақыттың ішінде оларға айтатын сөзім қордаланып қалыпты.

/Примут пен Ромул кіріп, бастарын иіп, амандасады/.

Примут. О, ұлы қаған, біз қасиетті Римнің елшілері, сенің қосында бірталай көп уақыт жүрдік және өз көзімізбен көріп, сенің бұлжытпас күшің мен даңқына қанық болдық. Біз Отанымызға қайтып бара жатырмыз және сенің барлық ұсыныстарың мен талаптарыңды дәлме дәл де толық біздің император Валентинианға және сенатқа жеткіземіз.

Аттила. Егер сендер жеткенше, азғын императорларың аман – есен тағында отыратын болса... Менің барлауым қытайдың компасы сияқты дәл де дұрыс жұмыс істейді. Император Үшінші Валентиниан Каталаун жазығында ерлікпен соғысып жүрген бір офицердің әйелін зорлапты...

Ромул. Ондай сыбыстар мен өсек сөздер Рим мен Равеннада қаптап, тарап жүрді.

/Король Ардарих келеді/.

Аттила. Оған ұйтқы болатын өзінің анасы Галла Плацидия, демек ол папа Бірінші Левпен және Аэцийдің бақталасы, қолбасшы Бонифациймен бірігіп, бүкіл Батыс-рим империясын еркін билегісі келеді.

Примут. Сенің сөздеріңнің, о ұлы Танджо, біздің өкінішімізге қарай, арыстанның үлесіндей шындығы бар. Бір кезде құдіреті күшті және заң шығарушы Рим империясының қазіргі тағдыры мен күйінішті ахуалы сондай.

Ардариx. Айбынды Римнің мызғымас негізінің құлдырауына Коммод, Каракалла және Галиогабал сияқты қасиетсіз де азғын императорлар кесірін тигізді, көп мүмкіндік жасады... Олар қасиетті де жоғары порфираларын өздерінің қара бастарының қамы мен азғын ниеттері үшін пайдаланатын болды. Рим империясына көптеген залалдарды «солдаттық императорлар» дегендер әкелді. Кезекті жеңісті жорықтардан соң, Парсымен, Армениямен, Дакиямен және Галлиямен саяси қарым-қатынастан кейін солдаттар өз беттерімен императорлар сайлап, біраздан соң келісе алмағандықтан оларды тақтан түсіріп, өлтіре берген...

Аттила. Римде соңғы онжылдықтарда, тіпті жүзжылдықтарда мейлінше ала ауыздық орын алған. Ал тиянақтық пен тәртіп болмаған жерде ең алдымен

карапайым халық азады да тозады. Қарыны аш та адасқан кісілер қаңғырып, ойына келгенді істейді: ұрлыққа барады, азғындық жолға түседі, ішкілікке салынады және әбден жүгенсіз кетеді. Ал ел басқарушы ең алдымен демостың денсаулығын ойлап, қамқорлығына алуға тиісті... Ол болмай қалды да тұспалын жоғалтып алды. Оның үстіне құлдық салт өркендеді. Сондықтан Римнің айбындылығы күрт төмендеді.

Ардақты римдіктер, сендер өз көздеріңмен көріп, қанық болдыңдар ғой, бізде тұтқынға алынғандардың өздері еркін де қатардағы азаматтар болып кетеді.

Әлі есімде, бала кезімізде біз «император», «цезарь», «Рим» деген сөздерді зор құрмет тұтатынбыз. Бірде балалықпен аңкылдап, әкем Мыңжықтан сұрап қалдым: «Әке, осы император, цезарь деген кімдер айтып берші?» деп. Ол алдымен сұқ саусағын ерніне төсеп, сыбырлап: «Ақырын, ақырын сөйле! Бұл сөздерді жеңілдікпен аузыңа алма, балам. Олар қасиетті ұғымдар. Құдіретті күшті құдайдың өзі алғашқы цезарь болған. Ол аспаннан жерге түсіп келіп, жалғыз өзі басқарушы болыпты. Оның барлық ұрпақтары мұрагерлері ретінде дара басқарушылыққа және жалпы даңққа ие болған. Ал император – ол шексіз билік берілген әмір және оған бүкіл жұртшылық бас неді, ол байлық пен дәулетке оранған жан!» деп еді. Қазір біз нені көріп отырмыз? Соның барлығы осы қазір қайда? Бір кездегі құдіретті Рим империясы толық құлдырап, талантаражға және түбегейлі күйреуге ұшырады. Сондықтан сендер, тәкаппар римдіктер, енді біздің варварлардың, алдында қалтырғандар. Дүние кезек, біздің сәт сағатымыз соғып тұр!

Примут. Құдіретті күшті василевс Аттила, сенің әділ сөздерің бізді жерге қаратты және ойран етті. Сенің айтқандарыңды біздің Августқа және барлық римдіктерге толық жеткіземіз. Біз елімізге қайтып барамыз. Біз саған және бүкіл әскери қолына аман-есендік тілейміз.

Ромул. Біздер елшілер ретінде қол сұғуға болмайтын құқықты толық пайдалана аламыз деп сенеміз. Бізді сендердің адамдарың Наинасуска дейін шығарып салсын.

Аттила. Біз елшілерге қатысты халықаралық статусты және құқықты қатаң ұстанамыз. Менің пионийлік шекарама дейін сендер толық қауіпсіздікте боласыңдар. Князь Есендауыл, римдік елшілерді шығарып сал. Қош болыңдар!

Примут пен Ромул қош айтысып, Есендауылмен бірге кетеді. Мен біздің батыстық алдыңғы позицияларда болып қайттым. Тіпті сенімді ұстазым Хелхалмен барлауға да бардым. Онда мені өз көзіммен көргендерім қайран қалдырды. Аквилея үйлерінің төбелеріндегі ұяларын тастап, ақ құтан құстар, балапандарын тұмсығымен іліп алып, ұшып кетіп жатыр екен. Бұл біздер үшін жақсы ырым. Ол құтандар, біздің шабуыл жасайтынымызды сезіп, қаланың

кирайтынын алдын ала біліп, көшіп-қонып жатыр деген сөз. Енді біздерге қымбат уақытымызды жоғалтуға болмайды...

/Жалшы кіреді/.

Жалшы /ашық дауыспен/. Византияның елшілері, консул Магнус Аврелий Максимин және ритор Приск Панийский аудиенцияға келіп тұр.

Аттила /көңіл бөліп/. Олар Константинопольға аттанған болатын. Қайтып келген екен ғой. Олар, әлбетте, жаңа хабарлар әкеліп тұр. Келсін! Шығыс-римдік елшілерге де менің айтатыным баршылық. /Максимин мен Приск кіріп, құрметпен амандасалы/.

Максимин. Ұлы шырақ Аттила, біздің императорымыз Феодосий барлық сәлемдеріне қанық болды. Қылмыскер Вигилий мен вельможа Хризафиос сенаттың алдында әшкереленді және олар барлық шендері мен атактарынан айырылды. Византия Ғұн патшалығымен бейбітшілікте, достықта және түсінушілікте болғысы келеді.

Аттила. Солай болғай! Барлық тиісті алым-салықты әкелген шығарсындар?

Приск. Бір солидына дейін түгел алып келдік. Ал басқа сенің талаптарыңды сенат талқылау үстінде. Бізге Мәрмәр теңізі арқылы Паннонияға жету мүмкіншілігі болып қалды да, сенің, о ұлы қаған, көңіліңді тауып, жұбатайық деп келіп қалдық.

Аттила. Енді менің алдымда кезек күттірмей, басқа мәселелер тұр. Біз қазір ерекше ынтамен мына бір «Барлық жолдар Римге апарды» деген белгілі мақалды айтып жүрміз.

Максимин. Шығыс-Рим империясы жағынан тиянақтылық пен сабырлылыққа кепіл боламыз.

Аттила. Сендердің сөздеріне сенемін, елші мырзалар. Жаңа Рим мен үшін Гензерихтің вандалдарынан да берік қорған болады.

Приск. Дегенмен, барлаудың кейінгі мәліметтеріне қарағанда, король Гензерих Еуропаға шабуыл жасауға қызу дайындалып жатқан көрінеді.

Аттила. Мен оған Испания мен Британияны бере саламын. Бастапқа кезде болса да, маған әзірше Италия мен Галлия жетеді.

Максимин. Ұлы Танджо, бізге жолдан кейін біраз дем алып, өзімізді бір қалпымызға келтіруімізді рұқсат етсең.

Аттила. Қонақ үйіне бара берулеріне болады. /Максимин мен Приск, ишарат білдіріп, кетеді. Рнак, кіші ұлым менің, ағаң Денгизик қайда?

Ернақ. Сенің бұйрығың бойынша Скифияның билеушісі болған Эллакты Азия құрлығына дейін шығарып салуға кетті.

Аттила. Денгизик қашан қайтып оралады?

ернақ. Денгизик Эллакты және оның отрядын Молдаваға дейін ғана шығарып салады. Сонан соң кешікпей, қайтып оралады.

Аттила. Жігітсің, Ернақ! Сенің әртүрлі ғылымдар бойынша ұстаздарыңнан алған білімдерің мені қуантады. Римге қарай шабуылымызды бастағанша, Денгизиктің қайтып оралғаны дұрыс болар еді. Егер оралып үлгермесе бізді қуып жетсін. Бірақ Эллактың орны да мен үшін бөлек болып тұрады ғой. Дегенмен аптықпай, ақырындап, оның орнын Ернақ басуға тиісті. /Есендауыл келеді де үстел үстінде жатқан карталарға үніледі. Ардарихпен әңгімелесіп тұр/.

Ардариx. Жаушылардың айтуынша, бургунд королі Гундхар өзінің әсем қарындасы Ильдикомен біздің Хунгварттан екі ат көшіндей қашықтықта келе жатыр екен.

Аттила. Мұндай жағымды ақпар үшін король Ардарихке біздің ғұн дәстүрі бойынша сыйлық беруім керек. Оны сүйінші дейді. Мен сенің онбаған жиенің, өзін-өзі өлтірген Бауэрдың, сұмдық қылықтарын саған толық кешіремін. Сүйіншім осы болсын!

Ардариx. Әлемнің ұлы шырағы, саған сенімділікпен де, шындықпен қызмет етуге дайынмын! Менің арым мен ұжданым сенің алдында ешбір кіршіксіз. Әрқашан мен өзімнің антымды берік ұстаймын.

Аттила. Денім сау, аман-есен жүргенімде менің оған ешбір күмәнім жоқ.

Есендауыл. Сөйтіп біз король Гундхарды және оның қарындасы Ильдиконың келгенін күтеміз ғой?

Аттила. Ешуақытта күтпейміз! Римге деген жорығымыз тоқтату түгіл ешбір шегіндірілмейді де. Ал сен, князь Есендауыл, король Гундхардың нөкерлерімен біздің соңымыздан қалмайтынын қадағала. Қай жерде олар бізді қуып жетсе, сол қайырлы сәтте жоғары құдіретті құдайымыз Тәңірі мен соғыстың құдайы Пурудың қаснетті қолдауымен біз Ильдико екеуіміздің тойымызды өткізетін боламыз.

Хелхал. О ұлы қаған, принцесса Гонорияны қайтесің?

Аттила /ренішпен/. Мұндай сауалды төтесінен қойғанды тек қана менің ең сәуегей де ең сенімді кеңесшім Хелхалға ғана кешіремін. Менің тыңшыларымның анық мәліметтері бойынша қадірменді рим принцессасы Гонория екі қабат болып үлгеріпті және бірнеше рет күйеуге де шыққан көрінеді. Менің сүйіктімнің жүріс-тұрысы және сарайдағы қаскүнемдік қылықтар мені тым қызықтырмайды. Мен оған суреті арқылы ғашық болған едім және менің еркін қиялым арқылы сезімім шалқыған... Дегенмен, біздің сырттай махаббатымызды ескеріп, оған үйленуіме де болар еді. Тіпті соның жарты елімізді иеленесің деген жасауынсыз-ақ, себебі бұл жолы біз бүкіл Италияны қол астымызға аламыз.

Бұл жолы менің жылқыларымен бір бүтіндей, бір жәндіктей бітіп жаралған атты сарбаздарыма қарсы тұра алатын күш табылмайды. /Жалшыларға/. Алыс жорыққа менің арғымағым Алтынжалды дайындаңдар!

Король Ардарих, сен штабта Эллактың орнын толық меңгеріп, камтуың керек. Маған берген антыңа сенімді екеніңе көзімді жеткіздім.

Ардарих. Сенің көзіңнің тірісінде, о ұлы Танджо, менің көзім мәңгі жұмылғанша саған сенімді қызмет атқарамын!

Аттила. Ардарихтың легионын гот тілін тамаша білетін Одоакр, қолбасшы және батыр Едігенің ұлы, басқаратын болады.

Одоакр. О бүкіл әлемді билеуші, сенің сенімді толық атқару үшін барлық қуатымды жұмсаймын!

Аттила. Сен Каталаун жазығында өзіңді оқымысты жан ғана емес, ақылды командир және ержүрек жауынгер ретінде көрсете алдың.

Едіге. Менің ұлым Одоакрға, ұлы қаған, болашақта рим тағына ие болатынын болжайтынын бізге белгілі.

Аттила. Оның негізі бар деген сөз және ұлың ондай сәуегейлікке әбден тұрарлық.

Едіге. Шексіз ризамын, Ұлы Шырақ! Біз сенің жоғары сенімді ақтауға мейлінше дайынбыз! Ал енді расында да барлық жолдар Римге апарды. Римнің жолы ашылды. Ең бастысы, сенің осы қолайлы мезгілді күрт жібермеуің керек.

Ардарих. Саған қарсы, о бүкіл жер жүзін билеуші Аттила, азғын Валентинианды бұлай қойып, егер Калигула мен Нерон сияқты жауыз рим императорлары бәлкім тіріліп келсе де, енді қарсы тұра алмайды.

Есендауыл. Римнің атаулы қолбасшылары Аэций мен Бонифаций, бәсекелесіп, араздасып, бірін-бірі қудалап жүр. Мұны да дер кезінде ескергеніміз жөн болады...

Аттила. Соңғы сөз сенікі, менің ақылгөй ұстазым және тәжірибелі сәуегей Хелхал.

Хелхал. Ұлы Шырақ Аттила, Римге бастаған жорығыңда жолың болсын! Халықтың мынадай даналығы бар: «Сабыртүбі сары алтын». Римте қарай жорығыңа сен ұзақ дайындалдың. Басқалардың барлығын былай қойғанда, қатысушылардың саны бойынша және қаза тапқандардың көптігі бойынша көз көрмеген, құлақ естімеген Каталаун шайқасының от жалынынан өтуге тура келді.

Менің ойымша, мұндай ұзақ дайындық және мол шыдамдық тиісті жетістік пен жеңіске жеткізеді.

Ең жоғары құдайымыз Тәңірі және соғыстың құдайы Пурудың аттарынан және солардың даңқы үшін корольдардың королі, ұлы қаған Аттила

Мыңжықұлына ғұндардың, готтардың, анттардың және парфияндардың билеушісіне, тақуалы даңқты жеңімпаз және тауыпқыты, мәңгі бақи бас иуге лайық Августқа Римге бастаған қасиетті жорығына батамды беремін! Жолын болсын!

Аттила /шабыттанып/. Менің аңызға айналған жүйрік атым Алтынжалым қайда? Менің тұлпарым қайда? Менің соғыс қару-жарағымды әкеліндер! Даңқты менің сарбаздарым және мақтаулы қолбасшыларым, біздің күткен уақытымыз келіп жетті. Рим қамалдарына қарай алға бастандар!

/Кернейдің дауысы шығады. Музыка. Шаттанған дауыстар естіледі; «Аттила! Аттила – жеңістің ұлы! Ұлы Шырақ! Біздің ұлы әкеміз! Жер жүзінің мырзасы! Ұлы қаған! Аттила – құдай тоқпағы! Құдіретті де даңқты Аттила!» Сәл пауза. Латынша: «HISTORIA» деген жазу көрінеді. Сахнаның төрінде оюлармен өрнектелген киіз үйлер тұр. Бұл көшпенділердің ауылы. Оның арғы жағынан Қазақстанның қазіргі қаласының көп қабатты зәулім үйлерінің бейнесі көрінеді.

/Ақырын да байсалды басып аяғын, Приск Панийский келеді. Оның басында ұзын да ақ паригі бар, папирусын ұстаған. Көрермендердің алдына жақындаған соң ол папирусты алып, оқи бастайды./

Приск /оқиды/. «... Италияны басып алып, Аттила қайта оралады және Феодосийге белгіленген алым-салықтың төленбегендігі үшін Шығыс-Римдік мемлекет билеушілеріне соғыс жариялап, елін жаулайтынын білдіреді.

... 450 жылы Феодосий өлгеннен кейін Маркиан император болады да тақта жеті жыл отырады.

... Аттиланың әскері қайтып келгеннен кейін бір жылдан соң император Үшінші Валентиниан Аэцийді өлтіреді. Ал тағы бір жылдан соң өзінің офицерлерінің біреуі әйелінің арына қиянат жасағаны үшін Валентинианның өзін өлтіреді.

... Принцесса Гонория Константинопольдан Италияға қайтқаннан кейін көп кешікпей күйеуге беріледі. Одан соң оның атын ешкім естімеген.

... Қайтыс болар алдында Аттила көп әйелдерінен кейін өзінің халқының әдет-ғұрпы бойынша Ильдико деген керемет сұлу қызға үйленеді. Тойдан соң көп рахаттанғандықтан және шарап пен ұйқының қасіретінен әдетте мұрнынан ағатын қан тамағына кетіп, тұншықтырғаннан, қанға малынып, өліп қалады.

Аттила Мыңжықұлы 453 жылы қайтыс болды. Оның денесі үш табытқа: алтын, күміс және темір, салынады да қылышы және атымен бірге Тисса өзенінің табанына жерленеді.

... Одоакр – скиф Эдиконның ұлы, Аттила айтқандай, ақыры 476 жылы Италияның императоры атанып, он жеті жыл таққа ие болады.

... Аттиланын құдіретті даналығы, әртүрлі тайпаларды біріктіріп, ғұндық одақ құра алды және Рим империясының құлауы мен бүкіл адамзат тарихындағы құлдық жүйесінің ыдырауына дәнекер болған еді... /Музыка/.

ШЫМЫЛДЫҚ.

СОҢЫ.

Республиканың «Абай» журналының 2003 ж. №1,2.



Шәкәрім Құдайбердіұлы
(1858-1931)

«Қазақтың түп атасы» атты поэма – толғауынан үзінді.

Айтайын Әтелланың қылған ісін,
Сықыр деп ойлаған жұрт қайрат, күшін.
Азияны түгел билеп, Европаның
Көбі ауған Әтелладан қорыққаны үшін.

Әтелла Мұнжық ханның баласы еді,
Басы үлкен, кеудесі кең, аласа еді.
Мың бес жүз жылдай болды өлгеніне,
Оның да қылған ісі тамаша еді.

Қайтемін айта беріп, алған жерін,
Атаңның ойға түсер сондай ерін.
Қор болып осы күнде отырсаң да,
Қозғалсын өткенді ойлап іште шерің.

«Абай» журналы, 1992 жыл №1.



Солдан оңға карай: Мұрат Сұлтанбеков, Ахат Шәкәрімұлы Құдайбердиев және Семейдегі Абай мұражайының байырғы қызметкері, ҮОС ардагері Кәрім Ақбергенов
Шакарим Құдайбердиев
Отрывок из поэмы...

*Расскажу о делах, сотворенных Аттелой.
 Люди считали его мощь и силу священными.
 Из – за страха перед Аттелой под его властью оказались
 Вся Азия и большинство стран Европы.
 Аттела был сыном хана Мунжука.
 У него были большая голова,
 Широкая грудь, имел невысокий рост.
 Прошло тысяча пятьсот лет, как он умер.
 Но совершил он прекрасные дела.
 Зачем я буду перечислять земли, которые он завоевал?
 Отрадно, что был у нас такой предок.
 Хоть нынче мы стали униженными,
 Вспомнив прошлое, пусть досада в тебе расходуется.*
Журнал «Абай» №1 за 1992 год

(Подстрочный перевод наш – М.С.)

АТТИЛА

Историческая пьеса в двух частях и пяти актах
Действующие лица;

Аттила	- предводитель гуннского союза племен, каган
Эллак	} - его сыновья
Денгизик	
Ерناق	} - гуннский полководец и патриарх
Хелхал	
Еднге (Эдикон)	- гуннский полководец и дипломат
Есендаул	} - гуннские князья и полководцы
Шиншил	

Ардарих	-	король гепидов
Бауэр	-	его племянник
Гонория	-	римская принцесса
Аэций	-	римский полководец
Карпилион	-	его сын
Гундхар	-	король бургундов
Феодосий II	-	император Византии
Василиса	-	его жена
Хризафиос	-	евнух и царедворец
Вигилий	}	- посланники Византии
Максимин		
Прииск	}	- посланники Италии
Примут		
Ромул		
Торисмунд	-	полководец вестготов
Турасал	-	певец, акын
Естимес	-	придворный шут
Слуги, вонны, стражники и гонцы		

Часть первая

Акт первый

Середина V века. Почти вся Европа и Азия оказались под властью могущественного гуннского кагана Аттилы. Под его предводительством союз гуннов, подвластных им готов и других народов простер свое владычество от Тихого до Атлантического океанов.

Константинополь – столица Восточно – римской империи. За кисейным занавесом видны очертания императорских дворцов и колыханье Черного моря или, как называли тогда, Понта Эквессинского. Вначале проходит сноведение принцессы Гонории, заточенной в монастырь Италии в Равенне. На сцене вырисовывается одинокая фигура Гонории, вопрошающий взгляд которой обращен на Восток, на Константинополь.

Гонория. Кто разрешит мою судьбу святую и несчастную?! О всемогущий Юпитер, помоги оскорбленной и бедной принцессе в ее незавидной доле. Кто поможет мне в этой распутной жизни?! Король вандалов Генхзерих из северной Африки или бич божий Аттила, превративший в данников обе римские империи, и западную, и восточную?

Я смогла отправить письмо и свое кольцо Аттиле с предложением руки и сердца и половину Италии. Это последняя моя надежда! (Входит папа римский Лев I).

О, присвятой Юпитер, ты услышал мою молитву и прислал самого папу римского Льва Первого. Благодарю тебя и приветствую наставника божьего на грешной земле, папу римского Льва Первого!

Лев. Ты ожидала меня, о, благодарная принцесса Гонория, дочь полководца Констанция и Галлы Плацидии, дочери римского императора Феодосия Первого.

Гонория. Я призывала тебя, великий епископ. Ибо моя растерзанная душа жаждет умиротворения и покоя... Я мучаюсь и тревожусь...

Лев. Потому что ты, принцесса Гонория, более арианка и язычница, нежели христианка. Ты не знаешь о муках и жалкой участи Иоанна Предтечи. Ариане неукоснительно верили, что единый Бог правит природой. Когда Анна родила Самуила, а Сара – Исаака, жена священника Захария, старая и бесплодная Елизавета, родили Иоанна. Исаак и Самуил были убиты Иродом Антипой. Но дух божий спас младенца Иоанна, с которым Елизавета вовремя скрылась.

И суждено было Иоанну стать последним и высокочтимым ветхозаветным пророком, который и проводил Крещение Иисуса Христа. Только после этого он принял святую мученическую смерть от руки того же самого Ирода Антипы, правителя Галилеи. Иоанна Предтечу еще иначе называют Иоанном Крестителем. У каждого создания по воле божьей есть свое предназначение на этой земле и в этом мире. Так о чем ты хотела поведать мне, дитя мое?...

Гонория. Я хочу перед тобой, мой патре, исповедоваться в одном неприглядном поступке.

Лев. *Вполне уместно! Всеобщее грехопадение приведет к неминуемому падению великой Римской империи...*

Гонория. Проникнись участием, святой отец, к моему столь тягостному положению.

Лев. Говори, говори, моя принцесса.

Гонория. После долгих и мучительных раздумий я решила выйти замуж за Аттилу и отправила ему через верного евнуха Гиацинта послание и свое кольцо.

Лев. Какой опрометчивый шаг совершила ты, Гонория?! Однажды Аттила со своей опустошительной ордой добрался даже до Мидиолана. Только мне с божьей помощью и милостью удалось одарить его золотом и повернуть назад...

По ажурному занавесу, похожему на небосвод с рассыпанными звездами, летит крылатый конь с вооруженным всадником.

Гонория (внезапно радуясь). Смотри же, папа римский, кто плывет по небу на крылатом коне – птице. Это – Аттила! Он получил мое послание и летит ко мне. Это – Аттила, мой возлюбленный и верный спаситель...

Лев (засуетившись). Мне этого еще не хватало! Однажды я встречался с Аттилой. Довольно! Твой брат император Валентиниан уже спутался с женой одного офицера. Он за это поплатился жизнью. И ты птица из того же гнезда. Довольно! Я предаю казни язычников и еретиков – манихейцев. Прощай! *(Уходит).*

Вбегает запыхавшийся Аттила

Гонория (устремляясь навстречу). Спаситель мой, Аттила.

Аттила. Моя принцесса Гонория! Долгожданная моя любовь! Моя единственная! *(Обнимает Гонорию и целует).*

Гонория. Божество неба и земли Изиды услышала мои молитвы. Наконец, явился мой спаситель.

Аттила. Нет, это ты моя спасительница. Я убил своего старшего брата Бледу. Я – великий грешник перед Богом.

Гонория. Ничего, мой возлюбленный. Здесь ты сможешь исповедаться у папы римского Льва Первого. Он где-то рядом. Он недавно был и разговаривал со мной.

Аттила. У меня другие боги. Язычник я. Бог войны Пуру дал мне несметные силы. Мне подвластны 12 корон и 30 государств волей божьей. Не зря меня повсюду зовут Бич Божий.

Гонория. Нет, долгожданный мой, Бог для всех людей на этой грешной земле и для всех религий один. Исповедуйся у архиепископа Льва Первого и станет легче жить и любить...

Аттила. Только любить! Мне нужна настоящая и большая Любовь, как мое огромное и всемогущее сердце. Иначе мне трудно будет дальше побеждать, о, моя возлюбленная принцесса Гонория! Я получил у евнуха Гиацинта твое письмо и заветное кольцо. Я безмерно благодарен тебе, моя Гонория, неписаная красавица моя!

Гонория. Ты, повелитель гуннов, прилетел на своем крылатом коне вовремя.

Аттила (сурово). Меня обычно называют государем.

Гонория (ласково). О, мой государь и властитель моего сердца, печальна моя судьба. Брат мой император Валентиниан погряз в распутстве. А мать Галла Плацидия всячески потворствует этому, чтобы вместе с папой Львом свободно управлять римской империей. А меня моя мать держит в заточении, чтобы я свою девственность посвятила господе Иисусу Христу.

Аттила. Знаю. Я все знаю. Поэтому по твоему зову мигом прилетел по небу на своем крылатом и могучем тулпаре Алтынжал.

Гонория. Ты, мой спаситель Аттила, и мой единственный возлюбленный!

Аттила. Я мечтал услышать такие золотые слова! У меня есть все, кроме твоей головокружительной любви. У меня есть двести жен, сто с лишним сыновей, дочерям и счета не веду. Но впервые я испытал такое сладкое, умопрочительное чувство любви!... Но много на моей душе и грехов...

Гонория (тянет за руку Аттилу). Пойдем на исповедь. Пойдем к папе Льву Первому. Он облегчит твою душу и сердце, которое, непременно, очистится. Он совершит наше обручение. Где мое кольцо?

Аттила (показывает свой палец). Вот оно, твое кольцо. Она всегда со мной. Пусть это кольцо станет по – праву обручальным.

Гонория. Пойдем на исповедь и обручение!

Аттила. Пойдем! Я готов обручиться с принцессой Гонорией любимой и получить половину Италии в приданое...

Аттила и Гонория, обнявшись, уходят. Музыка. Легкий кисейный занавес поднимается и в ярком блеске предстают грандиозные дворцы Константинополя.

На паланкине рабы несут императора Феодосия. Следом выходят патриции Максимин и Вигилий. Паланкин поставлен на возвышении в глубине сцены. На нем Феодосий восседает как на императорском троне.

Феодосий. Некогда могущественная Римская империя не в силах противостоять натиску полудиких гуннов. Не смотря на унижение и позор, мы стали их данниками. Ежегодно мы должны платить им две тысячи фунтов золота. Чем это объяснить?

Максимин. Здесь прежде всего надо строить гибкую политику. Необходимо всячески укреплять войско, снабдить его дальнобойным оружием. В его стан надо направлять разумных посланников, чтобы усилить гибкую дипломатию.

Вигилий (Максиминому). В элитных кругах да и в народе ты известен как честный и справедливый патриций. Тебе и положено развивать теорию и дать расклад сношений с воинственными гуннами.

Феодосий. В этом смысле Вигилий прав. Я собираюсь снарядить и отправить в лагерь Аттилы своих послов. Сенатор Максимин, за короткое время ты должен изложить на папирусе свои драгоценные мысли по гуннской политике.

Вигилий. О великий император, ты принял единственно верное решение. Идеи патриция Максимиана вполне достойны твоего высокочтимого внимания и для руководство нам в действии.

Император Феодосий настороженно оглядывает обоих сенаторов, смекнув при этом некую свою решительную мысль.

Феодосий. Иди, пречестный сенатор Максимин, и садись за чистоплотный папирус.

Максимин, отклонявшись, уходит.

Я оставил тебя, Вигилий, одного специально. Мы с тобой должны найти надежный и кратчайший путь к нашему скорейшему освобождению от Аттилы.

Вигилий. Я понимаю тебя, светлейший император. По моему разумению, патриция Максимин рассуждает правильно. Но это долгий и труднодоступный путь. Известно, что Аттила – варвар и предводитель варваров. Ему известны Историк и Поэт. Он не знает ничего о Фукидиде и Гомере. Его надо устранить его же методом соответственно.

Феодосий. Надо убить Аттилу! Но кто с этим справиться? Кому это можно поручить? Найди такого раба божьего. Я готов осыпать его золотом с ног до головы. Аттилу охраняет какое-то неземное создание, от него отлетают стрелы и дротики, как от заговоренного идола. Он обладает несметной силой. За известный промежуток времени он завоевал такую огромную территорию, столько стран и государств, покорил столько народов и племен, что намного превышает завоевания Александра Македонского и Юлия Цезаря.

Вигилий. Тебя я полностью поддерживаю, великий государь. Не зря Аттилу прозвали «Бичом Божиим». Его слава безгранична и непомерна. Иные племена и даже целые народы перед его авторитетом и славой благовейно склоняют оружие и сдаются без боя на милость победителя. На сегодня Аттиле стали подвластны двенадцать корон и тридцать государств. Надо убить Аттилу! Я полностью согласен с твоей блестящей идеей, великий император.

Феодосий. Я назначаю тебя, патриций Вигилий, посланником в лагерь Аттилы. С тобой должен быть надежный исполнитель. У тебя есть надежный кандидат для верного исполнения этой рискованной и благородной миссии?

Вигилий. Да, есть такой кандидат, высокородный император.

Феодосий. Кто он?! Отвечай поскорее!

Вигилий. Это – посланник Аттилы в нашей священной стране, великий государь. Звать его Эдикон, скиф по происхождению. С твоего позволения мы осыпим его золотом. Подарим дом, покрытый черепицей. Вводить будем в круг элиты Византиона.

Феодосий. Я возведу его в сан патриция. Скиф Эдикон внушает доверие. Склони его на нашу сторону. Еще раз проверь его и скрепи наш с ним уговор клятвой.

Вигилий. Слушаюсь и повинуюсь, великий император Феодосий Второй!

Входит евнух Хризафиос.

Хризафиос (с поклоном). Позволь присутствовать, превеликий император.

Феодосий. Входи, Хризафиос. Как раз ты нам нужен. Я посылаю за тобой гонца.

Хризафиос. Я весь к вашим услугам, дражайший император.

Феодосий. Прошло свыше ста лет, как мой предок Константин Первый переименовал столицу Восточно – римской империи Византии в славный Константинополь. А что мы с вами добавили к этой исторической славе Константинополя?

Хризафиос. С тех пор, великий государь, как в 330-ом году Константин Первый Великий Флавий Валерий переименовал Византию на Константинополь практически ничего. Все это время над Римской империей довлела власть гуннов под предводительством Мундзука, отца Аттилы, потом Ругиласа – дяди Аттилы, а теперь властвует над священародными римлянами сам Аттила.

Феодосий. Настало время покончить с ним раз и навсегда. Покончить раз и навсегда с гуннским давлением. Еще Ругилас установил Риму дань в 350 фунтов золота. Сколько можно платить? Какой позор! Эта дань возросла уже до двух тысяч фунтов.

Хризафиос. Мы с патрицием Вигилием обговорили данный вопрос. Надо убить Аттилу!

Феодосий. Вот именно. У нас тоже был разговор на эту тему с Вигилием. Только сугубо конфиденциальный... Об этом должны знать только мы трое и скиф Эдикон, посланник Аттилы и его убийца...

Вигилий. Только мы четверо... Иначе мы провалим нашу операцию. Даже патриций Максимин и ритор Приск не должны ничего об этом знать...

Феодосий. Золото и расходов не жалейте! Да поможет нам Иисус Христос! (крестится). Действуйте... (Хлопайте в ладоши. Носильщики уносят императора на салазках).

Хризафиос. Все решено. Назад хода нет! Надо как-то уговор с Эдиконем скрепить печатью.

Вигилий. По-моему ты, сиятельный царедворец Хризафиос, прав. Документ необходим. На этот час я пригласил скифа Эдикона, к царской веранде. Да вот он уже идет. Но только не один. С ним, кажется, царица Василисса.

Хризафиос. Ох, уж эти женщины! Особенно высокопоставленные персоны. Так и липнут к иностранцам. Так и привязываются к мужчинам другого рода – племени. Или в них есть непреодолимая тяга к разнообразию? Не знаю. Не понимаю.

Вигилий. Мы и этот фактор можем использовать для пользы нашему делу.

Входят Едиге и Василисса.

Добро пожаловать к нашей обители!

Василисса. Фу, опять этот свнух Хризафиос. как я ненавижу свнухов! (Останаваивая Едиге за руку). Господин Эдикон, скажи мне об Аттиле. Как он выглядит? О нем распространяются невероятные слухи, особенно среди женщин.

Хризафиос. (Вигилию). Как некстати прикатила сюда эта бочка, эта высокая особа Василисса.

Вигилий. По-моему, она толкует скифу что-то о нас, рассказывает что-то смешное про нас с тобой.

Едиге. (Василиссе). Мы неудобно остановились на полдороге. Надо бы подойти к этим вельможам.

Василисса. Успеем. Пусть немного подождут. Разве я не царица в этом столь пышном императорском дворце? Прошу тебя, расскажи об Аттиле!

Едиге (Оглядываясь). Это царь царей, владыка среди владык. В трудные моменты боя сам лично вступает в сражение. Его не берут ни стрелы, ни дротики, ни клинки сабель. Вот такой он герой, полководец и великан!..

Василисса (удивленно). Аттила огромного роста?

Едиге. По духу – да. А так – обыкновенный человек, только глаза очень выразительные.

Василисса. А я слышала, что он – коротышка. Но это ничего. Говорят, маленькое дерево растет в корень. А за что его любят женщины?

Едиге. Наверно за славу и за крутой нрав.

Василисса. Боже мой! Еще, наверно, за сильную волю. Если она ощущается у нас за Понтом Эвксинским, распространяется даже за этим Черным морем.

Хризафиос. Когда отпустит Эдикона эта порфирная дама?

Вигилий. Она, по всей вероятности, расспрашивает про Аттилу. Одна гуннская пословица гласит: «Только баран сохраняет спокойствие от ожирения».

Едиге (Василиссе). Высокопоставленный вельможа Хризафиос беспокоится.

Василисса (пренебрежительно). Этот грек с огромным носом в молодости постоянно смущал безвинных дев во дворце. Но его вовремя оскопили. И он с той же одержимостью ударился в политику и дипломатию. И все-таки достиг желаемого. Хризафиос смог войти в полное доверие императору. А ты мне толком ничего не рассказал. Почему благородные девицы за тридцать земель, не взирая на любые трудности и опасности, пробираются к Аттиле и падают перед ним ниц, чтоб только иметь от него потомка? Иди, посланник Эдикон, к своим собеседникам. А я еще встречу тебя там, на кипарисовой аллее. *(Уходит).*

Едиге. Слава богине Изиде! *(Подходит к ожидающим его патрициям).* Уж вы меня извините! Никак не смог освободиться от императрицы, от ее настойчивых вопросов...

Хризафиос. Мы этому сами свидетели. Нрав императорской особы нам известен. Приступим сразу к делу...

Вигилий. Не будем терять времени. Возьмем сразу быка за рога.

Хризафиос. У Вигилия с тобой, князь Эдикон, был предварительный разговор. С императором Феодосием Вторым все досконально обговорено. Ты имеешь постоянный доступ к Аттиле... Это для дела особенно важно...

Вигилий. Надо покончить с этим чудовищем! Его власти, самомнения и капризам уже нет предела. А у нас иссякло терпение.

Едиге (задумавшись). Вам, уважаемые патриции, должно быть известно, что я в этом случае рискую жизнью не только своей, но и своих родственников и близких друзей.

Хризафиос. Бесспорно, известно. Да и награда и плата будут соответственно. Пятьдесят фунтов золота будет выдана сразу. По прибытию в Византию получишь сан патриция, большой дом с крышей под золотой черепицей и двадцать тысяч солидов ежегодно. *(Из-за пазухи вынимает мешочек).* Вот здесь ровно пятьдесят фунтов золота. Остальное золото получишь по исполнению этого благородного акта...

Едиге (берет мешочек в руки и читает надпись). «Собственность Хризофиоса». *(Осмотрительно).* Это дело слишком рискованное. Поэтому мне не резон хранить при себе сей кошелек. Пусть он пока будет у Вигилия...

Хризафиос. Самый надежный хранитель. Получишь сразу же в пути после убийства Аттилы. Это будет великий подвиг! К вашей делегации присоединим ритора Приска. Историк и писатель Приск. Твой подвиг, воинственный Эдикон, он изложит на белом папирусе, и ты навеки останешься в истории...

Вигилий. Ритор Приск подолгу жил среди гуннов, изучил гуннский язык и описал их быт, традиции и обычаи. С ним это поездка обговорена. Он согласен...

Хризафиос. только надо строго хранить нашу тайну до полного исполнения. Даже от ритора Приска... Вот и он сам явился, Приск Панийский...

Входит Приск со свитком папируса.

Вигилий. Принск Панийский будет летописцем нашей энциклопедии, а мы с ним оба – переводчиками.

Приск (поздоровавшись). Перед нашей гуннской экспедицией я должен снабдить вас некоторыми историческими сведениями.

Едиге. Приск – наш давний знакомый и уважаемый гость. Он бывал у нас еще при покойном вожде Ругиласе, которого разные народы на своих языках называли по-разному: Роа, Руас, Руа. Однако пора мне готовиться в дорогу. А ты, царский щитonosец Хризафиос, позаботься о договоре за подписью императора Феодосия и государственного канцлера Марциала. В делегации обязательно должен быть сенатор Максимин...

Едиге уходит.

Хризафиос. Я иду на прием к императору...

Приск (развернув папирус). Послушайте, патриции. Это вам следует знать. *(Читает).* «433 год. Над гуннами царствовал Руа. Он решил вести войну против амилзуров, итимаров, тоносуров, войсков и других народов. переселившихся на Истре и прибегавших к союзу с римлянами.

... Когда Руа умер, ... царство гуннское перешло к Аттиле»... Начал я это писать около двадцать лет тому назад. Река Истра сейчас называется Дунаем. Руа – это гуннский царь Ругилас. Много воды с тех пор утекло. Надо писать продолжение этой истории, необходимы новые материалы...

Вигилий. В дороге расскажешь, Приск Панийский.

Хризафиос. Ритор Приск прекрасно знает местность Паннонии, гуннские обычаи и дороги к Хунгварту. Да поможет вам Иисус Христос! Мне надо идти к императору. *(Уходит).*

Приск. Важная персона – этот придворный евнух, афинский выродок. Но его имя останется в истории, благодаря Аттиле.

Вигилий. На Востоке существует такое название, как отрезать длинные языки.

Приск. Мне это известно. Там нередко сжигают и на костре за свободомыслие, особенно поэтов и философов.

Вигилий. Так что дискуссии тебе не на пользу.

Приск. Ты, Вигилий, ученый муж. Тебе известны сочинения Гомера и Аристотеля, Геродота и Аристофана. Но почему ученые предводители не могут победить благоразумного номада Аттилу?

Вигилий. Вот тебе и даны, ритор Приск Панийский, перо и папирус. Тебе и решать эту проблему.

Приск. Да, сложная и трудная диллема...

Акт второй

Паннония. Лагерь Аттилы. Хунгварт – новая гуннская столица. Вокруг каменные и деревянные постройки с претензиями на римскую архитектуру. Посредине – дворец гуннского властителя.

Восточный купец в пестром халате бойко торгует драгоценными украшениями, разным лакомством. С права расположились западно – римские и византийские посланники. Слева находятся гуннские и готские князья военачальники, простолоудины и слуги.

Римские посланники префект Примут и комес Ромул особенно недовольны и возбуждены.

В глубине сцены видна надпись по – латинский: «Enceinte Celtique dite du Camp d Attila» - указатель в лагерь Аттилы.

Ромул (нетерпеливо). Надоела мне это суета, префект Примут. Не хватает терпения...

Примут. В дипломатии терпения и спокойствия – неотъемлемые атрибуты правильного решения дела.

Ромул. А если подвергаешься унижению и позору. Всему бывает предел.

Примут. Всякое непредвиденное обстоятельство имеет свои положительные зерна. Надо выискивать их. Пока собирайся с мыслями, комес. Вот так, граф!

Ромул. Так могут перепутаться и перемешаться многочисленные глубокие и ценные мысли.

Примут. Возможно, этого и добивается гуннский царь Аттила. Он непростой гомосапиенс. С ним предстоит очень трудный и сложный разговор. Обычно он задает неожиданные и каверзные вопросы. Собирайся мыслями и готовься к самым вероломным оборотам речи.

Входят Максимин, Приск, Едиге и Вигилий.

Едиге (внезапно). Ойхой, здесь присутствуют и западно – римские посланники!

Максимин (удивляясь). О, сюда, оказывается, прибыл префект Норикума, патрисиин Примут!

Ромул. Как же ему не быть здесь, если в лагере Аттилы оказался сам достойнейший сенатор Магнус Аврелий Максимин.

Примут. Однако самое нелегкое дело, когда в доме у будущей гавани на письменном столе оставил свои чистые папирусы ритор и писатель Приск.

Приск. Мои рукописи ожидают новых сведений и дополнительных материалов, поэтому я оставил их в Константинополе. Приветствуем вас, достопочтенные римляне! (Западные и восточные римляне по – дружески здороваются. Раздаются голоса: «Аттила идет. Едет с охоты Аттила. Государь наш возвращается с охоты». Едиге отходит от римских посланников для встречи Аттилы и его свиты).

Максимин. Предполагаю, что западно – римский император Валентиниан Третий Флавий Платид неспроста командировал в гуннскую Паннонию префекта Норикума Примута и графа Ромула...

Примут. А первый сенатор Максимин намерен по наставлению восточно – римского императора Феодосия Второго отвлечь внимания владыки гуннов Аттилы от Византии и направить на роскошные города Италии – Рим, Равенну, Аквилею, Медиолону и Барлетто.

Максимин. С подобным заданием только в противоположном смысле прибыла и ваша делегация, префект Примут. Я в этом уверен.

Ромул. Это – давняя тактика Аттилы. Наши императоры как бы оказываются на поводу у гуннского властителя.

Приск. Все это подтверждает мои доводы относительно гуннской политики, изложенной мной на папирусе.

Музыка. Звучит труба. *Входит Аттила в охотничьем наряде. В руках у него меч и лук. Гунны и готы приветствуют его возгласами: «Да здравствует Аттила! Великий наш отец Аттила! Владыка над всеми Аттила!».* К гуннскому правителю *подходит Едиге и почтительно здоровается.*

Аттила (Едиге). С благополучным прибытием, мой славный брат и бесстрашный дипломат Едиге.

Едиге. Весь к твоим услугам, мой дорогой брат, господин целого мира Аттила!

Аттила. Я жду тебя, батыр Едиге, у себя в тронном зале. Только приведу себя в порядок после такой замечательной охоты.

Едиге. Прибуду неукоснительно, дорогой мой Аттила! У меня есть о чем рассказать тебе с глазу на глаз. У меня горят объятия от огромной охотки горячих и пламенных приветов императора Феодосия и многочисленных сенаторов, консулов, цезарей и вельмож...

Аттила. Да будет так! Приходи ко мне на обед без приближенных, свиты и слуг... Доставь мне, Едиге-ага такую честь и великое удовольствие.

Едиге. Будет исполнено, великий государь! *(Вежливо и незаметно отходит, уступая дорогу вождю гуннов).*

Аттила (восторженно). С великим удовольствием я осознаю, что Паннония нам, степнякам и кочевникам, вполне заменила наши родные края, распростертые между двумя морями Каспийским и Аральским. Здесь есть необъятные степи, и высокие горы, и густые леса. Охота состоялась на редкость удачно. *(Показывает рукой назад).* Вон сколько дичи и разной добычи привезли мы с этой охоты. Захватили и привезли даже живого тура.

Подбегает молодая женщина и подкладывает к ногам Аттилы завернутого новорожденного ребенка. Вождь гуннов обменялся взглядом с этой женщиной и великодушно перешагнул через ребенка. За ним идет, осторожно перешагивая через ребенка, его свита.

Максимин (Приску). Что это за новый ритуал?

Приск. Это очередная жена царя Дакии в отсутствии повелителя родила ему еще одного сына, которого он, как видим, признал...

Едиге. Ты правильно сказал, патриций Максимин. Великий Аттила и это свое правило сделал ритуалом или обычаем. Мать этого ребенка – молодая и прекрасная гречанка родила владыке еще одного сына. Если светлейший отец не признал бы ребенка своим отпрыском, он наступил бы на него. А за ним вся свита бы прошла по непризнанной малютке. К счастью, этого не случилось...

Король германского племени гепидов Ардарих становится на колени перед Аттилой, как бы заменяя ему трон. Довольный этим жестом вассилевса Аттила поднимает его с колен, с признательностью похлопывая по спине.

Аттила. Да будет тебе, полно, король гепидов Ардарих. Сегодня была твоя очередь среди германских королей подставить мне спину, чтобы я соскочил с моего коня. Ты уже исполнил этот свой долг. Пока достаточно. Ты мне теперь нужен как советник по истории Римской империи...

Ардарих. История эта мрачна и жестока. Благо, что твой дядя Ругилас, вождь гуннов Руа, в 430 году ограничился договором с Римом, по которому империя должна была платить дань в 350 фунтов золота. А вот двадцатью годами ранее, в 410 году, объединенные войска готского короля Аралиха беспощадно уничтожали римскую знать. Многие аристократы были убиты, захвачены в плен и стали рабами. Только самые выносливые, молодые и смелые успели сбежать и укрыться в Северной Африке и Азии. А сколько знатных людей, побросав свое имущество и богатство, скрылись на островах и провинциях Восточно – римской империи и вынуждены были там бродить с протянутой рукой и просить подаяние. Упаси нас Бог от такой участи и судьбы!...

Аттила. Одной жестокостью в военном деле не обойтись. Хотя в большинстве случаев она стоит на первом месте и решает окончательный исход великого замысла...

Ардарих. Нет цены нашему взаимопониманию, великий государь, владыка половины мира. *(Указывая на Бауэра).* Это мой родной племянник. От рождения господь наградил его музыкальным даром и талантом песнопения. Возьми свою арфу, племянник. Спой свою песню об Аттиле, который хорошо знает германский язык.

Аттила. Барекелди! Вот это подарок! Можешь петь, юный сказитель, на готском языке. Мы, номады, привержены к стихам и песням с детства.

Бауэр (настроив арфу, начинает петь).

Остановись, великий царь Аттила,
Послушай песнь остготского певца.
Была у готов доблестная сила,
Низвергнувшая римлян до конца.
Но племена гепидов, ругов, скиров,
Бургундов, квадов и других мастей.
Грозя друг другу луком и секирой,
Предстали уже загнанных зверей.
А тут еще религия и ересь
Которую придумал нам Арий.

Коль у народа нет единой веры,
То тля разест державу изнутри.
Пускай в меня вселится дух Орфея:
Ведомы мы вселенскою рукой.
Враги бегут, пред возгласом робея,
Когда мы смело мчимся за тобой.
И наше богатство укрепились клятвой
Со Скифией и множеством племен.
Судьбе угодно было, вероятно,
Чтоб за Аттилой был единый трон.

Вокруг поднимаются шум и гвалт. Раздаются возгласы: «Молодец, Бауэр! Вот это – настоящая песня! Ай-да, певец Бауэр! Спасибо тебе, готский сказитель – певец и поэт!».

Аттила восторженно поднимает правую руку. Постепенно устанавливается тишина.

Аттила. Публика эту песню восприняла правильно. Молодой остготский сказитель в своем блеске ничуть не уступает Пиндару и любому степному акыну – импровизатору. *(Махнув рукой).* Принесите подарок Пиндару, этому вдохновенному певцу Бауэру!

Слуга в роскошном халате и меховой круглой шапке – борик принес большую шкатулку с драгоценными камнями. Аттила открыл крышку шкатулки.

Бауэр. О, повелитель гуннов и готов, я столько драгоценностей не видел никогда в жизни!

Аттила. Берн столько, сколько сумеет захватить твоя горсть. Ты, певец Бауэр, заслужил такую награду. Ты в своей песни, кроме меня, назвал еще две имени – Орфей и Арий. Они мне известны. Орфей мне импонирует тем, что по легенде его песни приводили движение деревья и скалы и делали послушными диких зверей. Повелитель мира должен быть таким же всемогущим покорителем стран и народов, как Орфей, неотвратимо воздействуя на все сущее.

Арий – это пресвитер и епископ из Александрии, который придумал и крепко обосновал христианскую ересь, известную под названием арианство. Это имя тоже имеет право на существование в подлунном мире, причем его учение нам ближе, ибо главенствует у нашего ближнего соседа и богатого данника Византии.

А еще ты, свободомыслящий и справедливый гусяр и арфист, назвал вот эту мою скифскую руку «вселенской рукой». И в этом ты непомерно и абсолютно прав. Она, моя рука, все еще сильна, и в прямом и в переносном смысле. *(Обращаясь к свите).* Приведите того живого и непокорного тура, которого скрутили вы на охоте. Князь Есендаул, распорядись, чтобы гуннские войны и охотники – слуги привели немедленно сюда неукротимого дакского тура.

Есендаул. Мой великий государь, будет немедленно исполнено твое повеление!

Есендаул с несколькими слугами уходит. Входит князь Шиншил с победным венком на голове и бросается к ногам Аттилы.

Шиншил. Возвещаю тебя, о великий государь, о нашей славной новой победе!

Раздались восторженные крики гуннов. Посланники настороженно переглянулись. Готы обменялись испуганными взглядами.

Аттила (одобрительно). Я без слов уразумел, мой юный князь Шиншил, что ты принес радостную весть о победе. Твоя зеленая и золотая ветвь на голове без слов возвестила нам о победе и гибели наших врагов.

Снова раздались приветственные возгласы гуннов.

Шиншил. Совершенно верно! Отныне не существует на германской земле племени лугионов. Мы их уничтожили поголовно.

Аттила. Что ты говоришь? Они отказывались платить просроченную дань! Они спрятались за непроходимыми топями. Как вы одолели болото? *(Поднял руку в знак начала донесения).* Рассказывай по порядку.

Шиншил. О великий государь, ты поручил мне почетную миссию — привести в чувство и сознание непокорное племя лугионов, но оно оказалось хуже болота, невменяемым и непробиваемым. Поскольку я, князь Шиншил, не мог вернуться назад, не исполнив твоего высочайшего распоряжение, вынужден был пойти на крайнюю меру. Мы собрали вместе около двух тысяч антов и славян, перебили их. Трупы сложили ничком попарно по самым узким переходам. Вот так проложили путь нашим всадникам.

Аттила. Но как наши лошади пошли по неостывшим трупам?

Шиншил. Если Аттила, сын победы, дал нам полное право действовать самостоятельно, согласуясь с обстановкой, то как мы могли оказаться на поводу конских нравов? Твой дух и разум всегда сопутствуют нам, требуя только победы... И здесь нас осенила посыпать неостывшие еще трупы овсом., чтобы обильный и притягательный корм манил наших коней...

Аттила. Ай-да, молодец, юный князь Шиншил. У тебя башка не простая, а как у греческого философа.

Шиншил. Голова греческого философа по сообразительности не идет дальше его собственных изречений и книг. А нам необходима была доблестная воинская находчивость. И вот так мы и смогли всем отрядом до единого всадника перебраться а стан лугионов через непроходимое болото.

Максимин. Надо же! Гунны стерли с лица земли целое германское племя лугионов... Это неслыханно! Такое могут совершить только вандалы или дьяволы. Не зря тебя, Аттилы, называют Бичом Божьим.

Аттила. Непокорность — вот что двигает этим Бичом. Непокорность может довести меня до того, что исчезнет с мира сего не только племя лугионов, но и весь народ германский. Наоборот, покорность, верность и содействие помогут вам обрести статус свободы, полноправия и братства. Король скиров Ардарих — яркий пример тому...

Приск. Пока жив Аттила, всем готам, остготам и вестготам, и всем римлянам, восточным и западным, нечего помышлять о каком — то своеволии и независимости.

Бауэр (зло). Почему наш всевышний правитель и сущий бог Вотан отвернулся от германцев?

Ардарих. Всему свое время. Молчи, мой племянник и певец Бауэр. Всему свое время! Ты правильно поступил, что вовремя воспел деяние всеильного

Аттилы. Сейчас и отныне существует его эпоха, до пора – до времени. Бауэр, ты молодец! Сдерживай и впредь свой пыл!..

Бауэр. Если поддержит и поможет Вотан.

Примут. Теперь начинаю понимать, почему император Феодосий из Константинополя рьяно поддерживает арианство – эту неблагоприятную ересь в христианстве. Он хочет окончательно расколоть Римскую империю на западную и восточную и направить Аттилу в священный Рим...

Ромул. Да и сам владыка Аттила не зря затеял разговор о нашей беспутной принцессе Гонорин.

Аттила (Как бы угадав мысль западных римлян). О моей возлюбленной, драгоценной красавице, принцессе Юсте Грате Гонории, заточенной в неприступную обитель ее братом, римским императором Валентинианом, особый, разговор... Гонория тайно прислала свой портрет и обручальное кольцо, предлагая мне руку и сердце...

Ромул (тихо). Подлая римлянка! Ради своей прихоти и личного благополучия она предает не только своего брата, императора Валентиниана Третьего Флавия Платидия и родную мать Галлу Платидию, но и божественный Рим и всю Италию.

Примут. К тому же у Аттилы бесчисленное множество жен, что не вмещается даже в рамки варварского обычая, чего не было не только со всей Скифии, но и в мире.

Аттила. Сладострастная красавица Гонория сама предлагает мне жениться на ней. А я хочу иметь ее хоть в браке, хоть вне брака... И это самое главное. Мне, например, толстой императрицы Василисы не надо. И я требую, чтобы к моим двумстам женам прибавилась еще одна, моя Гонория... Однако я требую в приданое всю страну по Дунаю. Это в длину территория от Пиония до фракийской Новы, в ширину- пространство земли на пять дней езды верхом на лошади.

Приск. Ему и так подвластны земли и народы от Византии до Фулы, от Персии до германского Рейна.

Максимиин. Он покорил и противопоставил Византии персов, мидян, парфян и другие восточные народы.

Примут. Как горный поток, из плоских и ровных степей хлынули гунны и принудили к абсолютному повиновению тридцать стран.

Приск. Аттила низложил и подчинил себе двенадцать корон. За такое короткое время даже Александр Македонский и Юлий Цезарь не добивались подобных результатов...

Едиге. Аттила – посланник Бога на земле, по воле которого он совершает свои исторические деяния. Не зря Аттилу называют «Бичом Божьим» и сыном победы...

Входят Эллак и Одоакр.

Эллак (падая к ногам Аттилы). Отец родной, я никак не мог тебе высказать свое признание.

Аттила. Говори, пока я в добром и благостном настроении.

Эллак. Мне нужно твое благословение. Моя высокородная мать была по происхождению германского племени, из рода амалунгов. Она приучила меня поклоняться Фригге – этой белокурой богине наслаждения. Мой дорогой отец, я безумно влюблен в прекрасную Ильдику, в сестру бургундского короля.

Аттила. Сведуш я в судьбе этой белокурой Ильдики. Она еще прибудет вместе с отцом, братом и своим возлюбленным в мой стан, ко мне на благословение. Тебя опередил некий германец – скир. Но я подумал о другом. Покойный фесалийский шаман наколодовал мне наследника с великим будущим от лучезарной белокурой германки. Когда ему люди распорили живот и вытащили печень, то там именно оказались белые пятна. Это знак истинного колдуна, предсказателя и мага. Ты еще молод и найдешь свое счастье. Не торопись, сын Эллак, повредивший правую кисть при защите меня, отца своего...

Эллак. Но я, дорогой отец...

Аттила резко взмахнул рукой, показывая, что разговор окончен, и пошел дальше.

Едиге. Одоакр, сын мой, подойди сюда.

(К отцу, стоящему с группой посланников, с почтением подходит Одоакр и здоровается). Хочу, чтобы мой сын Одоакр познакомился с высокопоставленными и знатными посланниками из Италии и Византии.

Одоакр. Пусть рукопожатие столь важных людей передаст в мою плоть их опыт жизни, силу духа и мудрость.

Едиге. Его мать – добропорядочная и высококультурная германка. *(Указывая на посланников).* А это – премудрые итальянцы и глубокомысленные греки, посланники Италии и Византии префект Примут, комес Ромул, патриций Максимин и ритор Приск, который собирает материалы и пишет для потомков историю гуннов и об их предводителях Аттиле.

Одоакр. Премного рад, что удостоен такой чести познакомиться со знатными людьми двух римских империй.

Едиге. У германцев есть такая поговорка: «Женщина сделана из ольхи, а мужчина – из ясени».

Ромул. Известно, что Аттила с особым интересом книги по математике, медицине и астрономии, чтоб познавало их молодое поколение. Но по биологии, наверно, у гуннов познания не очень велики. Разве только по таким поговоркам и пословицам черпают знания о флоре и фауне?

Приск. Гунны успешно пользуются растительными тринами при лечении разных болезней и боевых ран. Им не только германские леса известны, но и богатая юго-восточная природа. Поэтому они знают, что здесь, кроме ольхи и ясени, растут дубы, буки, вербы, тополя и другие деревья.

Одоакр. Ольха – красивое и любимое дерево германцев, как береза – у славян. А ясень славится крепкой и упругой древесиной.

Едиге. Мы обучаем наших детей, будущих воинов, особенно астрономии. Знание звездного неба помогает ночью находить стороны света и при случае ускорять военные действия. А как иначе? Как видите, мой сын

Одоакр разбирается и в биологии. Я возлагаю на него большие надежды. У него острый и хваткий ум. Только бы не сглазить. Тьфу, тьфу, тьфу... Мне даже приснилось, будто он стал очередным римским императором.

Одоакр. Зачем мне это, отец? Мне хотя бы достичь вершины твоей славы как знаменитого полководца, которого знают и почитают народы и страны от Тибра до Босфора...

Едиге. Как отец я верю, что мой сын Одоакр оправдает мои надежды и мечты. Потому что он унаследовал сметливый ум и ясную прозорливость гуннов и редкую выносливость своих родственников по матери, своих нагаши – этих германских верзил ростом в шесть фунтов...

Ромул. (*Читает молитву.*) «Помогите нам и всему христианскому миру, о Божественная Мать и непорочно зачатый Сын, возвеличенный терниями вокруг головы, иссопом и крестом, на котором распластал руки свои, гордость и похвальба наша»...

Входят Денгизик, Ернак и Картилион.

Аттила (*Увидев юношей, радостно.*) Вот пришли еще два моих сына. Мать Денгизика была из древнейших ветвей гуннских ханов. А пока сам Денгизик – лучший наездник и лучший стрелок из лука, который без промаха попадает в летящую ласточку. Такого меткого стрелка нет во всей Паннонии...

Приск. У Аттилы была восемьдесят два сына. Сегодня к ним прибавились еще два новорожденных. А его дочерям никто и счету не знает. Да и сам властитель не ведет им счета, пренебрегает ими.

Аттила. А это мой любимец Ернак, красавчик младшенький. Его прекрасная мать, славянская княжна Любаша, не увидев еще меня, только из-за моей славы полюбила издалека и безоглядно. Но к несчастью, не довелось ей прижать своего ребенка к белоснежной груди и ласково покрыть его прекрасными каштановыми волосами. Славной была дочь славянского князя... Значит, такова ее судьба.

Едиге. Княжна Любовь умерла сразу же после родов. Младенца Ернака выходили наши добрые и ласковые гуннки. Об этой любви славянской королевны Любы и великого царя Аттилы в нашем народе бытуют легенды до сих пор. Месяцами эта девушка пробиралась из далекого восточного княжества до Аттилы, чтобы только иметь от него сына... многие ее слова стали афоризмами и поговорками, как, например: «... Поцелуй меня, а если не хочешь, то убей».

Приск. Ты расскажи, Эдикон, потом мне подробнее. Я запишу это любовное сказание, чтобы оставить для потомков.

Едиге. В этом смысле всегда готов услужить признанному ритору, историку и писателю Приску Паннийскому.

Аттила. (*Картилион*). Подойди ко мне поближе, сын моего сверстника, «последнего великого римлянина», как говорят наши современники, полководца Аэция (*Картилион подходит и кланяться*).

Максимин. Каким это образом сын знаменитого римлянина и прославленного полководца Аэция оказался в становище Аттилы?

Едиге. В священном лагере гуннов вместе с великим Аттилой при его дяде великом Ругиласе с детства воспитывался сам Аэций.

Ромул. Но мать Аэция - знатная и богатая римлянка. Как она могла на это согласиться?

Приск. По изложенным на папирусе сведениям отец Аэция по имени Гауденций был родом из Скифии.

Выходит шум Естимес, удивленно озираясь по сторонам.

На плодородных берегах Тизии Ругилас основал свою ставку и открыл школу для обучения и воспитания детей. Сюда Гауденций и определил на суровое гуннское воспитание своего мальчика Аэция. Здесь и рос он, обучаясь гуннскому военному делу, наравне с Аттилой и его братом Бледой.

Естимес (улыбаясь имя Бледы). Правильно сделал Аттила! Правильно сделал великий Аттилы! Он вовремя убрал со своего пути Бледу, этого бескрылого холзана Бледу. Он убил беркута, который отказывался от полетов... Прости, бог Тенгри, братоубийцу, потому что он не мог иначе поступить. Тогда бы он не смог стать Бичом Божьим и покорителем вселенной...

Едиге. Всесильный владыка позволяет упоминать имя своего покойного брата только этому кривляющемуся шуту...

Аттила. Научился ли, Карпиллон, свободно читать и писать по-греческий и латыни?

Карпиллон. Слава богу, с твоей благосклонной помощью, дядя Аттила, я воспринял все уроки почтенного философа из Александрии. Я также восприняю военные премудрости гуннского боя.

Аттила (подозрительно). Я бы мог тебя, Карпиллон, сделать заложником или продать в рабство. Но я ненавижу рабовладельческий строй. Мне всегда по душе и сердцу воинский строй и боевые походы. И не только...

В глубине сцены высвечивается голубое озеро с экзотическими деревьями по берегам, где резвятся и отдыхают две обнаженные гетеры.

Посмотри, Карпиллон, это красуются и плавают в прохладных водах озера первые гуннские гетеры. Ты имеешь право с ними купаться. Мне известно, что даже великий Александр Македонский был влюблен в гетеру Таис Афинскую.

Приск. Гуннский властитель вспомнил мою дорогую Грецию. Да, действительно еще до рождения Христа моя родная Греция славилась свободными женщинами с образованием, артистическими способностями и редкой красотой, которых называли гетерами

Есендаул, другие военачальники и слуги вводят на сцену разъяренного тура. Шинцилл несет на руках Марсов меч.

Едил. Наш великий повелитель Аттила прожил в подлунном мире больше полувека, но силу духа и разума, мощь рук и мускулов сохранил по-прежнему и даже приумножил.

Шиншил (протяжная Аттиле меч) Вот тебе, великий государь, Марсов меч, который как святыня хранится рядом с каменным идолом бога войны Пуру.

Аттила. Нет, юный князь Шиншил, пусть будет по честному и напоказ, что силы мои и моего боевого меча неисчерпаемы. *(Выхватывает свой меч с размахом одним ударом отсекает голову туру)*

Ардарих. Быть тебе, о славной Аттиле, правителем вселенной! Я сам видел как от твоего плаща отскакивают стрелы и дротики и как ты крушил неприятелей, отсекая им головы направо и налево...

Есендаул. Почему молчит Турасал? Где наш жырау и певец? Воспой, Турасал, великие деяния нашего кагана и батыра. *(Возбужденный шум и восторженные крики и возгласы в честь Аттилы. На середину выскакивает с домброй акын импровизатор Турасал и затягивает первую ноту: а,а,а...)*

Турасал.

Я сравню тебя с луной,
Лучезарной, пеземной.
С солнцем я сравню тебя.
Нет излишества ничуть.
Раскрывает твою суть,
С чем не сравнивал бы я.
Где Аттила, там успех,
Побеждает всюду всех.
Остановки песням нет,
Как числу твоих побед.
Открываю с песней рот.
Каждый в радости поет.
О Аттила, нет конца
Песням твоего певца.

О тебе покою опять?
Вдохновенья не унять.
Наш Аттила, будь здоров!
Ты куда ни поведешь,
Там врага бросает в дрожь.
Там победа, где твой зов.
Громче пой, моя домбра,
Ты – предвестница добра.
Очищайся, голос мой,
Песней звонкой и лихой.
Как ни пой, ни говори
От зари и до зари,
Аб Аттиле все слова
Не вмещает голова...

З А Н А В Е С

Акт третий

Та же декорация, что и во втором акте. На сцене римский полководец Аэций и его сын Карпилион. Оба в военном облачении и при всех религиях.

Аэций. Сын мой, Карпилион, ты уже не маленький, ты не безусый мальчик, а самоотверженный воин. Надеюсь, в гуннском лагере ты научился многому, что поможет тебе в боевых походах и во всей дальнейшей жизни.

Карпилион. Ты прав, отец. Кроме знания греческого, гуннского, германского и латинского языков, я еще обучался навыкам военного искусства гуннов.

Аэций. Мне приятно все это слышать. Особенно знание гуннского военного искусства тебе пригодится в скором будущем. А в том, что ты

приобретешь помимо этого, другие знания, ничуть я не сомневался. Чего стоит один сарацинский учитель? А философ из Александрии.

Карпилион. Действительно, отец у гуннов науки, физической закалки, знание языков и умелой езды на лошади я приобрел достаточно. Теперь мне нужна только практика, необходимо применение всего этого на живом деле.

Аэций. Не торопись, сын мой. Тебя еще жаждалась и сильно истосковалась мать – римлянка в Равенне.

Карпилион. Если вправду признаться, я тоже очень соскучился по моей матери – христианке.

Аэций. Иди, собери остальные вещи мы должны скорее убраться отсюда, пока целы и здоровы. С моим приятелем и другом детских игр Аттилой сыном Мундзука я уже попрощался...

Карпилион уходит. Входит Вигилий.

Вигилий (заискиваяще). *«Приветствую последнего великого римлянина» и прославленного полководца Аэция! Как только услышал, что в стане Аттилы находится великий воин Италии Аэций, прибывший за своим сыном Карпилионом, я почти не смыкал глаз и зорко следил за тем, чтобы где-то встретиться один на один. И вот удача! У нас мало времени. И я скажу только о сути дела...*

Аэций. *Говори, патриций Вигилий!*

Вигилий. *Мы в нашем Византионе наслышаны о том, что западно – римские войска готовятся к грандиозному сражению с гуннами. Но гунны ничего бы не стоили без их всемогущего предводителя Аттилы, этого, как говорят, Бича Божьего. И вот мы посланники, императора Феодосия Третьего, прибыли с тайным заговором об убийстве Аттилы.*

Аэций (удивленно). *Прямо в его лагере, Это сплошной бред! Здесь каждый гунн готов за Аттилу отдать свою жизнь. Гунны приклоняются и почитают Аттилу как земного бога, который ходит рядом с ними, ест и пьет рядом с ними, всегда побеждает в боях и награждает по заслугам. Это уж я знаю, потому что в юности жил среди них. Здесь нужен иной подход. Здесь может только сила победить силу. Вы восточно – римские христиане, лучше пришлите нам на подмогу вооруженные силы, а не следуйте какому-то Арию из Александрии.*

Вигилий. Я доложу об этом императору Феодосию и на сенате по возвращении в Константинополь.

Выходит собравшийся в дорогу Карпилион.

О, Карпилион сын Аэция, будь достоин славы своего отца! Счастливого пути и успехов в ратном деле вам обоим!

Аэций и Карпилион, попрощавшись, уходят. Вращается сцена. Приемная зала во дворце Аттилы. На помосте посредине залы на своем троне восседает Аттила. Колонны сияют в золотом блеске. Разноцветные персидские ковры украшают все проходы, эстраду и стены. В зале находятся Шиншил, Вигилий, Едиге, Ардарих, Бауэр, Денгизик, Ернак, Хелхал, Есендаул и шут Естимес.

Аттила. *Мой воинственный и смелый князь Шиншил, сегодня твое место рядом со мной. Проходи и занимай свое заслуженное место.*

Шиншил. *Я счастлив, мой великий повелитель, что живу, дышу и совершаю свои подвиги под немеркнущей звездой твоей славы. (Проходит и садится рядом с Атиллой).*

Аттила. *Ты заслужил такого почтения, чтобы находиться в одной когорте с моим советником и мудрейшим наставником Хелхалом и знаменитым полководцем Есендаулом. Мы сегодня принимаем римских посланников. Но прежде выслушаем нашего посланника и батыра Едиге или как его называют по-латинский Эдикона. Мне не удалось предварительно услышать его отчет об этой его поездке в Константинополь.*

Вигилий. *Однако хитрит гуннский властелин. Не может быть, чтобы он сразу же по приезду не расспросил своего посланника...*

Едиге. *Прежде всего меня поразили там дома, у которых крыши золотые с черепицами, великолепные дворцы и храмы и пышный образ жизни византийцев...*

Вигилий (про себя). *Наверно, Эдикон хочет усыпить бдительность и рассеять подозрительность своего владыки...*

Аттила. *Этим они всегда отличались. Римляне обычно без оглядки разбрасывают большие суммы на развлечение, беспутство, а потом столь же рьяно строят храмы и церкви, чтобы замаливать грехи перед своим богом Иисусом Христом.*

Хелхал. *Все это нам известно. Нас интересует сущность дела: прием и отправка императором Феодосием наших и своих послов.*

Вигилий (про себя). *Не тут-то было. Эдикон повязан нерушимой и, как булат, твердой клятвой...*

Едиге. *А сущность здесь самая неслыханная и гнусная. Меня вызвали во дворец императора и заведенные в заблуждение моим восхищением их столицей предложили золотые горы при исполнении их коварного замысла... Мне пришлось дать клятву...*

Вигилий. *Ты нарушаешь свою клятву:*

Едиге. *Я поклялся не своим гуннским богом, а вашим, арианским. И все это я делаю для того, чтобы разоблачить кровавый замысел императора и этого лживого посла Вигилия, который и предложил мне убить Атиллу...*

Вигилий *грохнул на пол. Кругом шум, гам, возгласы крайнего возмущения и отчаяния. Четыре гунна, схватив с двух сторон, поставили Вигилия на ноги.*

Договорились, что сперва мне заговорщики заплатят 50 фунтов золота. А дом с золотой черепицей, остальное золото и другие блага будут предоставлены мне после возвращения моего в Константинополь.

Максимин (Удивленно). *Вот почему пригласили меня участвовать в этом посольстве:*

Приск. Заговорщики хотели воспользоваться твоим благородным именем, патриций Магнус Аврелий Максимин, как честного сенатора, чтобы надежно завуалировать свои коварные поступки...

Максимин (Аттиле). Великий Танджо, обо всем этом я впервые слышу здесь, в Хунгварте.

Аттила. Продолжай, князь Едиге.

Едиге. Этот мешочек с золотом в пятьдесят фунтов под туникой висит на шее Вигилия. (Слуги вырывают из – под хламиды Вигилия кошелек с золотом и передают Аттиле).

Аттила (Читает надпись на кошельке). «Собственность Хризафиоса». Теперь что ты скажешь, подлый изменник:

Вигилий (упав на колени). Помилуй меня, о великий хан! Ты славись своим великодушием! Пощади меня, заблудшую собаку! Не отнимай жизни!

Аттила. Зачем мне твоя жизнь? Она не ценнее собачьей. Я бы мог распять тебя на кресте или повесить на большой дороге на Виминациум или Равенну. Вы, римляне, знаете, что никогда я своего решение не меняю! (Максимино). Поручаю тебе, патриций Магнус Аврелий Максимин, по прибытии в Константинополь на первом же заседании сената выставить этого злодея с мешочком на шее перед сенатором и разоблачить окончательно...

Максимин (убедительно). Под страхом смерти я сделаю это. Какой позор! Вот так несколько отвратительных души порочат добропорядочное имя римлян...

Естимес (скача на одной ноге). Вот злодеи, вот злодеи... великого Танджо хотели убить! Да он же добро приносит униженным людям. Мне, бывшему рабу, Аттила дал полную свободу. Он ненавидит рабство! И при том же я могу говорить о нем все, что хочу и знаю. Он мне ничего не запрещает. (Вигилию). А этот змееныш, который сам себя назвал собакой, может убить раба и слугу за один только солид. Такая же цена ему самому. А он замахнулся на самого правителя вселенной! Дайте я его тихонько и незаметно отправлю на тот свет... (Прыгая). Храмец – глупец, храмец – стервец, аксак – токсак...

Аттила. Закуйте преступника Вигилия в цепи и пусть его так доvezут до Константинополя! (Гунны уводят Вигилия). А теперь, западные римляне, с чем вы пожаловали в благословленную Паннонию?.. правильно говорит святой человек с ангельской душой о храмцах – глущах, о храмцах – стервцах. (Естимес прыгает на одной ноге). Король Ардарих, готовы ли римские и греческие карты, что ты готовишь для следующих походов?

Ардарих. Да, всемогущий хан Аттила. Вот они со всеми линиями дорог населенных пунктов. (Преподносит Аттиле карты и раскрывает их перед ним).

Аттила. Западные римляне, высокопочтимые посланники Примут и Ромул, я обращаюсь к вам за конкретным ответом о целях вашего визита.

Примут. Высокопоставленный и великий Танджо, нам известны претензии и тр Западно- римской империи и непосредственно Равенне, где

сейчас находится резиденция нашего императора Валентиниана Третьего Флавия Платидия. Мы привезли ежегодную дань в пятьсот фунтов золота, а также поклон и приветы от папы римского Льва Первого и Галлы Платидии, матери императора Валентиниана и принцессы Гонории...

Аттила. Вам известны условия относительно приданого Гонории при выдаче ее замуж за меня?

Ромул. Да, владыка Аттила. Однако ныне принцессы Гонории нет в Италии. Она находится в Константинополе под присмотром и воспитанием старшей сестры цезаря Феодосии Августы Пульхерии.

Аттила. Дерзость Рима мне известна (Показывая на карте). Когда в поверженном Милане я проехал во дворец цезарей, то увидел там искусно составленную из мелких разноцветных камешков величественную картину. На этой мозаичной картине посредине на троне красовался император Валентиниан. А у его ног в низкопоклонстве как верные данники сыпали груды золота девять покорных царей. Двоих из них в гуннской одежде он удерживал ногой. Приглядевшись поближе, я узнал в этих двоих себя и своего брата Бледу. Сперва я хотел разнести в ключья эту картину. Но потом решил доказать свою правоту по-другому. (По его знаку слуги убрали ковер, за которым скрывалась большая, ярко нарисованная, мозаичная картина).

Вот здесь восстановлена правда истории. Передо мной в цезарских порфирах распластались два моих данника. Это — императоры Феодосий и Валентиниан.

Мои союзниками ныне являются парфяне, персы, исаврийцы, эфиопы и сарацины. Они нападут на Феодосия с востока и юга. Если Гонория в Константинополе, то я отправлю мои гуннские когорты, вооруженных булатом, вниз по Дунаю...

Максимиан (тихо). Неужели Аттила не знает, что девственность Гонории была посвящена Иисусу Христу и она была помещена в монастырь, но вскоре оказалась беременной?

Примут. Эта шлюха была еще замужем за арабским принцем, оказавшимся у нас в плену и бежавшим из рабства.

Приск. Аттила бережет портрет красавицы Гонории и носит под туникой у сердца и не снимает его подаренного кольца с пальца.

Ромул. Но они же никогда не виделись? Как можно любить и восторгаться бесплотным существом?

Приск. В том-то и вся беда! Танджо Аттила обладает не только недюжинной физической силой, но и большой фантазией. Он придумал себе и вообразил настоящую и всепобеждающую любовь. Здесь он слушается своего сердца, что с ним случается очень и очень редко... У него обычно главенствует бесстрашный, ловкий и острый, как меч, разум...

Аттила. Премудрый старец, многоопытный аксакал и мой прорицатель Хелхал, скажи мне правильно ли я поступаю, если начну новое грандиозное нашествие?..

Хелхал. Как нельзя кстати. Это самое подходящее время. Вестготы обессилены тем, что там трое братьев, размахивая кинжалом и мечом, оспаривают друг у друга унаследование трона. А в Константинополе началась еще одна ересь под названием несторианство. Патриарх Несторий выступил против той литургии, которая почитает и называет Деву Марию только Богородицей. Несторианцы борются за то, чтобы Деву Марию называли еще человекородицей или Христородицей.

Аттила. Раскол в любом обществе и государстве нам, гуннам, и нашим союзникам только на руку, уместно и вовремя.

Шиншил. Твои полководцы, князья и славные воины застоялись и жаждут походов и сражений, великий государь. Веди нас в любом направлении и в любую страну...

Аттила. Христианство, арианство, несторианство... Все эти ереси и христианская религия пускай вызывают различные споры и распри! Без единства нет победы! Мои подвластные народы и племена поклялись мне в верности и я этому верю.

Хорошо, что между Итилом и Яиком не было никакой официальной религии. Там властвовала сама природа. Мы поклонялись богу неба Тенгри, богу войны Пуру, богу оружия Марсу и богине Дзривиле.

Шиншил. Не зря тебя, всемогущий государь и великий полководец Аттила, называют Бичом Божьим и Сыном Победы:

Мы так скоро доберемся до Британского моря...

Аттила. Моим гуннам и бесстрашным воинам обещаю благодатные земли от Молдавы до полноводного Рейна...

Ардарих (Баузру). Германский народ после этого безумного и страшного похода не досчитается не только племя лугионов.

Баузр (зло). Свирепый дракон.

Денгизик. Ах, необузданный болтун, не знающий своего места и и призвания: (Выхватил нож и метнул его в Баузра, но он задел только его длинные волосы).

Аттила. Не трогайте королевича скиров! Мы, гунны, с детства почитаем певцов и поэтов. Его исполненная песня – достойный подарок истории. Она переживает нас с вами и даже многие годы и века...

Ернак. Поганный акын, он смеет скверными словами называть великого кагана... Я все равно не прощу ему этой дерзости и при случае беспощадно припомню...

Аттила. Успокойтесь, мои дорогие сыновья и прославленные воины. Для меня уничтожить этого словоблуда все равно, что убить муху или раздавить кузнечика... Но пусть он своими глазами увидит насколько велик и всемогущ их вездесущий властитель...

Шиншил (Аттиле). Смотри, великий государь, какой ненавистью горят его отвратительные глаза.

Хелхал. Будь осмотрителен, мой великий повелитель Аттила. Ты прошел невредимым через многочисленные кровопролитные битвы, сражения и

единоборства. Как бы нелепый случай не остановил биение твоего могучего и пламенного сердца.

Аттила. Все-таки мне нравится решительность этого певца-злодея. Возможно, он вовсе не злодей, а просто в нем вскипает кровь акына от пыла юности. Мне нравится его имя Бауэр. Оно созвучно с нашим слово "бауыр", что означает "младший родной брат" или еще дословно переводиться "печень". Возможно, Бауэр станет печенью и названным братом моим сыновьям. Бауэр-младший родной брат, близкий и дорогой, как печень...

Бауэр. Собака тебе печень, свирепый дракон, поганый осквернитель женщин и ненасытный поработоритель! (Выхватил свой акинак и метнул прямо в Аттилу. Шум и гам. Шиншилл мгновенно закрыл собой Аттилу и принял кинжал на себя).

Естимес. Проклятый гот! Ненавистный скир! Ты покушаешься на самого священного человека и непобедимого вождя. Я сам убью тебя своим акинаком. (выхватил кинжал и бросается на Бауэра, но его удерживают гунны и готы. Оглядывается на суматоху вокруг трона на эстраде. Слышатся голоса: "Убит Аттила! Покончил жизнь хана. Аттила погиб!")

Мне в этом мире без моего всемогущего и справедливого властителя нечего делать. Прощайте, гунны! (Закалывает кинжалом самого себя).

Еюге, Естимес, что наделал? Слава богу, великодержавный Аттила жив. Его защитил своим телом высокородный и бесстрашный князь Шиншил. Вечная память батыру Шиншилу. (Бауэр схвачен и закован в цепи. Тела Шиншила и Естимеса слуги уносят. Все взоры собравшихся обращены на эстраду).

Хелхал. Надо бы этого барда-злодея Бауэра, коварного убийцу, казнить публично при народе, чтобы другим не было повадно поднимать руку на царя царей, на короля королей.

Аттила. Нет, это будет для него слишком дорогим подарком. К тому же гунны настолько почитают акынов, что ему грядущие поколения могут приписать в заслугу, будто он умерщвлен самим Аттилой. Я придумал ему другую тягостную, мучительную и медленную смерть. Известно мне, что Бауэр влюблен в сестру Бургундского короля Гундхара Ильдиду. На этот раз он прибыл в наш стан, чтобы получить мое благословение, но сам себе жилу разрубил топором. В предстоящем походе я разгромлю бургундов, как и франков, выступающих на стороне римских войск во главе с Аэцием. Несмотря на две сразу жертвы, которые подлый скир Бауэр принес нам, я сохраню ему жизнь. Пусть своими глазами увидит насколько мы непобедимы и могучи и как я буду наслаждаться его возлюбленной Ильдидой.

Бауэр (застонав). Лучше смерть! Чем переносить такие муки, лучше казни меня, о великий государь Аттила!

Аттила. Я никогда своих решений не меняю! Это известно всем гуннам и готам, друзьям и недругом, соратникам и врагам.

Закуйте его в цепи и бросьте в зиндан-темницу.

Хелхал. Великий Танджо и каган Аттила, скажи свое напутственное слово для предстоящего похода перед собравшимся народом. Раскрой им свои затаенные цели и задачи. Вдохнови воинов и полководцев на благословенные подвиги. Тебе известны созидательные, а также неблагоприятные деяния двенадцати римских цезарей, начиная со второго века от рождения Христа.

Ардарих. Великому хану Аттиле известны также перипетии и распри многочисленных германских племен, которые вечно завидуют друг другу и враждуют между собой, хотя иногда и сватаются и завязывают родственные узы. Но те племена германцев, которые дали клятву верности и преданности всемогущему и всевластному Аттиле, сохраняют ее до последнего вздоха...

Есендаул. И рядовые воины, и признанные полководцы перед таким великим походом ждут, мудрый полководец и ясновидящий вождь, твоих вдохновенных слов напутствия...

Аттила. Славные мои воины и полководцы, мне, властителю полумира, которому подвластные земли и народы от Понта Эвксинского до Британского моря, от Геркулесовых столпов до ворот Адрианополя, довелось родиться и вырасти на просторных степях северного Понта и Каспия и на плодородном и красочном побережье рек Итиль и Яик. Сказывают, что моим отцом каганом Мундузуком имя мне дано Аттиле созвучно имени привольной реки Итиль. Мне в жизни противопоставлены три вещи: рабство, пьянство и бездумная честь и доблесть. Этими пороками обладают и страдают итальянцы, германцы и жители обширной Галлии, что нам, гунном, несказанно помогает и всегда бывает на руку...

Мои дальние предки были, как и европейцы, индусы, китайцы и египтяне, созидателями и градостроителями, по-латински их называли "гардерми". Мой предок в четырнадцатом колене, мудрейший царь гуннов Чжи-Чжи основал и построил в центральной Азии город Тараз. Но волею судеб впоследствии скифы и гунны всецело отделились кочевому образу жизни, пасли скот, жили в войлочных юртах, любили эпос и музыку и развивали ручные ремесла. На ровных и бескрайних просторах гунны настолько изощренно постигли искусство езды верхом на лошадях, что ныне нет равных им во всем мире, гунны и его конь настолько слиты воедино, что выглядят, как живой кентавр.

Кочевники-номады не знали и поныне не знают, что такое рабство и рабовладельческий строй, которым Римская империя опутала всю Европу.

Насчет пьянства, которому повержены почти все знатные европейцы, заявляю, что я уже сорок с лишним лет не пью ничего, кроме воды и кумыса...

Относительно бездумной чести и доблести я скажу, что еще ни разу не потерпел поражения, чему порукой крепкий булат и свистящие стрелы, чего нет в чужих странах, и мои бесстрашные и преданные воины. Поэтому меня прозвали во всех странах и все народы "Сыном Победы" и "Бичом Божьим". Не зря мы с гордостью говорим, что там, где ступали копыта гуннских коней, трава не растет.

Мы освободим народы Европы от всех их пороков и рабства...

Развалу римской империи прежде всего способствовали их бездарные и безответственные императоры. Из двенадцати, известных мне принцевов, только четверо Август Адриан, Антоний Пий, Лучий Вер и Клавдий Второй умерли своей смертью. Остальные восемь цезарей или правители подвержены, иначе говоря, убиты своими избирателями и приближенными. А как же иначе?! Принцепс Коммод до безумия увлекался гладиаторскими боями, Каракалла безоглядно верил и потворствовал всяким магам, гадателям и колдунам, Гелиогабал отличался религиозным фанатизмом и погряз в разврате с замужними женщинами вместо того, чтобы открыто иметь столько жен, сколько захочет...

Германцы разделены на бесчисленное множество племен, у каждого из которых есть свой родовой король. И все короли раздраемы завистью и соперничеством. Самые благополучные из них те, которые присягнули мне в верности и дали клятву стать моими преданными союзниками.

Суабы, хунгры, славяне и аланы перешли на мою сторону и стали моей надежной подмогой. Чтобы стать моим сторонниками аланы продвигались через Дарьяльское ущелье Кавказа и влились в состав моей могущественной армии.

Первый полководец римлян, франков и бургундов и, как прозвали его, "последний великий римлянин" Аэций по характеру, военным навыкам и повадкам известен мне с далекой юности, когда он воспитывался вместе со мной и моим братом Бледой в стане моего дяди, великого полководца Ругиласа. Сын Аэция Карпилион учился тактике ведения боев и военному искусству в Хунгварте уже у меня и моих признанных полководцев. Об этом мы в предстоящих сражениях не должны забывать, а должны всегда учитывать и стронть свою тактику исключительно по-новому и по-своему...

Да будет за нами Победа! Волею всевышнего бога Тенгри и бога войны Пуру, которые всегда благоволили нам, теперь предстонт долгий путь к берегам Рейна и, как я предполагаю, будем мы сражаться на Каталаунских полях...

Славные мои воины и полководцы, доброго пути вам и счастливой дорогой! Успехов, удачи и победы на благо человечества!

Шум и гам взволнованной публики: воинов и мирных жителей. Возгласы в честь Аттилы.

ЗАНАВЕС

Часть вторая

Акт четвертый

На возвышенности растянула большая палатка. Перед ней на длинном столе разложены карты, над которыми склонились Аттила, Эдлак, Есендаул, Хелхал и другие полководцы. Слышны звуки рога и отдаленный шум сражения.

Аттила. Среди многочисленных римских цезарей, столь часто сменявших друг друга, были выходцы из Галлии, Сирии, Германии, которые

женившись на знатных итальянках, как бы сами становились римлянами. В основном, их выбирали солдаты, поэтому их еще называли «солдатскими императорами». Я почти убежден в том, что в будущем трон Западно – Римской империи займет прицпе гуннского или скифского происхождения. А для осуществления такой заветной мечты нам здесь, на Каталаунских полях необходимо выиграть сражения. Аэций, его сын Карпилион и вестготские короли и полководцы на этой битве сражаются и проявляют себя отчаянно, выкладывая полностью все свои способности, знания и навыки. Мы должны им ответить тем же, даже превосходя их.

Есендаул. Не зря Аэций обучал и воспитывал своего сына Карпилиона среди нас, гуннов, и в нашей школе.

Эллак. Мы часто с ним бывали в одной компании, проводили свободное время и вместе обучались. Я бы не сказал, что он блещет умом, глубоко размышляет и отличается находчивостью... Карпилион обычно думал и говорил по – мальчишески легкомысленно и поверхностно.

Хелхал. Мне думается, что Карпилион больше всего прикидывался простецким молодцом, недалеким пареньком, а сам все разглядывал, запоминал и заучивал по наставлению своего отца и собственному уразумению. Что-то подобное я подметил еще у нас, в Хунгварте.

Аттила. Мудрый старец Хелхал говорит правильно. Мы должны учитывать такой вариант. Я уверен в том, что мой бывший приятель, ставший со временем неприятелем, талантливый полководец Аэций доподлинно изучил наши приемы и особенности ведения боя.

Меня осенила, господа, новая идея. У нас определены сто курьеров, которые подогнем и мечом будут пробираться к нам, предводителям, и докладывает о ходе сражений на разных участках через главную ставку, куда будут стекаться через них же все основные сведения с полей брани.

Есендаул. Это замечательная идея!

Эллак. Тогда получится необходимая координация боевых действий во всех направлениях...

Аттила. Но не это самое главное. Эллак, сын мой, ты будешь возглавлять главный штаб, распоряжаться со ста курьерами, собирать и сосредотачивать все сведения со всех флангов и подразделений и держать постоянную связь с нами. С тобой рядом будет опытный и мудрый князь и советник Хелхал.

Хелхал. Приложим все усилия, чтобы точно и в срок выполнять, главнокомандующий Аттила, все твои распоряжения.

Эллак. Правильно, что мудрейший советник Хелхал будет со мной, а мы с ним будем действовать согласованно...

Аттила. Атаку по центру возглавлю я сам. Правый фланг поручаю Есендаулу. А на левый фланг назначаю сына, отважного стрелка и мужественного воина Денгизика (*Посмотрев на старшего сына*). А Эллак спас меня от неминуемой смерти, подставив правую руку летящему от катапульты камню и сильно повредив ее. Но он левой рукой орудует мечом не

хуже правой. Притом обладает недюжинной силой, чутким сердцем и умной головой. Сын мой, когда будет для меня особо важное донесение, направляй с ним дюжину курьеров, потому что хоть один из них доберется до меня...

Есендаул. Великий каган, ты правильно сделал, что на левый фланг поставил Денгизика. Как разведка наша доложила, правым флангом войска Аэция будет командовать его сын Карпилион, характер и навыки которого хорошо знает Денгизик.

Аттила. Карпилион хорошо знает нас, поэтому мы нашу главную тактику изменим и усовершенствуем. *(Показывает правой рукой).* Вы видите, что справа на Каталаунских полях возвышается холм, а слева тянутся густозеленные леса. Мы должны будем, отступая, сражаться и заманивая противника вглубь наших позиций. В леске спрятаны две когорты наших войск под общим командованием короля гепидов Ардариха, который, наверняка, не пожалеет своих давних врагов – римлян. А за холмом справа затаились две когорты, которые поведет за собой бесстрашный батыр Едиге. Когда войска Аэция достаточно войдут в наши пределы, Ардарих и Едиге внезапно нахлынут на неприятелей с двух сторон и еще сомкнут свои ряды сзади, замыкая разрыв.

Эллик. Это же настоящая торба. Войска Аэция как бы окажутся в мешке. Как ты смог, отец, додуматься до этого.

Есендаул. Если все здесь будет осуществлено, как задумано, то это гениальная тактика. Это совсем новая и оригинальная идея!

Шум сражения усиливается. Приходят и уходят с донесениями гонцы.

Аттила. Сражение у Шалона на Каталаунских полях останется навеки в истории. Такой военной операции еще никогда не знало человечество. Аэций выведаль и распознал наши планы. Иначе бы он не собрал вместе столько войска, сколько мы двинули против него. Полмиллиона воинов участвуют в Каталаунской битве с нашей стороны и полмиллиона со стороны наших противников. Сеча идет неслыханная и невиданная...

Хелхал. Потери с обеих сторон огромные. Супротивники сражаются отчаянно, не жалея себя и нацеливаясь только на победу...

Есендаул (чистая донесение). Великий светоч мне необходимо пойти к своему легиону, возглавить на месте и принять непосредственное участие...

Аттила. С богом, мой лучший полководец! Да сопутствует тебе победа!

Есендаул уходит.

Денгизик (чистая донесение). О великий император и вождь гуннов, необходимо мое непосредственное участие в исполнении благоразумной тактики.

Аттила. Благословляю тебя на победу! Пусть бог войны Пуру осенит тебя своим всевышним мановением!

Денгизик уходит.

Хелхал (всматриваясь в даль). Однако тактическое отступление наших войск затянулось. Сражение посредине скопления войск, в самой невообразимой гуще, происходит не на жизнь, а на смерть. В таком состоянии дел наш штаб и мы сами случайно можем оказаться в кольце окружения...

Эллак. Надо быть просмотрительней. Мы верим, о вождь гуннов, в твое исключительное провидение. Для меня счастье погибнуть, о повелитель мира и мой отец, около тебя и защищая тебя...

Аттила. Всякая новая и ошеломляющая военная мысль привлекательна, прекрасна и глубоко опознаваема в голове, но осуществление его на самом деле зависит не только от тебя, но и от окружающих тебя людей, но и от сотен тысяч солдат и командиров...

Грохот битвы уже слышится где-то близко. Даже доносятся отдельные слова и громогласные родовые кличи: Вперед, албанцы! Дулатовцы, за мной! Аргынцы ни шагу назад! Где вы, кипчаки! Es lebe, die Qoten и другие. Затемнение. Отчаянные и грозные голоса участников битвы продолжают звучать... На сцене никого нет. Голоса и боевой шум удаляются. Появляется свет. Обстановка та же. Только на столе уже нет карт. Входят Азций, его сын Карпилион, полководец вестготов Торисмунд и другие военачальники.

Азций. Насколько мне известно, гуннская орда состоит из двадцати четырех племен. И все эти племена сплочены в единый кулак одним только человеком по имени Аттила. Германский народ состоит из еще большего числа племен и все они разъединены, и во главе каждого из них стоит свой король. Неужели у германцев не найдется один сильный король, который бы объединил все их племена в одно целое и возглавил их?

Торисмунд. Вопрос риторически. Сейчас не место риторике и эмоциям. Мой отец, король вестготский Теодорих, несмотря на свой возраст, славно воюет. Это, благодаря ему, левый фланг наших войск продвигался вперед, не отставая от правого фланга, которым командует славный Карпилион...

Азций. Право, у нас и своих грехов и недостатков хватает. Наш демос разделен на две огромные части: Западно-Римскую империю и Восточно-Римскую империю, которую с недавних пор, облагораживая по-своему, стали называть еще «Новым Римом». И обе эти империи разделены религией и ее разными сектами. На Западе распространено ортодоксальное христианство. На Востоке верховодит ересь под названием Арианство. Там появилась еще одна ересь под названием Несторианство. Еще в самом Риме существует Манихейство с элементами язычества, с которым сейчас жестоко борется папа Лев Первый, подвергая еретиков даже смертной казни.

Карпилион. Как доносят наши агенты, император Валентиниан разрешает жен офицеров, которые здесь, на Каталаунских полях сражаются беспощадно, не жалея жизни.

Азций. Похождением юного императора Валентиниана потворствует его мать Галла Плацидия, чтобы единолично править страной вместе с папой римским... Но пока это большая тайна! Больше об этом не надо говорить ни слова...

Торисмунд. Славно мы перехитрили вождя гуннов Аттилу. Там, где он оставил засаду с обеих сторон поля сражения в глубине, как бы предугадывая гуннский замысел, мы расположили наши резервные когорты. Поэтому и получилось такая громадная мясорубка. По общим подсчетам из миллиона

участников битвы с обеих сторон погиб каждый четвертый. Неслыханное побоище!

Азций. Я с детства знаю характер и повадки, и конечно, острый ум Аттилы, который называл меня «ядовитой коброй» и «жестоким демоном». Аттила никогда не приемлет никакого поражения. Он сознательно и бессознательно не отдает зря врагу ни дюйма занятой им землей. Он сейчас думает. Он придумает еще что-нибудь. Так что надо быть всем нам начеку...

Карпилион. Мне хорошо известна тактика гуннов, когда они, нарочно отступая сражаются так искусно, что успевают сразить, вышибить из седла и убить множества воинов противника.

Азций. Правильно говорите, Торисмунд и Карпилион. Погибли и ранены с обеих сторон около двухсот тысяч людей. Это примерно все население таких больших городов, как Аквилея, Хунгварт или Шалон. Но мы ни в коем случае не должны останавливаться на этом, а развивать наш успех и дальше... Аттила – тоже человек, как и все мы. Не так страшен черт, как его малюют. Просто его обожествляют людская молва и всеобщее преклонение. Аттила тоже, как и мы, сотворен из мяса и костей...

Неслучайно он признает силу и мощь короля вандалов Гензериха и Северной Африки, у которого в армии первенствуют воинственные готы, аланы и свебы. Поэтому он отделяет Гензериху – Испанию и Британию, а себе хочет оставить Италию и всю Галлию...

Торисмунд. Алпетит зверский! Он привык нападать, как тигр на трепетную и беззащитную лань и властвовать как ему захочется...

Карпилион. Есть у гуннов такая пословица: «Сильная рука не признает и предка».

Азций. Поэтому он убил своего брата Бледу, который был демократичней, покладистей и более миролюбив, и стал вершить судьбами множества стран и народов единолично...

Входит гонец с тревожной вестью.

Какие вести с поля боя?

Гонец. Пока наши войска, почтенный главнокомандующий, держатся упорно и сражаются самоотверженно.

Карпилион. Но он прибыл с какой-то трагической вестью. Я это вижу по его глазам.

Гонец. Погиб вестготский король Теодорих...

Торисмунд (в ужасе). О мой дорогой отец! Как это случилось? Какие подробности знаешь?

Гонец. Король Теодорих сам возглавлял свой легион и всегда находился в гуще сражений. На этот раз он был ранен и упал на землю. Но голова его была расколота своей лошади...

Торисмунд. Какое горе! Никто не успел помочь? Почему меня не было рядом с ним?!

Карпилион (про себя). В душе ты, Торисмунд, все-таки доволен. Потому что давно метился на его престол...

Аэций Значит, великое сражение на Каталаунских полях идет с переменным успехом...

Шум боя приближается. Слышны воинственные кличи: «Es lebe, die Römer! Вперед, славные гунны! За мной, непобедимые кипчаки!» Затемнение. Сцена пустеет. Когда появился свет, обстановка та же. На столе вновь разложены карты. Входят Аттила, Хелхал, Едиге, Одоакр, Есендаул, Эллак, Денгизик и Ардарих. На столе они раскладывают карты.

Аттила. Это еще не победа. Это и не поражение. Так что, мои верные сподвижники, не обольщайтесь ничем. Эта ядовитая кобра, мерзкий Аэций, наверняка, думает, что перехитрил меня. Не так-то было! Еще посмотрим кто кого перехитрит и кто кого победит. Мы думали, что своими засадами мы взяли в кольцо ударные колонны противника. Однако Аэций далеко спрятанными своими резервами наоборот сумел наши войска зажать в клещи. На это обернулось для него лишь временным успехом. Так бывало в незапамятные времена, когда наши предки осаждали и захватывали китайские города и селения. Это именно из-за гуннов, защищаясь от них, трудолюбивые и неутомимые китайцы построили «Великую китайскую стену».

Одоакр. В последствии наши славные предки, воинственные гунны, разделились на две орды. Одна осталась там на обжитых землях, которую затем постигла печальная участь, а другая двинулась на северо – запад и через Алтай добралась до рек Итиль и Янк, а далее достигла морей Каспия и Понта Эвксинского...

О повелитель земли, великий Аттила, твой прямой предок Чжи – Чжи обосновал города Тараз и Талас. Еще тогда до рождества Иисуса Христа, то есть до нашей эры 36-году, Чжи – Чжи установил взаимоотношения с Римской империей и тогда уже в гуннской столице Таласе расположились несколько легионов могущественной в мире армии Марка Красса...

Аттила. Меня безмерно радует, что ты, Одоакр сын Едиге, глубоко знаешь историю. Также ты изучил математику и астрономию. К тому же владеешь несколькими языками, помимо родного гуннского, готским, латинским, итальянским и греческим. От отца своего, знаменитого полководца и дипломата Едиге, или как называют его на латинский лад, Эдикона, ты унаследовал силу духа и гибкость ума. Наверняка, есть в тебе много положительного и полезного от твоей матери – итальянки. Я пророчу тебе быть одним из очередных римских императоров, причем не временщиком, а по крайней мере свыше десяти лет...

Едиге. Да будет так! Да сбудутся твои вещие слова, великий повелитель мира!

Эллак (как бы с завистью). Отец мой, появилось такое крылатое выражение: «Стрела, пущенная гунном, не летит зря и впустую». В этом есть доля вклада и заслуга моего родного брата и твоего сына Денгизика, меткого стрелка, точно поражающего даже ласточку в извилистом полете. Он своими меткими выстрелами поразил с десяток вражеских военачальников...

Аттила. Это меня предельно радует, мои дорогие сыновья. Ныне ожесточенный фронт протянулся на три километра, где на каждом ярде сражались наши войны так, как будто именно там решалась судьба победы. А лишение жизни командиров противника в самом пике сражений всегда ведет к военному успеху.

Ардарих. О, повелитель мира, твой сын Эллак умело и сосредоточенно руководил главным штабом наших войск. Все донесения вовремя доставлялись от нас и доходили до нас. Курьеры действовали также самоотверженно...

Аттила. Свою верность, преданность и бесстрашие Эллак доказал уже не единожды. Он еще просто исключительно скромнен, что, наверняка, унаследовал от своей матери Керке из благородного ханского рода, моей первой жены, байбише. *(Эллаку).* Я решил, мой старший сын, мой первенец, назначить тебя каганом нашей дорогой и любимой вотчины, которая находится на побережье рек Итиль и Яик и на северном побережье Каспия и Понта Эвксинского.

Денгизик *(Аттиле).* Можно и я поеду с моим братом в родные края наших предков, поваляюсь в ковыльной степи, где вся природа пропитана древними легендами и сказаниями...

Аттила. Это мы решим, в семейном кругу... А пока я решил отметить заслуги Эллака соответствующей наградой. Он вполне этого заслужил своей преданностью и отвагой. Во-первых, он защитил правой рукой от катапультного камня, летевшего прямо в меня, повредив себе кисть руки. Во-вторых, он проявил аналитический ум, правильно распределяя воинские соединения и координируя атаки наших войск здесь, при исторической битве на Каталаунских полях... Это, благодаря выдержке и грамотному распределению боевых ударов по всему трехкилометровому фронту. Эллаком и Хелхалом, мы снова возвратились в прежние позиции...

Есендаул. Слава Эллаку! Он должен достойно продолжить дело отца и усилить его традиции среди кочевников родных степных просторов и дорогих синих гор, отдаленно напоминающих по красоте зелени Европейские Балканы и Альпы.

Едиге. Нам всегда в бою помогают духи предков. Мне иногда так не хватает далеких просторов, где можно привольно скакать на коне, где бегают быстرونгие сайгаки, а по склонам гор и холмам скачут, мелькая перед глазами, куланы и леопарды... Мы будем приезжать к тебе, Эллак, в гости и на побывку в родную Сары – Арку...

Эллак. *Я всегда буду рад встретить вас, дорогие соплеменники. (Аттиле).* Дорогой аке, я благодарен тебе за правильное и справедливое решение. Во всех своих дерзких планах и рискованных, но верных деяниях, всегда можешь рассчитывать на меня...

Слышны стоны раненых. Шум передвижения войск.

Ардарих. О повелитель мира, нам срочно необходимо предельно достоверная рекогносцировка. Происходит какая-то подозрительная дислокация войск. *(Раскрывает карты на столе).*

Аттила. Я собрал всех вас, моих полководцев и ближайших сподвижников, для того, чтобы подвести общие итоги Каталаунского сражения и прийти к единому мнению. Мне докладывают, что заканчиваются съестные припасы и не хватает корма для лошадей. Посему я хочу выслушать ваши обдуманные предложения.

Есендаул. По-моему нельзя останавливаться на полдороге. Враг обессилен и уже истекает кровью. Впрочем и наши потери немалые. Тем не менее думаю, что нельзя упускать столь трудную и долгожданную победу.

Эллак. Мы готовы, повелитель всей земли, выполнить задачи и приказы, которые ты соизволишь довести до штаба... У нас еще достаточно сил чтобы довести дело до полной победы...

Есендаул. Моя сильная рука и острый глаз еще не устали наверняка сражать вражеских командиров и королей...

Ардарих. Ты правильно говоришь, о великий Танджо, у нас продовольствие и корм для лошадей на исходе. На Каталаунских полях скопилось невероятно большое, несметное количество войск, людей и лошадей. Погиб каждый четвертый участник битвы, раненых насчитывается около пятидесяти тысяч.

Мне думается, что ты, великий каган, достиг своей основной цели. Ты задумал поход на Галлию для того, чтобы лишить возможности атаки, когда ты затеешь поход на Рим. И ты этой цели вполне добился. Сейчас армия сильно обескровлена, лошади предельно устали. Поэтому думаю, что нам лучше будет сняться с поля брани и сохранить тех воителей, которые еще целы и невредимы. А затем, пополнив в Паннонии их ряды, ты сможешь благополучно двинуться на Рим.

Аттила (Хелхалу). Нарочно я не обращался до сих пор и не беспокоил нашего мудрого аксакала и прославленного полководца Хелхала. Надеюсь, он все это время изучал военную обстановку, позиции противоборствующих сторон и состояние приближенных людей. Какому выводу привели его взвешенные и глубокие размышления?

Хелхал. Спасибо, всемогущий властитель мира, за доверие и внимания к моим рассуждениям. Я разделяю мнения короля Ардариха о том, что ты достиг своей основной и главной цели. Теперь для тебя дорога на Рим открыта. Надо сохранить для этого основной костяк армии.

Аттила. Я понял тебя, мудрый наставник Хелхал. Мое мнение полностью совпало с твоим решением. Господа полководцы, снимайте войска! Для каждой когорты и алы сто-сто двадцать человек вместо убитых и раненых командиров назначьте новых. Мы возвращаемся в нашу Паннонию.

Вбегает запыхавшийся гонец.

Аттила (гонцу). Говори скорей! Что нового?

Гонец (радостно). О владыка всей земли, твой стратегический замысел удался, восторжествовал. Противник снимается с фронта и по порядку своими legionами направляется в сторону городов Шалон и Турау...

Аттила (удовлетворенно). Мы тоже снимаемся с наших позиций. (Махнул рукой и гонец убегает). Здесь в общей сложности погибло по примерным подсчетам 165 тысяч воителей. Это много. Это неслыханно. Мой давний приятель, мерзкий и дерзкий Азций, долго и полезно для себя готовился к этому Каталаунскому побоищу...

Хелхал. Люди, погибшие и лишившие жизни от чужих рук, превращаются на том свете в ангелов. Мне приснилось, что здесь по всему небу летали ангелы на крылатых конях. Да поможет нам бог неба Тенгри и бог войны Пуру!

Два воина насильно вталкивают и ставят на колени плененного короля бургундов Гундхара.

Аттила (недовольно). Кого еще привели! Вижу по доспехам и регалиям, что это – не простая птица...

Воин 1-ый. Его сразила меткая стрела царевича Денгизика. Это король бургундов – Гундхар.

Воин 2-ой. Он лежал раненый в канаве. Его прикрыл и защитил огромный камень.

Аттила. Бургундский король Гундхар прибыл как нельзя кстати. Известно мне, что у тебя есть прекрасная сестра по имени Ильдико.

Гундхар. Мне слабо перевязали рану. Я не могу много говорить. Да, есть такая сестра, золотокудрая красавица Ильдико.

Аттила. У меня к ней большая заочная любовь. Правда, это произошло по расказам других. Я хочу породниться с тобой и отпустить тебя.

Хелхал. Как говорится, то, что искал и просил у неба, само собой представилось на земле. (Хитровато улыбается и проглаживает свою с проседью бороду).

Аттила. Вот именно, мои воители!

Гундхар (Аттиле). Она мечтает о таком женихе и муже, как ты, о король королев, владыка вселенной!

Аттила. А ты сам, как относишься к этому? Тебя устраивает зять Аттила?

Гундхар. Ты, наверняка, сам не знаешь, сколько девушек и невест пылают жадой не только стать твоей женой, но даже взглянуть на тебя одним глазком. Они безумно очарованы и околдованы твоей безмерной славой и чудотворными подвигами. Я буду счастлив иметь такого зятя, всемогущий Аттила! Обещаю, что сам привезу сестру Ильдико в твою ставку в Паннонии.

Аттила. А чем подтвердишь свое обещание?

Гундхар (крестится). Вот тебе крест! Клянусь перед святым образом Иисуса Христа!

Ардарих (Аттиле). Он, непременно, выполнит свою клятву.

Хелхал. Сам бог привел его к нам. Все обещанное королем Гундхаром будет выполнено.

Аттила. Я тоже всецело поверил королю Гундхару. Отпустите его и проводите со всеми почестями. А ты, Денгизик, сопровождай короля Гундхара до линии фронта. *(Гундхар, Денгизик и воины уходят).*

А теперь все в полном порядке собирайтесь в дорогу. Возвращаемся в Паннонию.

З А Н А В Е С

Акт пятый

Кабинет Аттилы во дворце Хунгварта. Посредине стоит роскошное кресло, напоминающее трон. На стенах развешаны ковры.

Слева висит географическая карта Европы. На столе разложены карты. Справа помещена большая картина с изображением преклоняющихся перед Аттилой королями и публикой. Под столом находится гонг.

Через окно в кабинет проникает Бауэр. Он вкрадчиво, озираясь по сторонам, ходит по паркету.

Бауэр (тихо). Слышал, что Аттила приходит в свой кабинет рано утром. Он более всего плодотворно работает на рассвете, на исходе ночи и начала утра. Значит, по астрологини он — жаворонок. Говорят, что он работает по шестнадцать часов в сутки. Вот это как раз мне и на руку. Меня до невозможности душит ревность. Ни за что на свете не дам ему осквернить мою любимую и прекрасную Ильдику. *(Прислушивается, прячется).*

Входит Аттила.

Аттила. Пришло время добраться и до принцессы Гонорин. Хотя и без ее приданого теперь я могу покорить не половину, а всю Италию. *(Склоняется над картами на столе).* Но что-то неладное, предостерегающую опасность я чувствую кожей. *(Вдруг оборачивается и падает на пол. Бауэр мгновенно метнул на него нож, который пролетает над Аттилой и втыкается в деревянную стену. Аттила ударяет ногой в гонг. Вбегают приближенные и стражники. Аттила вскакивает на ноги).* Негодяи! Рогозеи! Как могли выпустить из темницы этого злодея Бауэра? Схватить негодного певца и отъявленного убийцу и немедленно казнить по частям, начиная отрубать пальцы рук и ног и продолжая каждый день рубить до головы, пока не умрет! Приговариваю его к самой лютой казни, заимствованной нами на Дальнем Востоке. *(Бауэр выхватывает свой длинный кинжал и падает на него).*

Мерзавец! Не дал нам возможности потешиться его мучительной смертью. Как мог он выбраться из зиндана? Распять всех шестерых охранников на крестах, которые мы возим с собой для таких редких случаев измены и предательства. *(Слуги уносят тело Бауэра. Входят Хелхал, Есендаул и Едиге).*

Есендаул (озабоченно, с тревогой). Что случилось, мой господин? У твоего дворца услышав шум и топот, я немедленно примчался. Что произошло, о повелитель мира?

Аттила. Я с самого детства излишней эмоцией страдаю. Зря пожалел я этого поганого готского певца Бауэра. А он, оказывается, кроме эмоции и поэзии, еще страдает слабоумием. Опять дерзнул покушаться на мою жизнь.

Едиге. Вот наглец! И это все он совершал вместо благодарности.

Аттила. Я отдал распоряжение предать его к самой лютой казни: довести до смерти, постепенно отрубая все члены тела, начиная от флангов рук и ног. Но он, подлец, успел заранее упасть на свой кинжал.

Хелхал. Значит, выбрал для себя погибель намного легче и быстрее...

Есендаул. Пускай! Самоубийцы не в почете и на том свете. И там ему не будет благоденствия.

(Вбегает Ернак, растрепанный и растревоженный).

Ернак (бросается к Аттиле). Отец мой дорогой, жив и здоров ли? Я услышал страшную весть. Опять произошло покушение на твою драгоценную жизнь?

Аттила (обнимая Ернака). Сын мой ненаглядный. Красавец и любимец мой, ты – самое первое утешение моему беспокойному сердцу. Как видишь, я жив и здоров, в полном благополучии. Эти негодяи, покусители на мою жизнь, не могут никак осознать, что меня хранят все боги неба и земли, что силой, умом и чувством я наделен свыше и самой природой с избытком и по-особому.

Хелхал. Тем не менее защита и осторожность не лишни, а наоборот приписаны и ниспосланы самим Богом, который сказал: «Оберегайтесь и берегаемы мной будете».

Аттила. Золотые слова и достоверные! Я это не раз испытал на себе, поэтому всецело согласен и озабочен охраной, учитывая все ее промахи и оплошности. Приказал распять на крестах всех шестерых охранников зиндана, откуда чудом или хитростью выбрался этот отвратительный самоубийца.

Едиге. Мы заменим и всю охрану твоего дворца самыми надежными и бдительными стражниками. Только, великий Танджо, успокойся, забудь о произошедшем, приди в себя и думай только о чем-нибудь хорошем...

Аттила. Самое хорошее передо мной. Это мой – Ернак. А какая прекрасная добросердечная была его мать Люба – Любовь! Махаббат! Жалко только, что ты, мой любимый сын Ернак, не смог ощутить на себе и запомнить на всю жизнь ее материнскую ласку. Поэтому я окружал тебя, как мог, особой заботой и нежнейшей отцовской нежностью.

Ернак. Я знаю это, отец мой. Никогда не забуду твое особое внимание ко мне. Обещаю, что в твоей старости, я отплачу тем же, постараюсь вернуть свой сыновний долг сполна.

Аттила. И на этом спасибо! Только сейчас ты должен все свои силы, познания и разум направить на то, чтобы стать достойным и прекрасно подготовленным воителем.

Едиге. Ернак, как и мой Одоакр, старательно и прилежно относиться к военным занятиям.

Аттила (вспоминая с грустью). Помимо его матери Любашки, мое сердце так или иначе тронули и запомнились среди многочисленных моих жен только три жены и возлюбленная принцесса Гонория, которая прислала мне свой портрет и кольцо и предложила сама руку и сердце...

Люба была дочерью славянского князя и была влюблена в меня издалека и ослепленная моей славой месяцами добиралась ко мне, чтобы родить во этого прекрасного сына... А как ожесточенно бились на Каталаунских полях мои преданные славянские князья Михаил, Дроздох и Святослав! Вообще славянские воины, как и мои гунны, слитые в одно целое со своими аргамаками, достойны всяческой похвалы.

Хелхал. Незаурядные женщины обладают особо чутким сердцем и по-мужски острым умом. Если такие женщины сами тянутся к тебе, о великий Аттила, значит в тебе есть мощная притягательная сила и точно такая же отталкивающая, что от тебя отскакивают стрелы и дротики и даже сабли копыя противника. Поэтому ты ни разу не получил сколько — нибудь ощутимой раны...

Входит слуга в строгом одеянии.

Слуга (громко). Просят аудиенцию римский консул Примут и комес Ромул!

Аттила (восседая в кресле, небрежно). Пусть войдут! Мне есть что сказать западно — римским посланникам. За это время много чего накопилось...

Входят Примут и Ромул, здороваясь, кланяются.

Максимиин. О великий каган, мы, посланники священного Рима, довольно долго находились в твоём стане и смогли воочию убедиться в твоей неопровержимой силе и славе. Мы возвращаемся на Родину и обещаем, что достоверно и полностью доведем до нашего императора Валентиниана и сената все твои предложения и требования.

Аттила. Если до вашего прибытия будет в целости и сохранности ваш император — развратник на своем престоле. Моя разведка действует, как китайский компас, четко и верно. Император Валентиниан Третий изнасиловал жену офицера, который мужественно сражался на Каталаунских полях...

Ромул. Таких слухов и сплетен в Риме и Равенне витает и распространяется бесчисленное множество. *(Входит король Ардарих).*

Аттила. Потому что им потворствует сама его мать Галла Плацидия, чтобы вместе с папой Львом Первым и полководцем Бонифацием, соперником Аэция, свободно управлять всей Западно — Римской империей.

Максимиин. В твоих словах, о великий Танджо, есть, к нашему большому сожалению, львиная доля правды. Такова судьба и участь ныне некогда могущественной и законодательной Римской империей.

Ардарих. Развалу незыблемых устоев величественного Рима прежде всего способствовали бездарные и развращенные императоры, особенно такие, как Коммод, Каракалла и Гелиогабал. Они свою святую и высокую порфиру использовали прежде всего для удовлетворения своих личных притязаний и прихотей. Также много вреда принесли Римской империи так называемые «солдатские императоры». После очередных победоносных походов и политических сношений с Арменией, Персией, Дакией и Галлией солдаты избирали своих императоров, которых вскоре сами же низвергали и убивали...

Аттила. В Риме в последние десятилетие и даже столетия царствовал полный разброд. А где нет порядка и дисциплины, там прежде всего страдает и бедствует народ. Голодные и заблудившиеся люди готовы идти на все, воруют, развратничают, пьянствуют и бесчинствуют. А правитель страны прежде всего должен думать и заботиться о благополучии демоса... Не было этого, растеряли да еще процветало рабство, поэтому так низко упало величие Рима.

Высокоотчимые римляне, вы видели своими глазами, что у нас даже плененные становятся свободными и достопочтенными гражданами.

Помню, в детстве мы благовейно произносили слова: «император», «цезарь», «Рим». Как-то по-мальчишески простодушно обратился к своему отцу Мундзуку: «отец, расскажи мне, кто такие император, цезарь?» А он в ответ приложил указательный палец к губам и шепотом произнес: «Тише, тише! Не произноси эти слова так легкомысленно. Они священные! Первым цезарем был сам всемогущий Бог, который спустился на землю и стал единоличным правителем. А все его последующие потомки унаследовали от него грозное единовластие и всеобщее признание и славу. А император – это владыка, которому дана безграничная власть и который окружен беспрекословным поклонением, великолепием и роскошью!» А что мы видим ныне? Где все это теперь? Полная деградация, развал и падение некогда могущественной Римской империи. Поэтому, римляне, трепещите перед нами, варварами. Настал наш черед и пробил наш час!

Примут. Могущественный василевс Аттила твоими справедливыми словами мы низвержены и опустошены. Они полностью будут доведены до нашего Августа и всех римлян. Мы возвращаемся назад в свою страну и желаем тебе и всему твоему воинству здравия и благополучия...

Ромул. Надеемся, что мы как посланники будем пользоваться правом неприкосновенности и ваши люди будут сопровождать нас до Нанссуса.

Аттила (сухо и строго). В отношении послов мы твердо придерживаемся международного статуса и права. До моих пионийских границ вы будете в полном безопасности. Князь Есендаул, проводи римских посланников. Прощайте!

Примут и Ромул, попрощавшись, уходят в сопровождении Есендаула.

Я побывал на наших западных позициях и даже сам с верным Хелхалом ходил в разведку. Там я своими глазами увидел, как анеты покидают гнезда на крышах домов Аквилеи, держа в клювах своих птенцов. Это для нас добрая примета! Это означает, что анеты предчувствуют грядущее наше наступление и разрушение города. Теперь нам нельзя терять драгоценное время.

Слуга (монотонно и четко). Просят аудиенции посланники Византии консул Магнус Аврелий Максимин и ритор Приск Панийский.

Аттила (заинтересовано). Они уезжали в Константинополь. Значит, снова прибыли с новыми и свежими вестями. Пусть входят! У меня есть что сказать и восточно – римским посланникам...

Входят Максимин и Приск и с почтеньем здороваются.

Максимин. Великий светоч Аттила, наш император Феодосий обо всем осведомлен. Преступник Вигилий и вельможа Хризафиос разоблачены перед сенатом и лишены всех званий и регалий. Византия хочет жить с Гуннским царством в мире, дружбе и согласии.

Аттила. Да будет так! Всю положенную дань, наверняка, привезли с собой?

Приск. Все до единого солида. А другие твои требования пока обсуждаются сенатом. Нам представилась редкая возможность приехать в Паннонию через Мраморное море. Поэтому мы не стали дожидаться завершения сессии сената, чтобы скорее уведомить и успокоить тебя, о великий каган.

Аттила. Теперь передо мной стоят другие неотложные задачи. Мы сейчас с удовольствием повторяем известную поговорку: «Все дороги ведут в Рим».

Максимин. Мы стабильность и благополучие со стороны Восточно – римской империи гарантируем.

Аттила. Я доверяю вашим словам, господа послы. Новый Рим – для меня надежный щит от вандалов Гензериха.

Приск. Однако король Гензерих по последним данным разведки усиленно готовится к нападению на Европу.

Аттила. Я отдам ему Испанию и Британию. Для меня достаточно Италии и Галлии, хотя бы на первых порах.

Максимин. Великий Танджо, позволь нам с дороги отдохнуть и привести себя в порядок.

Аттила. Можете последовать в гостиный двор. (*Максимин и Приск. откланившись, уходят*).

Ернак, сын мой младшенький, а где твой братец Денгизик?

Ернак. Он сопровождает Эллака, который отправился в Азию, чтобы по моему решению стать правителем Скифии.

Аттила. А когда Денгизик возвратится?

Ернак. Денгизик проводит Эллака и его отряд только до Молдавы. А потом вскоре возвратится домой.

Аттила. Молодец, Ернак! Меня радуют твои познания в разных науках, которые ты успешно приобретаешь у своих учителей.

Денгизик должен успеть возвратиться к началу похода на Рим. Если не успеет, пусть догоняет нас. Но без Эллака для меня ощутима потеря. Однако постепенно его должен заменить Ернак.

Входит Есендаул и склоняется над картой, разложенной на столе. Переговаривается с Ардарихом.

Ардарих. Гонцы доложили, что король бургундов Гундхар со своей прекрасной сестрой Ильдикой находится в пути на два лошадиных перехода до нашего Хунгварта.

Аттила. За такую приятную весть тебе, король Ардарих, по гуннскому обычаю положено дать подарок – суюнши. Ты его получи в виде полного прощения за гнусные поступки твоего подлого племянника, самоубийцу Бауэра.

Ардарих. Готов служить тебе, Великий Светоч Вселенной, верой и правдой! Честь и совесть моя нисколько незапятнаны. Всегда я свято держу свою клятву.

Аттила. Охотно верю и нисколько не сомневаюсь в этом, пока я жив и здоров.

Есендаул. Следовательно мы будем ждать приезда короля Гундхара и его сестры Ильдики?

Аттила. Ни в коем случае! Поход на Рим не откладывается и тем более не отменяется. А ты, князь Есендаул, распорядись, чтобы донесли королю Гундхару со своей свитой двигаться за нами. Где они нас догонят, там и с благословения всевышнего бога Тенгри и бога войны Пуру будем устраивать свадьбу...

Хелхал. О великий каган, а как же поступишь с принцессой Гонорией?

Аттила (раздраженно). Такую острую постановку вопроса ребром я прощаю только мудрейшему и вернейшему моему советнику Хелхалу. Как достоверно сообщают мои агенты, достопочтенная римская принцесса Гонория была уже беременной и не единожды была замужем. Меня не особенно интересуют происхождения моей возлюбленной и ее дворцовые интриги. Прежде всего я был влюблен в ее портрет и охвачен чувством, возрожденным моей фантазией... Впрочем я могу в память о нашей заочной любви жениться и на ней даже без обещанного приданого, потому что на этот раз мы покорим всю Италию.

На этот раз не будет такой силы, которая могла бы противостоять моим кентаврам, сросшимся со своими лошадьми в одно целое, в одно существо. (Слугам). Подготовьте моего аргамака Алтынжала к дальнейшему походу!

Король Ардарих, ты должен полностью заменить в штабе Эллака. Ты доказал, что верен клятве, данной мне, и я тоже вполне тебе доверяю.

Ардарих. Готов служить тебе, о великий Танджо, верой и правдой до гробовой доски.

Аттила. Легионом Ардариха будет командовать прекрасно владеющий готским языком Одоакр, сын полководца и батыра Едиге.

Одоакр. Приложу все силы, чтобы оправдать твое доверие, о владыка всей Земли!

Аттила. Ты проявил себя не только ученым мужем, но и умным командиром и отважным бойцом на Каталаунских полях...

Едиге. Сыну моему Одоакру известно, великий каган, что ты ему пророчишь в будущем даже римский престол.

Аттила. Значит, в том есть свой резон и твой сын вполне заслуживает такого предсказания...

Едиге. Премного благодарен, великий Светоч! Мы оправдаем твое высокое доверие! А теперь действительно все дороги ведут в Рим. Дорога на Рим открыта. Главное, чтобы ты не упустил это благоприятное время.

Ардарих. Против тебя, о повелитель всей Земли Аттила, никак не сможет противостоять не только развращенный Валентиниан, но и также жестокие императоры, как Калигула и Нерон, если бы вдруг воскресли...

Есендаул. Лучшие полководцы Рима Аэций и Бонифаций соперничают, враждуют и преследуют друг друга. Этим тоже надо нам вовремя воспользоваться...

Аттила. Последнее слово за тобой, мой мудрый наставник и опытный провидец Хелхал.

Хелхал. Благословляю, великий светоч Аттила, твой поход на Рим! Есть такая народная мудрость: «Терпение обернется драгоценным золотом». Долго ты готовился к походу на Рим. Помимо всего прочего тебе надо было пройти через горнило такого необъятного количества участников и неслыханного по числу павших жертв Каталаунского сражения.

Думаю, что такая долгая подготовка и длительное терпение обернутся заслуженным успехом и победой.

Во имя и во славу всевышнего бога Тенгри и бога войны Пуру благословляю короля королей, великого кагана Аттилу, сына Мундзука, повелителя гуннов, готов, антов и славян, вандалов и аланов, персов и парфян, и непобедимого, достойного во веки веков Августа на священный поход на Рим!

Аттила (с воодушевлением). Где мой легендарный конь Алтынжал? Где мой тулпар? Где мои боевые доспехи? Славные мои вонтели и достойные полководцы, время настало! Вперед на римские бастионы!

Звучит труба. Музыка. Восторженные крики и возгласы: «Аттила! Аттила – сын победы! Великий светоч! Великий наш отец! Владыка всей земли! Господин целого мира! Великий каган! Король королей! Аттила – Бич Божий! Аттила молот и слава!».

Небольшая пауза. Появляется надпись на латыни: «HISTORIA»... В глубине сцены вырисовываются войлочные, разукрашенные орнаментом юрты.

На дальнем фоне предстают многоэтажные и разнообразные здания современного города Казахстана.

Размеренным и величавым шагом идет Приск Панийский в длинном парике, с папирусом в руках. Перед зрителями он раскрывает папирус.

Приск (читает). «... Поработив Италию, Аттила возвратился восвояси и объявил войну и порабощение страны восточным римским государям, так как дань, поставленная Феодосием, не была выслана.

... После смерти Феодосия в 450 году императором стал Маркиан и занимал трон семь лет.

... Через год после возвращения армии Аттилы император Валентиниан III убил Аэция. А еще через год один из собственных офицеров убил самого Валентиниана из-за поруганной чести своей жены.

... Принцесса Гонория из Константинополя возвратилась в Италию, где ее вскоре выдали замуж и больше о ней ничего не стало известно.

... Ко времени своей кончины Аттила взял в себе в супруги – после бесчисленных жен, как это в обычае у того народа, – девушку замечательной красоты по имени Ильдико. Ослабевший на свадьбе от великого ею наслаждения и отяжеленный вином и сном, он лежал, плавая в крови, которая обыкновенно шла у него из ноздрей, но теперь была задержана в своем обычном ходе и изливаясь по смертоносному пути через горло задушила его...

... Аттила сын Мундука умер в 453 году. Его тело было положено в три гроба: золотой, серебряный и железный и погребено на дне реки Тисса вместе с саблей и конем...

... Одоакр, сын скифа Эдикона, как предсказывал Аттила, стал императором Италии в 476 году и находился на престоле семнадцать лет.

... Могучий гений Аттилы, как скажет один славянский историк на самом пороге третьего Тысячелетия, смог собрать воедино все разноплеменные силы, составлявшие гуннский союз, и способствовал развалу Римской империи и падению рабовладельческого строя в истории человечества»... (Музыка).

Занавес
КОНЕЦ



На поэтическом вечере в Центральной городской библиотеке г. Семей в 70-ые годы прошлого столетия.

Слева направо: поэты, член Союза писателей СССР Николай Алексеев, участник В.О.В. Павел Алексеевич Сапрыкин, Каюм (Габдулкаюм) Мухамедханов и Мурат Султанбеков.

Фото найдено в 2010 году

РАЗМЫШЛЯЯ ОБ АТТИЛЕ...

(О международной научной конференции в Алматы).

С полной уверенностью можно сказать, что 7-8 июля 2003 года станут исторической датой культурной и научной жизни не только Казахстана, но и многих стран мира.

В эти дни в Алматы состоялась Международная научная конференция «Казахская цивилизация в контексте мирового исторического процесса».

В первый день пленарное заседание данной конференции проходило в актовом зале санатория «Ала-тау». Вначале прозвучало приветственное слово от имени Министерства образования и науки, с которым выступил заместитель председателя департамента К.Курманалиев. также здесь прозвучало приветственное слово специалиста по внешним связям и сотрудничеству ЮНЕСКО В.Кушниренко.

Главными организаторами этой конференции, посвященной 1600-летию великого предводителя гуннов Аттилы Мундзукулы, были головной университет Кайнар в Алматы и институт Седимес университета Патеон Ассос в Париже. Перед докладами со вступительным словом выступил президент Седимеса, французский ученый Албагли Клод.

В первый день конференции участниками были прослушаны около двадцати докладов. В оснащенной по последнему слову техники в зале царил деловая и доброжелательная атмосфера. Среди докладчиков были представители дальнего зарубежья Албагли Клод (Франция) – Периоды цивилизации и их толкование в экономике; Деливанес – Нерепонте Мария (Греция) – Глобализация, цивилизация и войны; Тер Дюприе (Бельгия) – Цивилизация и развитие: основы исторического развития; Нода Джин (Япония) – Три казахских «бу» в китайских источниках и их отношения с Цинской империей; Надия Мания (Румыния) – Цивилизация, война и совместная жизнь в нижнем Дунае IV-V веков; Калюжнова. Е. директор центра Евро-азиатских исследований Редингского университета (Великобритания) – Современные цивилизации и экономики: роль энергии в Каспийском регионе.

Ряд интересующих слушателей вопросов вызвали доклады из ближнего зарубежья и Казахстана: Кляшторный С.Г. (Санкт-Петербург) – Кипчаки куланы, половцы: кто они? Югай Г.А. (Москва) – Об арийских истоках и перспективах казахской цивилизации; Нысанбаев А.Н. (Алматы) – Казахская цивилизация как проблема социальной философии.

Здесь следовало бы сказать о том, почему организаторами данной научной конференции выступили французский и казахстанские вузы. Дело в том, что неподалеку от Парижа, близ города Шалона, в 451 году происходило грандиозное сражение между войсками Аттилы и Аэция (Италия), в котором с обеих сторон принимало участие 200-250 тысяч воинов. Отзвуки этой великой битвы дошли вплоть до нашего времени. Исследователи древней истории до сих пор не пришли к единому мнению относительно того, на чьей стороне все-таки тогда была победа. Тем не менее французы берегут и чтят память об этом историческом событии. В предместье города Шалона имеется указатель, оповещающий о местонахождении лагеря Аттилы. Об этом и о других сведениях впервые оповестил казахстанцев президент университета Кайнар, академик АЕН РК,

профессор Омаров Е.С. после своих поездок по достопримечательным местам в Европе, связанным с движением гуннов.

Надо сказать, что соответствующий резонанс у присутствующих в зале вызвали доклады профессоров М.К. Койгельдиева, Е.С. Омарова, С. Узакбаевой и другие.

На следующий день согласно программы работали две секции «Исторический опыт цивилизации: становления сотрудничества и взаимодействия» и «Основные ценности, институты и динамика развития казахской цивилизации». На этих секциях были прочитаны около 40 докладов и сообщений (от 5 до 15 минут по регламенту).

Непосредственно жизни, деятельности и роли в истории Аттилы касались С.К. Утениязов «Аттила глазами очевидца», М.Р.Султанбеков «Об Аттиле в контексте мировой литературы», К.К.Котошева «Сущность этнической культуры и глобализации», К.Ш.Хафизова «Числовая символика у народов Восточной и Центральной Азии» и другие.

Общие итоги международной конференции, посвященной 1600-летию Аттилы, на тему: «Казахская цивилизация в контексте мирового исторического процесса» подвели Албагли Клод и Ф.Н.Нысанбаев.

Ректор Семипалатинского филиала университета «Кайнар» Л.Н.Маусымбаева участнику и гостю из Франции, одному из организаторов данной конференции Албагли Клоду по казахской традиции надела чапан и тюбетейку с национальным орнаментом.

В заключение Албагли Клод вручил активным участникам конференции специально выпущенную медаль Аттилы. Среди многочисленных награжденных казахстанцев был и наш сотрудник, кандидат филологических наук М.Р. Султанбеков, удостоенный за историческую пьесу «Аттила» в 2-х частях и 5-актах, профессора А.Н. Нысанбаев, Е.С. Омаров, Л.Н. Маусымбаева и другие,

Иностранные участники конференции посетили достопримечательные места Алматы, начиная с Медео, и выехали в Туркестан для посещения мавзолея Ахмета Яссауи и встречи со студентами и профессорско-преподавательским коллективом Международного казахско-турецкого университета этого города.

Журнал «Абай» № 3, 2003 год.

ВОЗВРАЩЕННЫЕ ИМЕНА:

Аттила Мундзукулы

В подготовке данной серии статей и эссе с краткой биографией о гласно и негласно запрещенных в течение десятилетий именах мне, так или иначе, приходится обращаться, и писать о своем давнем, со студенческих лет, и большом наставнике Каюме Мухамедханове.

Как-то в начале 60-х годов уже прошлого столетия он в частной беседе за домашним чаепитием заговорил о каком-то, неизвестном мне, далеком предке казахов Аттиле.

В частности, многоуважаемый мугалим Каюм – ага, как мне врезалось в память, говорил о том, что Аттила завоевал в свое время полмира, что он имел двести жен, что о нем хорошо знали и обменивались сведениями деятели Алашорды Алихан Букейханов, Миржакып Дулатов, Ахмет Байтурсынов, Жусипбек Аймаутов, что мы – недоучки, потому что об этом ничего не знаем. А я только беспокойно оглядывался по сторонам и оборачивался назад, словно кто – то нас подслушивает...

Покрыта туманами столетий и тысячелетий древняя история казахского и других тюркоязычных народов. Только в последнее время благотворными усилиями и научными открытиями ученых разных отраслей наук – историков, археологов, этнографов, географов, литературоведов, лингвистов и др. – пласт за пластом раскрываются, изучаются и определяются наслоения многих веков и тысячелетий...

Но вот одна загадочная и легендарная личность из далеких предков начала нашей эры по имени Аттила (по другой транскрипции – Атилла, по – латински - Attila) была совершенно малоизвестна или почти неизвестна. Тогда как в Западной Европе и Америке в продолжение многих лет и столетий были написаны об Аттиле исторические статьи и монографии, ставились в театрах оперы и драматические спектакли, создавались мифы, легенды, романы и поэмы.

Вот такая ситуация завуалированности, таинственности и даже негласного запрета вокруг имени Аттилы в советской

историографии меня давно заинтриговала и подспудно подталкивала к постепенному сбору материалов о нем. В конце концов, это невольное увлечение привело меня к созданию исторической пьесы «Аттила», опубликованной в журнале «Абай» №№ 2,3 за 2000 год. По школьной программе истории остались смутные знания о неких варварах, пришедших в Европу с Востока, которые способствовали падению могущественной и процветающей Римской империи.

Постепенно с углублением знаний по истории тюркоязычных народов ассоциативно появилось предложение о том, что татарское название реки Волги – Идель, различные наименования, в том числе башкирской хоккейной команды «Итиль», исторически восходят к имени знаменитого гуннского вождя Аттилы. Наконец, по карте, помещенной в историческом фолианте Льва Гумилева «Древняя Русь и Великая Степь» (Москва, «Мысль», 1989), в устье Волги находился город под названием Итиль.

В самом начале 90-х годов, когда были возвращены народу имена и творческое наследие казахских писателей и ученых, репрессированных в 30-ые годы, была опубликована поэма – толгау Шакарима Кудайбердиева «Қазақтың түп атасы» - «Истинные предки казахов» (см. журнал «Абай» № 1 за 1992 г), где автор генеалогию казахского народа начинает с незапамятных времен от пророка Нуха. В этой поэме есть три четверостишия, посвященные Аттиле:

Расскажу о делах, сотворенных Аттелой.

Люди считали его мощь и силу священными.

Из – за страха перед Аттелой под его властью оказались

Вся Азия и большинство стран Европы.

Аттела был сыном хана Мунжука.

У него были большая голова,

Широкая грудь, имел невысокий рост.

Прошло тысяча пятьсот лет, как он умер.

Но совершил он прекрасные дела.

Зачем я буду перечислять земли, которые он завоевал.

Отрадно, что был у нас такой предок.

Хоть нынче мы стали униженными,

Вспомнив прошлое, пусть досада в тебе расходится.

(Подстрочный перевод).

В истории движение гуннов с пределов Китая и Монголии на запад известно под названием «Великое переселение народов». Определенная часть их поселилась на обширной территории между

Каспийским и Аральским морями, где и родился и вырос будущий полководец, хан или каган, завоеватель мира Аттила сын Мундзука, который по разным сведениям покорил двенадцать корон и тридцать государств Азии и Европы.

В начале нашей эры к разделению и передвижению гуннов способствовали бесконечные войны с китайцами, которые в один какой – то период вынуждены были даже платить им дань. О расселении гуннов известный ученый – востоковед Л.Н. Гумилев в своей книге «Хунны в Китае» писал: «... Хунны были побеждены и образовали четыре ветви. Каждая из которых имела свою судьбу. Одна из них, наиболее неукротимая, отошла через степи современного Казахстана в междуречье Урала и Волги в поисках новой родины, вторая – «Малосильные хунны» - осела в Тарбагатае и обладала Азию своими подвигами. Третья – наиболее инертная, осталась на родине и смешалась с победителями, вследствие чего в сяньбийском языке оказалось огромное количество тюркских слов. Наконец, четвертая ветвь осела по обе стороны Великой стены, в Шаньси, Ордосе и Алашаня...»

И вот уже в V веке объединенные силы гуннских, покоренных причерноморских, германских и славянских племен под предводительством Аттилы захватили правобережье Дуная, дошли на севере до датских островов, а на западе – до Британии. Византия или Восточно – римская империя платила дань гуннскому властителю.

Главная ставка Аттилы находилась в Паннонии (ныне Венгрия). Интересно, что издавна Венгрия на всех европейских языках называется «Хунгрия», начиная с латинского. Совершенно очевидно, что корень этого слова исходит от слова «хун» или «гунны». Только в русском языке, а через него на всех языках народов бывшего Советского Союза эта страна произносится и пишется «Венгрия».

Из всех многочисленных походов и сражений Аттилы Мундзукулы наиболее известна так называемая «Каталаунская битва», происходившая неподалеку от Парижа около города Шалон. Там ныне, по свидетельству ректора университета «Кайнар», академика Е. Омарова, установлен указатель, оповещающий о том, что неподалеку находился лагерь Аттилы.

В том ожесточенном Каталаунском сражении противную сторону возглавлял бывший приятель и сверстник Аттилы, западно – римский полководец Аэций, на стороне которого выступали бургундское, франкское и др. племена. С обеих сторон в этой

кровавой битве участвовало в пределах 250 тысяч воинов. До сих пор неизвестно, на чьей стороне была тогда победа. Жертв было бесконечное множество. Даже потом появились мифы и легенды о том, что духи здесь погибших летают, как птицы, по небу и призывают к миру и благоденствию. Это сражение происходило в 451 году. Войска Аттилы отошли на Восток, но через год двинулись на Рим. Здесь навстречу гуннам вышел папа римский, архиепископ Лев I со всеми хоругвями, знаменами и дарами и сумел переубедить Аттилу в его намерении.

Об этом историческом событии есть замечательная картина итальянского художника Рафаэля «Встреча Льва I с Аттилой в XVI», которая ныне хранится в Ватикане.

Бесценные сведения о гуннах и об Аттиле оставили греческий писатель и современник завоевателя Приск Панийский, живший в следующем VI столетии готский историк Иордан и латинский автор Аммиан Мерцеллин (конец IV века).

Жизнь и деяние Аттилы нашли своеобразное отражение в германском эпосе «Песнь о Нибелунгах», где он назван Этцелем и в исландской народной поэме «Старшая Эдда» (Атли).

В предисловии к книге «Падение Рима» (М., 1988) М. Тимофеев вполне достоверно пишет: «... Могучий гений Аттилы смог на какое-то время собрать воедино все разноплеменные силы, составлявшие гуннский союз. Племена, населявшие территории от Рейна до Волги, платили ему дань».

Справедливости ради надо сказать, что образ Аттилы сына Мундзука негативно отражен и выведен в «Божественной комедии» Данте, в поэме советского поэта Дмитрия Кедрина «Свадьба» и др.

Однако в различные столетия об Аттиле было написано множество пьес, по которым ставились спектакли на сценах Рима, Берлина, Парижа, Москвы и др.

О роли и значении гуннов в истории человечества известный ученый – ориенталист А.Н.Бернштам писал: «... Их роль в разгроме рабовладельческих, античных отношений должна быть оценена как прогрессивное явление, как участие в событиях, родивших новую социально-экономическую формацию – феодальную...»

Умер Аттила в 453 году от кровоизлияния из носа и горла (есть версия, что его задушила готская женщина). Со всеми гуннскими почестями Аттила был похоронен на дне реки Тисса, отведя русло и вновь направив по-прежнему...

Великий итальянский композитор Джузеппе Верди (1813-1901) создал 26 опер и множество музыкальных произведений, среди которых особое место занимает опера «Аттила» (1846), поставленная на многих столичных и провинциальных сценах мира.

Алматы-Семей, 2003 год

АТТИЛА МЕДАЛІ – ӘРІНТЕСІМІЗДЕ

Жақында «Қайнар» университеті мен Патеон Ассос университетінің Седимес институтының бірігіп ұйымдастыруымен Алматыда Аттиланың 1600 жылдық мерейтойына арналған «Қазақ оркениеті бүкіләлемдік тарихи процестердің даму барысында» атты халықаралық ғылыми конференция болып өтті. Оған шетелдік ғам қазақстандық ғылым және мәдениет қайраткерлері қатысып, салмақты да салмақты баяндамалар жасады. Екі күнге созылған ғылыми бас қосу барысында көптеген ғылым және мәдениет қайраткерлері Аттила атындағы медальмен марапатталды. Осындай құрметке ие болғандардың ішінде мәжілісте Аттила жөнінде баяндама жасаған әріптесіміз, Республикалық «Абай» журналының бөлім меңгерушісі Мұрат Сұлтанбеков те бар. Қаламгер бұл марапатқа «Аттила» атты екі бөлімді, бес актілі тарихи пьесасы үшін ие болды.

«Қазақ әдебиеті» газеті, 11.07.2003 жыл.

Абылайдың Мамай батыры

Поэма-толғау

Ойласам батырларды, қалам қайран.
Оларды халық сыйлап, еткен мақтан.
Жасыл бактай өсіп өнген шол далада,
Ансарын көпшіліктің олар тапқан.

Шәкәрімнің гажайып өнерімен
Табиғат пен сол күннің көркі ерен.
Жоңғардың жан түршігер зұлымдығын
Көркем сөзбен ап-айқын бере білген.

«Алқакөл сұлама» ғой есте қалған.
Сол казак «Елім-ай» деп ән шығарған.
Қазақтың ұланғайыр тарихында
«Ақтабан шұбырынды» зарлап жатқан.

Шыңғыстаудан аттанған бір заманда
Тобықты көшіп-қонды Сыр бойында.
Шағанның, Бұлантының шайқастары
Алда еді, тек қастандық болды мұнда.

Талай жай болған еді күнде арман,
Әнет-баба дөн үстінде ұмыт қалған.
Оның сөзі он шипа болған еді,
Кімде кім бұл өмірде болса адасқан.

Ырғызға да жетіпті қаңғыбастар,
Кенгір мен Ор алған беті о бастан.
Үш жүздің үш билері ақыл қосып,
Қол жинапты шығарар алпарыстан.

Әбілмансур бала кезден мал баққан.
Сабалақ деп атанып, есте қалған.
Жоңғарды жекпе-жекте жеңу үшін
«Абылай» деп бабасын ұрандатқан.

Хан Абылайды жеткізген Төле би ғой,
Бөгенбай мен Сабалақ салған атой.
Мейлінше шынығыпты көп ұрыста
Затынан дара туған шын ақылғой.

Жан-жактан ерлер жетті, тыным алмай:
Қабанбай, Раимбек те, Баян, Мамай.
Жәнібек пен Наурызбай, аласұрып,
Шауып келді, намысы ішке сыймай.

Ол Мамай он төрт жастың шамасында
Көзге түскен найзаның арқасында.
Жонғардың қатарлары сирегенде,
Мамай тұрған шайқастың он басында.

Төле бар, Әйтеке мен Қазыбек би,
Үш жүздің басын қосып, бірге ылғи.
Аталады ұрандай қошеметпен:
Оналды қазақ халқы қаңғи-қаңғи.

Халық реңін қайтарған қазақтарға
Сол билер мен батырлар таң атарда,
Туар деп Шыңғыстауда жұмбақ Абай
Тандағаны Мамайдың шыңды Орда...

II

Өсіп елі Сырдарья бауырында
Ешкімнен саспаған жан ғұмырында,
Ертігін алып күшін Мамай батыр
Сіңіріп, сақтап жүрген тамырында.

Зәре ұшар айғаймен шапқыншылар,
Сәбидің басын шаншып, алып ұшар
Шығыстан, ойран салып, жеткен залал
Берекені ұшырып, опат болар.

Қырды Мамай жауды мықты құлашымен,
Сарбаздар қайсар болды қолбасшымен
Батырдың мықты тапқыр тәсілінен,
Кей жонғар аман қалды қашуменен.

Дегенмен ойраттардың зұлымдығы
Айнала мал мен жанды қоса қырды
Қалмақ келді деп уатқан сәбилерін
Қазақтар сан ат қойған, бір қызығы.

Севен-Раптан хунтайжи болған қатал,
Жылдар бойы қазаққа жасап залал
Орына келген оның Тағдан Серен
Одан асқан зұлымдыққа құрған амал.

Төрт жүз жылдай даланың тұрғындарын
Қажады, ылғи тоғиі сұм қапарын.
Сол бабалар жонғардың күйрейтінін
Ангарған, шабыстарда сақтап арын.

Мамайдың ерлігінің ақауы жоқ,-
Бағыр деп аталмаған ол кездейсоқ.
Жеңістің туын талай желбіреткен
Мамайға Абылайдың көңілі тоқ.

Бүгінде біреулердің қызғанғаны
Кен байтақ казак жерін, шекараны-
Көре алмаудың күйбіні, баска емес:
Батырлар қорғап қалған Сарыарқаны.

Аяғөздің маңында өткен шайқас,
Жонғардың жеңілгені болыпты рас.
Құрбандыққа шалып беріп бас тұлпарын,
Жеңілгенін тап мойындап, сыйлаған бас.

Әулие үңгіріне барған шақта,
Көресің көп бейітті осы жақта.
Сол жонғардың молаларын көрген сайын,
Мамай батыр елестейді сан жорықта.

Қуә оған Шағанның жоталары,
Жайылған жорғалаған отарлары.
Тәуелсіз ел тарихын жазылмаған
Танығар Шыңғыстаудың Ордалары¹.

Апырақай жазығы бар Балқаш көлде,
Жонғарлар жеңіліпті, қашып мүлде.
Сонда қырған талайын Мамай батыр,
Ондай шайқас болмапты бұл өңірде.

Жау қашты Жонғардың қақпасымен.
Шекара белгіленді Бақтыменен.
Оз елін көп ойлаған батыр Мамай
Кен жайлауды бос жатқан көріп білген.

Атырапты Уақ пен Найман қоныстаған,
Көршілес кен аймақта мәңгі болған.
Қазақстанның кен байтақ жері десе,
Бас қосып, бұлар жауға үре тұрған...

¹Абай ауданының Архат ауылы маңында Үлкен Орда, Кіші Орда деген таулар бар

Абай айтқан ұрпақтың алмасуын,
 Білеміз Шәкәрімнің үн қосуын.
 Екеуі де данышпан жол сілтеген,
 Көріп- біліп бостандықтың нақ аулын.

Шығуда бодандықтың құрсауынан
 Ұмтылдық осылардың ансауынан.
 Намысқа толы болған өлеңдерін
 Жаттап өсті әр қазақ бала жастан.

Мамайда тәңірі берген тоғыз ұл:
 Оларсыз болар еді өмірі тұл.
 Өлерін сезгеннен соң, жинап алып,
 Соңғы сөзін айтыпты, көріп мақұл.

Токсан жаста, мүлде емес келеке,
 Батыр Мамай шығыпты жекпе жекке.
 Көп еңбегі сіңген оның өз еліне,-
 Әкелген халқына ол тек береке.

Үш жыл ғана жүз жасқа жетпегені,
 Өмірде көп көргені мен білгені.
 Түркістанда Иассауи кешенінде
 Абылай ханның қасы еді меңзегені.

-Қалсын мәңгі осы жерде жүрегім,-
 Дегіті батыр, -Архат-менін өзегім,-
 Ұрпақтардың жалғасуын білген ғой,
 Болса да ол уақытта жасөспірім.

Абайдың ауданы бар, жаңғырыпты,
 Мамайдың ұрпақтары ру болыпты.
 Енді міне сол аудан бастан аяқ
 Мұражайдай жәдігермен құлпырыпты.

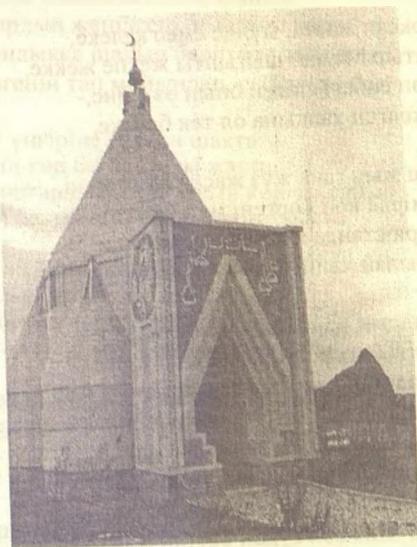
Батырдың болғаны ғой тегі күшті:
 Ұрпақтарының даңқы құстай ұшты.
 Архаттан шықты ерлер орындаған
 Отаны алға қойған зор борышты.

Олардын ісі-үлгі мәңгібаки.
Баян кызы тұрады есте ылғи.
Орыстармен жарыса, окка ұшқанша,
Берлинге де жетіпті алға қарғи...

Жарқырап жұлдыздары қысы-жазы,
Оралды Закария мен Серікказы¹.
Мақтандық ерлермен біз, сыныптастар,
Тез есейдік, оларға болып разы.

Еңбектегі даңқына болдык құштар
Бекембай мен Болаттын² алып ұшқан,
Ерлермен болғандаймыз бір жанұя,
Жүрегіміз оларды түгел құшқан...

«Семей таны» газеті, 27 желтоқсан 2011 жыл.



Нагробный памятник в ауле Архат Абайского района ВКО, где по завещанию батыра
Мамаю похоронено его сердце, а тело сохранено до весны и погребено у Мавзолея
Ахмета Яссауи в Туркестане.

¹ Кеңес Одағының батырлары Серікказы Бекбосынов, Закария Белібаев және орден иегері Баян Байғожина.

² Кеңес Одағының Еңбек ерлері Болат Бағдатов және Бекембай Әбжанов.

ӨМІР ЖАЛҒАСАДЫ

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ



Сакен Сейфуллин: славный сын казахского народа.

Семьдесят пять лет назад, 12-13 июля 1936 года, Казахстан праздновал двадцатилетний юбилей литературной работы и творческой деятельности широко известного писателя Сакена Сейфуллина. Торжественное собрание проводилось во Дворце культуры, расположенном на пересечении улиц 8 марта и Комсомольской. На сцену Сейфуллина выводил под руку первый секретарь крайкома ВКП(б) Левон Исаевич

Мирзоян, который потом был репрессирован 26 февраля 1939 года.

Крайне поразило всенародно признанного писателя и классика казахской литературы Сакена Сейфуллина специальное постановление Центрального Исполнительного Комитета Казахстана, где были такие пункты:

“1. Присвоить имя Сакена Сейфуллина Семипалатинскому учительскому институту, казахской средней школе, станции Алма-Ата, улице Училищная в Акмолинске, улице Набережная в Кокчетаве.

2. Присвоить имя Сакена Сейфуллина разъезду №11, откуда начинается Джезказганская ветвь Караганда-Балхашской железной дороги;

3. Выделить легковой автомобиль в личное пользование Сейфуллина”.

Уже в следующем году началась систематическая травля и последовательные гонения официально признанного писателя и мэтра казахской литературы, что привело к его аресту в сентябре 1937 года.

Сакен (Садуакас) Сейфуллин родился 15 октября 1894 года в Жанаркинском районе нынешней Карагандинской области.

Вначале Сакен учился у муллы в родном ауле. Затем ему довелось обучаться в русско-казахской, начальной приходской школе (1905-1908), в 1913-1916 годах - в городском трёхклассном училище в Акмолинске. В это время он начинает писать стихи. Принимает участие в молодёжном просветительском кружке “Единство”. Отец его Сейфулла был незаурядным домбристом, а мать Жамал была искусной рассказчицей и способной исполнительницей народных песен. Так с раннего детства Сакен (Садуакас) приобщился к искусству и поэзии.

В 1914 году в Казане С. Сейфуллин выпустил первый сборник стихов "Өткен күндер" - "Минувшие дни".

В 1917 году он открыл в ауле Бугылы школу, где сам преподавал русский язык.

Вскоре Сакен переехал в Акмолинск, где организовал кружок "Молодой казах", участвовал в выпуске газеты "Тіршілік" - "Жизнь" и преподавал на трёхмесячных педкурсах. В том же 1917 году Сакен Сейфуллин принимает активное участие в революционных событиях и становится одним из руководителей Акмолинского Совдепа.

В апреле 1918 года молодой Сакен написал песню "Жас казак марсельезасы" - "Марсельеза молодого казаха" и первого мая состоялась премьера его пьесы "Бақыт жолында" - "На пути к счастью".

4 июня 1918 года состоялась восстание белогвардейцев, в результате которого члены совдепа Акмолинска были арестованы. Сакену Сейфуллину 47 дней пришлось бороться с неминуемой гибелью в "вагоне смерти" атамана Анненкова.

3 апреля 1919 года Сейфуллин устроил побег из тюрьмы Колчака в Омске...

Творчество Сакена Сейфуллина также отличалась стремлением к новизне, новаторскими изысканиями, которые исходили от традиций Абая, Шакарима и таких представителей демократической литературы дореволюционного периода, как С. Торайгыров, С. Кубеев, М. Сералин, С. Донентаев и др.

В 1922 году Сакен Сейфуллин становится редактором республиканской газеты "Еңбекші казак" - "Трудящийся казах" и был назначен заместителем Комиссара Народного Образования.

На третьем съезде Советов Казахской АССР С. Сейфуллин был избран председателем Совета Народных Комиссаров. На этой должности он проработал три года с 1922 по 1925, считаясь самым молодым председателем Совнаркома.

Также Сакен (Садуакас) Сейфуллин был первым председателем Казахской ассоциации пролетарских писателей (Каз АПП) в 1925-1929 годы.

В дальнейшем он постоянно бывал членом Президиума правления Союза писателей Казахстана, был делегатом Первого Всесоюзного съезда писателей, которым руководил Максим Горький.

В коммунистическую партию Сакен Сейфуллин вступил в 1918 году. До и после этого он был среди активных участников установления Советской власти в Казахстане, участвовал в Гражданской войне. Обо всём этом довольно убедительно написано в первом казахском мемуарном романе "Тар жол, тайгак кешу" - "Тернистый путь".

Особое отношение было у Сакена Сейфуллина к партии Алаш-Орды. Ему импонировали учёность и образованность лидеров Алашской партии. Он поддерживал внутренне их стремление к суверенитету и независимости Казахстана. Но никак не мог поддерживать солидарность с байско-феодалной верхушкой и классовыми врагами, приверженность их к ханской структуре

власти. Примерно с такой позиции создавались произведения крупнейших представителей казахской новой литературы, как Мухтар Ауэзов, Габит Мусрепов, Сабит Муканов, Габиден Мустафин, Абдильда Тажибаев, Такен Алимкулов, Касым Аманжолов, Абдижамил Нурпеисов, Мукагали Макатаев, Толеген Айбергенов, Кадыр Мырзалиев, Азильхан Нуршаханов.

Например, в исторической пьесе А. Тажибаева "Майра" выведен образ типичного алашордынца Дурбита, который учился в Стамбуле, элегантно одевался, носил турецкую феску и чёрную трость – кара таяк. В конце пьесы его убивает большевик Мурат... В 60-е годы прошлого столетия народный театр "Энтузиаст" в нашем городском Доме культуры показал эту драму на русском языке в постановке режиссёра, Почётного гражданина Семья Игоря Константиновича Вишневого, что имело ошеломляющий успех, поэтому была представлена сцена Областного театра им. Абая.

В 1936 году Сакен Сейфуллин первым среди казахских писателей был награждён орденом Трудового Красного Знамени. Но уже в следующем году в сентябре 1937 года Сакен Сейфуллин был арестован и заключен в тюрьму.

Имеются воспоминание супруги писателя Гульбахрам Батырбековой-Сейфуллиной, опубликованное в книге "О чём не говорили. А., Жалын", 1990".

Сакен Сейфуллин внёс большой вклад для зарождения и развития новой казахской литературы. Его перу принадлежат поэмы и стихи "Кокшетау", "Экспресс", "Советстан", "Альбатрос", "Красный конь". Начиная новые жанры в казахской литературе, он написал мемуарный роман "Тернистый путь", пьесы "Путь к счастью", "Красные соколы", которые с успехом шли на сценах казахских театров.

Когда Сакен Сейфуллин был заточён в застенки, состоялось первое и последнее свидание Гульбахрам – апаи со своим мужем Сакеном - Садуакасом, великим узником, о чём она впоследствии вспоминала так: "...Там уже сидел человек, вернее то, что от него осталось. Серое лицо, щеки ввалились, нижняя челюсть, обтянутая иссохшей кожей, выдавалась вперед, угасший, отрешённый взгляд устремлён в пол...И это - мой Сакен... Всего полгода назад он был веселым, здоровым человеком. Что же они с тобой сделали, если твои чёрные волосы побелели?..."

- ...Мои дела неплохие,- прохрипел он, дважды проведя правой рукой по колену.

Наверное, он хотел сказать, что дело его закончено и что он одной ногой уже в могиле, вот и давал знать. Но об этом я догадалась потом.

Таким было наше первое и последнее свидание.

Гораздо позднее я узнала, что ровно через двадцать дней, 28-февраля 1938 года, Сакен Сейфуллин был расстрелян".(Там же, с.73).

Да и самой Гульбахрам Батырбековой – Сейфуллиной пришлось пройти все круги ада через Алжир (Акмолинский лагерь жён изменников Родины), похоронить на той земле и единственного маленького сына Аяна, могилку-холмик которого так ей и не удалось найти впоследствии...

Вот так волей судьбы и тоталитарного режима выдающийся государственный деятель, писатель-классик, один из основоположников новой казахской литературы Сакен (Садуакас) Сейфуллин, не прожив даже полвека, совсем молодым ушел из жизни.

В новой столице Казахстана Астане на пересечении улиц Сакена Сейфуллина и Мухтара Ауэзова "Музей Сейфуллина представлен в центре: В сосновых срубках ладен особняк". В 1895 году Союз писателей Казахстана учредил литературную премию имени Сакена Сейфуллина. В Алматы, Астане и в других городах Казахстана ныне именем славного сына казахского народа названы театры и школы, библиотеки и улицы.

В одной из своих статей мне доводилось вспомнить и написать о том, как в 1956 году преподаватель, незабвенный наставник, почетный профессор Каюм (Габдулкаюм) Мухамедханов вошёл в аудиторию необычно взволнованным и радостно объявил: "Казахская литература отныне черезвычайно обогатилась творчеством трёх крупнейших писателей. Полностью реабилитированы Сакен Сейфуллин, Ильяс Джансугуров и Бенимбет Майлин, чьи творческое наследие возвращены в духовную сокровищницу казахского народа".

Вот такое благое дело продолжилось и в дальнейшем с возвращением народу творческого наследия Ахмета Байтурсынова, Миржакыпа Дулатова, Жусупбека Аймаутова и Магжана Жумабаева.

Двадцатилетие независимости и суверенитета Республики Казахстана - поистине всенародный праздник, с которым искренне и от всей души поздравляю всех соотечественников, не подразделяя на нации и конфессии...

Газета «Вести Семей», 27.12.2011 г.

Әз-ағаның романдарының мәртебесі туралы

Алдымен казак әдебиетінің ең таңдаулы қаламгерлерінің бірі, майдангер-жазушының өмірбаянына біраз тоқтап кетсем деп едім. Әзілхан Нұршайықов бұрынғы Семей облысының Жарма ауданында дүниеге келген. Он төрт жасынан бастап қалам ұштауға үйір болады да өлеңдері мен корреспонденциялары аудандық, облыстық газеттерде және республикалық «Пионер» журналында жарыққа шыға бастайды.

Бір қызықтысы, ол майданға Семейдің педагогикалық институтының қабырғасынан студент болып жүрген жерінен аттанады. Інілік жылы сезіммен Әзілхан-аға сол аз уақыттың ішінде біздің ардақты ұстазымыз Қайым (Ғабдұлқайым) Мұхамедхановтың лекцияларына қатысып, тындап үлгергенін еске алатын. Бертін 2004 жылы Қайым-ұстазымыз 88 жасында дүниеден қайтты.

Майданда болған кезінде сержант-зеңбірекші өзінің өлеңдерін майдан газеттері беттерінде бастырып жүріпті. 1943 жылы Әзілхан Нұршайықов өзінің «Атамыз Жамбыл ақынға» деген өлеңін республикалық «Социалистік Қазақстан» газетінде жариялағаны белгілі. Сол кезде бұл өлең кеңінен танымал болып, тарап кеткен екен. Сондықтан болар Жамбыл Жабаев-атамыз оған арнайы өлеңмен жауап қатқан екен.

Соғыс аяқталғаннан соң 1945 жылы Әзілхан Нұршайықов сол кездегі С.М. Киров атындағы ҚазМУ-дың филология факультетіне оқуға түседі. Оны бітірісімен журналистік қызметке қызу кірісіп кетеді. Сол жылдары ол Павлодар облыстық «Қызылту» газетінің редакторы, «Социалистік Қазақстан» газеті редакторының орынбасары және «Қазақ әдебиті» газетінің бас редакторы болып қызмет атқарған.

Оның алғашқы очерктер кітабы «Алыс ауданда» деген атпен 1956 жылы басылып шықты. Ол кезде автор отыз төрт жаста ғана екен. Онан кейін «Махаббат жыры» (1964) повесі және тұңғыш романы «Махаббат, қызық мол жылдар» (1970) жарыққа шығады.

Талай орыс әдебиетінің классиктері, А.С. Пушкин мен Лев Толстойдан бастап, айтып кеткендеріне жүгінсек, көркем туындының ішкі мазмұны мен мән-мағынасын автордың ғұмырлық ұстанымы, толық өмірбаяны, оның ойлап, алға қойған идеясымен анықталып, орындалады. Осыған ұқсас ойларды қазақ әдебиеті тарихының аса ірі тұлғалары айтып кеткен. Нақтылай айтсақ, Шәкәрім Құдайбердиев діні мен ділі теріс адам баласына ғылым тек зыян болатынын өзінше «Сен ғылымға» атты толғау өлеңінде пайымдаған:

«Дүниені түзетуші,

Һәм бұзушы-бір ғылым.

Әрі зальым, әрі ғалым

Ел түбіне сол жетер»

Ұлы ақын және философтың бұл қағидасының түбінде терең де логикалық өміршең ой жатыр.

Шынында солай ғой, авторы қандай болса, оның көркем туындысы да сондай болып дүниеге келеді. «Махаббат, қызық мол жылдар» романының алғашқы беттерінен бастап, оқырманның көз алдына соғыстан жеңіспен оралған майдангер Ербол Есеновтың бейнесі бірден келеді. Өмір мен өлімнің арасында сұрапыл майданның жылдарын өткізген ол соғыс үзіп жіберген университеттегі оқуын жалғастыру үшін келіп, бірден үшінші курсқа түседі де өзінің басқа еркек атаулыдан жалғыз Жомартбек бар ылғи қыздардан құралған топта оқып кетеді. Осындай әйел балалардың ортасына ілігіп, түгін мен оқ-дәрінің несі әлі кете қоймаған, жалынды ұрыстарда шыныққан сарбаз Ербол басында жұмақтың саябағында періштелердің арасында жүргендей болса да өзін өте ыңғайсыз және ебдейсіз күйде сезінеді.

Өзгеше параллельдер мен салыстырма тенеулерге толы майдандық оқиғалар мен студенттік ортаның суреттеулері күлкілі сарындармен және ойда қаларлықтай сайқымазақ эпизодтарымен қызықтырады. Ал ең бастысы сол, автор соншалықты шын пейілімен оқиғаларды жеткізе білген, тіпті шығарманы басынан аяғына дейін өтіп жатқан желісінен ешбір алыстатпай оқырманын қызықтырады да баурап алады. Әсіресе көңілге қонымды және тартымды етіп курстасы Ментай мен отставкадағы сержант, ал қазір студент Ербол Есеновтың арасындағы шынайы да жүрекжарды махаббатын автор, еркін өргізіп, сана-сезімге қонымды етіп суреттеп берген.

«Махаббат, қызық мол жылдар» романы бірінші басылымынан бастап, оқырмандар арасында тез тарап, библиографиялық сирек кездесетін жәдігерге айналып кетіп жатады. Көптеген ұрпақтардың студенттері осы романды құмартып оқып, бүгінгі күнге дейін қызықтап келеді. Сондықтан болар Алматының «Атамұра» баспасы 2002 жылы он мың дана тиражымен тағы да қайталап басып шығарған еді.

«Ақиқат пен аңыз» (1976) роман-диалогын сөз қылардың алдынан азғана болса да оның алғы тарихына тоқталайық. Алғашқы соғыстан кейінгі жылдары біздің ішімізде, сол кезде мектеп оқушыларының арасында, бас кейіпкері біздің ардақты ағамыз Бауыржан Момышұлы болған Александр Бектің «Волоколамское шоссе» повесі өте үлкен сұраныс пен керемет қызықтап оқылуда болып еді. Сол уақытта Мәскеуді қорғауда және астанамыздың түбінде фашистік әскерді бірінші рет талқандауға қомақты үлес қосқан генерал Панфиловтың данқты дивизиясы туралы хикаялар тарап кеткенді. Ол кезде әсіресе жиырма сегіз гвардияшылдар-панфиловшылар туралы айтылып та, жазылып та жататын. Жастарға қуаныш тудырып, патриоттық сезімге бөлейтіні олардың тіпті жанын қиып, стратегиялық маңызды шепті қорғап қалуы мен ең жанкесті қиын кезде соңғы гранатамен қолында жаудың танкысының астына тап беріп жатып, қыратуы. Біз сол кездегі мектеп оқушылары, комиссар Василий Ключковтың «Отступить некуда. За нами - Москва» деген сөзін ұрандай жаттап алып, мақтанышпен айтып жүруші едік. Ол Қазақстанда құрылған Панфилов дивизиясынан деп шексіз мақтанып жүруші едік.

Міне сол кездерде, өткен ғасырдың елуінші жылдарында, менің қолыма кездейсоқ қалың мұқабамен түптелген сахнадан немесе эстрададан оқуға

жарап тұрған өлеңдер мен проза шығармаларынан үзінділер таңдалып енгізілген қалың кітап қолыма тиді. Бұл томнан көзіме оттай басылған танымал ақын Евгений Долматовскийдің «Қазақстан» деген бұрын маған беймәлім өлеңі. Осы күнге дейін ойымда жатталып қалған сол өлеңнен үзінді келтірейін:

Когда ты говоришь о Казахстане,
В моей солдатской памяти встают
Не пастбища в подоблачном тумане,
Не белой юрты войлочный уют,
А дождь и подмосковные осины
И осень в горестной своей красе,
Когда судьба Москвы и всей России
Сошлась к Волоколамскому шоссе.
На том шоссе, на той дороге узкой,
Плечом к плечу, как памятник в веках,
Стояли за Москву казах и русский,
Стояли насмерть русский и казах...

Әзілхан Нұршайықовтың «Ақиқат пен аңыз» атты роман-диалогында бас кейіпкер, әйгілі батыр, қолбасшы және жазушы Бауыржан Момышұлының өз аузынан сонау бала шағынан бастап, генерал И.В. Панфилов қаза тапқаннан кейін сол дивизияны абыроймен басқарып, жарқыраған Жеңіске жеткізгеніне дейін сюжеттің сұрапыл соғыс уақиғалары өрбиді. Бұл романы үшін Әз-аға 1980 жылы Абай атындағы Мемлекеттік сыйлыққа ие болып еді.

Өмірінің соңғы жылдары Бауыржан Момышұлы Алматыны тұрақты мекен етіп, әрдайым өзіміздің республикамыз бойынша және шет елдерге жолсапарға шығып тұратын, ардагерлер және жастармен кездесіп, жемісті де танымал жазушының дәрежесіне де жетіп еді. Оның қаламынан туындаған мынадай кітаптар жарық көрді: «За нами-Москва», «Наша семья», «Тулеген Тохтаров», «Генерал Панфилов», «Кубинские впечатления» және т.б. Айтпақшы, Баукен-ағамыз өзінің шығармаларын орыс тілінде жазатын еді.

Кейде ойға сыймайтын жағдай өмірде орын алып жатады. Осындай даңқы жер жаратын Бауыржан Момышұлы сияқты халықтың сүйікті батыры көзі тірісінде өзінің абыройына сай құрметтелмей жатады. Кенес Одағының Ері атағын оған өзі қайтыс болғаннан кейін біздің бірінші Президентіміз Н.Ә. Назарбаевтың тікелей қатысуымен ғана берілгені белгілі. Онымен қоймай кейбір мылжындар өзінің аман-сау кезінде неше түрлі ол туралы желаяқ сөздер мен қыршаңқы сайқымазактарды таратып жүретін. Ойлаймын, Әзілхан Нұршайықов осындайды да ескере отырып, өте мазмұнды да көзі тірісінде жарық көрген Бауыржан Момышұлы туралы тамаша романын «Ақиқат пен аңыз» деп атаған болу керек.

Ал өмірінің соңғы он жылында Әзілхан-аға негізінде барлық жағдайын өзінің жұбайы, жан жолдасы Халимаға, отбасына, балаларына, немерелеріне және шөберелеріне арналған «Мәңгілік махаббат жыры» (2005) деген соңғы романын жарыққа шығаруға, таратуға және көпшіліктің сана-сезіміне жеткізуге бағыштады.

Осы арада Семейдің орталығында Шәкәрім даңғылында тұратын майдангер досы, 4 жыл Ұлы Отан соғысында бірге болған, отставкадағы полковник Мұқан Омарбаев қатты ауырып жатып еді. Сонда көңілін сұрауға жартылай құпия Семейге Әзілхан-аға келіп кетті. Біз, бір топ ақын-жазушылар, журналистер және кітап сүйер оқырмандар, ішінде Ырысхан Мұсаұлы, Риза Молдашева, Мұратбек Оспанов бар, қарсы алып едік. Сол келгенінде бір сәтте

Батыс Қазақстанға барған жолсапарында болған көңілді кездесуін еске түсіріп, күлімсіреп, айтып еді. Бірден танылып қалған мұнайшы «Мәңгілік махаббат жыры» кітабын кеше сатып алған екен, тағы да келіп тұр дейді. Сен кеше бір данасын алып едің ғой десе, әлгі мұнайшы бұлай депті: «Әзекеннің «Мәңгілік махаббат жыры» кітабын әйелім, жастығының астына тығып қойып, жасырып оқиды. Мен өзіме жеке бір данасын сатып алайын дедім».

Сол жолы дәм татып отырған дастарқан басында Әзілхан Нұршайықовтың шығармаларын жақсы көріп оқитын бір әйел шын ниетімен айтып қалды: «Әз-ағаның «Махаббат, қызық мол жылдар» романын, жасырып ұстап, мектеп оқушысы болып жүріп, оқып шыққанмын. Жасырғанымның себебі, әке-шешем оны оқуға рұқсат бермейтін, демек ол кітаптің атында «махаббат» деген сөз бар екен. Кейінірек мен де білдім бұл сөздің Абайдың тамаша өлеңінен алынғанын».

Міне қымбатты Әз-ағаның, қазақ әдебиетінің классик жазушысы Әзілхан Нұршайықовтың арамыздан кетіп, Халима-жеңгеміздің Ақ-күмбезінің ішіне барып, мәңгілік жатқанына бір жылдан да асып кетті. Азиядаға қатысып, көк байрағымызды көтеріп жүргенде, Әз-ағамыз 90 жасына еркін жетіп, тойлаймыз деп едік. Амал қанша! Бірақ жүрегіміз оған сенгісі келмейді, қасымызда ол алтын адамның дауысы жылылығымен, тембрімен, мейірбандығымен әлі естіледі де тұрады...

Семей, 2012 жыл.



Мурат Султанбеков с супругой
Күльзадой Мағауияновной и внуками
Галимой, Ануаром и Амиром.
Астана, 2006 год.



М.Р. Сұлтанбеков ортаншы баласы
Ержанның жанұясымен
(солдан оңға қарай): немересі Әмір,
Мұрат Рахимжанұлы, Әмина, Дария,
Жанар Айдарханқызы және зайыбы
Күлзада Мағауияқызы.
Астана, 2009 жыл.



Слева направо сидит: Зарыкбек Кузетаев, Ырысхан Мусин, Азильхан Нуршаилов, Мурат Султанбеков.
 Стоят: Шолпан Иманкулова, Риза Молдашева, Турсынгазы Рахимов, Карлыгаш Аямбекова,
 Сауле Биназарова



На первом ряду слева направо: Ильяс Исаханов, Райхан Ахметова, Рысхан Мусаулы (главный редактор), Мурат Султанбеков, Мергали Ибраев, Муратбек Оспанов, на втором ряду: Асан Омаров, Омиртай Сексенбаев, Аманжолды Айкебаев, Балтабек Ерсалимов и Молдабек Жанболатов

Наш Семей.

Известен был Семей и в древнем мире.
За гуннами пришел сюда Чингис.
А тюрки с песней были ближе к лире,
За что акыны славились на «бис».

С веками в Прииртышье мир менялся:
Посланники степей с руин преград
Смотрели на зарю, где зарождался
Приречный новый город –
Семь Палат.

Гордимся мы Семеем нашим славным,
Поскольку свят трех генеев исток!
Абай, Мухтар и Шакарим землянам
Порождены эпохой в должный срок!

Семипалатинск связан с полигоном,
Что в трепет души приводил людей.
Он в спор вступал отважно с Пентагоном
И в доводах бывал его сильней.

Немало было и эпох, и воин.
Но не терял наш город добрый сан.
Хвалы сердечной снова он достоин,
Что началась для мира полоса.и

Висячий мост японского проекта
Поднял Иртыш на плечи в полный рост.
Взошли леса строительных объектов,
Фонтан на площади и мириады звезд.

Евразии стыковка в Жидебае,
Где жил Абай, свершая путь земной.
Здесь каждый житель, вспомнив про Абая,
За мир предстанет Чингистау – горой.

На острове иртышском есть то место,
Где Стела Мира,ласточек полет.
На форум мира,собираясь вместе,
Там люди разных стран зовут вперед.

Они и заложили первый камень
Музея Мира на ладонях рук.
Посланцы мира!
Семейчане с вами,
Наш мирный город-ваш надежный друг

Г-та «Вести - Семей», 21.09.2012 г.



*Астана. На ул. Сары Арки.
Слева направо: Гульжан, Рустем, Кульзада Магауиякызы,
(На руках) Жандос, Мурат Рахимжанулы, Ержан,
(сидят) Нльяс, Амири Азамат
Апрель 2010 год.*

Ана тілім.

Өмірдің қыратынан асқаннан соң
Өз тіліңнен безушілік қалды фасон.
Анаңның құрсағында тумай жатып,
Аңсайсың ана тілін естіген соң.

Ана тілін білмеген, ол бір сорлы,
Дәстүрін, ұлт қасиетін білмей, торлы.
Егерде басқа елге бара қалса,
Мәнкүрт деп, көрмейді ғой робот құрлы.

Дегенмен жібермеппін несібемді,
Кейбіреулер қазақ емес десіп еді
Абайдың көркем сөзі баурап алып,
Ішкі нәрін Мұхтар шіркін несіп етті.

Алайда ара болып, сөз асылын
Шірнедей теріппін ғой гүл басының.
Алыста қалды қайран жиырма бес,
Қасында жүрер ме едім бір Қасымның¹.

Сонда да ризамын мен тағдырыма,
Аз болған ой-шұңқыры, адырына.
Шешемнен айырылып ем капелімде,
Сен жұбаттың, оралып, тілім-ана...

¹Қасым Аманжолов (1911-1955) – қазақ поэзиясының классигі, ардагер акын – майдангер.

МАЗМУНЫ СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
СИНИЙ МЕРИДИАН <i>Матросская повесть</i>	8

АЛАШОРДА

Звезда Алихана Букейханова.....	145
Три сокола казахской литературы.....	157
Миржакып Дулатов.....	164
Жусипбек Аймаутов.....	166
Магжан Жумабаев.....	170
Әдебиет пен тарих үзеңгілес еді ғой.....	173
Жас Мұхтар Семейде.....	183
О популярности романов Азильхана Нуршаихова.....	190
Ұмытылмайтын ғылыми жетекшім.....	194

АТТИЛА

(Екі бөлімді, бес актілі тарихи пьеса)	205
«Қазақтың түп атасы» атты поэма – толғауынан үзінді.....	254

АТТИЛА

Историческая пьеса в двух частях и пяти актах.....	255
Размышляя об Аттиле.....	298

ВОЗВРАЩЕННЫЕ ИМЕНА:

Аттила Мундзукулы.....	301
Аттила медалі – әріптесімізде.....	305

Абылайдың Мамай батыры

Поэма-толғау.....	306
-------------------	-----

ӨМІР ЖАЛҒАСАДЫ. ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Сакен Сейфуллин: славный сын казахского народа.....	311
Өз-ағаның романдарының мәртебесі туралы.....	315
Наш Семей.....	320
Ана тілім.....	322

Мұрат СҰЛТАНБЕКОВ

СИНИЙ МЕРИДИАН

АЛАШОРДА

АТТИЛА

Қазақ және орыс тілдерінде
На казахском и русском языках

Матросская повесть, статьи, поэзия и пьеса

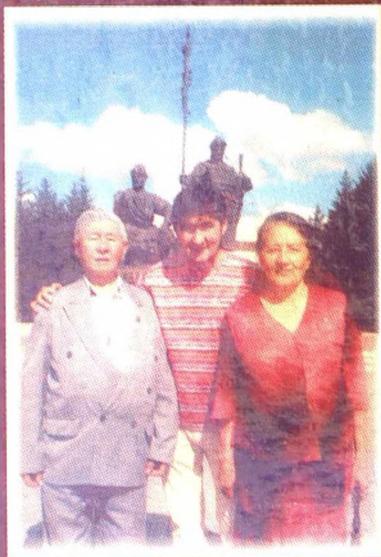
Редактор Олжас Султанбеков
Дизайнер-верстальщик Фарид Карсакова
Корректор Кульзада Магауияқызы
Технический редактор Анар Бекбаева

Цена договорная
Отпечатано с готовых диапозитивов
Тираж 500 экз.
Отпечатано в ПК «Семей Печать»
Тел: 56-62-18

11
12
A
11
12
13
M
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100



*Будучи на военной службе старшим матросом
Тихоокеанского флота в 1964 году
написал первые страницы своей
матросской повести "Синий меридиан"
М.С.*



*Мурат Рахимжанулы Султанбеков с супругой Кульзадой Магауиякызы и
сыном Ержаном, магистром делового администрирования.
У памятника ханам Жанибеку и Керюю,
расположенного перед главным входом в музей
Первого Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева.
Астана. Лето 2012 г.*